

* Pol. g. *

1081

с/20,1

Ленин

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XX

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

Ч. I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

Б

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XX

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

Часть I

1895 — 1915 гг.

31-55 тысяч

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА   1926   ЛЕНИНГРАД

Печатается по постановлению
IX съезда РКП.

Гиз № 12243,
Ленинградский Гублит № 13933,
36¹/₄ л. Тираж 25.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дополнительным томом заканчивается первое издание Собрания сочинений В. И. Ленина. Необходимость дополнительного тома объясняется трудностями собирания литературного наследия Владимира Ильича при полном отсутствии библиографических справочников по литературе большевизма и коммунизма.

В дополнительный том вошли те работы Ленина, которые или были нам недоступны при печатании первого издания благодаря отсутствию в Москве комплектов соответствующих изданий (прокламаций, журналов, газет), или были опущены при просмотре этих изданий из-за недостаточной уверенности в принадлежности их перу Владимира Ильича. Наконец, разбор архива Владимира Ильича дал нам возможность ввести в дополнительный том те его работы, которые — по тем или другим причинам — не были опубликованы при жизни Владимира Ильича. В нескольких случаях (статьи: «Карл Маркс», 1914 г., и др.) мы нашли необходимым перепечатать в дополнительном томе статьи, уже напечатанные в основных томах, ибо вновь найденные рукописи дают гораздо более расширенный текст, чем тот, которым мы пользовались при издании соответствующих томов Собрания сочинений. В приложении ко второй части даны репортерские отчеты о речах Владимира Ильича на митингах в Москве в 1918 г., поскольку об этих речах не сохранилось других, более точных записей.

Сохраняя общий тип первого издания Собрания сочинений, мы не вводили в дополнительный том писем Владимира Ильича, а также и тех материалов, которые имеются в Институте Ленина, но еще не были опубликованы. Эти материалы (а равно и письма) найдут свое место во втором, дополненном и исправленном, издании сочинений Ленина, к печатанию которого уже приступлено. Полностью же все материалы Института Ленина (включая сюда варианты, планы статей и брошюр, заметки, подготовительные работы, правительственные распоряжения, телеграммы и пр. и пр.) войдут в подготовляемое

IV

Институтом Ленина полное издание трудов Ленина, которому мы имеем в виду придать исчерпывающий все письменное наследие Владимира Ильича характер.

Во всяком случае, первое издание Собрания сочинений вместе с дополнительным томом дает в руки читателю все существенное из написанного нашим учителем, великим теоретиком и практиком пролетарской революции.

Примечания к настоящему тому даны лишь в самых необходимых случаях.

Л. Каменев.

Декабрь 1925 г.

1895 ГОД

Фридрих Энгельс.

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того, чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавят человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но когда два друга в 40-х годах

приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только язву, с ужасом смотрели они, как с ростом промышленности растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 г. в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в приказчики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своим научным и политическим образованием. Еще гимназистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновников. Занятия философией повели его дальше. В то время в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского госу-

дарства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — учение Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права, и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, — почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля и русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была идеалистической. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития *), отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегелианцам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе

---

*) Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и, в частности, Гегелю. «Без немецкой философии, — говорит Энгельс, — не было бы и научного социализма».

сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии, в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса, как автора «Положение рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, чеудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов

и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-французском журнале» Маркса и Ругэ «Критические очерки по политической экономии», в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практической деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов», который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты», издававшейся в Кельне. Оба друга были душой всех революционно-демократиче-

ских стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х г.г. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон, и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук)*), «Происхождение семьи, собственности и государства» (перев. на русский яз., издано в С.-Петербурге, 3-е изд. 1895 г.), «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примеч. Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в женевском «Социал-Демократе», №№ 1 и 2), замечательные статьи о квартирном вопросе, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич. Женева, 1894). Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный

---

*) Это удивительно содержательная и поучительная книга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892).

труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III томов «Капитала». В 1885 г. он издал II-й, а в 1894 г. III-й том (IV-й том он не успел обработать). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда, — и, в общем, совершенно справедливо, — ставил себя позади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку». Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—49 г.г. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное Общество Рабочих» и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного Общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного Общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возросло, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран, — напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с рус-

скими революционерами. Оба они сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими, именно в политическом отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испуганных революционеров самый сочувственный отклик. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом» — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные политические права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России, как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном сраивании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

*Написано во второй половине 1895 г.
Напечатано в „Работнике“ № 1 : 2,
Женева, 1896 г.
Без подписи.*

Гимназические хозяйства и исправительные гимназии.

(«Русское Богатство».)

Давно известно решение вопроса о капитализме в России, предлагаемое народниками и представляемое в последнее время всего рельефнее «Русским Богатством». Не отрицая наличности капитализма, будучи вынуждены признать его развитие, народники считают, однако, наш капитализм не естественным и необходимым процессом, завершающим вековое развитие товарного хозяйства в России, а случайностью, не имеющей прочных корней, означающей лишь отклонение с пути, предписываемого всей исторической жизнью нации. «Мы должны» — говорят народники — «выбрать иные пути для отечества», сойти с пути капитализма и «обмирщить» производство, пользуясь наличными силами «всего» «общества», которое-де начинает уже убеждаться в несостоятельности капитализма.

Очевидно, что ежели возможно выбрать иной путь для отечества, ежели все общество начинает понимать необходимость этого, тогда «обмирщение» производства не представляет больших трудностей и не требует известного подготовительного исторического периода. Стоит только выработать план такого обмирщения и убедить кого следует в его осуществимости, — и «отечество» свернет с ошибочного пути капитализма на дорогу обобществления.

Всякий понимает, какой громадный интерес должен представлять подобный план, обещающий столь радужные перспективы, а потому русская публика должна быть очень благодарна г-ну Южакову, одному из постоянных сотрудников «Рус. Богатства», за то что он взял на себя труд разработать подобный план. В майской книге «Р. Бог.» находим его статью: «Просветительная утопия» с подзаголовком: «план всенародного обязательного среднего образования».

Какое же отношение имеет это к «обмирщению» производства? — спросит читатель. Самое непосредственное, так как план

г-на Южакова очень широк. Автор проектирует учреждение в каждой волости гимназии, включающей все население мужского и женского пола школьного возраста (8 — 20 лет, максимум до 25 лет). Такие гимназии должны представлять собой производительные ассоциации, ведущие земледельческое и нравственное хозяйство, не только содержащее своим трудом население гимназий (составляющее, по г. Южакову, пятую часть всего населения), но дающие сверх того средства для содержания всего детского населения. Подробный расчет, сделанный автором для одной типичной гимназии — волости (она же — «гимназия-ферма», «гимназическое хозяйство» или «земледельческая гимназия»), показывает, что всего-на-всего гимназия будет содержать свыше половины всего местного населения. Если мы примем во внимание, что каждая такая гимназия (всего их проектируется на Россию 20.000 двойных гимназий, т.-е. 20.000 мужских и 20.000 женских) снабжается землей и средствами производства (имеется в виду выпустить земские с правительственной гарантией облигации с $4\frac{1}{2}\%$ платежа и $1\frac{1}{2}\%$ погашения), — то мы поймем, насколько в самом деле «план» г-на Южакова является «огромным». Производство обобществляется для целой половины населения. Сразу, значит, выбирается иной путь для отечества! И это достигается «без всяких затрат (sic!) со стороны правительства, земства и народа». Это «кажется утопией только с первого взгляда», а на самом деле «гораздо осуществимее всенародного начального образования». Г. Южаков свидетельствует, что необходимая для этого финансовая операция «не представляется химерой и утопией» и достигается не только, как мы видели, без затрат, без всяких затрат, но даже без изменения «установившихся учебных планов»!! Г. Южаков совершенно справедливо замечает, что «все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования». Он говорит, правда, что он «не задавался целью составить исполнительный проект», но его изложение дает и предполагаемое число учеников и учениц на гимназию, и расчет рабочих сил, потребных для содержания всего населения гимназий, и перечисление педагогического и административного персонала, с указанием как довольствия членов гимназии натурой, так и денежного жалованья педагогам, врачам, техникам и мастерам. Автор подробно рассчитывает число рабочих дней, необходимых для земледельческих работ, количество земли, необходимой для каждой гимназии, и денежных средств, требующихся для первоначального обзаведения. Он предусматривает судьбу, с одной стороны, инородцев

и сектантов, которые не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования, а с другой стороны, лиц, удаляемых из гимназий за порочное поведение. Расчеты автора не ограничиваются одной типической гимназией. Ни в каком случае. Он ставит вопрос об осуществлении всех 20.000 двойных гимназий и дает указания на то, как добыть потребное для этого количество земли и как обеспечить «удовлетворительный персонал учащихся, администраторов и хозяев».

Понятно, какой захватывающий интерес представляет подобный план, — интерес не только теоретический (очевидно, что столь конкретно разработанный план обмирщения производства должен окончательно убедить всех скептиков и уничтожить всех отрицающих осуществимость подобных планов), но и живой практический интерес. Было бы странно, если бы на проект организации всенародного обязательного среднего образования не обратило внимания высшее правительство, особенно, когда автор предложения решительно утверждает, что дело обойдется «без всяких затрат» и «встретит препятствия не столько со стороны финансовых и экономических условий задачи, сколько со стороны условий культурных», которые, однако, «не непреодолимы». Такой проект непосредственно затрагивает не только министерство народного просвещения, но равным образом и министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство земледелия и даже, как мы увидим ниже, министерство военное. В министерство юстиции должны будут отойти, по всей вероятности, проектируемые «исправительные гимназии». Нельзя сомневаться, что и остальные министерства будут заинтересованы этим проектом, который, по словам г. Южакова, «ответит всем вышеперечисленным потребностям (т.-е. образования и содержания), а, вероятно, и многим другим».

Мы уверены поэтому, что читатель не посетует на нас, если мы займемся подробным рассмотрением этого высоко-замечательного проекта.

Основная мысль г. Южакова заключается в следующем: летнее время освобождается совершенно от учебных занятий и посвящается земледельческой работе. Далее, ученики, кончившие гимназию, остаются на некоторое время при ней в качестве работников; они исполняют зимние работы и употребляются на работы промысловые, которые дополняют собой земледельческие и дают возможность каждой гимназии трудами рук своих содержать всех учеников и рабочих, весь персонал учащихся и администрации и покрывать расходы на образо-

вание. Подобные гимназии — справедливо говорит г. Южаков — явились бы большими земледельческими артелями. Это последнее выражение не оставляет, между прочим, уже ни малейшего сомнения в том, что мы вправе рассматривать план г. Южакова, как первые шаги народнического «обмирщения производства, как часть» того нового пути, который должна выбрать Россия, чтобы избежать перипетий капитализма. •

«В настоящее время — рассуждает г. Южаков — оканчивают гимназию в возрасте 18 — 20 лет, а порой запаздывают на 1 — 2 года. При обязательном обучении... запаздывание станет еще распространеннее. Оканчивать будут позже, а три старших класса будут состоять из возрастов от 16 до 25 лет, если именно 25 лет будет предельный возраст для увольнения без окончания курса. Таким образом, принимая во внимание добавочный контингент великовозрастных пятиклассников, можно смело считать около трети учащихся в гимназии... в возрасте рабочем». Если даже процент этот понизить до четверти, как рассчитывает далее автор, присоединяя к 8 классам гимназии 2 класса для подготовительной начальной школы (принимались бы восьмилетние безграмотные ребята), — все-таки получим очень большое число рабочих, которые, с помощью полурбочих, справятся с летней работой. Но «десятиклассная гимназия-ферма — основательно замечает г. Южаков — потребует необходимо известный контингент зимних рабочих». Откуда же взять их? Автор предлагает два выхода: 1) наем рабочих («из которых некоторые заслуженные могли бы приобщаться к доходам»). Гимназическое хозяйство должно быть доходным хозяйством и оправдать такой наем. Но автору «представляется важнее другой выход»: 2) окончившие курс гимназии будут обязаны отработать затраты на их учение и содержание в младших классах. Это их «прямая обязанность» — добавляет г. Южаков — разумеется, обязанность только для тех, кто не может уплатить стоимость учения. Они-то составят необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних.

Такова первая черта проектируемой организации, долженствующей «обмирщить» в земледельческие артели одну пятую часть населения. Мы уже на ней можем видеть, какого качества будет выбор иного пути для отечества. Наемный труд, служащий в настоящее время единственным источником жизни для лиц, которые «не могут уплатить стоимости учения» и жизни, заменяется обязательным даровым трудом. Но мы не должны смущаться этим: не следует забывать, что за это население будет пользоваться благами всеобщего среднего образования.

Пойдем далее. Автор проектирует отдельные мужские и женские гимназии, снисходя к господствующему на континенте Европы предубеждению против совместного обучения, которое собственно было бы рациональнее. «50 учеников на класс или 500 на все десять классов или 1.000 на гимназическое хозяйство (500 мальчиков и 500 девочек) будет вполне нормальным составом» средней гимназии. В ней будет 125 «пар рабочих» и соответствующее число полурабочих. «Если я замечу — говорит Южаков, — что это число рабочих способно обработать, напр., в Малороссии 2.500 дес. культурной полевой земли, то всякий поймет, какую громадную силу представляет труд гимназии»!..

Но сверх этих рабочих будут еще «постоянные рабочие», «отрабатывающие» образование и содержание. Сколько их будет? Ежегодный выпуск будет 45 учеников и учениц. Треть учеников будет отбывать воинскую повинность (ныне отбывает четверть. Автор увеличивает это число до трети, сокращая срок службы до 3-х лет) в течение 3-х лет. «Не будет несправедливостью поставить в те же условия и остальные две трети, т.-е. удерживать их при гимназиях для отработки цены собственного образования, а также образования товарищей, ушедших под знамена. Все девушки также могут быть удержаны для того же».

Организация новых порядков, устраивающихся в отечестве, выбравшем иной путь, обрисовывается все с большей определенностью. Ныне все русские подданные считаются обязанными нести воинскую повинность и, так как число лиц призывного возраста более числа требуемых воинов, то последние выбираются по жребию. В обмиршенном производстве рекруты будут тоже выбираться по жребию, но остальных предполагается «поставить в те же условия», т.-е. обязать провести три года на службе, не военной, правда, а в работах на гимназию. Они должны отрабатывать цену содержания товарищей, ушедших под знамена. Все ли должны отрабатывать? Нет. Только те, кто не может уплатить стоимость учения. Автор выставил уже выше эту оговорку, а ниже мы увидим, что для лиц, которые в состоянии платить за учение, он вообще проектирует особые гимназии, сохраняющие старый тип. Почему же, спрашивается, отработка содержания товарищей, ушедших под знамена, возлагается на тех, кто не может уплатить стоимость учения? а не на тех, кто может? Очень понятно, почему. Если гимназисты будут разделяться на платящих и даровых, то очевидно, что современное строение общества реформой не затрагивается: это сознает прекрасно и сам г. Южаков. А если так, то понятно, что общие расходы государства (на солдат)

будут нести те, которые не имеют средств к жизни *), — точно так же, как они теперь несут их в форме, напр., косвенных налогов и т. п. В чем же отличие нового строя? В том, что ныне не имеющие средств могут продать рабочую силу, а в новом строе они будут обязаны работать даром (т.-е. за одно содержание). Не может подлежать ни малейшему сомнению, что Россия избегает таким образом всех перипетий капиталистического строя. Вольнонаемный труд, грозящий «язвой пролетариата», изгоняется и уступает место... даровому обязательному труду.

И нет ничего удивительного, что люди, поставленные в отношении дарового обязательного труда, оказываются в условиях, соответствующих этим отношениям. Слушайте, что говорит нам народник («друг народа») непосредственно вслед за предыдущим:

«Если при этом будут разрешены браки между такими окончившими курс и оставшимися на 3 года при гимназии молодыми людьми; если будут устроены отдельные помещения для семейных рабочих и если доходы гимназии позволят ей при их удалении из гимназии выдавать хотя скромное пособие деньгами и натурой, то такое трехлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно, чем воинская повинность»...

Не очевидно ли, что такие льготные условия заставят население всеми силами души стремиться попасть в гимназию? Посудите сами: во-первых, разрешено будет вступить в брак. Правда, по ныне действующим гражданским законам, такого разрешения (от начальства) вообще не требуется. Но примите во внимание, что ведь это будут гимназисты и гимназистки, — правда, достигающие 25-летнего возраста, но все-таки гимназисты. Если студентам университета не разрешаются браки, то можно ли было разрешить их гимназистам. И притом, ведь разрешение будет зависеть от начальства гимназии, следовательно, от людей с высшим образованием: ясно, что нет оснований бояться злоупотреблений. Кончившие гимназию и оставшиеся при ней постоянными рабочими, однако, уже не гимназисты. И тем не менее и по отношению к ним идет речь о разрешении браков — по отношению к лицам 21—27 лет. Нельзя не сознаться, что новый путь, выбранный отечеством, сопряжен с некоторым уменьшением гражданской правоспособности русских граждан, но надо признаться, что блага всеобщего среднего образования не могут же быть приобретены без жертв. Во-вторых, для семейных рабочих будут устроены

---

*) Иначе не поддерживалось бы господство первых над последними.

отдельные помещения, вероятно, не хуже тех каморок, в которых живут в настоящее время фабричные рабочие. И, в-третьих, постоянные рабочие получают за это «скромное пособие». Несомненно, население предпочтет эти льготы спокойной жизни под крылышком начальства тревожностям капитализма, предпочтет до такой степени, что некоторые рабочие постоянно останутся при гимназии (вероятно, в благодарность за то что им разрешили брак): «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (sic!!), дополнит эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не ученические силы нашей земледельческой гимназии».

Помилуйте! Что же тут «утопического»? Постоянные даровые рабочие, «приобщившиеся» к хозяевам, разрешающим им браки—да спросите любого старого крестьянина, и он вам по собственному опыту расскажет о полнейшей осуществимости всего этого.

(Продолжение будет) *).

*«Самарский Вестник» № 254,
25 ноября 1895 г.
Подпись: К. Т-ин.*

---

*) Продолжение напечатано не было. Ред.

«В. Ленин. Статьи и речи. 1893—1913.»

1898 ГОД

Рецензия на книгу А. Богданова.

А. Богданов. Краткий курс экономической науки. Москва. 1898. Изд. книжн. склада А. Муриновой. Стр. 290. Ц. 2 р.

Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе; это не только «не лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них. Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения и отметить некоторые незначительные пункты, в которых могли бы быть сделаны, по нашему мнению, улучшения при следующих изданиях; следует думать, что при живом интересе читающей публики к экономическим вопросам следующие издания этой полезной книги не заставят себя долго ждать.

Главное достоинство «курса» г-на Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги, трактующей о весьма многих и весьма широких вопросах. Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии» (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще и наполняющими свои толстые курсы грудой бессодержательных и не относящихся вовсе к общественной науке банальностей и примеров. Автор чужд той схоластики, которая побуждает часто составителей учебников изощряться в «дефинициях» и в разборе отдельных признаков каждой дефиниции, причем ясность изложения не только не теряет у него от этого, а прямо выигрывает, и читатель, напр., получит отчетливое представление о такой категории, как капитал, и в его общественном, и в его историческом значении. Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах обще-

ственного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова. Изложив в начале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19), а в конце краткую «историю экономических воззрений» (стр. 235—290), автор излагает содержание науки в отделе «В. Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр., о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководствам по политической экономии. Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализм), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы; не умеют отчетливо определить ее историческое значение, показать процесс (и условия) ее возникновения, с одной стороны, тенденции ее дальнейшего развития, с другой; не умеют представить отдельные стороны и отдель-

ные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы; не умеют дать читателю надежного руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления; не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая «в поэтическом беспорядке» «факторы» экономической, политической, моральной и т. д. Только материалистическое понимание истории вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека.

Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма. Характеризуя определенный период экономического развития, он дает обыкновенно в «изложении» очерк политических порядков, семейных отношений, основных течений общественной мысли в связи с коренными чертами данного экономического строя. Выяснив, как данный экономический строй порождал определенное разделение общества на классы, автор показывает, как эти классы проявляли себя в политической, семейной, интеллектуальной жизни данного исторического периода, как интересы этих классов отражались в определенных экономических школах, как, напр., интересы восходящего развития капитализма выразила школа свободной конкуренции, а интересы того же класса в позднейший период — школа вульгарных экономистов (284), школа апологии. Совершенно справедливо указывает автор на связь с положением определенных классов исторической школы (284) и школы катедер-реформеров («реалистической» или «историко-этической»), которую должно признать «школой компромисса» (287) с ее бессодержательным и фальшивым представлением о «вне-классовом» происхождении и значении юридико-политических учреждений (288) и т. д. В связь с развитием капитализма ставит автор и учения Сисмонди и Прудона, основательно относя их к мелкобуржуазным экономистам, — показывая корни их идей в интересах особого класса капиталистического общества, занимающего «среднее, переходное место» (279), — признавая без обиняков реакционное значение подобных идей (280 — 281). Благодаря выдержанности своих воззрений и уменью рассматривать отдельные стороны хозяйственной жизни в связи с основными чертами данного экономического строя, автор правильно оценил значение таких явлений, как участие рабо-

чих в прибыли предприятия (одна из «форм заработной платы», которая «слишком редко может оказаться выгодной для предпринимателя» (стр. 132 — 3), или производительные ассоциации, которые, «организуясь среди капиталистических отношений», «в сущности только увеличивают мелкую буржуазию» (187).

Мы знаем, что именно эти черты «курса» г-на Богданова возбуждают не мало нареканий. Недовольны останутся, само собою разумеется, представители и сторонники «этико-социологической» школы в России. Недовольны будут те, кто полагает, что «вопрос об экономическом понимании истории есть вопрос чисто академический» *), и еще многие другие... Но и помимо этого, так сказать, партийного недовольства, будут указывать, вероятно, на то, что широкая постановка вопросов вызвала чрезвычайную конспективность изложения «краткого курса», рассказывающего на 290 страничках и о всех периодах экономического развития, начиная от родовой общины и дикарей и кончая капиталистическими картелями и трестами, и о политической и семейной жизни античного мира и средних веков, и об истории экономических воззрений. Изложение г. А. Богданова действительно в высшей степени сжато, как он указывает и сам в предисловии, называя прямо свою книгу «конспектом». Нет сомнения, что некоторые из конспективных замечаний автора, относящихся чаще всего к фактам исторического характера, а иногда и к более детальным вопросам теоретической экономики, будут непонятны для начинающего читателя, желающего ознакомиться с политической экономией. Нам кажется, однако, что за это нельзя винить автора. Скажем даже, не боясь обвинений в парадоксальности, что наличие подобных замечаний мы склонны считать скорее достоинством, а не недостатком разбираемой книги. В самом деле, если бы автор вздумал подробно излагать, разъяснять и обосновывать каждое такое замечание, его труд разросся бы до необъятных пределов, совершенно не соответствующих задачам краткого руководства. Да и немыслимо изложить ни в каком курсе, хотя бы и самом толстом, все данные современной науки о всех периодах экономического развития и об истории экономических воззрений от Аристотеля до Вагнера. Если он выкинул бы все подобные замечания, тогда его книга положительно проиграла бы от сужения пределов и значения политической экономики. В настоящем же своем виде эти конспективные замечания

---

*) Так думает журнальный обозреватель «Русской Мысли» (1897 г., ноябрь, библ. отд., стр. 517). Бывают же такие комики!

принесут, думается нам, большую пользу и учащим, и учащемуся по этому конспекту. О первых нечего и говорить. Вторые увидят из совокупности этих замечаний, что политическую экономию нельзя изучать так себе, *nir nichts dir nichts* *) 1) без всяких предварительных познаний, без ознакомления с весьма многими и весьма важными вопросами истории, статистики и пр. Учащиеся увидят, что с вопросами общественного хозяйства в его развитии и его влиянии на общественную жизнь нельзя ознакомиться по одному или даже по нескольким из тех учебников и курсов, которые отличаются часто удивительной «легкостью изложения», но зато и удивительной бессодержательностью, переливанием из пустого в порожнее; что с вопросами экономическими неразрывно связаны самые животрепещущие вопросы истории и современной действительности и что корни этих последних вопросов лежат в общественных отношениях производства. Такова именно главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение.

Обратимся теперь ко второй части наших замечаний, к указанию тех мест книги г. Богданова, которые требуют, по нашему мнению, исправления или дополнения. Надеемся, что почтенный автор не посетует на нас за мелкость и даже придирчивость этих замечаний: в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении.

Г. Богданов придерживается вообще терминологии той экономической школы, которой он следует. Но, говоря о форме стоимости, он заменяет этот термин выражением: «формула обмена» (с. 39 и сл.). Это выражение кажется нам неудачным; термин «форма стоимости» действительно неудобен в кратком руководстве, и вместо него лучше бы, пожалуй, сказать: форма обмена или ступень развития обмена, а то получают даже такие выражения, как «господство 2-ой формулы обмена» (43) (?). Говоря о капитале, автор напрасно упустил указать на общую формулу капитала, которая помогла бы учащемуся усвоить однородность торгового и промышленного капитала. Характеризуя капитализм, автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения на счет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах; этот пробел тем ощутительнее, что,

---

*) Как метко заметил Каутский в предисловии к своей известной книге: „Karl Marx, Oekonomische Lehren“.

говоря о средних веках, автор подробно остановился на отношении деревни и города (63—66), а о современном городе сказал всего пару слов о подчинении им деревни (174). Говоря об истории промышленности, автор весьма решительно ставит «домашнюю систему капиталистического производства» *) «на середине пути от ремесла к мануфактуре» (стр. 156, тезис 6-ой). По данному вопросу такое упрощение дела представляется нам не совсем удобным. Автор «Капитала» описывает капиталистическую работу на дому в отделе о машинной индустрии, относя ее прямо к преобразующему действию этой последней на старые формы труда. Действительно, такие формы работы на дому, какие господствуют, напр., и в Европе, и в России в конфекционной индустрии ²⁾, никак нельзя поставить «на середине пути от ремесла к мануфактуре». Они стоят дальше мануфактуры в историческом развитии капитализма, и об этом следовало бы, думается нам, сказать пару слов. Заметным пробелом в главе о машинном периоде капитализма **) является отсутствие параграфа о резервной армии и капиталистическом перенаселении, о его порождении машинною индустриею, о его значении в циклическом движении промышленности, о его главных формах. Те самые беглые упоминания автора об этих явлениях, которые сделаны на стр. 205 и 270, безусловно недостаточны. Утверждение автора, что «за последние полвека» «прибыль возрастает гораздо быстрее ренты» (179), слишком смело. Не только Рикардо (против которого делает это замечание г. Богданов), но и Маркс констатирует общую тенденцию ренты к особенно быстрому росту при всех и всяких условиях (возможен даже рост ренты при понижении цены хлеба). То понижение хлебных цен (и ренты при известных условиях), которое вызвано в последнее время конкуренцией девственных полей Америки, Австралии и т. п., наступило резко лишь с 70-х годов, и примечание Энгельса в отделе о ренте (*Das Kapital*, III, 2, 259—260), посвященное современному земледельческому кризису, формулировано гораздо осторожнее. Энгельс констатирует здесь «закон» роста ренты в цивилизованных странах, объясняющий «удивительную живучесть класса крупных землевладельцев», и далее указывает лишь на то, что эта живучесть «постепенно

---

*) Стр. 93, 95, 147, 156. Нам кажется, что этим термином автор удачно заменил выражение: «домашняя система крупного производства», введенное в нашу литературу Корсаком.

**) Строгое разделение капитализма на мануфактурный и машинный период составляет весьма большое достоинство «курса» г-на Богданова.

исчерпывается» (allmählich sich erschöpft).—Параграфы, посвященные земледелию, отличаются тоже чрезмерной краткостью. В параграфе о (капиталистической) ренте лишь самым беглым образом указано, что условие ее есть капиталистическое земледелие («В периоде капитализма земля продолжает оставаться частною собственностью, и выступает в роли капитала», 127, — и только!). Об этом следовало бы сказать несколько слов поподробнее, во избежание всяких недоумений, о нарождении сельской буржуазии, о положении земледельческих рабочих и об отличиях этого положения от положения фабричных рабочих (более низкий уровень потребностей и жизни; остатки прикрепления к земле или различных *Gesindeordnungen*³⁾ и т. д.). Жаль также, что автор не коснулся вопроса о генезисе капиталистической ренты. После тех замечаний, которые он сделал о колонах⁴⁾ и зависимых крестьянах, далее об аренде наших крестьян, — следовало бы охарактеризовать вкратце общий ход развития ренты от отработочной ренты (*Arbeitsrente*) к натуральной ренте (*Produktenrente*), затем к денежной ренте (*Geldrente*) и от нее уже к капиталистической ренте (Ср. *Das Kapital*, III, 2, Kap. 47). Говоря о вытеснении капитализмом подсобных промыслов и о потере вследствие этого устойчивости крестьянским хозяйством, автор выражается так: «крестьянское хозяйство становится в общем беднее, — общая сумма производимых им стоимостей уменьшается» (148). Это очень неточно. Процесс разорения крестьянства капитализмом состоит в вытеснении его сельской буржуазией, образуемой из того же крестьянства. Г. Богданов едва ли мог бы, напр., описать упадок крестьянского хозяйства в Германии, не коснувшись *Vollbauer*'ов⁵⁾. В приведенном месте автор говорит о крестьянах вообще, но вслед за этим приводит пример из русской жизни, — ну, а говорить о русском крестьянине «в общем» более чем рискованно. Автор на этой же странице говорит: «Крестьянин либо занимается одним земледелием, либо идет на мануфактуру», т.-е., — добавим от себя, — либо превращается в сельского буржуа, либо в пролетария (с клочком земли). Об этом двустороннем процессе следовало бы упомянуть. Наконец, как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется

для начинающего отсутствием знакомых ему примеров. Нам кажется, что пополнение указанных пробелов очень незначительно увеличило бы книгу и не затруднило бы ее широкого распространения, которое во всех отношениях является весьма желательным.

*„Мир Божий“,
апрель 1898 г.
Без подписи.*

1899 ГОД

Статьи для № 3 „Рабочей Газеты“ 6).

Письмо к редакторской группе 7).

Дорогие товарищи!

Посылаю, согласно вашей просьбе, три статьи для газеты и считаю нужным сказать несколько слов по поводу моего сотрудничества вообще и сношений между нами в частности.

На основании предыдущего вашего сообщения я представлял себе дело так, что вы хотите основать издательскую фирму и предоставить мне редактирование серии социал-демократических брошюр.

Теперь я вижу, что дело ставится иначе, что у вас образована своя редакция, которая начинает издание газеты и приглашает меня сотрудничать.

Я охотно соглашаюсь, разумеется, и на это предложение, но должен сказать при этом, что успешное сотрудничество я считаю возможным лишь при следующих условиях: 1) аккуратные сношения редакции с сотрудником с извещением о судьбе всех рукописей (принятие, отклонение, изменение) и с сообщением всех изданий вашей фирмы; 2) подпись моих статей особым псевдонимом (если посланный мною затерялся, то выберите любой сами); 3) согласие редакции с сотрудником в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер желательной постановки газеты (или серии брошюр).

Я надеюсь, что редакция согласится на эти условия и, чтобы скорее установить соглашение между нами, я теперь же остановлюсь несколько на вопросах, связанных с 3-им условием.

Вы находите, как мне пишут, что «старое течение крепко» и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-демократов; раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и «Группой Освобождения Труда», которая является и основательницей и представительницей и верней-

шей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Мысли» сказать какое-то новое слово, восставать против «широких» политических задач, возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями» (№ 7 «Мимходом»); наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады, — все это ясно показывает, по-моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня.

О том, как я смотрю на задачу газеты и план ее ведения, вы увидите из статей, и я очень желал бы знать, насколько мы солидарны по этому вопросу (статьи писаны, к сожалению, несколько наскоро: мне очень бы важно, вообще, знать предельные сроки доставки статей).

Против «Рабочей Мысли», я думаю, необходимо прямо поднять полемику, но для этого я просил бы достать мне №№ 1 — 2, 6 и после 7-го «Пролетарскую борьбу»⁸). Последняя брошюра нужна и для рецензии об ней в газете.

Насчет размера, пишете вы, не стесняться. Я думаю, пока есть газета, предпочитать газетные статьи и разбирать в них даже брошюрные темы, — предоставляя себе впоследствии эти же статьи переработать в брошюры. Темы, которыми я предполагаю заняться в ближайшем будущем, следующие: 1) проект программы — вышлю вскоре; 2) вопросы тактики и организации, подлежащие обсуждению будущего съезда российской социал-демократической рабочей партии; 3) брошюру о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке. По образцу польской брошюры — («правила поведения» — если можно, просил бы достать ее мне); 4) о стачках (I — их значение, II — законы о стачках, III — обзор некоторых стачек последних годов); 5) брошюра «Женщина и рабочее дело» и пр.

Желательно бы знать приблизительно, каким материалом располагает редакция, чтобы избежать повторений и не браться за «исчерпанные» уже вопросы.

Буду ждать ответа от редакции через ту же передаточную инстанцию. (Кроме этого пути я не имел и не имею другого пути к вашей группе).

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Подпись: Ф. П.*

Наша программа ²).

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — классовую борьбу, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с пролетариатом, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? Ровно ничего: они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталой теории и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна, от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере).

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом всякой критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали

уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба пролетариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т.-е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата). Некоторые русские социал-демократы (к числу их, повидимому, принадлежат те, которые ведут газету «Рабочая Мысль») считают несравненно более важной экономическую борьбу, политическую же чуть ли не откладывают до более или менее отдаленного будущего. Такое мнение совершенно неверно. Все социал-демократы согласны в том, что необходимо организовать экономическую борьбу рабочего класса, что необходимо вести агитацию среди рабочих на этой почве, т.-е. помогать рабочим в их ежедневной борьбе с хозяевами, обращать их внимание на все виды и случаи притеснений и разъяснять им таким образом необходимость объединения. Но из-за экономической борьбы забывать политическую — значило бы отступать от основного положения всемирной социал-демократии, значило бы забывать то, чему учит вся история рабочего движения. Завзятые сторонники буржуазии и служащего ей правительства не раз пытались даже организовать чисто-экономические союзы рабочих и отвлечь их таким образом от «политики», от социализма. Очень возможно, что и русское правительство сумеет предпринять что-либо подобное, ибо оно всегда старалось бросать народу грошовые подачки или, вернее, лже-подачки, лишь бы отвлечь его от мысли о его бесправии и его угнетении. Никакая экономическая борьба не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания, как это делают рабочие Германии и всех других европейских стран (кроме Турции и России). А чтобы добиться этих прав, надо вести политическую борьбу. В России не только рабочие, но и все граждане лишены политических прав. Россия — монархия самодержавная, неограниченная. Царь один издает законы, назначает чиновников и надзирает за ними. От этого кажется, что в России царь и царское правительство не зависит ни от каких классов и заботится о всех одинаково. А на деле все чиновники берутся

*

только из класса собственников и все подчинены влиянию крупных капиталистов, которые веревки вьют из министров и добиваются всего, чего хотят. На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа. Всякая стачка против капиталистов ведет к тому, что на рабочих напускают войско и полицию. Всякая экономическая борьба необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту и другую в единую классовую борьбу пролетариата. Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, завоевание политической свободы. Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня, то весь русский рабочий класс, руководимый одной «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией», сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок.

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Таковы наши основные воззрения, которые мы будем систематически и всесторонне развивать в нашей газете. Мы убеждены, что таким образом мы будем идти по пути, намеченному «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией» в изданном ей «Манифесте».

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Наша ближайшая задача ¹⁰⁾.

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму,⁹ освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов.

Мы все согласны в том, что наша задача — организация классовой борьбы пролетариата. Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовой борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против всего класса капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая» — эти знаменитые слова Маркса неверно было бы понимать в том смысле,

что всякая борьба рабочих с хозяевами всегда бывает политической борьбой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо становится политической борьбой по мере того, как она становится классовой борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними превратить их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической партии за определенные политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута.

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам недостает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной партии. Наш главный недостаток, на устранение которого мы должны направить все свои силы, это — узкий, «кустарный» характер местной работы. В силу этого кустарничества масса проявлений рабочего движения в России остаются чисто местными событиями и сильно теряют в своем значении, как образца для всей русской социал-демократии, как стадии всего русского рабочего движения. В силу этого кустарничества рабочие не проникаются в достаточной мере сознанием общности своих интересов по всей России, недостаточно связывают с своей борьбой мысль о русском социализме и русской демократии. В силу этого кустарничества различные взгляды товарищей на теоретические и практические вопросы не обсуждаются открыто в центральном органе, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики, а теряются в узкой кружковщине или ведут к непомерному преувеличению местных и случайных особенностей. Довольно с нас этого кустарничества! Мы уже достаточно зрелы, чтобы перейти к общей работе, к выработке общей программы партии, к совместному обсуждению нашей партийной тактики и организации.

Русская социал-демократия сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; она не ограничилась одной критикой и теоретизированием; она доказала, что ее программа не висит на воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный,

но зато и особенно важный, шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения. Социал-демократия не сводится к простому служению рабочему движению: она есть «соединение социализма с рабочим движением» (употребляя определение К. Каутского, воспроизводящее основные идеи «Коммунистического Манифеста»); ее задача — внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью революционной партии. История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западно-европейское. Было бы очень опасно впасть на этот счет в какие-либо иллюзии. А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной технике (мы, несколько не колеблясь, признаем эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно выработать свою организацию.

Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой: 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении, которое проявляется неодинаково и неодновременно в различных промышленных центрах; деятельность местных социал-демократических организаций является основой всей деятельности партии. Но если это будет деятельность изолированных «кустарей», тогда нельзя даже, строго говоря, назвать ее социал-демократической, ибо это не будет организацией и руководством классовой борьбы пролетариата. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главной своей целью борьбу

за политическую свободу, — с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода), или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что теоретическое решение этих вопросов она дала; останавливаться на этом значило бы повторять сказанное в статье «Наша программа». Дело идет теперь о практическом решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой, — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии. Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего вся деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии, — если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, — останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться классовой борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных форм и правил ведения дела, без установления — чрез посредство центрального органа — ответственности каждого члена партии перед всей партией.

Говоря о необходимости сосредоточить все силы партии — все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и пр. — на основании и правильном ведении органов всей партии, мы нисколько не думаем о том, чтобы оттеснить на второй план другие виды деятельности, напр., местную агитацию, манифестации, бойкот, травлю шпионов, травлю отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные

стачки и пр. и пр. Напротив, мы убеждены в том, что все эти виды деятельности составляют основу деятельности партии, но без объединения их в органе всей партии все эти формы революционной борьбы теряют девять десятых своего значения, не ведут к созданию общего опыта партии, к созданию партийной традиции и преемственности. Орган партии не только не будет конкурировать с такой деятельностью, а, напротив, окажет громадное влияние на ее распространение, упрочение, введение в систему.

Необходимость сосредоточить все силы на организации правильно выходящего и доставляемого органа партии обуславливается оригинальным положением русской социал-демократии в отличие от социал-демократии других европейских стран и от старых русских революционных партий. У рабочих Германии, Франции и пр. есть кроме газет масса других способов публичного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях (земских и городских), и открытое ведение ремесленных (профессиональных, цеховых) союзов, и пр. и пр. У нас заменой всего этого, но именно всего этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна никакая широкая организация всего рабочего движения. В заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта: «Studieren, propagandieren, organisieren» — учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только орган партии.

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз.

Печатается

*по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Насущный вопрос ¹¹⁾.

Мы сказали в предыдущей статье, что нашей насущной задачей является организация правильно выходящего и доставляемого органа партии, и поставили вопрос, возможно ли и при каких условиях возможно достигнуть этой цели. Рассмотрим важнейшие стороны этого вопроса.

Нам могут возразить, прежде всего, что для достижения этой цели надо сначала развить деятельность местных групп. Мы считаем это, довольно распространенное, мнение ошибочным. За основание и прочную постановку органа партии — а, следовательно, и самой партии — мы можем и должны взяться немедленно. Необходимые для такого шага условия есть налицо: местная работа ведется, и очевидно, что она пустила уже глубокие корни, ибо все учащающиеся погромы приводят только к небольшим перерывам; на место павших в бою быстро становятся свежие силы. Издательские средства и литературные силы имеются у партии не только за границей, но и в России. Вопрос, следовательно, стоит о том, следует ли эту работу, которая уже ведется, продолжать вести по «кустарному» или следует организовать ее в работу одной партии и сделать так, чтобы она вся отражалась в одном общем органе.

Здесь мы подходим к насущному вопросу нашего движения к его больному пункту — организации. Улучшение революционной организации и дисциплины, усовершенствование конспиративной техники необходимы настоятельно. Надо открыто признать, что в этом отношении мы отстали от старых русских революционных партий и должны приложить все усилия, чтобы догнать и перегнать их. Без улучшения организации невозможен никакой прогресс нашего рабочего движения вообще, невозможно в частности и образование активной партии с правильно действующим органом. Это с одной стороны. А с другой стороны, теперешние органы партии (органы и в смысле учреждений и групп, и в смысле газет) должны обратить

больше внимания на вопросы организации и влиять в этом направлении на местные группы.

Местная, кустарная работа всегда ведет к чрезмерному обилию личных связей, к кружковщине, а мы выросли уже из кружковщины, которая становится слишком узкой для теперешней работы и которая ведет к чрезмерной трате сил. Только слияние в одну партию даст возможность систематически провести принципы разделения труда и экономии сил, — а этого необходимо достигнуть, чтобы уменьшить число жертв и создать более или менее прочный оплот против гнета самодержавного правительства и его отчаянных преследований. Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа, но чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденции и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр. Такая специализация требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо большего умения сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа.

Но русские социалисты и русский рабочий класс доказали уже свою способность к героизму и, вообще говоря, нам грешно было бы жаловаться на недостаток в людях. Среди рабочей молодежи наблюдается страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, а помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки. Если среди всех этих рекрутов революционного дела будет широко пропагандироваться мысль о необходимости более строгой организации, то план устройства правильно выходящей и доставляемой газеты партии перестанет быть мечтой. Возьмем одно условие успеха

такого плана: обеспечение газеты правильным поступлением корреспонденций и материалов отовсюду. Разве история не показывает, что во все времена оживления нашего революционного движения такая цель оказывалась вполне достижимой даже по отношению к иностранным органам? Если работающие в разных местностях социал-демократы будут смотреть на газету партии как на свою газету и считать своим главным делом поддержание с ней постоянной связи, обсуждение в ней своих вопросов, отражение в ней всего своего движения, — тогда обеспечение газеты полными сведениями о движении будет вполне осуществимо, при условии соблюдения вовсе не особенно хитрых конспиративных приемов. Другая сторона дела — правильная доставка газеты во все местности России — гораздо труднее, труднее, чем была соответствующая задача при прежних формах революционного движения в России, когда газеты не предназначались в такой степени для народных масс. Но назначение социал-демократических газет облегчает их распространение. Главные местности, куда должна правильно и в большом количестве экземпляров доставляться газета, это — промышленные центры, фабричные села и города, фабричные кварталы больших городов и т. п. В таких центрах почти все население сплошь рабочее; рабочий здесь фактически — хозяин положения, имеющий сотни способов обмануть бдительность полиции; сношения с соседними фабричными центрами отличаются чрезвычайной оживленностью. В эпоху исключительного закона против социалистов (с 1878 по 1890 г.) германская политическая полиция работала не хуже, а вероятно даже лучше русской, и однако немецкие рабочие сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»). О таком успехе мы, конечно, не мечтаем, но достигнуть того, чтобы газета нашей партии выходила не менее 12 раз в год и правильно доставлялась во все главные центры движения всем доступным социализму кругам рабочих, — мы вполне можем, если направим на это все усилия.

Возвращаясь к вопросу о специализации, мы должны также указать, что недостаток ее объясняется отчасти преобладанием «кустарной» работы, отчасти и тем, что наши социал-демократические газеты слишком мало места уделяют обыкновенно вопросам организации.

Только создание общего органа партии может дать каждому «частичному работнику» революционного дела сознание того, что он

идет «в ряду и в шеренге», что его работа непосредственно нужна партии, что он является одним из звеньев той цепи, кольца которой задушат злейшего врага русского пролетариата и всего русского народа — русское самодержавное правительство. Только строгое проведение такой специализации даст возможность экономить силы: не только каждая отдельная сторона революционной работы будет исполняться меньшим числом лиц, но получится возможность выделить ряд сторон современной деятельности в легальные (= дозволенные законом) дела. Такую легализацию в своей деятельности, подведение ее под законные рамки, давно уже советовал русским социалистам «Vorwärts» («Вперед») — главный орган немецкой социал-демократии. С первого взгляда подобный совет поражает, — а на самом деле он заслуживает серьезного внимания. Почти каждый, работавший в местном кружке какого-либо города, легко припомнит, что среди той кучи разнообразнейших дел, которыми он занимался, было несколько таких дел, которые сами по себе легальны (напр., собирание сведений о положении рабочих, изучение легальной литературы многих вопросов, ознакомление с известного рода иностранной литературой и реферирование ее, известного рода сношения, содействие рабочим в делах общего образования, в изучении фабричных законов и мн. др.). Выделение такого рода дел в особые функции особого разряда лиц уменьшило бы численность активной, стоящей «в огне» революционной армии (без всякого уменьшения ее «боевой способности») и увеличило бы численность резерва, пополняющего места «убитых и раненых». Возможно это лишь тогда, когда и активные члены и резерв видят отражение своей деятельности в общем органе партии и чувствуют свою связь с ней. Конечно, местные собрания рабочих и местных групп будут всегда необходимы, как бы мы далеко ни проводили специализации, но, с одной стороны, число многолюдных революционных собраний (которые особенно опасны в полицейском отношении, и продуктивность которых часто далеко не соответствует их опасности) значительно уменьшится, а с другой стороны, выделение различных сторон революционной работы в специальные функции дает больше возможности прикрывать такие собрания легальными формами собраний: увеселительными собраниями, собраниями законом дозволенных обществ и т. п. Ведь умели же французские рабочие при Наполеоне III-ем и немецкие рабочие при исключительном законе против социалистов изобретать всякие прикрытия для своих политических и социалистических собраний. Сумеют это сделать и русские рабочие.

Далее, только улучшение организации и создание общего органа партии дает возможность расширить и углубить самое содержание социал-демократической пропаганды и агитации. А мы в этом очень нуждаемся. Местная работа почти неизбежно ведет к преувеличению местных особенностей, к *).

это невозможно без центрального органа, который был бы в то же время и передовым демократическим органом. Только тогда наше стремление превратить социал-демократию в передового борца за демократию — станет действительностью. Только тогда мы можем выработать и определенную политическую тактику.

Социал-демократия отказалась от неверного учения о «единой реакционной массе»¹²⁾. Она видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных. При местном характере организаций и органов эта задача почти не исполняется: дальше сношений с отдельными лицами из «либералов» и извлечения из них разных «услуг» дело не идет. Только общий орган партии, последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!

В дальнейших номерах мы поместим проект программы российской социал-демократической рабочей партии и начнем более детальное обсуждение отдельных вопросов организации.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

*) Следующие за этим приблизительно 15 — 20 строк текста утеряны.
Ред.

Попытное направление в русской соц.-демократии¹³).

Редакция «Рабочей Мысли» издала «Отдельное приложение к Рабочей Мысли» (сентябрь 1899), желая «рассеять всю ту массу недоразумений и неопределенностей, которые существуют относительно направления «Рабочей Мысли» (вроде «отрицания» нами «политики», например)» (От редакции). Мы очень рады тому, что «Рабочая Мысль» открыто ставит, наконец, вопросы программные, которых она как будто не хотела знать до сих пор, но мы решительно протестуем против того, что «направление «Рабочей Мысли» есть направление передовых русских рабочих» (как заявляет там же редакция). Нет, если редакция «Рабочей Мысли» хочет идти по тому пути, который намечается (пока только намечается) в названном издании, то это значит, что она неверно понимает ту программу, которую выработали основатели русской соц.-демократии и которой держались до сих пор все русские соц.-демократы, действовавшие в России; это значит, что она делает шаг назад против той ступени теоретического и практического развития, которой уже достигла русская социал-демократия.

Направление «Рабочей Мысли» излагается в передовой статье «Отдельного приложения»: «Наша действительность» (подписана *Р. М.*). Эту статью мы и должны теперь разобрать со всей подробностью.

Уже с самого начала статьи оказывается, что *Р. М.* прямо неверно изображает «нашу действительность» вообще и наше рабочее движение в частности, обнаруживает непомерно узкое понимание рабочего движения и стремление закрывать глаза на те высшие формы его, которые оно уже выработало под руководством русских соц.-демократов. В самом деле: «наше рабочее движение, — говорит *Р. М.* в самом начале статьи, — носит зачатки разнообразнейших форм организации», начиная от стачечных сообществ и вплоть до легальных (разрешенных законом) обществ. И только?

спросит в недоумении читатель. Неужели *Р. М.* не заметил в России никаких более высоких, более передовых форм организации рабочего движения? Очевидно, он не хочет замечать их, потому что на следующей же странице он повторяет свое положение еще в гораздо более решительной форме: «Задачи движения данной минуты, настоящее рабочее дело русских рабочих — говорит он — сводится к улучшению рабочими своего положения всеми возможными способами», и в перечисление этих способов входят опять-таки только стачечные организации* и легальные общества! Итак, русское рабочее движение сводится, будто бы, к стачкам и легальным обществам! Да ведь это же прямая неправда! Русское рабочее движение уже 20 лет тому назад основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи (мы скажем об этом сейчас подробнее). Русское рабочее движение создало такие организации, как С.-Петербургский и Киевский Союзы борьбы, Еврейский Рабочий Союз и др. *Р. М.* говорит, правда, что еврейское рабочее движение носит «особый политический характер», является исключением. Но это опять-таки неправда, ибо если бы Еврейский Рабочий Союз стоял «особо», то он не соединился бы с рядом русских организаций и не образовал бы «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». Основание этой партии есть крупнейший шаг русского рабочего движения в его слиянии с русским революционным движением. Этот шаг ясно доказал, что русское рабочее движение не сводится к стачкам и законным обществам. Как могло произойти, что русские социалисты, пишущие в «Рабочей Мысли», не хотят видеть этого шага, не хотят понять его значения?

Произошло это от того, что *Р. М.* не понимает ни отношения русского рабочего движения к социализму и революционному движению в России, ни политических задач русского рабочего класса. «Характернейшим показателем направления нашего движения, — пишет *Р. М.*, — служат, конечно, требования, предъявляемые рабочими». Мы спрашиваем, почему же это к показателям нашего движения не причисляются требования социал-демократов и соц.-демократических организаций? На каком основании *Р. М.* отделяет рабочие требования от требований русских соц.-демократов? А это отделение *Р. М.* проводит во всей своей статье, как и вообще редакция «Рабочей Мысли» проводит это в каждом номере своей газеты. Чтобы разъяснить эту ошибку «Рабочей Мысли», мы должны разъяснить общий вопрос об отношении социализма к рабочему

движению. Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабочего движения, создавали учения, критикующие современный капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь; рабочее движение оставалось мелочным, раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление слить социализм и рабочее движение в единое социал-демократическое движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в сознательную борьбу пролетариата за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия. Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата.

Совершенно так же шло дело и в России. И у нас социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, в стороне от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр. С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме. Когда в 1875 г. образовался «Южно-Русский Рабочий Союз» и в 1878 г. «Северно-Русский Рабочий Союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма. Но русские социалисты не остановились на своей неразвитой, ошибочной теории. Они пошли вперед, восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских

соц.-демократов. Основание русской соц.-демократии — главная заслуга «Группы Освобождения Труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей *). Со времени основания русской соц.-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими соц.-демократами, стремилось слиться с ними. Основание «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 г.) знаменует крупнейший шаг на пути к этому слиянию. В настоящее время — главная задача всех русских социалистов и всех сознательных русских рабочих упрочить это слияние, укрепить и организовать «Рабочую Социал-Демократическую Партию». Кто не хочет знать этого слияния, кто стремится искусственно провести какое-то разделение между рабочим движением и социал-демократией в России, тот приносит не пользу, а вред делу рабочего социализма и рабочего движения в России.

Пойдем далее. «Что касается до широких требований, — пишет *Р. М.*, — до политических требований, то только в требованиях петербургских ткачей... 1897 г. мы видим первый и еще мало сознательный случай предъявления нашими рабочими подобных широких политических требований». Мы опять-таки должны сказать, что это безусловно неверно. Печатая подобные фразы, редакция «Рабочей Мысли» обнаруживает, во-первых, непростительное для социал-демократа забвение истории русского революционного и рабочего движения, а, во-вторых, непростительно узкое понимание рабочего дела. Широкие политические требования предъявлены русскими рабочими и в майском листке С.-Петербургского Союза борьбы 1898 г. **) и в газетах «СПБ. Рабочем Листке» и «Рабочей Газете», которую передовые организации русских социал-демократов признали в 1898 г. официальным органом «Российской С.-Д. Раб. Партии». Игнорируя это, «Рабочая Мысль» пятится назад и вполне оправдывает то мнение, что она является представительницей не передовых рабочих, а низших неразвитых слоев пролетариата (*Р. М.* сам указывает в своей статье на то, что «Рабочей Мысли» уже указывали на это обстоятельство). Низшие слои пролетариата не знают истории русского революционного движения, и *Р. М.* не знает ее. Низшие слои пролетариата не понимают отношения между рабочим движе-

---

*) Слияние русского социализма и русского рабочего движения исторически прослежено в брошюре одного нашего товарища «Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения». Брошюра эта скоро появится в печати ¹⁴).

**) Ошибка в оригинале: следует читать — 1896 г. *Ред.*

нием и соц.-демократией, и *Р. М.* не понимает этого отношения. Почему русские рабочие в 90-х годах не образовали своих особых организаций отдельно от социалистов, как в 70-х годах? Почему не предъявили они отдельно от социалистов свои политические требования? *Р. М.* объясняет это, очевидно, тем, что «русские рабочие еще очень мало подготовлены к этому» (стр. 5 его статьи), но таким объяснением он только лишней раз подтверждает то мнение, что он вправе говорить лишь как представитель низших слоев пролетариата. Низшие слои рабочих во время движения 90-х годов не сознавали политического характера движения. Но, тем не менее, все знают (и *Р. М.* сам говорит это), что рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение. Произошло это от того, что характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла потому, что они доказали ей свою готовность и свое умение служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие. А эти передовые рабочие были соц.-демократами; многие из них даже лично принимали участие в тех спорах между народовольцами и соц.-демократами, которые характеризовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему. Понятно поэтому, отчего эти передовые рабочие не отстранялись теперь от социалистов и революционеров в особые организации. Такое отстранение имело смысл и было необходимо тогда, когда социализм отстранялся от рабочего движения. Такое отстранение было бы невозможно и бессмысленно, раз передовые рабочие видели перед собой рабочий социализм и соц.-демократические организации. Слияние передовых рабочих с соц.-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубоких общественных движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии.

Как безмерно узко понимание политической борьбы «Рабочей Мыслью», это видно из следующего. Говоря о широких политических требованиях, *Р. М.* пишет: «А для того, чтобы такая политическая борьба могла бы рабочими вестись вполне сознательно и самостоятельно, необходимо, чтобы велась она самими рабочими организациями, чтобы эти политические требования рабочих опирались на сознанные ими их общие политические потребности и интеле-

ресы минуты» (это заметьте!), «чтобы эти требования были требованиями самих рабочих (цеховых) организаций, чтобы они были ими выработаны действительно сообща и также сообща выставлены этими рабочими организациями, по их частной инициативе». И дальше следует пояснение, что ближайшими общими политическими требованиями рабочих все еще пока (11) остаются 10-тичасовой рабочий день и восстановление праздников, уничтоженных законом 2/VI 1897 г. И после этого редакция «Рабочей Мысли» может еще удивляться, что ее обвиняют в отрицании политики! Да разве это сведение политики к борьбе цеховых союзов за отдельные реформы не есть отрицание политики? Разве это не есть отказ от основного завета всемирной соц.-демократии, что соц.-демократы должны стремиться организовать классовую борьбу пролетариата в самостоятельные политические рабочие партии, борющиеся за демократию как средство завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества? С каким-то безграничным легкомыслием наши новейшие извратители социал-демократизма выбрасывают за борт все, что дорого для соц.-демократов, что дает право видеть в рабочем движении всемирно-историческое движение. Им нет дела до того, что вековой опыт европейского социализма и европейской демократии учит необходимости стремиться к образованию самостоятельных рабочих политических партий. Им нет дела до того, что история русского революционного движения долгим и трудным путем выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата. Им нет дела до того, что передовые русские рабочие уже положили основание «Российской С.-Д. Рабочей Партии». Долой все это! Освободим себя от слишком широкого идейного багажа и от слишком тяжелого и требовательного исторического опыта, — и пускай «остаются пока» одни цеховые союзы (возможность устройства которых в России пока еще ничем не доказана, если не считать легальных обществ), пускай эти цеховые союзы «по частной инициативе» вырабатывают требования, требования «минуты», требования маленьких и мелких реформ!! Что это такое? Ведь это какая-то проповедь попятного движения! Ведь это какая-то пропаганда разрушения социализма!

И заметьте, что «Рабочая Мысль» излагает не только ту мысль, чтобы местные организации сами вырабатывали местные формы борьбы и частные поводы агитации, приемы ее и пр. — против этой мысли никто не стал бы возражать. Никогда русские социал-демо-

краты не заявляли ни малейших претензий на то, чтобы стеснять в этом отношении самостоятельность рабочих. Нет, «Рабочая Мысль» хочет совершенно отодвинуть великие политические задачи русского пролетариата и ограничиться «пока» «только» «интересами минуты». До сих пор русские соц.-демократы хотели, опираясь на каждое требование минуты, агитируя по поводу него, организовать пролетариат для борьбы с самодержавием, как его ближайшей цели. Теперь «Рабочая Мысль» хочет ограничить борьбу пролетариата мелкой борьбой за мелкие требования. Очень хорошо зная, что он отступает от мнений всей русской соц.-демократии, *Р. М.* дает следующий ответ обвинителям «Рабочей Мысли». Говорят, что ниспровержение царизма есть ближайшая задача русского рабочего движения. Какого именно рабочего движения, спрашивает *Р. М.*, «стачечного движения? обществ взаимопомощи? рабочих кружков?» (страница 5 статьи). Мы ответим ему на это: говорите только за себя, за свою группу, за представляемые ею низшие слои пролетариата одной местности, но не смейте говорить за передовых русских рабочих! Низшие представители пролетариата часто не знают того, что борьбу за ниспровержение самодержавия может вести только революционная партия. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это. Низшие представители пролетариата часто не знают того, что русское рабочее движение не ограничивается стачечной борьбой, обществами взаимопомощи и рабочими кружками, что русское рабочее движение давно стремится сорганизоваться в революционную партию и доказало это стремление на деле. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это.

Р. М. старается представить свое полное непонимание социал-демократизма в виде особого понимания «нашей действительности». Присмотримся поближе к его мнениям по этому вопросу.

«О самом понятии самодержавия... — пишет *Р. М.*... — мы здесь распространяться не станем, предполагая в каждом нашем собеседнике самое отчетливое и ясное представление о подобных вещах». Мы сейчас увидим, что *Р. М.* сам имеет до последней степени не отчетливое и неясное понятие о подобных вещах, но сначала отметим еще одно обстоятельство. Принадлежат ли рабочие к собеседникам *Р. М.*? Конечно, да. А если да, то откуда же взять им самое отчетливое понятие о самодержавии? Очевидно, что для этого необходима самая широкая и систематическая пропаганда идей политической свободы вообще, необходима агитация, связывающая с каждым

отдельным проявлением полицейского насилия и чиновничьеского гнета «отчетливое представление» (в умах рабочих) о самодержавии. Кажется, это ясно. А если да, то может ли быть успешна чисто местная пропаганда и агитация против самодержавия? не является ли безусловно необходимым организовать ее по всей России в одну планомерную деятельность, то-есть в деятельность одной партии? Отчего же *Р. М.* в числе ближайших задач русского рабочего движения не указывает задачу организовать систематическую пропаганду и агитацию против самодержавия? Только оттого, что он имеет самое *неотчетливое* и *неясное* представление о задачах русского рабочего движения и русской соц.-демократии.

Р. М. переходит далее к объяснению того, что самодержавие представляет огромную «личную силу» (по военному вымуштрованная бюрократия) и огромную «экономическую силу» (финансовые средства). Не останавливаясь на «неотчетливых» сторонах его объяснения (а «неотчетливого» тут очень много), переходим прямо к главному:

«Так вот, — спрашивает *Р. М.* русскую соц.-демократию, — не ниспровержение ли этой-то личной силы и не захват ли этой экономической силы советуется в данную минуту русским рабочим поставить первой и ближайшей задачей своих теперешних (зачаточных) организаций? (о революционерах, говорящих, что эту задачу должны взять на себя кружки передовых рабочих, мы и не говорим)».

Мы с удивлением протираем глаза и перечитываем два и три раза это чудовищное место. Неужели мы не ошиблись? Нет, мы не ошиблись: *Р. М.* действительно не знает того, что называется ниспровержением самодержавия. Это невероятно, но это факт. Да и можно ли считать это невероятным после обнаруженной *Р. М.* путаницы мысли?

Р. М. смешивает захват власти революционерами и ниспровержение самодержавия революционерами.

Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия, — думали они, — т.-е. вместо чиновников назначила своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т.-е. все финансовые средства государства и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились «к ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять, по примеру *Р. М.*, эти неуклюжие выражения. Русские соц.-демократы решительно восстали против

этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма. Но что такое низвержение абсолютизма? Чтобы разъяснить это для *Р. М.*, необходимо ответить сначала на вопрос: что такое самодержавие? Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ, но имущие классы (особенно богатые помещики и капиталисты) оказывают очень сильное влияние на чиновничество. Рабочий же класс страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа, и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам.

Что же значит ниспровержение абсолютизма? Это значит отказ царя от неограниченной власти; предоставление народу права выбирать своих представителей для издания законов, для надзора за действиями чиновников, для надзора за собиранием и расходованием государственных средств. Такая форма правления, когда народ участвует в законодательстве и управлении, называется конституционной формой правления (конституция = закон об участии народных представителей в законодательстве и управлении государством). Итак, ниспровержение самодержавия означает замену самодержавной формы правления — конституционной формой правления. Таким образом для ниспровержения самодержавия никакого «ниспровержения личной силы и захвата экономической силы» не требуется, а требуется заставить царское правительство отказаться от своей неограниченной власти и созвать из народных представителей земский собор для выработки конституции («завоевать демократическую» [народную, составленную в интересах народа] «конституцию», как сказано в проекте программы русских соц.-демократов, изданном в 1885 г. «Группой Освобождения Труда»).

Почему ниспровержение самодержавия должно быть первой задачей русского рабочего класса? Потому, что при самодержавии рабочий класс не может широко развить своей борьбы, не может

завоевать себе никаких прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не может создать прочных, массовых организаций, развернуть пред всеми трудящимися массами знамя социальной революции и научить их бороться за нее. Только при политической свободе возможна решительная борьба всего рабочего класса против класса буржуазии, и конечная цель этой борьбы состоит в том, чтобы пролетариат завоевал политическую власть и организовал социалистическое общество. Вот это завоевание политической власти организованным, прошедшим длинную школу борьбы пролетариатом и будет, действительно, «ниспровержением личной и захватом экономической силы» буржуазного правительства, но этот захват власти русские соц.-демократы никогда не ставили ближайшей задачей русских рабочих. Русские соц.-демократы всегда говорили, что только при политической свободе, при широкой и массовой борьбе русский рабочий класс сумеет выработать организации для этой окончательной победы социализма.

Но каким путем может русский рабочий класс ниспровергнуть самодержавие? Ведь вот редакторы «Рабочей Мысли» подтрунивают даже над «Группой Освобождения Труда», которая основала русскую соц.-демократию и сказала в своей программе, что «борьба против самодержавия обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии». «Рабочей Мысли» (см. № 7 ее и разбираемую статью) это кажется смешным: ниспровержение самодержавия — рабочими кружками! Мы ответим на это редакторам «Рабочей Мысли»: над кем смеетесь? Над собой смеетесь! Редакторы «Рабочей Мысли» жалуются на то, что русские соц.-демократы не по-товарищески с ними полемизируют. Пускай читатели сами судят, на чьей стороне мы видим нетоварищескую полемику: на стороне ли старых русских соц.-демократов, которые определенно высказали свои взгляды и прямо говорят, какие взгляды «молодых» и почему они считают их ошибочными; — или на стороне «молодых», которые, не называя своих противников, шпыняют из-за угла то «автора немецкой книги о Чернышевском» (Плеханова, при чем смешивают его с некоторыми легальными писателями, без малейшего основания к тому), то «Группу Освобождения Труда», цитируя с искажением отрывки ее программы и не выставляя против нее сколько-нибудь определенной своей программы. Да! Мы признаем долг товарищества, долг поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, но для нас долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед

международной соц.-демократией, а не наоборот. Мы признаем за собой товарищеские обязанности перед «Рабочей Мыслью» не потому, что редакторы ее — наши товарищи, а мы считаем редакторов «Рабочей Мысли» нашими товарищами лишь потому и постольку, поскольку они работают в рядах русской (а следовательно, и международной) соц.-демократии. И потому, если мы убеждены, что «товарищи» пятятся назад от соц.-демократической программы, что «товарищи» суживают и уродуют задачи рабочего движения, тогда мы считаем своим долгом высказать свое убеждение с полной определенностью и без всяких недомолвок!

Мы сказали сейчас, что редакторы «Рабочей Мысли» искажают взгляды «Группы Освобождения Труда». Пусть читатель судит сам. «Мы готовы не понять тех наших товарищей, — пишет *Р. М.*, — которые свою программу «Освобождения Труда» считают простым ответом на вопрос: «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?» (в другом месте: «наши революционеры смотрят на движение рабочих, как на лучшее средство ниспровержения самодержавия»). Откройте проект программы русских соц.-демократов, изданный «Группой Освобождения Труда» в 1885 г. и перепечатанный П. Б. Аксельродом в его брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русской соц.-демократии» (Женева, 1898 г.), — и вы увидите, что в основу программы поставлено полное освобождение труда от гнета капитала, переход в общественную собственность всех средств производства, захват рабочим классом политической власти, образование революционной рабочей партии. Что *Р. М.* извращает эту программу, что он не хочет понять ее, — это ясно. Он цепляется за слова П. Б. Аксельрода в начале брошюры, где он сказал, что программа «Группы Освобождения Труда» «явилась ответом» на вопрос: где взять силы на борьбу с самодержавием? Но ведь это же исторический факт, что программа «Группы Освобождения Труда» явилась ответом и на этот вопрос русских революционеров, и на этот вопрос всего русского революционного движения. И если программа «Группы Освобождения Труда» дала ответ на этот вопрос, неужели это значит, что рабочее движение было для этой «Группы Освобождения Труда» лишь средством? Ведь это «непонимание» *Р. М.* свидетельствует лишь о незнакомстве с общеизвестными фактами деятельности «Группы Освобождения Труда».

Далее. Как это «ниспровержение самодержавия» может быть задачей рабочих кружков, *Р. М.* не понимает этого. Откройте программу «Группы Освобождения Труда»: «Главным средством

политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма — сказано там — русские соц.-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к общему, решительному на него нападению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основавшие весной 1898 г. «Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию». И они доказали, что такие организации являются в России крупной политической силой. Если эти организации образуют одну партию и будут вести широкую агитацию против неограниченного правительства, используя при этом все элементы либеральной оппозиции, то задача завоевания политической свободы будет несомненно достижима для такой партии. Если редакторы «Рабочей Мысли» «готовы не понять» этого, то мы «готовы» посоветовать им: поучитесь, господа, ибо сами по себе эти вещи вовсе не очень трудны для понимания.

Вернемся однако к *Р. М.*, которого мы оставили на рассуждениях о борьбе против самодержавия. Собственный взгляд *Р. М.* на этот вопрос еще яснее иллюстрирует новое, попятное, направление «Рабочей Мысли».

«Конец самодержавия ясен, — пишет *Р. М.* — Борьба с самодержавием является для всех жизненных общественных элементов одним из условий их здорового развития». Отсюда следует, пожалуй, полагает читатель, что борьба с самодержавием необходима и для рабочего класса? Нет, погодите, у *Р. М.* своя логика и своя терминология. Под словом «борьба» он, посредством прибавления слова: «общественная» (борьба) — понимает нечто совсем особое. Описавши легальную оппозицию, которую оказывают правительству многие слои русского населения, *Р. М.* заключает: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием». Необходимость общественной борьбы с самодержавием чиновников очевидна для всех сознательных прогрессивных слоев и групп населения. Более того. Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению, не обращая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писателей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня». «Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту» (это заметьте!) «борьбу

с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос:— как должны вести эту общественную (I) борьбу с самодержавием наши рабочие»...

В этих рассуждениях *Р. М.* опять-таки сгружено невероятное количество путаницы и ошибок.

Во-первых, *Р. М.* смешивает легальную оппозицию с борьбой против самодержавия, с борьбой за ниспровержение самодержавия. Производит он это непростительное для социалиста смешение посредством употребляемого им без пояснения выражения «борьба с самодержавием»; выражение это может значить (с оговоркой) и борьбу против самодержавия, но может значить также и борьбу против отдельных мер самодержавия на почве того же самодержавного строя.

Во-вторых, *Р. М.*, относя легальную оппозицию к общественной борьбе с самодержавием и говоря, что наши рабочие должны вести «эту общественную борьбу», сбивается таким образом на то, чтобы наши рабочие вели не революционную борьбу против самодержавия, а легальную оппозицию самодержавию, т.-е. сбивается на безобразное опошление соц.-демократии и смешение ее с самым дюжинным и убогим российским либерализмом.

В-третьих, *Р. М.* говорит прямую неправду про русских соц.-демократических писателей (*Р. М.*, правда, предпочитает «по товарищески» пускать упреки без адреса. Но если он имеет в виду не соц.-демократов, то в его словах нет никакого смысла), будто они не обращают внимания на легальную оппозицию. Напротив, и «Группа Освобождения Труда», и П. Б. Аксельрод в частности, и «Манифест Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии», и брошюра «Задачи русских соц.-демократов» (изданная «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией» и названная Аксельродом комментарием к «Манифесту») ¹⁵⁾ — все они не только обратили внимание на легальную оппозицию, но и выяснили ее отношение к соц.-демократии с полной точностью.

Поясним все это. Какую «борьбу с самодержавием» ведут наши земства, либеральные общества вообще, либеральная печать? Ведут ли они борьбу против самодержавия, борьбу за ниспровержение самодержавия? Нет, такой борьбы они никогда не вели и не ведут. Такую борьбу ведут лишь революционеры, нередко выходящие из среды либерального общества и опирающиеся на сочувствие общества. Но вести революционную борьбу — это вовсе не то же самое, что сочувствовать революционерам и оказывать им поддержку,

борьба против самодержавия вовсе не то же самое, что легальная оппозиция самодержавию. Русские либералы выражают свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую разрешает само самодержавие, т.-е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия. Крупнейшим проявлением либеральной оппозиции были только ходатайства либералов к царскому правительству о привлечении народа к управлению. И либералы терпеливо сносили всякий раз те грубые полицейские отказы, которые получались на такие ходатайства, сносили те незаконные и дикие преследования, которыми награждало жандармское правительство даже за законные попытки заявить свое мнение. Превращать либеральную оппозицию просто-на-просто в общественную борьбу с самодержавием значит прямо извращать дело, потому что русские либералы никогда не организовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия, хотя они всегда могли и могут найти для этого и материальные средства и зарубежных представителей русского либерализма. А *Р. М.* не только извращает дело, но и припутывает к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского. «Союзниками рабочих по этой борьбе, — пишет *Р. М.*, — являются все передовые слои русского общества, отстаивающие свои общественные интересы и учреждения, ясно понимающие свои общие выгоды, «никогда не забывающие» (цитирует *Р. М.* Чернышевского), сколь велика «разница в том, — по независимому ли решению правительства или по формальному требованию общества делается какая-либо перемена». Если относить этот отзыв ко всем представителям «общественной борьбы», как ее понимает *Р. М.*, т.-е. ко всем русским либералам, то это прямая фальшь. Формальных требований правительству никогда не предъявляли русские либералы, и именно поэтому русские либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть самостоятельной революционной роли. Союзниками рабочего класса и соц.-демократии не могут быть «все передовые слои общества», а только революционные партии, основываемые членами этого общества. Либералы же вообще могут и должны служить лишь одним из источников добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной ясностью в названной выше брошюре). Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества», что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства.

Р. М. в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье «Отдельного приложения» отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские соц.-демократы не оценили всего значения «великого русского социалиста». Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Рабочей Мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон.

«Настоящий вопрос» русской соц.-демократии состоит вовсе не в том, как либералам вести «общественную борьбу» (под которой *Р. М.*, как мы видели, понимает легальную оппозицию), а в том, как организовать революционную, борющуюся за ниспровержение абсолютизма рабочую партию, которая могла бы опереться на все оппозиционные элементы в России, которая могла бы использовать все проявления оппозиции для своей революционной борьбы. Для этого необходима именно революционная рабочая партия, потому что только рабочий класс может быть в России решительным и последовательным борцом за демократию, потому что без энергического воздействия такой партии либеральные элементы «могут остаться в состоянии вяло бездействующей, дремлющей силы» (П. Б. Аксельрод, цитированная брошюра, стр. 23). Говоря, что наши «наиболее передовые слои» ведут «действительную (!) общественную борьбу с самодержавием» (стр. 12 статьи *Р. М.*), что «главный для нас вопрос, как должны вести эту общественную борьбу с самодержавием наши рабочие», — говоря такие вещи, *Р. М.*, в сущности, совершенно отступает от соц.-демократии. Нам приходится только серьезно посоветовать редакторам «Рабочей Мысли» хорошенько подумать над тем, куда они хотят идти и где их настоящее место: среди ли революционеров, которые несут в трудящиеся классы знамя социальной революции и хотят организовать их в политическую революционную партию, или среди либералов, которые ведут свою «общественную борьбу» (т.-е. легальную оппозицию). Ведь в теории «общественной самодеятельности» рабочих, в теории «общественной взаимопомощи» и цеховых союзов, ограничивающихся «пока» рабочим днем в 10 часов, в теории «общественной борьбы» с самодержавием земств, либеральных обществ и проч., — в этой теории нет ровно ничего социалистического, ничего такого, чего не признали бы

либералы! Ведь в сущности вся программа «Рабочей Мысли» (поскольку можно тут говорить о программе) клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их хвостом либералов!

Некоторые фразы *Р. М.* особенно странны. «Вся беда только в том, — изрекает *Р. М.*, — что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимает борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием». Какой смысл может иметь такое заявление? Политическая полиция потому и называется политической, что она преследует врагов самодержавия и борцов против него. Поэтому и «Рабочая Мысль», пока она еще не совершила своего превращения в либералов, борется с политической полицией, — как борются с нею и все русские революционеры и социалисты и все сознательные рабочие. Из того факта, что политическая полиция беспощадно преследует социалистов и рабочих, что самодержавие обладает «стройной организацией», «умелыми и ловкими государственными деятелями» (стр. 7 статьи *Р. М.*), из этого факта может следовать только два вывода: трусливый и убогий либерал выведет отсюда, что наш народ вообще и рабочие в частности еще мало подготовлены к борьбе и что надо возложить все упование на «борьбу» земств, либеральной печати и т. п., ибо это есть «действительная борьба с самодержавием», а не только борьба с политической полицией. Социалист и всякий сознательный рабочий выведет отсюда, что рабочая партия должна всеми силами стремиться тоже к «стройной организации», к выработке из передовых рабочих и из социалистов «умелых и ловких революционных деятелей», которые бы поставили рабочую партию на высоту передового борца за демократию и сумели привлечь к ней все оппозиционные элементы.

Редакторы «Рабочей Мысли» не замечают, что они встали на наклонную плоскость, по которой они катятся к первому выводу!

Или еще: «Поражает нас в этих программах», т.-е. в программах соц.-демократов — пишет *Р. М.* — «и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими... важности участия рабочих» в законодательных собраниях фабрикантов, в присутствиях по фабричным делам, городском общественном самоуправлении (стр. 15). Если не выставлять на первый план преимущества парламента, то откуда же узнают рабочие о политических правах и политической свободе? Если молчать об этих вопросах, — как мол-

чит газета «Рабочая Мысль», — то не значит ли это поддерживать среди низших слоев рабочих политическое невежество? Что касается до участия рабочих в городском общественном управлении, то ни один соц.-демократ никогда и нигде не отрицал пользы и важности деятельности рабочих-социалистов в городском самоуправлении, но смешно говорить об этом в России, где никакое открытое проявление социализма невозможно, где увлечение рабочих городским самоуправлением (если бы оно и было возможно) означало бы на деле отвлечение передовых рабочих от социалистического рабочего дела к либерализму.

«Отношение передовых слоев рабочих, — говорит *Р. М.*, — к такому (самодержавному) правительству... так же понятно, как и отношение рабочих к фабрикантам». Значит, — следует отсюда по здравому человеческому смыслу, — передовые слои рабочих — не менее сознательные соц.-демократы, чем социалисты из интеллигентов, и потому стремление «Рабочей Мысли» разделять тех и других нелепо и вредно. Значит, русский рабочий класс создал уже и самостоятельно выдвинул элементы для образования самостоятельной политической рабочей партии. Но редакторы «Рабочей Мысли» из факта политической сознательности передовых слоев рабочих делают вывод... о том, что необходимо тащить этих передовиков назад, чтобы топтаться на одном месте! «Какую борьбу желательно, чтобы вели рабочие?» — спрашивает *Р. М.* и отвечает: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которую «ведут» рабочие в «данную минуту»!!! Трудно в более резкой форме выразить тот бессмысленный и беспринципный оппортунизм, которым заражены редакторы «Рабочей Мысли», увлеченные модной «бернштейниадой»! Желательно, что возможно, а возможно то, что есть в данную минуту! Ведь это все равно, как если бы человеку, который собрался идти в далекий и трудный путь, на котором ждет его масса препятствий и масса врагов, если бы такому человеку на вопрос: куда идти? ответили: желательно идти туда, куда возможно, а возможно идти туда, куда идешь в данную минуту! Вот это именно нигилизм, но только не революционный, а оппортунистический нигилизм, который проявляют либо анархисты, либо буржуазные либералы! «Призывая» русских рабочих к «частной» и «политической» борьбе (при чем под политической борьбой разумеется не борьба против самодержавия, а только «борьба за улучшение положения всех рабочих»), *Р. М.* прямо призывает русское рабочее движение и русскую соц.-демократию сделать шаг назад, призывает, в сущности, рабочих отделиться от соц.-

демократов и выбросить таким образом за борт все приобретения европейского и русского опыта! Для борьбы за улучшение своего положения и только для такой борьбы рабочие не имеют никакой нужды в социалистах. Во всех странах найдутся рабочие, которые ведут борьбу за улучшение своего положения, ничего не зная о социализме или даже враждебно относясь к нему.

«В заключение» — пишет *Р. М.* — «пару слов о нашем понимании рабочего социализма». После вышеизложенного читателю уже не трудно представить себе, каково это «понимание». Это просто сколок с «модной» книги Бернштейна. На место классовой борьбы пролетариата наши «молодые» соц.-демократы ставят «общественную и политическую самодеятельность рабочих». Если мы вспомним, как понимает *Р. М.* общественную «борьбу» и «политику», то для нас ясно будет, что это прямой возврат к «формуле» некоторых легальных русских писателей. Вместо того, чтобы точно указать цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества и замену капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества, вместо этого *Р. М.* указывает сначала на развитие цеховых и потребительных союзов и лишь мимоходом говорит, что социализм ведет к полному обобществлению всех средств производства. Зато печатается жирнейшим шрифтом, что «социализм есть лишь дальнейшее высшее развитие современной общественности» — фраза, заимствованная у Бернштейна, которая не только не уясняет, а затемняет значение и суть социализма. Все либералы и все буржуа безусловно стоят за «развитие современной общественности», так что все они обрадуются заявлению *Р. М.* Но тем не менее буржуа — враги социализма. Дело в том, что в «современной общественности» очень много различных сторон, и употребляющие это общее выражение имеют в виду один — одну, другой — другую сторону. Следовательно, вместо выяснения рабочим понятия классовой борьбы и социализма, *Р. М.* только приводит туманные и сбивающие с толку фразы. Наконец, вместо того, чтобы указать то средство, которое современный социализм выставил для осуществления социализма — завоевание политической власти организованным пролетариатом — вместо этого *Р. М.* говорит только о переходе производства под их (рабочих) общественное управление или под управление демократизованной общественной власти, демократизованной «путем их (рабочих) деятельного участия в присутствиях по разбору всевозможных фабрично-заводских дел, в третейских

судах, во всяких собраниях, комиссиях и совещаниях по выработке рабочих законов, путем участия рабочих в общественном самоуправлении и, наконец, в общем представительном учреждении страны». Таким образом редакторы «Рабочей Мысли» относят к рабочему социализму только такой, который достигается мирным путем, исключая путь революционный. Это сужение социализма и сведение его к дюжинному буржуазному либерализму составляет опять-таки громадный шаг назад против взглядов всех русских и громаднейшего подавляющего большинства европейских соц.-демократов. Рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять в свои руки власть (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), но отказываться от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической, и с практической политической точки зрения, безрассудством и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, не определяя способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем. Но ограничивать деятельность пролетариата во всяком случае одной только мирной «демократизацией», повторяем, значит совершенно произвольно суживать и опошлять понятие рабочего социализма.

Мы не будем разбирать так же подробно других статей «Отдельного приложения».

О статье по поводу 10-летия смерти Чернышевского мы уже сказали. Что же касается до пропаганды редакторами «Рабочей Мысли» бернштейниады, за которую так ухватились во всем мире все враги социализма вообще и буржуазные либералы в особенности, и против которой решительно высказалось (на съезде в Ганновере) подавляющее большинство немецких социал-демократов и немецких сознательных рабочих, — что касается до бернштейниады, то подробно говорить о ней здесь не место. Нас занимает здесь русская бернштейниада, и мы уже показали, какую безграничную путаницу мысли, какое отсутствие всякого намека на самостоятельные воззрения, какой решительный шаг назад против взглядов русской социал-демо-

кратии представляет из себя «наша» бернштейниада. О немецкой же бернштейниаде предоставим говорить лучше немцам же. Заметим только еще, что русская бернштейниада стоит еще бесконечно ниже, чем немецкая. У Бернштейна, несмотря на все его ошибки и несмотря на очевидное стремление его пятиться назад и в теоретическом и в политическом отношении, осталось еще настолько ума и настолько добросовестности, что он, не придя сам ни к какой новой теории или программе, отказался предлагать изменения в программе немецкой социал-демократии и в последний, решительный момент заявил, что принимает резолюцию Бебеля, — резолюцию, торжественно провозгласившую на весь мир, что германская социал-демократия остается при своей старой программе и своей старой тактике. А наши русские бернштейнианцы? Не сделав и сотой доли того, что сделал Бернштейн, они доходят до того, что прямо-таки знать не хотят того факта, что все русские социал-демократические организации положили в 1898 г. основание «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», выпустили ее «Манифест» и объявили ее официальным органом «Рабочую Газету» и что все эти произведения стоят всецело на почве «старой» программы русских социал-демократов. Наши бернштейнианцы как будто бы и не сознают того, что если они отвергли эти старые воззрения и пришли к новым, то их нравственный долг, долг перед всей русской социал-демократией и перед теми социалистами и рабочими, которые вложили все свои силы в подготовку и образование «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» и которые наполняют теперь большей частью русские тюрьмы, — этот долг требует, чтобы представители новых взглядов не ограничивались шпынянием из-за угла каких-то «наших революционеров» вообще, а прямо и открыто заявили, с кем именно и в чем именно они не согласны, какие именно новые воззрения и новую программу ставят они на место старых.

Нам остается рассмотреть еще один и едва ли не самый важный вопрос: как объяснить возникновение подобного попятного направления в русской социал-демократии? Одними личными качествами редакторов «Рабочей Мысли», одним влиянием модной бернштейниады объяснить дело, по нашему мнению, нельзя. Дело объясняется, по нашему мнению, главным образом особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, которая породила — и временно должна была породить — узкое понимание рабочего социализма.

В 80-х и начале 90-х годов, когда начинали практически работать в России социал-демократы, они видели перед собой, во-первых, народовольцев, которые упрекали их в том, что они отстраняются от политической борьбы, завешанной русским революционным движением и с которыми социал-демократы вели упорную полемику, а, во-вторых, российское либеральное общество, которое тоже недовольно было поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии. Poleмика и с теми и с другими вертелась около вопроса о политике. Воюя против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству, социал-демократы могли высказываться и высказывались иногда вообще против политики (в виду того, что господствовало определенное узкое понимание политики). С другой стороны, в либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата. Узкий характер этой работы вначале был неизбежен, отражаясь и в узких заявлениях некоторых социал-демократов. Эта узость не пугала, однако, и тех социал-демократов, которые нисколько не забывали широких исторических целей русского рабочего движения. Что за беда, если узки иногда слова социал-демократов: зато широко их дело. Зато они не уходят в бесполезные заговоры, не якшаются с Балалайкиными буржуазного либерализма, а идут в тот класс, который один только является истинно-революционным классом и содействует развитию его сил! С каждым шагом расширения социал-демократической пропаганды, думали они, эта узость будет сама собой отпадать. В значительной степени так и вышло на самом деле. От пропаганды стали переходить к широкой агитации. Широкая агитация, естественно, стала выделять все большее число сознательных передовых рабочих; стали образовываться революционные организации (С.-Петербургский, Киевский и др. «Союзы борьбы», Еврейский Рабочий Союз). Эти организации, естественно, стали стремиться к слиянию, что им, наконец, и удалось: они соединились и положили основание «Россий-

ской Социал-Демократической Рабочей Партии». Казалось бы, для старой узости не осталось уже теперь никакой почвы, и она будет окончательно отброшена. Но вышло иначе: распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора умения приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями, и более богатым революционным опытом, и более широким политическим кругозором, естественно вели к тому, что эта (совершенно необходимая) сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «попятное направление в русской социал-демократии».

Таким образом на вопросе об отношении передовых слоев пролетариата к низшим его слоям и о значении социал-демократической работы в тех и других слоях нам приходится остановиться поподробнее.

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение; рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс; рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата; рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно выработывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей

рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского. В то время как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и выработать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии. Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной социал-демократии. Только тогда запросы рабочей интеллигенции будут удовлетворяться, и она сама возьмет в свои руки русское рабочее дело, а, следовательно, и русское революционное дело.

За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения. В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих — рабочих-передовиков. Поглощенный местной практической деятельностью, интересуясь всего более хроникой рабочего движения и ближайшими вопросами агитации, такой рабочий должен с каждым своим шагом связывать мысль о всем русском рабочем движении, о его исторической задаче, о конечной цели социализма, и потому газета, массу читателей которой

составляют средние рабочие, необходимо должна связывать с каждым местным и узким вопросом — социализм и политическую борьбу.

Наконец, за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата. Очень возможно, что социалистическая газета будет вовсе или почти вовсе недоступна им (ведь и на западе Европы число социал-демократов избирателей гораздо больше, чем число читателей социал-демократических газет), но из этого нелепо было бы вывести, что газета социал-демократов должна приспособляться к возможно более низкому уровню рабочих. Из этого следует только, что на такие слои должны действовать иные средства агитации и пропаганды: брошюры, написанные наиболее популярно, устная агитация и — главное — листки по поводу местных событий. Социал-демократы не должны ограничиваться даже и этим: очень возможно, что первые шаги по пробуждению сознания в низших слоях рабочих должны пасть на долю легальной просветительной деятельности. Для партии очень важно использовать эту деятельность, направлять ее именно туда, где она наиболее требуется, направить легальных деятелей на распахку той нови, которую засеют потом социал-демократические агитаторы. Агитация среди низших слоев рабочих должна предоставлять, конечно, наибольший простор личным особенностям агитатора и особенностям места, профессий и пр. «Не надо смешивать тактику и агитацию», — говорит Каутский в книге против Бернштейна. — «Способ агитации должен приспособляться к индивидуальным и местным условиям. В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление, благодаря своему одушевлению, другой — благодаря своему едкому сарказму, третий — благодаря умению приводить массу примеров и пр. Сообразуясь с агитатором, агитация должна сообразоваться также и с публикой. Агитатор должен говорить так, чтобы его понимали: он должен исходить из того, что хорошо известно слушателям. Все это разумеется само собой и применимо не к одной только агитации среди крестьян. С извозчиками надо говорить иначе, чем с матросами, с матросами иначе, чем с наборщиками. Агитация должна быть индивидуализирована, но наша тактика, наша политическая деятельность должна быть одина» (стр. 2—3). Эти слова передового представителя социал-демократической теории содержат превосходную оценку агитации в общей деятельности партии. Эти слова показывают, как неосновательны опасения тех, кто думает, что образование революционной партии, ведущей политическую борьбу, помешает

агитации, оттеснит ее на второй план или стеснит свободу агитаторов. Напротив, только организованная партия может широко вести агитацию, давать необходимое руководство (и материал) для агитаторов по всем экономическим и политическим вопросам, использовать каждый местный успех агитации для назидания всех русских рабочих, направлять агитаторов в такую среду или такие местности, где они могут действовать с наибольшим успехом. Только в организованной партии люди, обладающие способностями агитаторов, будут в состоянии посвятить себя всецело этому делу, — к выигрышу и для агитации и для остальных сторон социал-демократической работы. Отсюда видно, что тот, кто за экономической борьбой забывает политическую агитацию и пропаганду, забывает необходимость организовать рабочее движение в борьбу политической партии, тот, помимо всего прочего, лишает себя даже возможности поставить прочно и успешно привлечение наиболее низких слоев пролетариата к рабочему делу.

Но такое преувеличение одной стороны деятельности в ущерб другим и даже со стремлением выкинуть вовсе за борт эти другие стороны грозит еще несравненно более вредными последствиями для русского рабочего движения. Низшие слои пролетариата могут быть прямо развращены, если они слышат такую клевету, будто основатели русской социал-демократии видят в рабочих только средство для ниспровержения самодержавия, если они слышат приглашения ограничиться восстановлением праздников и цеховыми союзами, оставив в стороне конечные цели социализма и ближайшие задачи политической борьбы. Такие рабочие могут всегда попасться (и будут попадаться) на удочку любой подачи со стороны правительства и буржуазии. Под влиянием проповеди «Рабочей Мысли» низшие слои пролетариата, совершенно неразвитые рабочие, могут проникнуться тем буржуазным и глубоко реакционным убеждением, что, кроме прибавки платы и восстановления праздников («интересы минуты»), рабочий не может и не должен интересоваться ничем более, что рабочий народ может и должен одними своими силами, одной своей «частной инициативой» вести рабочее дело, не стремясь слить его с социализмом, не стремясь превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества. Самые неразвитые рабочие, повторяем, могут быть развращены таким убеждением, но мы уверены, что передовые русские рабочие, те, которые руководят рабочими кружками и всей социал-демократической деятельностью, те, которые наполняют теперь наши тюрьмы и места ссылки, начиная от Архангельской губернии и до Восточной Сибири, — что эти рабочие с негодованием отвергнут

подобную теорию. Сводить все движение к интересам минуты — значит спекулировать на неразвитость рабочих, играть на руку их худшим страстям. Это значит искусственно разрывать связь между рабочим движением и социализмом, между вполне определившимися политическими стремлениями передовых рабочих и стихийными проявлениями протеста масс. И вот поэтому попытка «Рабочей Мысли» выступить с особым направлением заслуживает особенного внимания и требует особенно энергичного протеста. Пока «Рабочая Мысль», приспособляясь, видимо, к низшим слоям пролетариата, старательно обходила вопрос о конечной цели социализма и политической борьбе, но не заявляла о своем особом направлении — многие социал-демократы только качали головой, надеясь, что с развитием и расширением своей работы члены группы «Рабочей Мысли» сами легко освободятся от своей узости. Но когда люди, исполнявшие до сих пор полезную работу приговорительного класса, начинают шуметь на всю Европу, цепляясь за модные теории оппортунизма, и заявлять, что они желают всю русскую социал-демократию засадить на много лет (если не навсегда) в приговорительный класс, — когда, другими словами, люди, полезно трудившиеся до сих пор над боченком меда, начинают с «публичным оказательством» вливать в него ковши дегтя, — тогда мы должны решительно восстать против этого попятного направления!

Русская социал-демократия и в лице ее основателей, членов «Группы Освобождения Труда», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признавала всегда два следующие основные положения: 1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим; 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Кто отступает от этих основных положений (точно формулированных в программе «Группы Освобождения Труда» и выраженных в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»), тот отступает от социал-демократии.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

О промышленных судах ¹⁶).

Промышленными судами называются суды, состоящие из выборных от рабочих и хозяев (фабрикантов в промышленности) и разбирающие дела и споры, которые возникают так часто из-за условий найма, из-за определения платы за обыкновенную и сверхурочную работу, из-за расчета рабочих не по правилам, из-за вознаграждения за порчу материалов, из-за неправильного наложения штрафов и т. д. и т. д. В большинстве западно-европейских государств такие суды существуют, в России — нет, и мы намерены рассмотреть, какие выгоды приносят они рабочим и почему желательно учреждение промышленных судов кроме обыкновенных судов, в которых судит один, назначенный правительством или выбранный имущими классами, судья без всяких выборных от хозяев и от рабочих.

Первая выгода промышленного суда состоит в том, что он гораздо доступнее для рабочих. Чтобы обратиться с жалобой в обыкновенный суд, надо писать прошение (для этого приходится часто обратиться к адвокату), надо платить пошлины, надо долго ждать сроков, надо являться на суд, отрываясь от работы и отрывая свидетелей, надо дожидаться потом, когда дело перейдет, по жалобе недовольных тяжущихся, в высший суд, где дело еще раз перерешается. Неудивительно, что рабочие так неохотно обращаются в обыкновенные суды! Промышленные же суды состоят из хозяев и рабочих, выбранных в судьи. Заявить словесно жалобу своему же выборному товарищу для рабочего вовсе не трудно. Заседания промышленных судов назначаются обыкновенно по праздникам или вообще в такое время, когда рабочие свободны, и им не приходится отрываться от занятий. Производятся дела в промышленных судах гораздо быстрее.

Вторая выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что судьи в них гораздо более понимают в фабрично-заводских делах, что судьи притом не сторонние чиновники, а местные люди,

знающие условия жизни рабочих и условия местного производства, притом половина судей — рабочие, которые всегда отнесутся справедливо к рабочему, а не будут смотреть на него как на пьяницу, нахала и невежду (как смотрят на рабочих большей частью судьи-чиновники, которые берутся из класса буржуазии, из класса имущих людей и которые сохраняют почти всегда связи с буржуазным обществом, с фабрикантами, директорами, инженерами, а от рабочих точно отгорожены китайской стеной). Судьи-чиновники заботятся больше всего о том, чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику, который стремится лишь получать свое жалованье и выслуживаться перед начальством. От этого так безобразно много бывает всегда в чиновничьих судах бумажной волокиты, сутяжничества и крючкотворства: написал как-нибудь не так в бумаге, не сумел когда следует занести в протокол — пропало дело, хотя бы и справедливое было дело. Когда судьями бывают выборные от фабрикантов и от рабочих, то им вовсе нет надобности увеличивать бумажную волокиту: служат они не из-за жалования; от тунеядцев-чиновников они не зависят. Заботятся они не о том, чтобы получше еще получить местечко, а о том, чтобы уладить споры, которые мешают фабрикантам вести свое производство безостановочно, которые мешают рабочим спокойно продолжать свою работу и менее бояться придирок и несправедливых обид от хозяев. А потом, — чтобы разбирать споры между хозяевами и рабочими, надо хорошо, по своему опыту, знать фабричную жизнь. Судья-чиновник заглянул в рабочую книжку, прочитал правило, — и больше слушать ничего не хочет: нарушено, дескать, правило, так и отвечай, а я больше знать ничего не знаю. А выборные судьи из хозяев и рабочих смотрят не на одни только бумажки, а и на то, как дело в жизни бывает. Иногда ведь правило-то остается преспокойно стоять на бумаге, а на деле выходит совсем иначе. Судья-чиновник часто, если бы даже и хотел, если бы даже с полным вниманием разобрался в делах, не может понять, в чем суть, потому что он не знает обычаев, не знает способов составления расценки, не знает, какими способами дожимают часто рабочего мастера и, не нарушая правил и расценки (например, переводят на другую работу, дают другой материал и пр. и пр.). Выборные судьи, которые сами работают или сами ведут фабричные дела, сразу разбираются во всех таких вопросах, они легко понимают, чего собственно хочет рабочий, они заботятся не об одном соблюдении правил, а о том, чтобы уладить все так, чтобы

рабочего не могли притеснять в обход правилам, чтобы не могло быть и поводов для обмана и произвола. Вот недавно было в газетах известие, что рабочих-шапочников чуть-чуть не осудили, по жалобе хозяина, за кражу — они пользовались обрезками шапок; хорошо, что нашлись честные адвокаты, которые собрали сведения и доказали, что такой уж обычай в этом промысле и что рабочие не только не воры, но даже и правил-то никаких не нарушили. Но ведь обыкновенному, простому рабочему, получающему самую маленькую плату, почти никогда не добратся до хорошего адвоката, — и поэтому, как знает всякий рабочий, судьи-чиновники очень часто постановляют по рабочим делам самые жестокие и бессмысленно-жестокие приговоры. От судей-чиновников никогда нельзя ждать полной справедливости: мы уже сказали, что эти судьи принадлежат к буржуазному классу и наперед бывают предубеждены верить всему, что говорит фабрикант и не верить словам рабочего. Судья смотрит в закон: договор личного найма (один человек нанимается за плату сделать что-либо другому или служить у него). И ему все равно, нанимается ли к фабриканту инженер, врач, директор фабрики или нанимается черно-рабочий; судья думает (благодаря своей бумажной душе и своей буржуазной тупости), что чернорабочий точно так же хорошо должен знать свои права и уметь оговорить все, что требуется, в договоре, как директор, врач, инженер. А в промышленном суде в судьях состоят (наполовину) выборные от рабочих, которые очень хорошо понимают, что рабочий-новичок или молодой чувствует себя часто на фабрике и в конторе словно в темном лесу и даже в мыслях того не имеет, что он заключает «свободный договор» и может «предусмотреть» в нем все желательные для него условия. Возьмем, для примера, хоть такой случай: хочет рабочий жаловаться на несправедливую браковку или на штрафы. Нечего и думать о том, чтобы жаловаться на это чиновнику-судье или чиновнику-фабричному инспектору. Чиновник будет твердить одно: закон предоставляет фабриканту право штрафовать рабочих и браковать плохую работу, и уж это фабрикантово, дескать, дело определять, когда работа плоха, когда рабочий провинился. Поэтому-то рабочие так редко и обращаются в суды с подобными жалобами: они терпят злоупотребления, терпят, а кончают стачкой, когда чаша их терпения переполнится. Если же среди судей сидели бы выборные от рабочих, тогда рабочим несравненно легче было бы добиваться правды и защиты и по таким делам и по всем самым мелким фабричным спорам и обидам. Ведь это богатому чиновнику-судье кажется, что

такие мелочи и внимания не стоят (кипяток какой-нибудь для чая, или машину лишний раз вычистить, или что-нибудь подобное), а для рабочего-то это вовсе не мелочи; только сами рабочие и могут судить о том, какую иногда массу притеснений, обиды и унижений вызывают самые мелкие и на первый взгляд пустяшные, безобидные правила и порядки на фабриках.

Третья выгода промышленных судов для рабочих — та, что рабочие учатся в них и посредством их знакомству с законами. Обычно рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее взыскивают чиновники и чиновнические судьи за незнание законов. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается: «отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья предполагает поэтому, что каждый рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против неимущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий заключает с хозяином «свободный договор». На самом деле рабочему, который с малых лет забирается на фабрику, едва-едва выучившись грамоте (а очень и очень многие и грамоте-то не могут выучиться!), законов узнать некогда и не от кого и, пожалуй, не зачем, — потому что, если законы применяют, не спрашивая его, чиновники из буржуазии, то мало пользы принесут рабочему законы! Буржуазные классы, которые обвиняют рабочих в незнании законов, сами ровно ничего не сделали для того, чтобы облегчить рабочим приобретение такого знания, и потому действительно виноваты в незнании рабочими законов не столько сами рабочие, сколько их эксплуататоры (= грабители), которые владеют всей собственностью, живут чужим трудом и одни только хотят пользоваться образованием и наукой. Никакая школа и никакие книжки не дадут и не могут дать рабочим знания законов, потому что книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа, школой пользуются по той же причине тоже немногие, да и те, кто проходит школу, умеют большей частью только читать, писать и считать; а этого еще мало, чтобы разобраться в такой сложной и трудной области как русские законы. Рабочие могут ознакомиться с законами только тогда, когда им придется самим применять эти законы и слышать и видеть суд по этим законам. Рабочие, например, могли бы лучше знать законы,

если бы их назначали в присяжные заседатели (обязывая фабрикантов платить им прежнюю плату и за те дни, которые они проводят в суде); но в буржуазном обществе устроено так, что присяжными могут быть только люди из имущего класса (да еще крестьяне, вышколенные «общественной службой», т.-е. на деле службой в низших полицейских должностях); неимущие же, пролетарии, должны только подчиняться чужому суду, а сами судить не имеют права! Когда устраиваются промышленные суды, то рабочие сами выбирают в них судьями своих товарищей, и эти выборы повторяются через определенные сроки; таким образом выборные из рабочих сами применяют законы и получают возможность ознакомиться с ними на практике, то-есть не только прочесть напечатанные в книжке законы (это ведь далеко еще не значит ознакомиться с законами), но и на деле убедиться в том, к каким случаям и как именно применяются те или другие законы и какое влияние оказывают они на рабочих. А потом и кроме выборных судей и остальные рабочие гораздо легче знакомятся с законами при устройстве промышленных судов, потому что с судьями из своих товарищей рабочий всегда легко может переговорить и получить от него нужные сведения. Так как промышленный суд доступнее рабочим, чем суд чиновников, то рабочие несравненно чаще посещают его, слушают разбор тех дел, в которых участвуют их родственники и знакомые, и таким образом знакомятся с законами. А рабочему человеку крайне важно не из книжек только, а из самой жизни познакомиться с законами, чтобы понять, в чьих интересах составлены эти законы, в чьих интересах действуют люди, применяющие законы. Ознакомившись с законами, всякий рабочий ясно видит, что это — интересы имущего класса, собственников, капиталистов, буржуазии, и что рабочему классу никогда не добиться себе прочного и коренного улучшения своей судьбы, пока он сам не добьется права выбирать своих выборных для участия в составлении законов и в надзоре за их исполнением.

Далее (в-четвертых), хорошая сторона промышленных судов состоит в том, что они приучают рабочих принимать самостоятельное участие в общественных, государственных делах (потому что суд есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности), приучают рабочих выбирать более разумных, честных и твердо стоящих за рабочее дело товарищей на такие должности, в которых деятельность этих рабочих видна всему рабочему классу, на такие должности, в которых представители рабочих могут заявлять нужды и требования всех рабочих. Интерес класса

капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздробленными, чтобы удалять скорее тех рабочих, которые умнее других и которые пользуются своим умом и своими знаниями не для того, чтобы сделаться изменником рабочему делу, выслуживаясь перед мастерами, хозяевами и полицейскими, а пользуются для того, чтобы помочь и остальным рабочим приобрести больше знания и научиться сообща стоять за рабочее дело. Но чтобы таких передовых рабочих, которые так нужны для рабочего дела, знали все рабочие и доверяли им, для этого очень важно, чтобы все видели деятельность этого рабочего, чтобы все знали о том, умеет ли он выражать действительные нужды и желания рабочих и стоять за них. Вот если бы рабочие могли выбирать таких людей в судьи, тогда лучших людей из рабочих знали бы все, им больше доверяли бы, и рабочее дело от этого получило бы громадную пользу. Посмотрите на наших землевладельцев, промышленников и купцов: ведь они не удовлетворяются тем, что каждый из них может поехать к губернатору или министру и заявить ему свои просьбы; они добиваются еще, чтобы выборные из них заседали и в суде (суды с сословными представителями) и принимали прямое участие в управлении (например, выбираемые дворянами предводители дворянства, попечители школ и пр.; выбираемые купцами члены фабричных присутствий, члены биржевых и ярмарочных комитетов и проч.). Рабочий же класс в России остается совсем бесправным: на него смотрят, как на вьючный скот, который должен работать на других и молчать, не смея заявить свои нужды и свои желания. Если бы рабочие выбирали постоянно своих товарищей в промышленные суды, то они получили бы хоть некоторую возможность участвовать в общественных делах и заявлять не только мнения отдельных рабочих, Петра, Сидора или Ивана, а заявлять мнения и требования всех рабочих. И рабочие не относились бы тогда к судам с таким недоверием, как они относятся к судам чиновников: они видели бы, что там есть их товарищи, которые постоят за них.

Затем (в-пятых), выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что эти суды вызывали бы больше огласки фабричных дел и всех случаев фабричной жизни. Теперь мы видим, что и фабриканты и правительство изо всех сил стараются скрывать от глаз общества то, что происходит в фабричном мире: о стачках запрещают печатать, отчеты фабричных инспекторов о положении рабочих тоже перестали печатать, всякое злоупотребление стараются замолчать и уладить поскорее дело «келейно», чиновничьим порядком,

всякие собрания рабочих преследуются. Неудивительно, что масса рабочих часто очень плохо знакома с тем, что делается на других фабриках или даже на других отделениях той же фабрики. Промышленные суды, в которые рабочие могли бы часто обращаться, в которых дела велись бы в свободное для рабочих время и гласно, т.-е. в присутствии рабочей публики, принесли бы много пользы рабочим и тем, что способствовали бы огласке всякого злоупотребления, облегчали тем рабочим борьбу против разных фабричных безобразий, приучали рабочих думать о порядках не своей только фабрики, но и о порядках на всех фабриках, о положении всех рабочих *).

Наконец, нельзя обойти молчанием и еще одной выгоды промышленных судов: они приучают фабрикантов, директоров, мастеров к приличному обращению с рабочими, как с равноправными гражданами, а не как с холопами. Всякий рабочий знает, как часто фабриканты и мастера позволяют себе безобразно грубое обращение с рабочими, ругань и т. п. Жаловаться на это рабочему трудно, а давать отпор удается только там, где все рабочие уже довольно развиты и сумеют поддержать товарища. Фабриканты и мастера говорят, что наши рабочие очень невежественны и грубы — потому с ними и приходится обращаться грубо. В рабочем классе у нас, действительно, много еще следов крепостного права, мало образования и много грубости, — этого нельзя отрицать. Но только кто виноват в этом больше всех? Виноваты именно фабриканты, мастера, чиновники, которые держат себя с рабочими, как бары с крепостными, которые не хотят признать в рабочем равного себе человека. Рабочие обращаются с вежливой просьбой или вопросом — и встречают отовсюду грубость, ругань, угрозы. Не очевидно ли, что если фабриканты обвиняют при этом рабочих в грубости, то они валят с больной головы на здоровую? Промышленные суды быстро стали бы отучать наших эксплуататоров от грубого обращения: в суде были бы судьями рабочие

---

*) Конечно, не надо забывать при этом, что промышленные суды могут быть только одним из средств и путей огласки, далеко не главным путем. Настоящая и полная огласка фабричной жизни, положения рабочих и их борьбы может быть дана только свободными рабочими газетами и свободными народными собраниями, обсуждающими все государственные дела. Точно так же и представительство рабочих в промышленных судах есть только одно из средств представительства, но далеко не главное средство: настоящее представительство рабочих интересов и нужд возможно только во всенародном представительном учреждении (парламенте), которое бы издавало законы и надзидало за их исполнением. Мы еще будем говорить ниже о том, возможны ли промышленные суды при теперешних порядках в России.

рядом с фабрикантами, которые бы вместе обсуждали дела и подавали голоса. Судьи-фабриканты должны были бы видеть в судьях-рабочих ровню себе, а не наймитов. Перед судом были бы тяжущиеся и свидетели и из фабрикантов и из рабочих: фабриканты приучились бы вести правильные переговоры с рабочими. Это очень важно для рабочих, потому что в настоящее время такие переговоры крайне редко удаются: фабрикант и знать не хочет того, чтобы рабочие выбирали своих депутатов, и рабочим один путь остается для разговора: стачка, а это путь трудный и часто очень тяжелый. Потом, если бы в числе судей были и рабочие, — тогда рабочие могли бы свободно обращаться в суд с жалобами на грубость обращения. Судьи-рабочие всегда встали бы на их сторону, и призыв фабриканта или мастера к суду за грубость отбил бы у них охоту держать себя с нахальством и надменностью.

Таким образом промышленные суды, состоящие из выборных от хозяев и рабочих поровну, имеют очень важное значение для рабочих и приносят им много пользы: они гораздо доступнее для рабочих, чем обыкновенные суды, в них меньше волокиты и бумажности, в них судьи понимают условия фабричной жизни и судят более справедливо, они знакомят рабочих с законами, они приучают рабочих к выборам своих представителей и к участию в государственных делах, они расширяют огласку фабричного быта и рабочего движения, они приучают фабрикантов к приличному обращению с рабочими и к правильным переговорам с рабочими, как с равными им людьми. Неудивительно поэтому, что рабочие во всех европейских странах требуют учреждения промышленных судов, требуют, чтобы эти суды существовали не только для фабрично-заводских рабочих (у немцев, французов такие-то суды уже есть), но и для рабочих, работающих по домам на капиталистов (для кустарей) и для сельских рабочих. Никакие назначаемые правительством чиновники (ни судьи ни фабричные инспектора) никогда не могут заменить собой таких учреждений, в которых бы участвовали сами, рабочие: разъяснить это, после всего сказанного нами выше, нет надобности. Всякий рабочий притом и сам по своему опыту знает, чего ему ждать от чиновников; всякий рабочий прекрасно поймет что если ему скажут, будто чиновники нисколько не хуже сумеют позаботиться о рабочих, чем выборные от самих рабочих, то это будет ложь и обман. Такой обман очень выгоден правительству, которое хочет оставить рабочих невежественными, бесправными и бессловесными рабами капиталистов, и поэтому-то так часто и можно

слышать эти лживые уверения от чиновников или от писателей, защищающих фабрикантов и правительство.

Необходимость и польза для рабочих промышленных судов настолько очевидны, что ее признали давным-давно даже русские чиновники. Правда, это было так давно, что об этом многие позабыли! Это было тогда, когда наши крестьяне были освобождены из крепостной зависимости (в 1861 г., более 38 лет тому назад). Около того же времени русское правительство решило заменить также новыми законы о ремесленниках и фабричных рабочих: слишком уже ясно было тогда, что с освобождением крестьян нельзя оставить старые законы о рабочих; когда выработывались эти старые законы, из рабочих многие были крепостными. И вот правительство назначило комиссию из нескольких чиновников, поручив им изучить немецкие и французские (и других стран) законы о фабричных рабочих и составить проект изменения русских законов о ремесленниках и фабричных рабочих. Комиссия была составлена из очень важных лиц. Но все же таки они принялись за работу и напечатали целых пять книг, в которых изложили иностранные законы и предложили новый закон для России. По этому, предлагаемому комиссией, закону вводились промышленные суды с выбранными судьями от фабрикантов и от рабочих поровну. Напечатан был этот проект в 1865 году, т.-е. 34 года тому назад. Ну и что же сделали с этим проектом закона? — спросит рабочий. Почему же правительство, которое само поручило этим чиновникам выработать проект необходимых изменений, не ввело в России промышленных судов?

С проектом этой комиссии наше правительство поступило так, как оно всегда поступает со всеми сколько-нибудь хорошими для народа и для рабочих проектами. Чиновников правительство наградило жалованьем за труды на пользу царя и отечества; чиновникам повесили на шею ордена, дали высшие чины и более доходные места. А составленный ими проект положили себе преспокойно «под сукно», как говорят в канцеляриях. Так этот проект и лежит по сию пору под сукном. Правительство и думать перестало о том, чтобы дать рабочим право выбирать своих же товарищей-рабочих в промышленные суды.

Но ведь нельзя же сказать, что правительство с тех пор ни разу не вспоминало о рабочих. Правда, оно вспоминало о них не по своей доброй воле, а исключительно под давлением грозных рабочих волнений и стачек, но все же вспоминало. Оно издало законы о запрещении детской работы на фабриках, о запрещении ночной

работы женщин в известных производствах, о сокращении рабочего дня, о назначении фабричных инспекторов. Как ни крючкотворчески составлены эти законы, как ни много лазеек оставляют они фабрикантам для нарушения и обхода законов, но все же некоторую долю пользы они приносят. Так вот, почему же правительство предпочло не вводить промышленные суды, хотя такой закон был уже вполне разработан, а вводить новые законы и новых чиновников — фабричных инспекторов? Причина тому совершенно ясная, и рабочим очень важно вполне понять эту причину, потому что на этом примере можно понять всю политику русского правительства по отношению к рабочему классу.

Вместо промышленных судов правительство назначило новых чиновников потому, что промышленные суды подняли бы сознательность рабочих, повысили в них сознание своих прав, своего человеческого и гражданского достоинства, приучили их самостоятельно думать о государственных делах и об интересах всего рабочего класса, приучили бы их к выборам своих более развитых товарищей на должность представителей рабочих, подорвали бы таким образом хотя отчасти хозяйничанье одних только самовластных чиновников. А этого-то и боится пуще всего наше правительство. Оно готово даже дать рабочим кое-какие поправки — (конечно, небольшие поправки и притом так, чтобы одной рукой у всех на глазах торжественно дать и благодетелем себя назвать, а другой рукой тайком опять понемногу отнять! На примере фабричного закона 2-го июня 1897 г. рабочие уже знают эту уловку!) — готово дать поправки, лишь бы оставить неприкосновенным чиновничье самовластье и не дать проснуться сознанию рабочих, не дать развиться их самостоятельности. Этой ужасной для него опасности правительство легко избегает, назначая новых чиновников: чиновники — его послушные слуги. Чиновникам (например, фабричным инспекторам) ничего не стоит запретить печатать их отчеты, им ничего не стоит запретить говорить рабочим об их правах и злоупотреблениях хозяев, им ничего не стоит превратить в фабричных урядников, предписав им сообщать полиции о каждом неудовольствии и волнении рабочих.

Поэтому до тех пор, пока остаются в России теперешние политические порядки — то-есть бесправие народа, произвол ответственных перед народом чиновников и полиции, — до тех пор рабочие не могут надеяться на учреждение полезных для них промышленных судов. Правительство очень хорошо понимает, что промышленные суды очень быстро заставили бы рабочих перейти и к более коренным

требованиям. Выбирая своих представителей в промышленные суды, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, так как помещики и фабриканты, эксплуатирующие рабочих, посылают своих представителей в очень многие государственные учреждения, гораздо более высокие; рабочие потребовали бы непременно всенародного представительства. Добиваясь огласки фабричных дел и рабочих нужд в судах, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, потому что настоящую огласку в наше время могут дать только газеты и народные собрания, и рабочие потребовали бы свободы собраний, свободы слова и свободы печати. Вот поэтому-то правительство и похоронило проект введения в России промышленных судов!

С другой стороны, предположим на минуту, что правительство умышленно, желая обмануть рабочих, ввело бы теперь же промышленные суды, сохраняя в неизменности теперешние политические порядки. Была ли бы рабочим польза от этого? Никакой пользы бы не было: рабочие даже сами не стали бы выбирать в эти суды своих наиболее сознательных, честных и преданных рабочему делу товарищей, потому что они знают, что за всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь!

Следовательно, требование промышленных судов с выборными от рабочих составляет только одну частичку более широкого и более коренного требования: требования политических прав народу, т.-е. права участвовать в управлении государством и заявлять открыто о народных нуждах не только в газетах, но и в народных собраниях.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

О стачках ¹⁷).

Рабочие стачки сделались в России в последние годы чрезвычайно частыми. Не осталось ни одной промышленной губернии, где бы не было по несколько стачек. А в крупных городах стачки не прекращаются вовсе. Понятно поэтому, что и сознательные рабочие и социалисты все чаще задаются вопросом о значении стачек, о способах ведения стачек, о задачах участия социалистов в стачках.

Мы хотим попытаться изложить некоторые наши соображения по этим вопросам. В первой статье мы думаем сказать о значении стачек в рабочем движении вообще; во второй статье — о русских законах против стачек, в третьей — о том, как велись и ведутся стачки в России и как следует относиться к ним сознательным рабочим.

1.

Прежде всего следует поставить вопрос, чем объясняется возникновение и распространение стачек. Всякий, кто припомнит все случаи стачек, известные ему по личному опыту, по рассказам других или из газет, — сразу увидит, что стачки возникают и распространяются там, где возникают и распространяются крупные фабрики. Из крупнейших фабрик, занимающих по несколько сот (а иногда и тысяч) рабочих, вряд ли найдется хоть одна, на которой не было бы стачки рабочих. Когда в России было мало крупных фабрик и заводов, было мало и стачек, а с тех пор, как быстро растут крупные фабрики, и в старинных фабричных местностях и в новых городах и селах, — с тех пор все чаще становятся стачки.

Отчего это происходит, что крупное фабричное производство всегда ведет к стачкам? Происходит это от того, что капитализм необходимо ведет к борьбе рабочих с хозяевами, а когда производство становится крупным, эта борьба необходимо становится стачечной борьбой.

Поясним это.

Капитализмом называется такое устройство общества, когда земля, фабрики, орудия и пр. принадлежат небольшому числу землевладельцев и капиталистов, а масса народа не имеет никакой или почти никакой собственности и должна поэтому наниматься в работники. Землевладельцы и фабриканты нанимают рабочих, заставляют их производить те или другие продукты, которые они и продают на рынке. При этом фабриканты платят рабочим только такую плату, чтобы рабочие едва-едва могли просуществовать на нее со своими семьями, а все, что производит рабочий сверх такого количества продуктов, фабрикант кладет в свой карман, это составляет его прибыль. Таким образом при капиталистическом хозяйстве масса народа работает по найму у других людей, работает не на себя, а на хозяев за плату. Понятно, что хозяева стараются всегда понизить плату: чем меньше они отдадут рабочим, тем больше останется у них прибыли. Рабочие же стараются получить как можно больше платы, чтобы можно было кормить всю семью сытной и здоровой пищей, жить в хорошем жилище, одеваться не по-нищенски, а как все одеваются. Таким образом между хозяевами и рабочими идет постоянная борьба из-за заработной платы: хозяин волен нанять какого ему угодно рабочего, и он поэтому ищет самого дешевого. Рабочий волен наняться к какому ему угодно хозяину и ищет самого дорогого, который заплатил бы подороже. Работает ли рабочий в деревне или в городе, нанимается ли он к помещику, к богатому мужику, к подрядчику или фабриканту, — он всегда торгуется с хозяином, борется с ним из-за платы.

Но может ли рабочий в одиночку вести эту борьбу? Рабочего народу становится все больше: крестьяне разоряются и бегут из деревень в города и на фабрики. Помещики и фабриканты вводят машины, которые отнимают работу у рабочих. В городах все больше становится безработных, в деревнях — все больше нищих; голодный народ сбивает плату все ниже и ниже. Рабочему становится невозможно в одиночку бороться с хозяином. Если рабочий потребует хорошей платы или станет не соглашаться на понижение платы, — то хозяин ответит: ступай прочь, много голодных-то за воротами, они рады работать и за низкую плату.

Когда разорение народа доходит до такой степени, что и в городах и в деревнях всегда есть массы безработного народа, когда фабриканты скапливают громадные богатства и мелкие хозяйчики вытесняются миллионерами, — тогда отдельный рабочий становится совершенно бессильным перед капиталистом. Капиталист

получает возможность совершенно задавить рабочего, загнать его до смерти на каторжной работе, да и не его одного, а также и его жену и его детей. И в самом деле, взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам, — и вы увидите безмерно длинный рабочий день, доходящий до 17—19 час., вы увидите надрывающихся за работой детей с 5—6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-по-малу с голоду рабочих. Пример: те рабочие, которые работают у себя по домам на капиталистов; да всякий рабочий припомнит еще много и много других примеров! Даже при рабстве и при крепостном праве никогда не было такого страшного угнетения рабочего народа, до какого доходят капиталисты, если рабочие не могут оказывать им сопротивления, не могут завоевать себе законов, ограничивающих произвол хозяев.

И вот, чтобы не дать довести себя до такого крайнего положения, рабочие начинают отчаянную борьбу. Видя, что по одиночке каждый из них — совершенно бессилён, и что ему грозит гибель под гнетом капитала, рабочие начинают поднимать сообща восстания против своих хозяев. Начинаются рабочие стачки. Сначала рабочие часто не понимают даже, чего они добиваются, не сознают, за чем они это делают: они просто ломают машины, разрушают фабрики. Они хотят только дать почувствовать фабрикантам свое возмущение, они пробуют свои совместные силы, чтобы выйти из невыносимого положения, не зная еще, отчего именно их положение так безнадежно и к чему они должны стремиться.

Во всех странах возмущение рабочих начиналось с отдельных восстаний — бунтов, как их у нас называет полиция и фабриканты. Во всех странах эти отдельные восстания породили, с одной стороны, более или менее мирные забастовки, а с другой стороны — всестороннюю борьбу рабочего класса за свое освобождение.

Какое же значение имеют забастовки (или стачки) в борьбе рабочего класса? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала поподробнее остановиться здесь на забастовках. Если плата рабочего определяется, — как мы видели, — договором между хозяином и рабочим, если отдельный рабочий оказывается при этом совершенно бессильным, то ясно, что рабочие необходимо должны сообща отстаивать свои требования, необходимо должны устраивать стачки, чтобы помешать хозяевам понизить плату или чтобы добиться себе более высокой платы. И действительно, нет ни одной страны с капи-

талистическим устройством, в которой не было бы рабочих стачек. Во всех европейских государствах и в Америке рабочие везде чувствуют себя бессильными в одиночку и могут оказывать сопротивление хозяевам только сообща, либо устраивая стачки, либо угрожая стачкой. И чем дальше развивается капитализм, чем быстрее растут крупные фабрики и заводы, чем сильнее мелкие капиталисты вытесняются крупными — тем более настоятельной становится нужда в совместном сопротивлении рабочих, потому что тем острее становится безработица, тем сильнее конкуренция между капиталистами, стремящимися производить товары как можно дешевле (а для этого и рабочим надо платить как можно дешевле), тем сильнее колебания промышленности и кризисы *). Когда промышленность процветает, фабриканты получают большие прибыли и не думая делиться ими с рабочими; во время же кризиса фабриканты стараются свалить убытки на рабочих. Необходимость стачек в капиталистическом обществе настолько признана всеми в европейских странах, что там закон не запрещает устройство стачек, только в России остались дикие законы против стачек (об этих законах и о применении их мы будем говорить в другой раз).

Но, вытекая из самой сущности капиталистического общества, стачки означают начало борьбы рабочего класса против этого устройства общества. Когда против богатых капиталистов стоят отдельные неимущие рабочие, то это означает полное порабощение рабочих. Но когда эти неимущие рабочие соединяются, — дело меняется. Никакие богатства не принесут никакой пользы капиталистам, если они не найдут рабочих, согласных прилагать свой труд к их орудиям и материалам и производить новые богатства. Когда рабочие по одиночке имеют дело с хозяевами, они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми, они начинают требовать, чтобы их

---

*) Подробнее о кризисах промышленности и о их значении для рабочих мы поговорим когда-либо в другой раз. Теперь же заметим только, что в последние годы в России промышленные дела шли превосходно, промышленность «процветала», но теперь (конец 1899 г.) замечаются уже ясные признаки того, что это «процветание» кончится кризисом: заминкой в сбыте товаров, банкротствами фабрикантов, разорением мелких хозяев и страшными бедствиями рабочих (безработицей, понижением платы и т. д.).

труд не шел только на обогащение кучки тунеядцев, а давал возможность работающим жить по-человечески. Рабы начинают заявлять требование сделаться хозяевами, — работать и жить не так, как хотят помещики и капиталисты, а так, как хотят сами трудящиеся. Стачки потому и внушают всегда такой ужас капиталистам, что они начинают колебать их господство. «Все колеса остановятся, если захочет того твоя сильная рука», — говорит о рабочем классе одна песня немецких рабочих. И в самом деле: фабрики, заводы, помещичьи хозяйства, машины, железные дороги и пр. и пр., это все как бы колеса одного громадного механизма, — механизм этот добывает разные продукты, обрабатывает их, доставляет куда следует. Весь этот механизм двигает рабочий, который возделывает землю, добывает руду, выделяет товары на фабриках, строит дома, мастерские, железные дороги. Когда рабочие отказываются работать, весь этот механизм грозит остановиться. Каждая стачка напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые все громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки. Посмотрите, какое громадное влияние оказывает стачка и на стачечников и на рабочих соседних или близких фабрик или фабрик того же производства. В обыкновенное, мирное время рабочий молча несет свою лямку, не перечит хозяину, не рассуждает о своем положении. Во время стачки он громко заявляет свои требования, он напоминает хозяевам все их притеснения, он заявляет свои права, он думает не о себе одном и не о своей только получке — он думает и о всех товарищах, которые бросили работу вместе с ним и которые стоят за рабочее дело, не боясь лишений. Всякая стачка приносит с собой для рабочего массу лишений и таких страшных лишений, которые можно сравнить только с бедствиями войны: голодание семей, потеря заработка, часто арест, высылка из того города, где он обжился и имеет занятие. И, несмотря на все эти бедствия, рабочие презирают тех, кто отступает от всех товарищей и идет на сделку с хозяином. Несмотря на бедствия стачки, — рабочие соседних фабрик всегда испытывают подъем духа, когда видят, что их товарищи начали борьбу. «Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии», говорил один великий учитель социализма, Энгельс, про стачки английских рабочих. Часто стоит только забастовать одной фабрике, — и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик. Так велико нравственное влияние стачек, так заразительно

действует на рабочих вид их товарищей, которые хоть на время становятся из рабов равноправными людьми с богачами! Всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме — о борьбе всего рабочего класса за свое освобождение от гнета капитала. Очень часто бывало так, что до крупной стачки рабочие какой-нибудь фабрики или какого-нибудь производства, какого-нибудь города почти не знали и не думали о социализме, — но после стачки среди них все сильнее распространяются кружки, союзы и все больше и больше рабочих делается социалистами.

Стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих. Когда фабрикант, наживший себе миллионы трудом нескольких поколений рабочих, не соглашается на самую скромную прибавку к плате или даже пытается еще более понизить плату и, в случае сопротивления рабочих, выбрасывает на мостовую тысячи голодных семей, — тогда рабочие ясно видят, что весь класс капиталистов есть враг всему классу рабочих, что рабочие могут надеяться только на себя и на свое объединение. Очень часто бывает, что фабрикант старается всеми силами обмануть рабочих, выставить себя их благодетелем, прикрыть свою эксплуатацию рабочих какой-нибудь пустой подачкой, какими-нибудь лживыми обещаниями. Всякая стачка всегда одним ударом разрушает весь этот обман, показывая рабочим, что их «благодетель» есть волк в овечьей шкуре.

Но стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство, и на законы. Точно так же, как фабриканты стараются себя выставить благодетелями рабочих, так чиновники и их прихвостни стараются уверить рабочих, что царь и царское правительство заботится о фабрикантах и рабочих одинаково, по справедливости. Законов рабочий не знает, с чиновниками, особенно высшими, он дела не имеет, и потому часто верит всему этому. Но вот случилась стачка. На фабрику являются прокурор, фабричный инспектор, полиция, часто и войско. Рабочие узнают, что они нарушили закон: фабрикантам закон позволяет и собираться и открыто говорить о том, как бы понизить плату рабочим, а рабочие за совместный уговор объявляются преступниками! Рабочих выгоняют из их квартир; полиция закрывает лавки, из которых рабочие могли бы получать в долг припасы, солдат стараются натравить на рабочих, даже когда рабочие держат себя совсем спокойно

и мирно. Солдатам приказывают даже стрелять в рабочих, и когда они убивают безоружных рабочих, стреляя в спину убегающим, то сам царь посылает свою благодарность войску (так благодарил царь солдат, которые убили в 1895 г. в Ярославле рабочих-стачечников). Всякому рабочему становится ясно, что царское правительство — его злейший враг, защищающий капиталистов и связывающий рабочих по рукам и ногам. Рабочий начинает понимать, что законы издаются в интересах одних только богатых, что и чиновники защищают их же интересы, что рабочему народу затыкают рот и не дают возможности заявить о своих нуждах, что рабочий класс необходимо должен добиваться себе права стачек, права издавать рабочие газеты, права участвовать в народном представительстве, которое должно издавать законы и надзирать за их исполнением. И правительство очень хорошо само понимает, что стачки открывают глаза рабочим и потому-то оно так и боится стачек, стремится во что бы то ни стало затушить их как можно скорее. Один немецкий министр внутренних дел, который особенно прославился тем, что всеми силами преследовал социалистов и сознательных рабочих, не даром заявил однажды перед народными представителями: «из-за каждой стачки выглядывает гидра (чудовище) революции»; с каждой стачкой крепнет и развивается в рабочих сознание, что правительство его враг, что рабочий класс должен готовить себя к борьбе с ним за народные права.

Итак, стачки приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов, стачки научают рабочих думать о борьбе всего рабочего класса против всего класса фабрикантов и против самовластного, полицейского правительства. Вот поэтому-то социалисты и называют стачки «школой войны», школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала.

Но «школа войны» еще не есть самая война. Когда среди рабочих широко распространяются стачки, то некоторые рабочие (и некоторые социалисты) начинают думать, что рабочий класс может и ограничиться одними стачками и стачечными кассами или обществами, что посредством одних стачек рабочий класс может добиться серьезного улучшения своего положения или даже своего освобождения. Видя, какую силу представляет из себя соединение рабочих и даже мелкие стачки их, некоторые думают, что стоит рабочим устроить всеобщую стачку по всей стране — и рабочие могут

добиться от капиталистов и правительства всего, чего хотят. Такое мнение высказывали рабочие и других стран, когда рабочее движение только начиналось, и рабочие были еще очень неопытны. Но это мнение ошибочно. Стачки — это одно из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса. В самом деле, для успеха стачек нужны кассы, чтобы из них содержать рабочих во время стачек. Такие кассы рабочие (обыкновенно рабочие отдельных промыслов, отдельных ремесл или цехов) и устраивают во всех странах, но у нас в России это особенно трудно, потому что полиция выслеживает их и захватывает деньги, арестует рабочих. Конечно, рабочие умеют и скрываться от полиции; конечно, устройство таких касс полезно, и мы не хотим отсоветовать рабочим заниматься этим. Но нельзя надеяться, чтобы при запрещении законом рабочих касс они могли привлечь массу членов; а при малом числе членов рабочие кассы не очень-то много принесут пользы. Затем, даже и в тех странах, в которых свободно существуют рабочие союзы, и у них есть громадные кассы, — даже и в них рабочий класс никак не может ограничиться в своей борьбе одними стачками. Стоит только произойти заминке в промышленных делах (кризису, который, например, теперь приближается и в России), — и фабриканты даже нарочно вызывают стачки, потому что им выгодно прекратить иногда на время работу, выгодно разорить рабочие кассы. Одними стачками и стачечными обществами рабочие поэтому никак не могут ограничиваться. Во-вторых, стачки успешно проходят только там, где рабочие уже довольно сознательны, где они умеют выбрать время для стачек, умеют предъявить требования, имеют связи с социалистами, чтобы добывать листки и брошюры. А таких рабочих еще немного в России, и необходимо направить все силы на то, чтобы увеличить их число, чтобы познакомить с рабочим делом массы рабочих, познакомить их с социализмом и рабочей борьбой. Эту задачу должны взять на себя социалисты и сознательные рабочие вместе, образуя для этого социалистическую рабочую партию. В-третьих, стачки показывают рабочим, как мы видели, что правительство — его враг, что с ним нужно вести борьбу. И во всех странах стачки действительно научили постепенно рабочий класс вести борьбу с правительствами за права рабочих и за права всего народа. Вести такую борьбу может только, как мы уже сейчас и сказали, социалистическая рабочая партия, распространяя среди рабочих верные

понятия о правительстве и о рабочем деле. Мы в другой раз будем говорить особо о том, как ведутся у нас в России стачки и как должны пользоваться ими сознательные рабочие. Теперь же мы должны указать, что стачки есть, как уже замечено выше, «школа войны», а не самая война, стачки — только одно средство борьбы, только одна форма рабочего движения. От отдельных стачек рабочие могут и должны перейти и действительно переходят во всех странах к борьбе всего рабочего класса за освобождение всех трудящихся. Когда все сознательные рабочие становятся социалистами, т.-е. стремящимися к такому освобождению, когда они соединяются между собой по всей стране, чтобы распространять среди рабочих социализм, чтобы учить рабочих всем средствам борьбы против их врагов, когда они составляют социалистическую рабочую партию, борющуюся за освобождение всего народа от гнета правительства и освобождение всех трудящихся от гнета капитала, — тогда только рабочий класс вполне примыкает к тому великому движению рабочих всех стран, которое объединяет всех рабочих и поднимает красное знамя со словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Без подписи.*

1900 ГОД

Предисловие к брошюре „Майские дни в Харькове“.

(Изд. «Искра». Январь 1901 г.).

Предлагаемая брошюра представляет из себя описание знаменитой маевки 1900 г. в Харькове, составленное Харьковским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на основании описаний самих рабочих. Она прислана нам в виде корреспонденции, но мы сочли необходимым издать ее отдельно, как вследствие ее значительного объема, так и в виду того, чтобы как можно легче было распространить ее в возможно большем количестве и возможно шире. Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века, — и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм. Пора начать готовиться к новой маевке, и одной из важных подготовительных мер должно быть ознакомление с тем, чего уже достигло социал-демократическое движение в России, рассмотрение того, что еще недостает нашему движению вообще, и маевке в частности, и как мы должны пополнить эти недочеты, как добиться лучших результатов.

Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника и чего недостает нам для того, чтобы это празднование действительно стало великой общерусской демонстрацией сознательного пролетариата. Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные

знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-часовой рабочий день и политическая свобода. Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитацией за отдельные политические реформы, а не за борьбу против всего политического строя России, — эта сказка решительно опровергается Харьковской маевкой. Но мы хотим здесь обратить внимание на другую сторону дела. Доказав еще и еще раз политические способности русских рабочих, маевка в Харькове показывает в то же время, чего нам недостает для полного развития этих способностей.

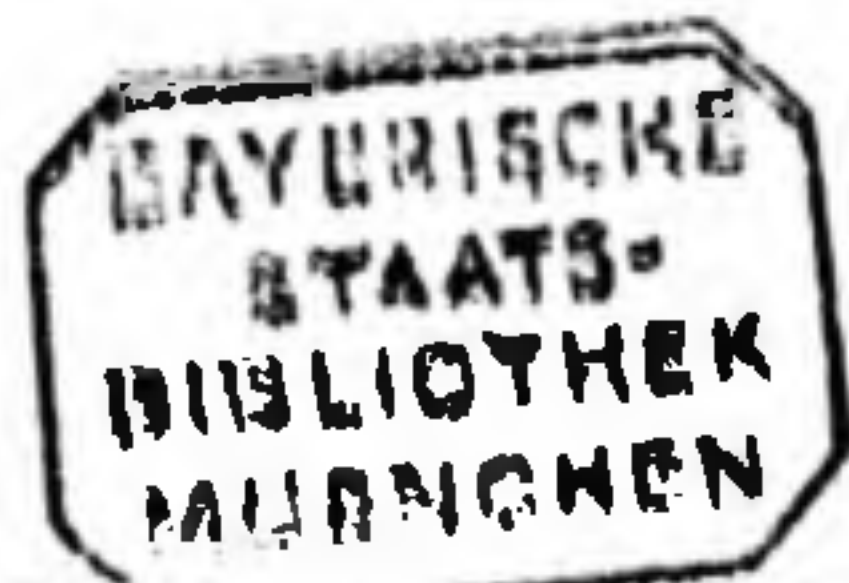
Харьковские социал-демократы постарались подготовить маевку, распространив брошюры и листки заранее; был составлен рабочими и план общей демонстрации и речей на Конной площади. Отчего не удался этот план? Харьковские товарищи отвечают на это так: оттого, что силы «главного штаба» сознательных социалистов-рабочих были распределены неравномерно, в одном заводе много, в других мало; оттого, далее, что план рабочих «был известен властям», принявшим, разумеется, все меры для разъединения рабочих. Вывод ясен: нам недостает организации. Масса рабочих всколыхнулась уже и готова идти за социалистическими вождями, но «главному штабу» не удалось еще организовать крепкого ядра, правильно распределяющего все наличные силы сознательных рабочих, обеспечивающего настолько конспиративную (тайную) постановку дела, чтобы заранее составленные планы действия оставались неизвестны не только властям, но и всем, стоящим вне организации. Эта организация должна быть революционной организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознавших задачи социал-демократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем, она должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим. Не о проведен и искусственно-сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании «чисто-рабочей» организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего. Мы позволим себе напомнить здесь следующие слова Г. Плеханова:

«Необходимым условием этой (агитационной) деятельности является сплочение уже готовых революционных сил. Круговой пропагандой могут заниматься люди, ничем не связанные между собой, даже не подозревающие существования один другого. Конечно, отсутствие организации всегда отзывается и на пропаганде, но оно не делает ее невозможной. В эпохи же сильного общественного возбуждения, когда политическая атмосфера насыщена электричеством и когда то здесь, то там, по самым различным, самым непредвиденным поводам происходят все более и более частые вспышки, свидетельствующие о приближении революционной бури, — короче, когда надо агитировать или оставаться за флагом, в такие эпохи только организованные революционные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий. Отдельная личность становится тогда бессильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка: революционным организациям» (Г. Плеханов. «О задачах социалистов в борьбе с голодом», стр. 83).

В истории русского рабочего движения наступает именно такая эпоха возбуждения и вспышек по самым различным поводам, и если мы не хотим остаться «за флагом», мы должны направить все усилия на создание общерусской организации, способной руководить всеми отдельными вспышками, и таким образом достигнуть того, чтобы приближающаяся буря (о которой говорит также харьковский рабочий в конце брошюры) была не стихийной бурей, а сознательным движением пролетариата, восставшего во главе всего народа против самодержавного правительства.

Кроме наглядного указания на недостаточную сплоченность и подготовленность наших революционных организаций, харьковская маевка дает еще одно не менее важное практическое указание. «С первомайским праздником и манифестацией — говорится в брошюре — неожиданно переплелись различные практические требования, предъявленные без соответствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденные, в общем, на неудачу». Возьмем, например, требования рабочих железнодорожных мастерских: из 14 требований 11 представляют из себя требования отдельных мелких улучшений, вполне достижимых и при современных политических порядках: увеличение платы, сокращение рабочего времени, устранение злоупотреблений. На ряду с этими требованиями, как бы совершенно однородные с ними, стоят три такие требования: 4) ввести 8-часовой рабочий день; 7) гарантировать неприкосновенность личности рабочих после майских событий; 10) учредить комиссию из

рабочих и администрации для разбора всяких недоразумений между обеими сторонами. Первое из этих требований (п. 4) есть общее требование всемирного пролетариата; выставление этого требования указывает, повидимому, на то, что передовые харьковские рабочие понимают свою солидарность со всемирным социалистическим рабочим движением. Но именно поэтому подобное требование не следует ставить в числе частных требований, между которыми, чтобы мастера лучше обращались и чтобы плату повысили на 10 процентов. Требования об увеличении платы и об улучшении обращения могут быть предъявляемы (и должны быть предъявляемы) рабочими отдельных ремесел к их хозяевам; это — требования цеховые, требования отдельных разрядов рабочих. Требование же 8-часового рабочего дня есть требование всего пролетариата, обращенное не к отдельным хозяевам, а к государственной власти, как к представительнице всего современного общественного и политического строя, ко всему классу капиталистов, владеющих всеми средствами производства. Требование 8-часового рабочего дня приобрело особое значение: оно есть заявление солидарности с международным социалистическим движением. Мы должны позаботиться о том, чтобы рабочие сознали эту разницу, чтобы они не сводили требование 8-часового рабочего дня на уровень такого же требования, как требование бесплатных билетов или удаление сторожа. В течение всего года рабочие то здесь, то там предъявляют постоянно различные частные требования хозяевам и борются за них: помогая этой борьбе, социалисты должны всегда указывать на ее связь с борьбой пролетариата всех стран за свое освобождение. И день первого мая должен быть днем торжественного заявления того, что рабочие сознают эту связь и решительно примыкают к этой борьбе.

Возьмем десятое требование об учреждении комиссии для разбора недоразумений. Такая комиссия из выборных от рабочих и от администрации могла бы, конечно, принести много пользы, но только при условии полной свободы выборов и полной независимости депутатов. Какая польза будет от комиссии, если будут рассчитывать тех рабочих, которые поведут борьбу против выбора ставленников начальства, которые будут резко нападать на администрацию, разоблачая все ее притеснения? А таких рабочих не только будут рассчитывать, но и арестовывать. Значит, для того, чтобы такая комиссия принесла пользу рабочим, нужно, во-первых, чтобы депутаты не зависели от начальства фабрики; это достижимо только при существовании свободного союза рабочих, союза, охватывающего много

фабрик, имеющего свою кассу и готового отстоять своих депутатов. Комиссия может быть полезна только при объединении многих фабрик, по возможности всех фабрик данного ремесла. Далее, для этого нужно, во-вторых, чтобы личность рабочих была неприкосновенна, т.-е. чтобы их не могли арестовать по произволу полиции и жандармерии. Это требование — гарантировать неприкосновенность личности рабочих — и было предъявлено (п. 7). Но спрашивается, от кого же могут требовать рабочие гарантирования неприкосновенности личности и свободы союзов (необходимой, как мы видели, для успеха комиссий)? Только от государственной власти, потому что отсутствие неприкосновенности личности и свободы союзов зависит от основных законов русского государства, и даже больше того: зависит от формы государственного правления в России. По форме правления, Россия есть неограниченная монархия. Царь — самодержавен, он один издает законы и назначает всех высших чиновников без всякого участия народа и народных представителей. При таком государственном устройстве личность не может быть неприкосновенна, союзы граждан вообще, а рабочих в особенности, не могут быть свободны. Поэтому требование от самодержавного правительства, чтобы оно гарантировало неприкосновенность личности (и свободу союзов), не имеет никакого смысла: такое требование равносильно требованию политических прав для народа, а самодержавное правительство потому и называется самодержавным, что означает политическое бесправие народа. Гарантировать неприкосновенность личности (и свободу союзов) возможно будет только тогда, когда в издании законов и во всем государственном управлении будут участвовать народные представители. Пока нет народного представительства, даже те маленькие уступки, которые дает рабочим одной рукой самодержавное правительство, оно будет всегда отнимать другой рукой. Харьковская маевка еще и еще раз наглядно показала это: губернатор, по требованию массы рабочих, освободил арестованных, а затем через несколько дней по приказу из Петербурга снова похватали десятки рабочих! Губернское и фабричное начальство «гарантирует» неприкосновенность депутатов, а жандармерия хватает их и бросает в одиночные тюрьмы или высылает из города! Какая может быть польза народу от такого гарантирования?

И вот почему рабочие должны требовать от царя созыва народных представителей, созыва земского собора. В прокламации, распространенной в Харькове перед первым мая этого года, было заявлено это требование, и мы видели, что часть передовых рабочих

вполне усвоила себе его значение. Мы должны позаботиться о том, чтобы все передовые рабочие ясно поняли необходимость этого требования, чтобы они распространили его не только среди рабочих масс, но и среди всех слоев народа, приходящих в соприкосновение с рабочими и с интересом допытывающихся, из-за чего борются социалисты и «городские» рабочие? В настоящем году на вопросы фабричного инспектора, что собственно нужно рабочим, только один голос крикнул: «конституции», и этот голос был так одинок, что корреспондент несколько посмеивается, говоря: «один пролетарий выпалил». Другой корреспондент прямо говорит, что «в данном случае» этот ответ был «полукомическим» (см. «Рабочее движение в Харькове», отчет «Харьковского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», изданный «Рабочим Делом». Женева, сентябрь 1900 г., стр. 14). Собственно говоря, ничего смешного в таком ответе не было: смешным могло показаться только несоответствие этого одиноко заявленного требования изменить весь государственный строй с требованиями сократить на полчаса рабочий день и производить в рабочие часы получку. Но связь между этими последними требованиями и требованием конституции есть несомненно, и если мы добьемся (а мы несомненно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крик: «конституции!» будет уже не одинок, а раздастся из уст тысяч и сотен тысяч, и тогда этот крик будет уже не смешным, а грозным. Рассказывают, что некто, проезжая во время майских дней по Харькову, спросил извозчика, чего собственно хотят рабочие, и тот ответил: «Требуют, вишь, восьми часов работы и своей газеты». Этот извозчик понял уже, что рабочие не удовлетворятся какими-нибудь подачками, что они хотят чувствовать себя свободными людьми, хотят свободно и открыто заявлять о своих нуждах и бороться за них. Но в его ответе не видно еще сознания того, что рабочие борются за свободу всего народа, за его право участвовать в управлении государством. Когда требование, чтобы царь созвал народных представителей, будет с полной сознательностью и непоколебимой твердостью повторено рабочими массами во всех промышленных городах и фабричных местностях России, когда рабочие достигнут того, чтобы все городское население и весь приходящий в города деревенский люд поняли, чего хотят социалисты и за что борются рабочие, тогда от нас недалек уже будет великий день освобождения народа от полицейского самовластия!

*„Майские дни в Харькове“.
Изд. „Искры“. Январь 1901 г.
Подпис: : Редакция „Искры“.*

1901 ГОД

Новое побоище.

Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И сто крат заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждой и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот

почему известие о таком побоище, какое было, например, 7-го мая на Обуховском заводе заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабочие устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем временем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что объединенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том, что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем,

и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7-го мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга. Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7-го мая. В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7-го сего мая — гласит официальное сообщение — после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочих разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода, подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели — допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень не редко, — то это даже по русскому законодательству (которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (например, самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышаются наказания за стачки и пр., — с другой стороны, теряется и физическая и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить политическую борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время прикрыть ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке»

и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок, независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствами» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т.-е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Неудивительно, что на такие объяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось дважды отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода*), и это, несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, — если верить полицейскому сообщению, — но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели «градом», при чем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями из-за заборов, так что даже после трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы.

---

*) Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже наготове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали наготове во дворе завода вооруженную команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактические данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки, об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7-е мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов¹⁸⁾. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней, — и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз заготовить другое оружие. Рабочие были неподготовлены и их было только 3½ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городских и пехоты. Вспомните, легко ли дался полиции штурм одного дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «очистить от рабочих» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «очищать» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4-го марта, кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы?

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

*„Искра“ № 5.
Июнь 1901 года.*

Начало демонстраций.

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «Земля и Воля» (1876 г.), — более широкое требование, чем «отмена Временных правил» (1901 г.)¹⁰). Таким лозунгом должна быть политическая свобода, таким общенародным требованием должно быть требование созыва народных представителей.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимо объединить его в один поток против самодержавия, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло, — как справедливо выразился оратор Нижегородской демонстрации, — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас давят всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!».

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция арестовала его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства. Исполнительный Комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в Электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избивание полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты I-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо сту-

дентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в своем сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 ноября — 2 декабря Харьков второй раз в этом году превратился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долой самодержавие! да здравствует свобода!» — с одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтанье народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывается над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!», — а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще бóльшим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

„Искра“ № 13.

20 декабря 1901 г.

Бав подписи.

1902 ГОД

Признаки банкротства.

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств, — после всего этого правительство «сердечного попечения» публикует задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова представляют лишь новое проявление все той же либе-

ральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т.-е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организаций, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?».

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора, с бóльшей, чем у них принято, определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, легально созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, например, что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть максимум того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом, или усилить политический, революционный характер своего протеста, — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об его протестах, об его активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, невзирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального

общества, еслиб оно не приложило всех усилий для того, чтобы свое временно оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но, каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова на долго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в этом направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А, ведь, кроме насилия и заигрывания, третьего пути нет! И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того не разрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20, слишком лет, как введено

положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к впрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его экономической политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменились, и, с превращением голодовки в нормальное состояние деревни, наш паразит не столько носит с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли г.г. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это социальное банкротство монархии г.г. Обмановых не менее поучительно, чем ее политическое банкротство

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить изо дня в день, заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило политическую мобилизацию тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

*„Искра“ № 17.
15 февраля 1902 г.
Без подписи.*

Письмо Московскому Комитету ²⁰⁾.

24 августа 1902 г.

Дорогие товарищи!

Мы получили ваше письмо с выражением благодарности автору «Что делать?» и постановление об отчислении 20% в пользу «Искры». В свою очередь, я горячо благодарю вас за выражение сочувствия и солидарности. Для нелегального писателя это тем ценнее, что ему приходится работать в условиях необычного отчуждения от читателя. Всякий обмен мыслей, всякое сообщение о том впечатлении, какое производит та или иная статья или брошюра на разные слои читателя, имеет для нас особенно важное значение, и мы очень благодарны будем, если нам будут писать не только о делах в узком смысле слова, не только для печати, но и для того, чтобы писатель не чувствовал себя оторванным от читателя.

В № 21 «Искры» мы опубликовали ваше постановление об отчислении 20% в «Искру». Вашу же благодарность Ленину мы не решились опубликовать, ибо, во-первых, вы ее поставили особо, не упомянув о своем желании видеть ее в печати, а, во-вторых, и форма этой благодарности как будто не подходила для печати. Но не думайте, пожалуйста, что нам не важно опубликовывать заявления комитетов об их солидарности с такими-то взглядами. Напротив, именно теперь, когда мы все думаем о соединении революционной социал-демократии, это особенно важно. Было бы весьма желательно, чтобы свою солидарность с моей книгой Московский Комитет облек в форму заявления, которое и появилось бы в «Искре» немедленно. Давно пора комитетам выступать с открытым провозглашением своей партийной позиции, порвать с той тактикой молчаливого согласия, которая преобладала в «третьем периоде» ²¹⁾. Это — общее соображение в пользу открытого заявления. А в частности меня, напр., печатно обвинили (группа «Борьба» в своем «Листке») ²²⁾

в желании сделать редакцию «Искры» русским Центральным Комитетом, «командовать» над «агентами» и т. п. Это — явное извращение того, что сказано в «Что делать?», но у меня нет охоты печатать еще и еще раз: «вы извращаете». Я думаю, что должны заговорить те действующие в России практики, которые досконально знают о том, что «командование» «Искры» не идет дальше советов и высказывания своего мнения, и которые видят, что излагаемые в «Что делать?» организационные идеи выражают насущную злобу дня, больной вопрос действительного движения. Я думаю, что этим практикам следует самим потребовать себе слова и громко заявить о том, как они смотрят на вопросы, как они опытом своей работы приходят к солидарным с нами взглядам на организационные задачи.

Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на ваши собственные вопросы, что вы сами из непосредственного знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более объединенной, более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы, — которое формулировано и в этой книге. А раз это так, раз вы действительно пришли к такому убеждению, — желательно, чтобы комитет открыто и громко заявил это, приглашая и другие комитеты работать вместе с ним в том же направлении, держась за ту же «ниточку», ставя себе те же ближайшие организационно-партийные цели.

Мы надеемся, товарищи, что вы найдете возможным прочесть это письмо на общем собрании всего комитета и сообщите нам ваше решение по поводу намечаемых вопросов (в скобках добавлю, что Петербургский Комитет прислал нам тоже выражение солидарности и думает сейчас о таком же заявлении).

Достаточно ли было у вас «Что делать?»? Читали ли рабочие, и как отнеслись?

Жму крепко руку всем товарищам и желаю им полного успеха.

Ваш Ленин.

Еще вот что: 14 сентября будет конгресс немецкой социал-демократической партии: от нас на конгресс поедет П. Б. Аксельрод. Если считаете удобным, пришлите ему мандат от Московского Комитета. Еще успеется. Всего лучшего. Ответьте поскорее.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Почему социал-демократия должна объявить решительную войну социалистам-революционерам? ^{2а)}

1) Потому, что течение нашей общественной мысли, известное под именем «социалистски-революционного», на самом деле отодвигается и отодвинулось от единственной международной теории революционного социализма, которая только существует в настоящее время, т.-е. от марксизма. В великом расколе международной социал-демократии на оппортунистическую («бернштейнианскую» тоже) и революционную это течение заняло совершенно-неопределенную и непозволительно-половинчатую позицию между двух стульев, признавши марксизм «поколебленным» («Вестник Русской Революции», № 2, с. 62) на основании одной только буржуазно-оппортунистической критики, обещая с своей стороны заново и по-своему «пересмотреть» марксизм и не делая ровно ничего для исполнения этого грозного обещания.

2) Потому, что с.-р. течение беспомощно пасует перед тем господствующим направлением русской общественно-политической мысли, которое должно быть названо либерально-народническим. Повторяя ошибку «Народной Воли» и всего старого русского социализма вообще, с.-р. не видят полной дряблости и внутренней противоречивости этого направления и ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости. Русский марксизм впервые подорвал теоретические основы либерально-народнического направления, обнаружил его буржуазное и мелко-буржуазное классовое содержание, повел против него войну и ведет ее, не смущаясь переходом целой кучи критических (=оппортунистических) марксистов в лагерь противников. Но с.-р. занимали и занимают во всей этой войне позицию (в лучшем случае) враждебного нейтралитета, усаживаясь опять таки между двух стульев посреди русского марксизма (от которого они переняли только

обрывки) и квази-социалистического либерально-народнического направления.

3) Потому, что с.-р., в силу их указанной выше беспринципности в вопросах международного и русского социализма, не понимают или не признают единственного действительно революционного принципа классовой борьбы. Они не понимают, что действительно революционной и истинно-социалистической может быть в современной России лишь партия, сливающая социализм с русским рабочим движением, которое все с большей силой и с все большей широтой порождается развивающимся русским капитализмом. Отношение с.-р-ов к русскому рабочему движению всегда было зрительно-дилетантское, и когда, напр., это движение заболело (от паразитически быстрого роста) экономизмом, г.г. с.-р. с одной стороны злорадствовали по поводу ошибок людей, работавших над новым и трудным делом пробуждения рабочих масс, а, с другой стороны, бросали палки под колеса революционного марксизма, поведшего и победоносно поведшего борьбу с этим экономизмом. Половинчатое отношение к рабочему движению неизбежно ведет к фактическому отстранению от него, и в силу этого отстранения партия с.-р. лишена всякого социального базиса. Она не опирается ни на один общественный класс, ибо нельзя назвать классом группы неустойчивой интеллигенции, которая считает «широтой» свою расплывчатость и беспринципность.

4) Потому, что, пренебрежительно относясь к социалистической идеологии и желая опереться заодно и в равной мере и на интеллигенцию, и на пролетариат, и на крестьянство, партия с.-р. тем самым неизбежно (независимо от ее воли) ведет к политическому и идейному порабощению русского пролетариата русской буржуазной демократией. Пренебрежительное отношение к теории, уклончивость по отношению к социалистической идеологии неминуемо играет на руку идеологии буржуазной. Русская интеллигенция и русское крестьянство, как социальные слои, сопоставляемые с пролетариатом, могут быть опорой только буржуазно-демократического движения. Это не только соображение, обязательно вытекающее из всего нашего учения, — нет, это кроме того и прямой факт, начинающий сказываться уже теперь. А в момент политического переворота и на другой день после этого переворота этот факт неизбежно скажется еще с гораздо большей силой. С.-революционаризм есть одно из тех проявлений мелко-буржуазной идейной неустойчивости и мелко-буржуазной вульгаризации социализма,

с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну.

5) Потому, что уже те практически программные требования, которые соц.-рев. успели — не скажу: выставить, а хотя бы: наметить, обнаружили уже с полной ясностью, какой громадный вред приносит на практике беспринципность этого направления. Например, аграрная программа-минимум, набросанная в № 8 «Революционной России», во-первых вводит в заблуждение и крестьянство, обещая ему «минимум» — социализацию земли, и рабочий класс, поселяя в нем совершенно неверное представление о действительном характере крестьянского движения. Такие легкомысленные обещания только компрометируют революционную партию вообще и в частности учение научного социализма об обобществлении всех средств производства, как нашей конечной цели. Во-вторых, ставя в свою программу-минимум поддержку и развитие кооперации, социалисты-революционеры совершенно сходят тем самым с почвы революционной борьбы и принижают свой якобы-социализм до уровня самого дюжинного мелко-буржуазного реформаторства. В-третьих, восставши против требования социал-демократии уничтожить все средневековые путы, связывающие нашу общину, прикрепляющие мужика к наделу, лишаящие его свободы передвижения и неизбежно обуславливающие его сословную приниженность, социал-революционеры показали этим, что они не смогли даже уберечь себя от реакционных учений русского народничества.

6) Потому, что, ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, с.-р. приносят этим серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклатья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют с.-р., ни в какой связи с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит, что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной рабочей партии, что на деле террор социалистов-революционеров является ничем иным, как единоборством, всецело осужденным опытом истории. Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши с.-р. В русских рабочих массах эта проповедь прямо сеет вредные иллюзии, будто террор

«заставляет людей политически мыслить хотя бы против их воли» («Революционная Россия», № 7, с. 4), будто он «вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд... тысяч людей на революционеров и на смысл (!!) их деятельности», будто он способен «вдохнуть новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций» (там же) и т. п. Эти вредные иллюзии могут привести только к быстрому разочарованию и к ослаблению работы по подготовке натиска масс на самодержавие.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

1903 ГОД

Московские зубатовцы в Петербурге.

В «Московских Ведомостях» (№ 345, от 15 декабря 1902 г.) помещено «письмо к издателю» рабочего Ф. А. Слепова, которое мы перепечатаваем целиком ниже. Во-первых, нам хочется поощрить нашего почтеннейшего «собрата по перу», г. редактора «М. Вед.» Грингмута, поместившего столь интересный документ. А в поощрении г. Грингмут, несомненно, нуждается, ибо его высокополезная деятельность по доставлению (и освещению) материала для революционной агитации за последнее время как-то ослабела, потускнела... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторых, петербургским рабочим в высшей степени важно теперь следить за каждым шагом зубатовщины, регулярно собирать, шире распространять и обстоятельнее разъяснять всем и каждому сведения о том, как обвинявшиеся шпионами рабочие беседуют с бывшими, настоящими и будущими генералами, великосветскими дамами и «истинно-русскими» интеллигентами.

Вот это письмо, которое мы снабжаем некоторыми примечаниями в скобках:

«М. Г. Не найдете ли вы возможным напечатать в уважаемых истинно-русскими людьми «Моск. Ведомостях» следующее:

«10 числа текущего месяца в Петербурге, в помещении «Русского Собрания», происходило заседание членов Совета названного «Русского Собрания», посвященное исключительно вопросам, касающимся быта русских заводско-фабричных рабочих. — Из наиболее видных представителей петербургского общества были следующие лица: бывший помощник Варшавского генерал-губернатора генерал К. В. Комаров, генерал-контролер А. В. Васильев, полковник А. П. Веретенников, граф Апраксин, бывший Киевский генерал-губернатор граф А. П. Игнатъев, граф П. А. Голенищев-Кутузов, генерал Забудский, адмирал Назимов, Николай Вячеславович фон-Плеве, член Совета при Министерстве Народного Просвещения И. П. Хрущов, профессор Гене-

рального Штаба Золотарев, В. С. Кривенко, гр. Н. Ф. Гейден, ген. Демьяненко, протоиерей Орнатский и другие представители церкви; были также дамы великосветского петербургского общества, а также из городского управления — городской голова Лелянов и гласный Дехтерев. Из представителей печати В. В. Комаров, редактор «Света», В. А. Величко, редактор «Русского Вестника», Сыромятников, сотрудник «Нового Времени», К. К. Случевский, бывший редактор «Правительственного Вестника», Лейкин, редактор-издатель журнала «Осколки», художник Каразин и др. — Заседание открылось чтением доклада о положении рабочих заводско-фабричной промышленности, каковой был прочитан рабочим И. С. Соколовым (см. о нем в № 30 «Искры», где дан, со слов «Света», более полный список петербургских рабочих-зубатовцев. Р е д.). Докладчик главным образом выяснил современное состояние рабочего класса в промышленных городах, их нужды материальные и духовные, их стремление к знанию и т. д. (Жаль, что не напечатан доклад г. Соколова! Интересно бы посмотреть, как он мог «выяснить» стремление рабочих к знанию, не говоря о полицейской травле этого стремления. Р е д.). Затем представители рабочих Москвы (не правильнее ли было сказать: представители Московского Охранного Отделения? Не на полицейские ли денежки и съездили вы с вашими товарищами в Питер, г. Слепов? Р е д.), в числе которых был и я, также имели честь присутствовать на заседании «Русского Собрании» и докладывать почтенному собранию о положении дел в рабочем мире Москвы. В своем докладе мы, прежде всего, выразили глубокую благодарность от имени русских рабочих членам «Русского Собрании» за то, что они допустили их представителей выяснить то состояние, в котором находится в настоящее время рабочий класс в России. Далее мы просили представителей высшего русского общества обратить серьезное внимание на образование русских рабочих (ну, конечно! Именно от высших классов надо ждать рабочему образованию — посредством нагайки, вероятно! Р е д.), находящееся далеко не в удовлетворительном виде, чем с успехом пользуются злонамеренные личности для проведения социалистической пропаганды (если социалистам выгоден недостаток образования, то почему же это правительство закрывает школы для рабочих и закрывает читальни? что-то тут не так, г. Слепов! Р е д.), нанося этим вред не только рабочим, но и всему Государству Русскому. — Затем мы старались обратить внимание почтенного собрания на несочувствие московских фабрикантов и заводчиков к идее рабочих Москвы

объединиться в тесную семью, для учреждения своих касс взаимопомощи, столь важных для избавления от гнетущей их нужды. В связи с этим мы просили членов почтенного собрания возбудить в правительственных сферах вопрос о кредите для рабочих касс взаимопомощи (см. речь нижегородского рабочего Самылина на суде, в № 29 «Искры», о том, как его арестовали за участие в экономическом кружке. Вот вам и образование, вот вам и кассы! Ред.). Несомненно, что поддержка в материальных нуждах рабочих составила бы лучшее опровержение злонамеренной пропаганды в их среде (неужели г. Слепов — и попалась же такая удачная фамилия! — серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе? А несознательную, темную массу «поддержать в материальных нуждах» не в силах даже самые высокопоставленные покровители зубатовцев, ибо для такой поддержки надо сначала изменить весь общественный строй, покоящийся на обездолении масс. Ред.). — Эти фальшивые «доброжелатели» рабочих говорят обыкновенно, что жизнь улучшить они могут только посредством бунтов, возмущений, сопротивлений власти и т. п. К несчастью нашему, такое подстрекательство имеет иногда успех, как все знают. Мирное улучшение быта рабочих лучше всего опровергает агитаторов. — Затем мы имели честь докладывать почтенному собранию, что в Москве, несмотря на сильнейшую безработицу, социалистическая пропаганда за последнее время потеряла всякий успех (а мы недавно только слышали о громадных арестах в Москве! К чему бы было и кого бы было арестовывать, если бы пропаганда теряла успех?? Ред.) именно потому, что рабочие начинают уже организовываться, имея у себя Общество взаимного вспомоществования, Общество потребителей, и потому, что сочувственное внимание власти обращено уже на нужды рабочих, дав возможность устроить для них общеобразовательные чтения и т. п. — Кроме всего вышесказанного, мы докладывали также собранию о случаях, бывших в Москве, где мы фигурировали в качестве посредников — примирителей рабочих с заводчиками и не только устраняли, но и предупреждали могущие вспыхнуть беспорядки, так, например, было на заводе Гакенталь, на заводе бр. Бромлей, на заводе Добров-Набгольц. Мы упомянули также о стачке рабочих металлургического завода Гужон, где рабочие прокатного и гвоздильного отделений, хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмешательству не дошли до беспорядков, и рабочие стали на работу, послушав наших товарищеских советов (таких «товарищеских» сове-

тов довольно уже слушают рабочие при каждой стачке и от полиции, и от фабричных инспекторов, которые всегда упрашивают «стать на работу». Это не товарищеские, а полицейские советы. Р е д.).

«Члены «Русского Собрания» выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочих, помогающих полиции в ее деле! Р е д.) наши доклады и многие высказались в том смысле, что надо серьезно задуматься над вопросом о рабочих и дать рабочим возможность и способы выбиться из-под влияния социалистического учения (интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! А кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку. Р е д.), допустив их самостоятельность, под контролем правительственных узаконений и под руководством той части интеллигенции, которая истинно любит свою родину и стремится к благу и процветанию ее (хороша самостоятельность под контролем полиции! Нет, рабочие уже требуют теперь самостоятельности при условии свободы от полиции, свободы выбора в руководители таких интеллигентов, которым они, рабочие, доверяют. Р е д.). — В. В. Комаров, А. В. Васильев, полковник Веретенников, г. Дехтерев, художник Каразин, князь Д. П. Голицын и многие другие чрезвычайно тепло отнеслись к вопросу о рабочих. Были высказаны мысли о необходимости учреждения особых советов от рабочих с центральным во главе, роль которых была бы благотворною в смысле предупреждения возникающих недоразумений между рабочими и заводчиками. По выражению г. Дехтерева, это следует допустить потому, что толпа никогда не может действовать сознательно и что повлиять на толпу рабочих могут лучше всего сами рабочие, приведя для примера существующие во Франции такого рода учреждения, с успехом выполняющие вышеуказанные задачи. (Да, Советы от рабочих имеют успех во Франции и во всей Европе. Это правда. Но они имеют успех потому, что рабочие пользуются там политической свободой, имеют свои союзы, свои газеты, своих выборных в парламентах. Неужели г. Дехтерев думает, что петербургские рабочие все так наивны, чтобы не знать об этом? Р е д.) — Вопрос о правительственном кредите кассам взаимопомощи рабочих также был встречен сочувственно членами «Русского Собрания». Заседание закончилось тем, что постановлено было избрать особую комиссию, для обсуждения мер по данному вопросу. — Мы надеемся, что вы, г. редактор, как истинно-русский человек, отнесетесь также

сочувственно к нам, рабочим, и позвольте сообщить в газете вашей вышеприведенное, дабы лучшие наши люди соединились все для совместной борьбы с врагами нашей родины, вносящими в народные массы смуты, сеющими семена междоусобиц и ослабляющими преданность к заветам старины, освященным веками, уважение и благоговение перед Верховною Властью. — Мы твердо верим, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служение отчизне, положить на алтарь ее свои силы и способности и, дружно сплотясь, поставить непреодолимую преграду неправде и злу на Руси.

Рабочий Ф. А. Слепов».

А в конце не мог не проговориться г. Слепов! Вся поддержка рабочих нужд, все сочувствие со стороны правительства свелось к одному: из рабочих же образовать группы для борьбы с социализмом. Вот это правда. И рабочим очень интересно будет узнать, что кроме нагаек и тюрем, ссылки и тюрем в них будут еще внедрять «уважение и благоговение перед Верховною Властью» гг. зубатовские рабочие. На открытых собраниях ни один разумный рабочий не станет говорить то, что он думает, — это значило бы прямо отдаваться в руки полиции. А посредством своих газет, своих листков и своих собраний мы можем и должны добиться того, что новый зубатовский поход весь пойдет на пользу социализму.

*„Искра“ № 31.
1 января 1903 г.
Без подписи.*

Несколько мыслей по поводу полученного из России письма ²⁴).

Пишу под свежим впечатлением только-что прочтенного мной Вашего письма. Оно возмутило меня своей непродуманной трескотней, так что я не могу удержаться от желания откровенно высказать свое мнение. Передайте, пожалуйста, мое письмо автору его и скажите, что обижаться на резкое слово нечего. Это ведь не для печати.

Письмо стоит ответа, по-моему, ввиду того, что оно особенно рельефно освещает одну характерную черту в настроении многих нынешних революционеров. Ждать указки, требовать всего сверху, со стороны, извне, беспомощно разводить руками при виде неудач, испытываемых на месте благодаря неактивности, жалобы и жалобы, выдумывание рецептов, которые бы излечили зло дешево и просто.

Не придумаете, господа! При неактивности в а с с а м и х, если вы у себя под носом будете допускать расколы и потом охать, да ахать, да жаловаться, — никакие рецепты не помогут. И немудрено совсем осыпать нас за это жалобами. Не подумайте, чтобы мы обижались за обвинения и нападки ваши: привыкли, знаете, чертовски привыкли к ним, так что они не задевают!

«Массовая» литература, «десятки пудов» — этот ваш боевой клич есть не что иное, как именно выдуманный рецепт для излечения вас со стороны от вашей собственной неактивности. Поверьте, что никакие такие рецепты не подействуют никогда! Если вы сами не будете энергичны и поворотливы, — никто вам ничем не поможет. Вопить: дайте нам то и то, доставьте это и это — весьма нерезонно, ибо вы сами должны взять и доставить. Нам об этом писать бесполезно, ибо мы отсюда этого сделать не можем, а вы от себя можете и должны: я говорю о доставке имеющейся у нас и издаваемой нами литературы.

Некоторые местные «деятели» (получающие сие название от их бездеятельности), видя по нескольку номеров «Искры» всего, не работая активно над массовым получением и распространением ее, выдумывают себе легкую отговорку: это не то. Нам подай массовую литературу, для массы! Разжуй, в рот положи, а проглотим, может быть, и сами.

Как феноменально нелепы кажутся эти вопли тому, кто знает и видит, что они, эти местные «деятели» не умеют поставить распространения и того, что есть. Не смешно ли читать: подайте десятки пудов, когда вы не умеете взять и развезти и пяти пудов? Сделайте-ка это сначала, почтеннейшие «фантазеры на час» (ибо первая неудача сбивает вас со всего, даже со всех ваших убеждений!). Сделайте это, и тогда, когда вы сделаете это не раз, а десятки раз, вырастет и издательство в ногу с запросами.

Говорю: вырастет, ибо ваши вопли о массовой литературе (без критики и смысла перенятые у эс-эров и свободовцев²⁵⁾ и всяких растерянных «бездеятелей») основаны на забвении маленькой... очень маленькой мелочи, именно на забвении того, что вы не умеете взять и распространить даже сотой доли той массовой литературы, которую мы сейчас издаем. Я беру один из последних списков одного из немногих (из мизерно, жалко, постыдно немногих) наших транспортов. Нижегородские речи²⁶⁾, ростовская борьба²⁷⁾, брошюра о стачках²⁸⁾, Дикштейн *)²⁹⁾ — ограничусь этим. Четыре, только четыре вещички! Так мало!!

Да, очень мало! Да, нам нужно четыреста, а не четыре.

Но позвольте-ка вас спросить, сумели ли вы хоть четыре-то распространить в десятках тысяч? Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели распространить и в сотнях. Поэтому вы и кричите: давайте нам десятки пудов! (Никто и никогда ничего вам не даст, ежели не сумеете брать: запомните это).

---

*) Это старо! — вопите вы. Да. Все партии, имеющие хорошую популярную литературу, распространяют старье: Гэда и Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта и пр. По десятилетиям. Слышите ли: по десятилетиям! И популярная литература только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по полустолетиям. Та «популярная» литература, которая вас «пленяет» и которую «Свобода»²⁵⁾ и эс-эры издают пудами ежемесячно, есть макулатура и шарлатанство. Шарлатаны всегда суетливы и шумят больше, а некоторые наивные люди принимают это за энергию.

Сумели ли вы использовать те сотни, которые вам доставили, привезли, в рот положили?? Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели даже на этой мелочи связать массы с социал-демократией. Мы имеем ежемесячно десятки и сотни листков, сообщений, корреспонденций и писем из всех концов России, и у нас не было ни одного (подумайте хорошенько над точным смыслом этих точных слов: «ни одного»!) сообщения о распространении этих сотен в массе, о впечатлении на массу, об отзывах массы, о беседах в массе об этих вещах! Вы оставляете нас в таком положении, что писатель пописывает, а читатель (интеллигент) почитывает, — и потом этот же ротозей-читатель мечет гром и молнии против писателя за то, что он (писатель!!!) не дает «десятки пудов» везде и повсюду. Человек, вся задача которого связать писателя с массой, сидит как нахохлившийся индюк и вопит: подайте массовой литературы, не умея в то же время использовать и сотой доли того, что есть.

Вы скажете, конечно, что «Искры», например, этого главного нашего продукта, и нельзя, вообще нельзя связать с массами. Я знаю, что вы скажете это. Я сотни раз слышал это и всегда отвечал, что это неправда, что это увертка, отлыниванье, неуменье и вялость, желание получить прямо в рот жареных рябчиков.

Я знаю из фактов, что люди деятельные умели «связывать» «Искру» (эту архи-интеллигентскую, по мнению плохоньких интеллигентов, «Искру») с массой даже таких отсталых, мало развитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний. Я знал рабочих, которые сами распространяли среди массы (тамошней) «Искру» и говорили только, что ее мало. Я слышал совсем недавно рассказ «солдата с поля битвы», как в одном из таких фабричных заходустий центра России «Искру» читают сразу во многих кружках, на собраниях по 10 — 15 человек, при чем предварительно комитет и подкомитеты сами читают каждый номер, намечая сообщая, как именно каждую статью использовать в агитационном сообщении. И умели использовать даже те жалкие 5 — 8 (тахитит: восемь!!) экземпляров, которые только и попадали им благодаря безрукой бездеятельности сидящих около границ деятелей (не умеющих никогда устроить даже приемок для транспортеров и надеющихся, что писатель будет им рожать не только статьи, но и людей с руками!).

Скажите-ка, положа руку на сердце: многие ли из вас так использовали каждый из полученных вами (доставленный к вам, при-

везенный к вам) экземпляр «Искры»? Вы молчите? Ну, так я скажу вам: один из сотни попадающих в Россию (по воле судеб и по бездеятельности «читателей») экземпляров используется так, с обсуждением каждой заметки в ее агитационном значении, с чтением каждой заметки в кружке рабочих, во всех кружках всех рабочих, которые только имеют привычку сходиться вместе в данном городе. И вот люди, не умеющие переработать даже сотой доли попадающего к ним материала, вопят: давайте десятки пудов!! Щедринская формула (писатель пописывает) еще далеко, далеко чересчур оптимистично смотрит на «читателя»!!

Современный читатель (из интеллигентных социал-демократов) дошел до того, что жалуется на писателей за то, что интеллигенты на местах вялы и «командуют» рабочими, ничего не делая для них. Жалоба справедливая, тысячу раз справедливая, но только... по адресу ли она? Не позволите ли вы нам вернуть сию жалобу отправителю со взысканием с него двойного штрафа?? Вы-то чего смотрите, почтеннейшие гг. жалобщики? Если ваши приятели не умеют использовать «Искры» для чтения в кружках рабочих, не умеют выделить людей для доставки и развозки литературы, не умеют помочь рабочим самим образовать кружки для этого, то отчего вы не гоните в шею таких безруких приятелей?? Вы подумайте только, в каком вы милом положении оказываетесь, когда вы нам на вашу собственную безрукость жалуетесь??

Это — факт, что не используется «практиками» и сотой доли того, что они могут взять. И не менее несомненный факт, что только отговоркой и отлыниванием является выдумывание этими практиками особых сортов «массовой» литературы. В письме 7 ц. 6 ф. ³⁰⁾, например, три сорта «нам» (конечно, уже нам) рекомендуется:

1) Популярная газета. Разжуйте каждый факт так, чтобы он без переваривания шел впрок. Так, чтобы нам, «деятелям», и желудков вовсе не надо было иметь.

Не беда, что до сих пор мир даже не видал такой «популярной» «газеты», ибо газета отвечает на все, а популярная литература учит чему-либо немногому. Не беда, что все наши образцы такой литературы, начиная от «Русской Мысли», продолжая «Впередами» ³¹⁾, «Рабочими Делами», «Красными Знаменами» ³²⁾ и проч., неизбежно и непременно оказывались ублюдками, и не популярными и не газетами. Не беда, что все попытки «рабочих» газет только питали и будут всегда питать нелепое деление интеллигентного и рабочего движения (деление, вызванное скудоумием и безру-

костью интеллигентов, которые доходят до того, что с места за тридевять земель жалобы шлют на свою собственную безрукость!). Не беда, что все попытки «рабочих» газет плодили до сих пор и будут у нас всегда плодить кустарничество и особые, глубокие, казанские и харьковские теории. Не беда все это. Ведь вот пленительная «Свобода» и пленительные («дух замирает») эс-эры издают же — и уф, какую массу! — популярных газет и газет-журналов!! «Народное Дело»³³⁾, «Красное Знамя», «Свобода» — журнал для рабочих, «Отклики»³⁴⁾ — газета и журнал для рабочих, «Лучина»³⁵⁾ — для крестьян, «Рабочая Мысль» — женеvская газета петербургских рабочих!! Не беда, что все это — дермо, но зато массовое дермо.

А у вас все одна «Искра», скучно ведь! 31 номер и все «Искра», тогда как у пленительных людей на два номера одного названия (дерма) приходится немедленно три номера другого названия (дерма). Вот это энергия, вот это весело, вот это ново! А наши-то социал-демократы...

2) И брошюры-то у «них» все новые да новые. И каждый оттиск идет за брошюру и все это шарлатански выкрикивается, листы подсчитываются (миллион листов: см. № 16 «Революционная Россия». Рекорд побили! Чемпионы!).

А у нас! Оттиски не считаются брошюрами — интеллигентщина, литературщина!! Переиздаются старые, престарые Дикштейны, — тогда как всем девицам в Париже и в Чернигове известно, что десять новых брошюр (дерма) во сто раз больше значат, чем одна старая, да хорошая.

Это ведь только у немцев так, что вот, например, в 1903 году переиздают в одиннадцатый раз «Наши цели» Бебеля, написанные 34 года тому назад!! Это скучно. У нас «пленительные» эс-эры так и прыщут. А наши местные «деятели» не умеют воспользоваться ни старыми (20 лет тому назад: старье! в архив!) плехановскими брошюрами, ни «какой-нибудь» одной (одной!) брошюрой о стачках и записке Витте!³⁶⁾

Я уже не говорю о том, что местный «деятель» палец о палец не ударил, чтобы выжать хорошие брошюрки от сидящих по ссылкам писателей, — чтобы поставить сотрудничество в «Искре» местных литераторов. К чему это? Жаловаться гораздо легче, чем налаживать такую хлопотливую вещь! И современный читатель, не краснея, называет себя «искряком» на том основании, что он в «Искру» жалобы пишет. И ему нисколько не совестно за то, что в «Искре» на $\frac{99}{100}$ все те же 3½ человека пишут. И ему не надо

даже сообразать, что прекратить «Искру» нельзя, что двухнедельный выход 1½ — 2 листов требует-таки хлопот. И он все же, с легкомыслием прямо бесподобным, восклицает: 31 номер, а все еще дураков на местах и безруких нытиков много!! Аргумент, поистине, разрушительный... только кого и что он разрушает?

3) Листки.

Дайте нам листки! Комитеты не могут!! Напишите, доставьте, привезите (и распространите?) листки!

Н... да, это уже вот последовательно. Я разеваю рот, — а вы сыпьте: вот новая формула отношений «писателя» и «искряка»-практика! Договориться до того, что местные листки не под силу местным организациям (состоящим из ротозейничающих «деятелей»), что эти листки должны даваться из-за границы, это уже предел всего. Это такое великолепное (с моей точки зрения) увенчание здания всего письма 7 ц. 6 ф., что я могу только этим «венцом» и закончить. Сей сияющий венец только потускнеет от добавлений или комментариев.

Печатается

*по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

К вопросу о докладах комитетов и групп Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии общепартийному съезду⁸⁷).

Один из членов Организационного Комитета обратился ко мне с просьбой прислать список вопросов, по которым желателен ответ в докладах комитетов и групп нашей партии на 2 съезде ее. Прилагаю ниже примерный список таких вопросов, но предварительно скажу несколько слов по поводу длины этого списка. Само собою разумеется, что доклады желательны по всем отраслям работы, и потому идеальный доклад охватывает едва ли не бесконечное количество вопросов. Мечтать о возможности представления таких полных докладов, конечно, не доводится. Но, тем не менее, я считаю очень важным и необходимым, что Организационный Комитет постарался ознакомить каждый комитет или группу со всем объемом интересных (и нужных) для съезда вопросов. Наш 2 съезд будет носить еще более учредительный характер, чем первый, и потому надо положить все силы, чтобы доклады были полнее и солиднее. Чем большую долю идеальной программы доклада выполнит каждая группа, тем полнее и точнее будет представлено на нашем съезде все движение в целом, тем прочнее будут результаты съезда.

Надо, чтобы за возможно долгое время до съезда началась подготовка докладов, обсуждение их в комитетах и группах и т. д. При этом было бы крайне важно, чтобы комитеты и группы, во-первых, распределили работу по составлению доклада между многими членами; во-вторых, чтобы они немедленно по составлении каждой части доклада пересылали копию с нее (отнюдь не дожидаясь всего доклада) за границу, т.-е. в сохранное место; в-третьих, чтобы они постарались привлечь к этой работе не только настоящих, но и бывших, не только активных, но и отставших членов, т.-е. лиц, находящихся в ссылке и за границей. Таким лицам может быть поручено составление докладов либо по определенной группе вопросов, либо за определенный период времени, когда эти лица работали в комитете

или группе. Такие доклады, или части докладов, могут очень облегчить задачу делегатов на съезде. Само собою разумеется также, что делегатам надо будет воспользоваться и партийной литературой, содержащей массу ответов на вопросы доклада, т.-е. постараться свести воедино эту литературу, сделать экстракт всего существенного из нее, исправить ошибки, дополнить, присоединить то, что не могло быть напечатано по конспиративным соображениям и т. д. (для такой работы тоже очень важно привлечь бывших членов комитетов и групп, находящихся временно за границей). Кстати, по поводу конспиративности надо добавить, что на некоторые вопросы письменные ответы не могут и не должны быть составляемы, ибо это было бы разоблачением тайн, но ответы на эти вопросы все же непременно должны быть обдуманы, подготовлены и обсуждены комитетами и группами, ибо на партийном съезде доклад по этим вопросам будет обязателен (если не *in pleno*⁹⁸) съезда, то перед особой комиссией, перед Ц. К. и т. п.). В видах привлечения возможно большего числа лиц к составлению отчетов, было бы желательно распространять с а м ы й с п и с о к вопросов (вместе с дополнениями отдельных комитетов, групп или товарищей) как можно шире, при чем конспирировано от широкого круга социал-демократии должно быть только назначение этих вопросов и докладов для второго партийного съезда. Наконец, является вопрос, за какой период времени требуется отчет? Формально говоря: за период от 1 до 2 съезда, т.-е. с 1898 по 1903 г.г. Но ввиду того, что первый съезд был и неполон, и слишком кратковременен и происходил при очень неблагоприятных условиях, было бы желательно распространение докладов на период времени, предшествующий 1898 году. Нелишне еще, пожалуй, будет сделать оговорку, что подробнейший список вопросов для доклада вовсе не должен быть истолковываем в том смысле, что лучшим делегатом на съезде явится наилучше знакомый с историей движения, или вообще наиболее способный ответить на все эти вопросы товарищ: съезд должен иметь практическое значение для объединения движения и сообщения ему сильного толчка вперед, и лучшими делегатами должны быть хотя бы и новые, но наиболее энергичные, влиятельные, наиболее посвящающие себя революционной работе товарищи. Доклады же могут быть составлены из работ многих лиц, а, кроме того, в некоторых случаях окажется, может быть, возможным делегирование и не одного лица: особенно желательно было бы предоставить возможность быть на съезде большому числу рабочих делегатов. Привожу теперь список вопросов, разделенных

на восемь отделов или групп (разделение отдельных вопросов и даже групп их часто искусственное, сделанное только для удобства обозрения, ибо все вопросы связаны между собою самым тесным образом).

I. Рабочее движение, его история и современное состояние.

1) Краткая характеристика условий и состояний промышленности. Численность, состав, распределение и другие особенности местного пролетариата (промышленного, торгового, кустарного и т. д., может быть, также и земледельческого). 2) Как широко захвачены рабочие социалистической агитацией? какие районы? заводы? фабрики? домашние рабочие и проч. Обрисовать возможно подробнее расширение этого круга рабочих со времени начала движения. 3) Возможно более полный перечень бывших стачек и подробное описание каждой сколько-нибудь крупной стачки. Желательно сводные данные. 4) Бывали ли выдающиеся случаи бойкота и других коллективных действий *) рабочих помимо стачек? Подробности о них. 5) Какие существовали и существуют рабочие кружки? кассы? общества самообразования? рабочие организации? профессиональные союзы? Возможно более полное описание всех подобных соединений, типы устройства их, их преобладающий состав, численность, время существования, характер функционирования, результат опыта в этом отношении и т. д. 6) Были ли попытки устройства легальных рабочих обществ? Подробные данные о каждой такой попытке и ее результатах, ее влиянии, ее судьбе, ее современном состоянии и значении. То же о зубатовских обществах. Были ли опыты утилизировать легальные общества в целях с.-д.? 7) Влияние современного кризиса. Характеристика его преимущественно на данных рабочих. Безработные, их настроение, агитация среди них и т. п.

II. История местных социалистических кружков, появление с.-д., борьба направлений внутри их.

8) Остались ли следы старых социалистических организаций ко времени появления с.-д.? В чем состояли и как влияли? Когда и кто начал пропаганду и агитацию в рабочем классе? Народовольцы? Их отношение к с.-д.? 9) Когда и при каких обстоятельствах

---

*) Коллективные заявления? публичные собрания? участие в публичных «оказательствах»? и т. п.

появились отдельные социал-демократы или социал-демократические кружки? Описать возможно более подробно каждый кружок (применительно к этой программе), его значение и влияние на последующие кружки. 10) Как сказывались и развивались с.-д. воззрения в местных кружках? Влияние других (городов) мест? заграничной литературы? легальной марксистской и «критики марксизма» литературы? Охарактеризовать влияние первого, второго и третьего возможно подробнее.

11) Разногласия внутри с.-д. Были ли они до появления Манифеста 1898 г.? В чем именно выражались? Не оставили ли документов? Как встречен был Манифест? Какие именно и с чьей стороны вызвал он протесты или недовольство? Как именно появились так называемые «экономические» воззрения? Как они развивались и распространялись? Очень важно обрисовать это полнее и документальнее по отношению к каждой экономической «полосе» в местном движении. Как выразились разногласия в оценке разных партийных органов и в борьбе между их сторонниками? «Рабочей Газеты» 1897 г., заграничного «Работника» и его листков, «Рабочей Мысли», «Рабочего Дела», «Искры», «Зари», «Борьбы», «Жизни»³⁹) и т. п.? ...⁴⁰) были ли расколы и раздоры между рабочими и интеллигенцией среди с.-д.? Очень важно выяснить причины и влияние их.

12) Как именно велась борьба направлений в местных кружках? Только среди социал-демократических интеллигентов? или среди рабочих тоже? среди соприкасающихся кругов студенчества? выразилась ли в расколах? в образовании сепаратных групп? разгоралась ли она из-за общего принципиального вопроса? из-за содержания листков? вопроса о демонстрациях? из-за отношения к студенческому движению? из-за вопроса о майских требованиях? Описать детальнее ход, последствия борьбы направлений и современное положение дел в этом отношении.

III. Организация местного комитета, местных групп и кружков.

13) Преобладающий состав комитета (группы, кружка и, если их много, то каждого в отдельности)? студенчество? рабочие? Пополняется ли выбором (и как именно)? или иначе? Есть ли особый интеллигентский и рабочий комитеты? особые группы технические, пропагандистские, агитационные? литературные, центральные, местные, районные, исполнительные? Взаимоотношения между ними по «уставу» (буде таковой имеется) и в действительности? Общие

собрания, их ведомство, частота и размеры? Организация сношений с другими городами и за границей (т.-е. особые люди, группы или вне группы стоящие и т. п.)? Организация распределения литературы? Организация разъездов? Выводы опыта в организационном отношении и преобладающие взгляды на организационные принципы в комитетах, у интеллигентов и рабочих? Особенно важно подробно выяснить причины и последствия возникновения особых интеллигентских и рабочих (заводских, ремесленных и т. п.) комитетов.

14) Расширение работы на соседние и другие местности. В какой форме было оно: организационно или случайно? Были ли попытки образования районных организаций или участие в них? История возникновения и функционирования районных организаций. Состав центрального районного комитета? Отношение к местным комитетам? Сборы денег? районные кассы? склады литературы? Влияние районных организаций на широту работы, устойчивость ее, связь с местными комитетами и т. п.

15) Финансы комитета? Сводные данные о приходах и расходах (по отчетам, буде были таковые) за все время существования? Обычный и средний бюджет, характер источников, сборы с рабочих, обложение налогом членов, оплата литературы, вечеринки, пожертвования и т. д. (влияние «Освобождения» и с.-р. в этом отношении). Размеры и характер расходов: техника? содержание людей, разъезды и пр.?

IV. Характер, содержание и широта местной работы.

16) Пропаганда, состав (кружков) пропагандистов. Число их, образ действия? Есть ли среди них рабочие? Преобладают ли студенты? Есть ли контроль и направление более опытных товарищей? Обычные программы лекций, их видоизменения во времени? Отзывчивость рабочих и запросы их на те или иные предметы? Есть ли [опытные группы] референтов с хорошими рефератами по разным городам, районам и т. п.? Состав и число, частота и обстановка собраний для чтений?

17) Экономическая агитация. С какого времени начался выпуск листков? Можно ли сосчитать количество всех выпущенных листков и экземпляров (приблизительно)? Какие работы, заводы и отрасли труда захвачены этой агитацией? Порядок составления и утверждения листков? Участие рабочих в этом. Техника издания и распространения? Есть ли рабочие разносчики? Насколько удовлетворяется спрос на листки?

18) Политическая агитация? Переход от экономической? Когда начался? Вызывал ли протесты? Когда были первые политические листки? Было ли время выпуска одних и тех же экономических листков? Постановка вопроса и поводы политической агитации? Описать возможно подробнее ее расширение как по характеру листков, так и по сферам распространения. Желательны документы, ибо важно знать все случаи политической агитации и все сферы ее. Велась ли только среди рабочих или и среди других классов (см. ниже). Приемы и порядок составления листков, запросы на них, насколько они удовлетворяются? Нужны ли местные или общие листки больше?

19) Какие нелегальные издания распространяются? Перечислить их, указать степень их распространения, отношение к каждому изданию (брошюрам и проч.). Время распространения, спрос, в каких слоях, преимущественно на какую литературу? Раздача, разбрасывание? Совместное чтение в кружках? Какие вещи требовали разъяснения читателей? Широко ли практикуется чтение, истолкование? Каких именно произведений?

20) Местные и обще-партийные органы? История местного органа? Частота выхода? Количество экземпляров? Как обставлена была литературная часть? Сбор и хранение (пропажа)? Материалы? Организация сотрудничества местного и обще-партийного органов? Основные литературные группы? Репортеры? Связи в литературной среде? Способы посылки корреспонденции через Комитет? через частных лиц и широко ли? Попытки утилизировать студенчество, ссыльных? Выводы из опроса насчет органов?

21) Маевки? История каждой маевки и уроки на будущее?

22) Демонстрации? Свод данных по данной демонстрации? Попытки организовать вообще? Отпоры в частности? Вооружение? Взгляды на этот счет рабочих и практиков вообще? Дополнение и проверка партийной литературы о демонстрациях? Современное отношение к этому вопросу?

V. Отношение к революционным (в особенности социал-демократическим) группам других рас и национальностей.

23) Есть ли рабочие других национальностей и рас? Работа среди них? Организованная и случайная? На каких языках? Отношение к группам социал-демократическим, работающим рядом на другом языке? Желательна точная и подробная характеристика этих отношений. Есть ли разногласия? по принципиальному вопросу

о националистических программах? тактические? организационные? Желательные отношения для совместной работы. Возможность одного партийного органа? Федерация, желательна ли и какого типа?

VI. Типографии, транспорты и конспиративное оборудование работы.

24) Типографии. Опыт их устройства. Расходы денег и людей. Продуктивность. Надобность в местных (для листков) и общих для многих городов? Техническая, организационная, финансовая, конспиративная сторона этого дела?

25) Транспорты. Были ли связи по этой части? предприятия? История каждого из них и подробные данные о постановке, ходе, результатах и выводах на будущее. Желательная организация.

26) Конспиративная постановка. Конспиративная квартира? Знак? Есть ли нелегальные? Доставка паспортов? Опыт в этом отношении? Есть ли связи для этого? Устройство свиданий? Слежение за шпионами? Борьба с шпионами и провокаторами? Формы ее, бывшие и желательные? Шифры, переписка между городами, внутри города, за-границей? Чтения по вопросу: «как себя держать на допросах?». Надобность в этой и подобных брошюрах? Архив комитета. Были ли и сохранялись ли раньше? теперь?

VII. Связи и деятельность в других слоях населения, кроме рабочего класса.

27) Работа в крестьянстве? Есть ли отдельные связи? Подробные данные о них? Как завязаны и как поддерживаются, с какими крестьянами? С сельско-хозяйственными рабочими? Роль рабочих, уходящих в деревню? Попытки пропаганды? распространение брошюр? листков? каких именно, с каким успехом? Современное положение и виды на будущее.

28) Студенчество. Случайное и личное или организованное воздействие? Много ли с.-д. выходит из студенчества? Есть ли связь с студенческими кружками, землячествами, союзными советами? Как ведутся эти сношения? чтения? распространение литературы? Преобладающее настроение в студенчестве и история смены разных настроений. Отношение к студенческим волнениям? Участие

студентов в демонстрациях? Попытки заранее сговориться об этом? Студенты, как пропагандисты, подготовка их?

29) Средние учебные заведения, гимназии, семинарии и прочее, торговые и коммерческие училища? Характер связей с учениками? Отношение к новому фазису подъема движения в их среде? Попытки устройства кружков и занятий? Бывали ли (и часто ли) с.-д. из только что кончивших (или не —) гимназистов? Кружки, чтения? Распространение литературы?

30) Связи с обществом? Были ли прежде и теперь? Среди каких слоев? На почве денежных сборов? Распространение литературы? для устройства легальных библиотек? для сбора сведений и корреспонденций? Спрос на с.-д. литературу? Связь в чиновничьем мире? среди почтово-телеграфных, железнодорожных служащих? среди фабричной инспекции? среди служащих по полиции? среди духовенства? и т. д. Желательно ознакомление и с тем опытом, который есть у отдельных членов комитета в их личных связях в разных слоях.

31) Связи в военной среде? Роль интеллигентов и рабочих с.-д., отбывавших воинскую повинность. Связи среди офицеров и нижних чинов? Чем поддерживаются и утилизируются эти связи? Значение этих связей в агитационном, пропагандистском, организационном и других отношениях?

По этому и предыдущим вопросам желательны особенно подробные данные, ввиду новизны вопроса и необходимости обобщить и связать многие разрозненные шаги.

VIII. Состояние не социал-демократических революционных и оппозиционных течений и отношение к ним.

32) Либеральные направления. Либерально-народнические. В обществе? студенчестве? «Освобождение», его распространение (в студенчестве? у рабочих?) и влияние? Есть ли кружки «Освобождения»? Отношение их к с.-д. Интерес к «Освобождению» в с.-д. кругах и точка зрения на него. Утилизируются ли для пропаганды и агитации общие собрания с полемикой?

33) С.-р. Подробная история их появления в данной местности? Когда? Переход в с.-р., влияние «экономизма». Характер и состав их связей, кружков? ветераны? студенты? рабочие? Борьба с с.-д., ее ход и способ ведения? Объединение групп с.-д. и с.-р. Подробная история их, данные о работе, листках, резолюциях групп и проч.

Особые условия слабости или силы с.-р.? Террористические увлечения в студенчестве? в рабочей среде? Работа с.-р. в крестьянстве? характер их связей и деятельности там? Влияние их «аграрной программы»?

34) Остальные группы и направления. «Свобода». «Рабочая партия политического освобождения России»⁴¹⁾, махаевцы⁴²⁾, рабоче-деленцы и т. д. Характеристика воззрений, отношение к социал-демократам, данные об их связях и работе.

*Печатается
с копии, хранящейся
в архиве Истпарта.
Подпись: Н. Ленин.*

Об обстоятельствах ухода из ред. „Искры“ ⁴³).

Женева. 20 февр. 1904 г.

Уважаемые товарищи!

Так как Вы касаетесь в своей брошюре обстоятельств, вызвавших мой выход из редакции «Искры», то я попрошу Вас дать место в приложении к Вашей брошюре ⁴⁴) моему ответу на письмо тов. Плеханова к тов. Мартову от 29 янв. 1904 г., напечатанное в брошюре Мартова о борьбе с «осадным положением».

Тов. Плеханов находит неточным изложение мной дела в моем письме в редакцию. Однако ни единого фактического исправления он не дал и не мог дать. Он дополнил лишь мое изложение неточной передачей частного разговора между мною и им.

Говоря вообще, я считаю ссылки на частные разговоры верным признаком отсутствия серьезных аргументов. Я держусь и сейчас того мнения, которого недавно держался и тов. Плеханов по поводу ссылок на частные разговоры со стороны тов. Мартова (Протоколы Лиги, с. 134), именно, что «точно воспроизвести» подобные разговоры вряд ли возможно и что «полемика» по поводу их «не приведет ни к чему».

Но раз уже т. Плеханов привел наши частные разговоры, я считаю себя вправе пояснить и дополнить их, тем более, что разговоры эти имели место в присутствии третьих лиц.

Первый разговор, когда тов. Плеханов говорил о своем решении *) выйти в отставку в случае моего безусловного несогласия на кооптацию, имел место в день окончания съезда Лиги, вечером, и на

*) Тов. Плеханов, в своем стремлении к точности, немножечко перусердствовал, замечая: Плеханов не имел права решить кооптировать, ибо кооптация единогласна по уставу. Это — не поправка, а придирка, ибо устав запрещает при отсутствии единогласия определенные организационные действия, а не решения, слишком часто принимаемые многими людьми только для виду и не переходящие в действия.

другой день утром, в присутствии двух членов Совета Партии. Разговор вращался около вопроса об уступках оппозиции. Плеханов настаивал на необходимости уступить, считая несомненным, что оппозиция не подчинится никакому постановлению Совета Партии и что полный раскол Партии может произойти немедленно. Я настаивал на том, что после происшедшего в Лиге, после принятых на ее Съезде мер представителя Ц. К. (а тов. Плеханов участвовал в обсуждении каждой из этих мер и всецело одобрял их) — уступать анархическому индивидуализму невозможно и что выступление особой литературной группы (которую я неоднократно в разговорах с Плехановым признавал вполне допустимой, вопреки его мнению) еще не обязательно, может быть, означает раскол. Когда разговор свелся к выходу в отставку одного из нас, то я тотчас сказал, что уйду я, не желая мешать Плеханову попытаться уладить конфликт, попытаться избежать того, что он считал расколом.

Тов. Плеханов так любезен ко мне теперь, что не может найти иных мотивов моего шага, кроме самой трусливой увертливости. Чтобы изобразить это мое свойство в самых живых красках, тов. Плеханов приписывает мне слова: «Всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся Плеханов».

Краски наложены густо, что и говорить! Так густо, что выходит даже незамечаемая тов. Плехановым явная несообразность. Если бы я был уверен, что «всякий» найдет правым Плеханова (как Плеханов скромно думает про себя), и если бы я считал необходимым считаться с мнением этого всякого, то очевидно, что я никогда бы не решился разойтись с Плехановым, что я пошел бы за ним и в этом случае. Тов. Плеханов, желая представить мое поведение самым что ни на есть дурным и вытекающим из сквернейших мотивов, приписал мне мотив, лишенный всякого смысла. Я будто бы так боялся в чем бы то ни было разойтись с Плехановым, что — разошелся с ним. Некругло выходит это у тов. Плеханова.

На самом деле, моя мысль была: уж лучше я выйду, потому что иначе мое особое мнение послужит помехой попыткам заключить мир со стороны Плеханова. Попыткам я мешать не хочу; может быть, мы сойдемся и на условиях мира, но отвечать за редакцию, которой таким образом навязывает кандидатов заграничная кружковщина, не считаю возможным.

Несколько дней спустя я действительно зашел к Плеханову вместе с одним членом Совета, а разговор наш с Плехановым принял такой ход:

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жены, — сказал Плеханов, — что им необходимо уступить во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть, — ответил я, — но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего «скандала».

— Ну, а уйти — значит уже все уступить, — отвечал Плеханов.

— Не всегда, — возразил я, и сослался на пример Чемберлейна. Мысль моя была именно та, которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войны не начну; если не удастся, — я сохраню за собой свободу действий, чтобы разоблачить «скандальную жену», если ее не успокоит и не утихомирят даже Плеханов.

В тот же разговор я сказал Плеханову (еще не знавшему условий оппозиции) о своем «решении» войти в Ц. К. (я мог «решить» это, но согласие должны были дать, разумеется, все члены Ц. К.). Плеханов вполне сочувственно отнесся к этому плану, как к последней попытке ужиться с «скандальной женой» хоть на каких бы то ни было началах. Когда в письме к Плеханову от 6 ноября 1903 г. я выразил мнение, что он, быть может, просто передаст редакцию мартовцам, то Плеханов отвечал (8 ноября)... «Вы, кажется, плохо выяснили себе мои намерения. Я объяснил их вчера еще раз тов. В—у»⁴⁵) (члену Ц. К., бывшему на съезде Лиги). Этому же тов. В—у Плеханов писал от 10 ноября по вопросу об ускорении или задержке выхода № 52 «Искры» с извещением о съезде:... «Напечатать сообщение о съезде значит: 1) или напечатать о том, что Мартов и другие не участвуют в «Искре», или 2) отказать в этом Мартову, — и тогда он напечатает об этом в особом листке. В обоих случаях это доводит до сведения публики о расколе, а именно этого нам и надо теперь избегнуть» (курсив мой. *Н. Л.*). 17 ноября Плеханов пишет тому же товарищу:... «Что думаете Вы о немедленной кооптации Мартова и др.? Я начинаю думать, что это был бы способ уладить дело с наименьшими затруднениями. Без Вас я действовать не хочу...» (курсив Плеханова).

Из этих отрывков ясно видно, что Плеханов старается действовать солидарно с большинством, желая кооптировать редакцию лишь для мира и при условии мира, отнюдь не для войны с большинством. Если вышло обратное, то это показало лишь, что телега

анархического индивидуализма слишком разошлась в тактике бойкота и дезорганизации; самые сильные тормоза не подействовали. Это очень жаль, разумеется, и Плеханов, искренно желавший мира, оказался в неприятном положении; но свалить вину за это на одного меня не доводится.

Что касается до слов Плеханова об уступке мной молчания за подходящий «эквивалент» и гордого заявления: «Я не нашел нужным покупать его молчание», то этот полемический прием производит лишь комическое впечатление при сопоставлении с цитированными мной выше словами из письма от десятого ноября. Именно Плеханов придавал огромнейшую важность вопросу о молчании, о недоведении до сведения публики о расколе!*) Что же естественнее, если я сообщаю ему о своем согласии и на это при условии мира? Разговоры об уступке «за эквивалент» и о «покупке» заставляют только ожидать, что следующий раз Плеханов сообщит публике о приготовлении Лениным фальшивых кредиток для подобного рода покупок. Бывало ведь это при эмигрантских препирательствах — атмосфера подходящая имеется.

Письмо тов. Плеханова невольно наводит на мысль: не придется ли ему теперь покупать себе право быть в меньшинстве? Тактика меньшинства в нашем так называемом партийном органе уже определилась. Надо стараться заслонять спорные вопросы и факты, действительно приведшие к нашему расхождению. Надо стараться доказать, что Мартынов был гораздо ближе к «Искре», чем Ленин, — как именно, в чем именно и насколько именно, это еще долго будет разбирать запутавшаяся редакция новой «Искры». Надо фарисейски осуждать личности в полемике — и на деле сводить всю борьбу к походу против личности, не останавливаясь даже перед приписыванием «врагу» весьма несвязных зловредных качеств, от самой бесшабашной прямолинейности до самой трусливой увертливости. Лишь бы крепче выходило. И у наших новых союзников, тов. Плеханова и Мартова, выходит так крепко, что скоро они ни в чем не уступят знаменитым бундовцам с их знаменитым «поганьем».

---

*) А ргорос. Именно Плеханов настаивал особенно энергично на неопубликовании протоколов Лиги и конца протоколов съезда Партии, того конца, где Плеханов заявляет, что берет на себя всю нравственную ответственность за прямой вот ⁴⁶⁾ против старой так называемой редакции, того конца, где он выражает надежду, что не оскудела Партия литературными силами, — заявление, названное одним представителем меньшинства парадной фразой в ложно-классическом стиле.

Союзники так усердно бомбардируют меня с своих броненосцев, что у меня является мысль: не заговор ли это двух третей ужасной тройки? Не прикинуться ли и мне обиженным? Не завопить ли об «осадном положении»? Ведь это иногда бывает так удобно и так выгодно...

Впрочем, для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасование перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно-социал-демократических, Акимовски-Мартовских и Мартыновски-Аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы (см. стр. 17, 96, 97, 98, 101, 102, 104 и много др. протоколов Лиги), а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Спорными вопросами этого рода мне придется подробно заняться в брошюре, подготовляемой теперь к печати. А пока... пока будем присматриваться к галлерее гоголевских типов, открытой нашим руководящим органом, принявшим за правило задавать читателям загадки. Кто похож на прямолинейного Собакевича, наступающего всем на самолюбие, то бишь на мозоли? Кто похож на увертливового Чичикова, покупающего вместе с мертвыми душами также и молчание? Кто на Ноздрева и на Хлестакова? на Манилова и на Сквозника-Дмухановского? Интересные и повчительные загадки... «Принципиальная полемика»...

Н. Ленин.

„Комментарий к протоколам второго съезда Заграничной Лиги Русск. Революц. Социал-Демократии“. Женева. 1904.

1904 ГОД

Письмо Глебову (Б. Н. Носкову) ⁴⁷).

11/IX-04 г.

Уважаемый товарищ!

Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию Центрального Органа, выражено «Центральным Комитетом». В свою очередь и я должен повторить, что это по малой мере не точно. Когда Вы формально заявили, что известная декларация Центрального Комитета принята единогласно в полном составе Центрального Комитета за исключением одного, я немедленно (еще 18/VIII-04) ответил, что это неправда ⁴⁸). Декларацию подписали 3 члена Центрального Комитета из недавно бывших в нем девяти, при чем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом Центрального Комитета товарища Осипова ⁴⁹), который письменно заявил мне, что считает себя попрежнему членом Центрального Комитета. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми Вы и двое Ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что товарищ Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании Центрального Комитета. Это неправда, ибо в конце мая (т.-е. месяц спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте) мы считали еще 9 членов Центрального Комитета, что удостоверено договором 26/X-04, подписанным тремя членами Центрального Комитета и письмом, приложенным к этому договору. Вы ссылались на то, что товарищ Осипов вошел, после упомянутого собрания Центрального Комитета, в один местный комитет, чего член Центрального Комитета не вправе был бы сделать. На это товарищ Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие в местной работе в указанную местность по предложению именно

тех членов Центрального Комитета, которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже и имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена Центрального Комитета в местный комитет, то еще ни откуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из Центрального Комитета, а не выхода из местного комитета. Наконец, Вы сами должны были признать в письме ко мне, что собранию трех членов Центрального Комитета было доложено о спорности вопроса насчет отставки товарища Осипова. Решение этого вопроса тремя членами Центрального Комитета в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, три члена Центрального Комитета могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет Партии; конечно, три члена Центрального Комитета могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку с сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а, напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно также беззаконно было со стороны 3-х членов Центрального Комитета принять отставку товарища Травинского⁵⁰), о которой раньше, до собрания все члены Центрального Комитета не были уведомлены. Вы до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «Справьтесь у российской коллегии», от каковой «коллегии» (все той же коллегии трех) Вы только что приехали и с каковой «коллегией» я не имею средств сношения иначе, как через Вас!

Таким образом я оспариваю законность состава Центрального Комитета и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы поэтому полное право оставить без ответа Ваше предложение о вступлении моем в редакцию Центрального Органа. Но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от Центрального Комитета, а от трех членов партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него, тем более, что Вы ссылаетесь на выраженное Вам письменно желание редакции Центрального Органа видеть меня в числе редакторов.

Вы полагаете, что мое вступление в редакцию Центрального Органа «обеспечило бы почти полный мир в партии, которого я так хочу». Это ваше «почти» очень характерно! Да, я хочу мира в партии и предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем Письме в редакцию «Искры»

(«Почему я вышел из редакции?»). Я предлагал мир еще раз официально в Совете Партии в январе 1904 г. Мир не был принят на тех условиях, которые ставил я тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в Партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от Центрального Комитета в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местных счетов, дрызг и нечестных приемов борьбы. Пусть Центральный Орган будет у меньшинства, Центральный Комитет у большинства, — предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дрызги и давайте спорить по-товарищески о наших разногласиях и о причинах нашего расхождения на съезде, давайте приучать партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым. Меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета, вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от Центрального Комитета, и что к этому решению присоединились теперь (тайком) три члена Центрального Комитета. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из Центрального Комитета несогласно мыслящих*), тот не может не стремиться к скрытию от членов партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основания думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману партии, не удастся и что протоколы Совета, в конце концов, увидят свет.

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) — держать в своих руках редакцию Центрального Органа и Совет, на словах представлять в этих центральных учреждениях интересы всей партии в целом и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки Центрального Комитета в интересах меньшинства, эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки

---

*) Это относится прежде всего к товарищу Осипову, а затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию Центрального Органа равносильно предложению уйти из Центрального Комитета.

со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрызг, путаницы в рассуждениях и заигрывания с оппортунистами, сведения личных счетов, выискивания разногласий.

Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под ним очищение идейной борьбы от кооптационной дрызги, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое сделанное в Совете предложение. Если же разумеется под миром прекращение идейной борьбы примирение с направлением или, вернее, физиономией, лишенной всякого направления новой «Искрой», то такой «мир» предлагать могут только люди беспринципные или лицемерные, или смотрящие на органы партии как на печатную бумагу (Druckerschwärze — типографская краска, как называл один из «примиренцев» литературу новой «Искры»). Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «принципиальную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они называли «ленинизмом», и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания не серьезно, что всю полемику они сочинили лишь «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается меня, то я отвергаю, как недостойное, самое предложение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по-моему, открыто, ибо 2/10 истории конфликта вынесено у нас уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было бы мелочным и нелепым затягиванием кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры», «несомненно, желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что Вы и на этот раз говорите заведомую неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов Центрального

Органа и тремя членами из Центрального Комитета, которые видят верх политической мудрости в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли: съезд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на съезде и ведущий по этой линии часть партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна, несмотря на ее несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличии некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные партией, должны считаться с волей этой партии, предпринимая свои переделки состава и направления центров. Если бы это сознание у Вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую Вы заняли, то Вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме съезда. Но если Ваша ссылка на «многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о беспокойной совести. Вы потому и боитесь пуще огня съезда, что чувствуете вопиющее противоречие между своей политической приключений и волей партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности предпринятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов Центрального Комитета восхищаются теперь «высотой» Центрального Органа, тогда как в марте эти самые три члена Центрального Комитета составляли заявление с сожалением о том, что некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции Центрального Органа) вдалились в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена Центрального Комитета распустили Южное бюро (коллегия агентов Центрального Комитета) за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена Центрального Комитета устраняют конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносят в партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне. Какая масса взаимного

недоверия, подозрительности вносятся этими проделками за спиной партии во всю партийную жизнь! Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовались 3 части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в Центральный Комитет Дана и Троцкого и знать больше ничего не хочет. Другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией Центрального Комитета. И к этой части относятся южнорабоченцы (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа ничто иное, как замаскированное восстановление «Южного Рабочего», закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнородных групп, что товарищ Брукэр⁵¹⁾, напр., совсем, вероятно, не участвует в «ультиматуме» меньшинства и во всей кооптационной дрязге, что группа «Южного Рабочего» представляет из себя значительно особый оттенок, это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели Вы не видите, сколько унижительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной партии. Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов Центрального Комитета вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от этих всех проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый раскассированием агитирующих за съезд, рассматривается, как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения? что большинство предполагает сделку Центрального Комитета и Центрального Органа (а, следовательно, и Совета) о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются уже не один месяц) и т. д.

Надеюсь, Вы поймете теперь, почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию Центрального Органа.

Ваше заявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации трех в Центральный Комитет, есть неправда. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшимися». Это новое беззаконие. Три члена Центрального Комитета обязаны рассмотреть все мои протесты и лишь после этого поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация единогласна, моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь

до проверки состава Центрального Комитета всеми членами Центрального Комитета) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета.

Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После ваших проделок с товарищем Осиповым и Вашего отношения к данному слову (договор 26/V-04) я никаких сношений с Вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю.

Печатается

по рукописи, хранящейся

в архиве Института Ленина.

Подпись: Член Ц. К. Н. Ленин.

Услужливый либерал.

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага!

В последнем номере (№ 57) «Освобождения» г-на Струве напечатаны следующие поучительные строки:

Процесс расслоения внутри так называемой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии перешел в новую фазу. Крайние централисты («ленинцы», «твердые», «большевики») начинают терять почву под ногами, а позиция их противников становится все крепче и крепче — по крайней мере в заграничных «колониях». «Меньшевики» (мартовцы) почти повсюду берут перевес, захватывают в свои руки все большее количество партийных органов, в то время как от «большевиков» откалываются группы и лица, которые, хотя и не окончательно принимают «платформу» меньшинства, однако не желают также вести борьбу с последними и стремятся к водворению мира в до сих пор мятущейся партии. На сцене появляются «примиренцы», желающие положить конец неприличной свалке, в которой люди перестали понимать не только других, но и себя. Появление этих «примиренцев» вынуждает непримиримых централистов выступить с «издательством социал-демократической партийной литературы, посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда» (Заявления В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина). Перед нами три продукта этого нового издательства: 1) К п а р т и и. Женева 1904. Стр. 16. Цена 20 сант. 15 пф. 2) Г а л е р к а. Долой бонапартизм! Женева 1904. Стр. 23. Цена 25 сант. 20 пф. 3) Г а л е р к а и Р я д о в о й. Наши недоразумения. Женева 1904. Цена 50 сант. 40 пф. Главное содержание этих трех брошюр заключается в критическом освещении некоторых действительно не совсем безупречных методов «меньшевистской» борьбы с «большинством» и в защите тезиса, что созвание третьего съезда для урегулирования партийных трений не только возможно, но и необходимо.

Стоя формально, с точки зрения партийной лояльности, на более солидной позиции, «большевики» уступают своим противникам по существу. По существу последние защищают теперь нечто более жизненное и дееспособное, чем «большевики». К сожалению, только защита эта ведется не совсем или, вернее, совсем некорректно, доходя часто до явного неприличия в выборе средств. Примером такой некорректной защиты могут служить бесчисленные статьи

последнего времени в «Искре» и появившаяся на днях брошюра Н. Троцкого: Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы). Женева 1904. Стр. 107. Цена 75 сант. Отличаясь во многих местах пустозвонством, она, однако, совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся социал-демократической литературой знакомы уже по писаниям г.г. Акимова, Мартынова, Кричевского и других так называемых «экономистов». Жаль только, что местами автор доводит взгляд последних до карикатуры.

Сколько тут злорадства по поводу бед нашей партии! Но либерал, по своей политической натуре, не может относиться к ослаблению и разложению социал-демократии без злорадства.

Сколько тут глубоко-продуманной и прочувствованной симпатии к существу Акимовских взглядов меньшинства! Но, в самом деле, разве единственная надежда на жизненность, идейную жизненность русского либерализма не заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма?

Не везет новой «Искре» с ее сторонниками.

Вспомните знаменитое, замечательное, составившее эпоху Плехановское «Чего не делать»⁵²). Как тонко задумана была эта политика хитрости и личных уступок, и как неловко попал в просак наш дипломат. Как верно схватил последовательный оппортунист, г. Струве, «знаменательный поворот» в новой «Искре». «Пропасть» между старой и новой «Искрой» признают теперь сами руководители последней.

Вспомните нарцисовское утверждение Плеханова в № 65 «Искры», что «Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде». Плеханов говорил эти слова (не особенно обнаруживающие мягкость и уступчивость к рабочедельцам), заявляя в то же время, будто на нашем партийном съезде «против ортодоксального марксизма говорил разве только какой-нибудь Акимов». И вот тотчас же после этих нарцисовских заявлений печатается полностью листок Воронежского комитета (солидарного, как всем известно, с т.т. Акимовым и Брукэром), при чем оказывается, что редакция новой «Искры» скрыла от публики (№ 61) всю принципиальную часть листка, все выражение сочувствия новой «Искре». Кто оказался похожим на воробья? Какое партийное учреждение сравнимо теперь с огородом?

Вспомните автора статьи «Пора!» в приложении к № 73—74 «Искры». Как откровенный и честный представитель взглядов, проводившихся на всем нашем съезде всеми делегатами «болота», этот товарищ прямо заявил свое несогласие с Плехановым, прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака

оппортунизма, чем его действительного представителя». И бедная редакция еще и еще раз должна была подвергнуть себя некоторой унтер-офицерской операции. Редакция снабдила утверждение автора статьи «Пора!» следующим примечанием:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению».

Не правда ли, мило? В программных взглядах т. Акимова (с которым вместе голосовали, в спорах о программе, почти всегда т.т. Мартынов, Брукэр и бундовцы, очень часто и делегаты болота) есть оппортунизм. А в его тактических и организационных взглядах нет оппортунизма? так что ли, господа? Не потому ли молчите вы об этих последних взглядах, что новая «Искра» с помпой выдвинула новые организационные разногласия и сказала именно то и только то, что говорили уже раньше против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Не потому ли, что и новые тактические разногласия, поднимаемые в новейшее время новейшей «Искрой», сводятся всецело к повторению того, что говорили давно против старой «Искры» Мартынов и Акимов? Как полезно было бы переиздать теперь № 10 «Рабочего Дела»!

И кого же приводит сама редакция новой «Искры» в качестве судьи и свидетеля против тов. Акимова? — г-на Струве. Судья хорош, это действительно специалист, знаток, чемпион и эксперт в вопросах оппортунизма. Тем более знаменателен отзыв этого, самой редакцией вызванного, свидетеля о содержании взглядов Троцкого. А ведь брошюра Троцкого вышла, не забывайте этого, под редакцией «Искры» (№ 72, стр. 10, столб. 3). «Новые» взгляды Троцкого — редакционные взгляды, одобренные Плехановым, Аксельродом, Засулич, Старовером и Мартовым.

Пустозвонство и Акимовщина (к сожалению, последняя в карикатурном виде) таков вердикт сочувствующего новой «Искре» и его же вызванного судьи.

Услужливый либерал на этот раз нечаянно сказал сущую правду.

Листок.

*Изд. социал-демократической
партийной литературы*

В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина.

Женева 1904 г.

Без подписи.

1905 ГОД.

Петербургская стачка.

Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения. Наши сведения исчерпываются пока сообщениями зарубежных и легальных русских газет. Но и эти сообщения не оставляют сомнения в том, что стачка уже стала громадной важности политическим событием.

Начало стачки было чисто стихийное. Одно из столкновений труда с капиталом, которые повторяются постоянно, произошло на этот раз из-за расчета администрацией завода четырех рабочих. Рабочие восстали, полные духа солидарности, с требованием их обратного приема. Движение быстро окрепло. В нем принимает участие легальное «Русское общество фабр.-заводских рабочих», и стачка переходит в следующую, высшую фазу.

Легальное рабочее общество было предметом особого внимания зубатовцев. И вот, движение зубатовское перерастает свои рамки и, начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах развращения политического сознания рабочих, это движение обращается против самодержавия, становится взрывом пролетарской классовой борьбы.

Социал-демократы давно уже указывали на неизбежность таких результатов нашей зубатовщины. Легализация рабочего движения — говорили они — принесет непременно пользу нам, социал-демократам. Она втянет в движение некоторые, особенно отсталые слои рабочих, она поможет встряхнуть тех, кого не скоро, а может быть и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист. А раз втянутые в движение, заинтересованные вопросом о своих судьбах, рабочие пойдут дальше. Легальное рабочее движение будет только новым, более широким основанием для социал-демократического рабочего движения *).

---

*) Сравни «Что делать?» Н. Ленина, стр. 86—88 ²²).

Несомненно, что именно так произошло дело и в Петербурге.

Два обстоятельства помогли особенному расширению движения: во-первых, выгодный момент для экономической борьбы (правительство спешно нуждается в исполнении заказов военного и морского министерства); во-вторых, конституционное оживление в обществе. Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, рабочие перешли к широким экономическим требованиям. Они потребовали 8-часового рабочего дня, минимальной платы (1 руб. мужчине и 70 коп. женщине), уничтожение обязательности сверхурочных работ (и двойной оплаты их), улучшения санитарных условий и медицинской помощи и т. д. Стачка стала превращаться во всеобщую.

Заграничные газеты сообщают от пятницы 8 (21) *) января, что даже по официальным русским сведениям остановили работу 174 завода, фабрики и мастерские с числом рабочих до 96.000 чел.

Перед нами одно из великих столкновений формирующегося класса пролетариев с его врагами, столкновений, которые оставляют свои следы на долгие годы.

Но экономическими требованиями дело не ограничилось. Движение стало принимать политический характер. В нем попытались принять участие (хотя, кажется, очень еще слабое) местные социал-демократы. На громадных рабочих собраниях в несколько тысяч человек стали обсуждаться политические требования и вотироваться резолюции в пользу политической свободы. Петиция, выработанная рабочими, распадается, сообщают, на три части. Первая излагает требования прав для народа. Вторая — меры борьбы с бедностью народа. Третья — меры против угнетения труда капиталом. Требования первой части: неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, совести; обязательное школьное обучение на средства государства, участие в законодательстве выборных представителей народа, равенство всех перед законом, ответственность министров, отмена выкупных платежей, дешевый кредит, постепенная раздача государственных земель народу, подоходный налог. (Если это сообщение верно, то оно показывает чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов). Корреспондент английской газеты «The Standart» сообщает, что было три собрания 5 (18) янв. (одно в 4 тыс. чел., другое в 2.000) и что приняты такие политические требования: 1) немедленный созыв учредительного собрания, избранного всеобщей подачей

*) Ошибки в числах (здесь и ниже) — в оригинале. Ред.

голосов; 2) прекращение войны; 3) полная амнистия политическим ссыльным и заключенным; 4) свобода печати и совести 5) собраний и союзов. Заграничные газеты от 8 (21) янв. сообщают вести о готовящейся на воскресенье 10 (23) янв. демонстрации перед зимним дворцом с подачей петиции «самому царю». Рабочие заявляют: свобода или смерть. Делегаты рабочих от Москвы и Либавы направляются в Петербург.

Таковы те ограниченные и непроверенные еще сведения, которыми мы располагаем в данный момент. Очевидно, что движение далеко не достигло еще высшей ступени развития, и надо дождаться событий для полной оценки происходящего. Бросается в глаза поразительно быстрый переход движения с чисто-экономической почвы на политическую почву, громадная солидарность и энергия десятков и сотен тысяч пролетариата — и все это несмотря на отсутствие или ничтожность сознательного соц.-дем. воздействия. Примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата. Политический протест передового угнетенного класса и его революционная энергия прорываются через все преграды и внешние — в виде полицейских запретов — и внутренние — в виде неразвитости и отсталости идей некоторых вожаков. Работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политической борьбы по самым широким каналам. Пролетариат показывает на деле, что на арене политического движения в России не две силы (самодержавие и буржуазное общество), как малодушно готовы были думать некоторые. Пролетариат показывает нам действительно высокие формы мобилизации революционных классовых сил; мобилизация примыкает, разумеется, не к второстепенным манифестациям в какой-нибудь городской думе, а к массовым движениям вроде ростовской демонстрации и южных стачек 1903 года. И эта новая и высшая мобилизация революционных сил пролетариата семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!

„Висред“ № 3.

24 (11) января 1905 г.

Без подписи.

„Царь-батюшка“ и баррикады.

Бросая общий взгляд на события кровавого воскресенья, всего более поражаешься этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата. Не даром европейские буржуазные газеты говорят, что Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января. Не даром названная нами выше немецкая соц.-демократическая газета⁵⁴⁾ вспоминает, как 70 лет тому назад начиналось рабочее движение в Англии, как в 1834 г. английские рабочие уличными демонстрациями протестовали против запрещения рабочих союзов, как в 1838 году около Манчестера выработывали они на громадных собраниях «народную хартию» и пастор Стивенс провозглашал, что «всякий свободный человек, который дышит вольным божьим воздухом и ходит по вольной божьей земле, имеет право на свой собственный очаг». И этот же самый пастор приглашал собравшихся рабочих взяться за оружие.

У нас в России во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва — итти с мирным ходатайством к самому царю — к призыву начинать революцию. «Товарищи, русские рабочие!» — писал свящ. Георгий Гапон после кровавого дня в письме, прочтенном на собрании либералов. — «У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу. Благословляю вас на сегодня. Завтра я буду среди вас. Сегодня я занят сильно работой на наше дело».

Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить

в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже только обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев-социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли идти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому не ведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати.

Понятно теперь, почему петербургские социал-демократы, письма которых мы привели выше, относились вначале и не могли не относиться с недоверием к Гапону. Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений. Искренно или неискренно рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме разве людей, близко знавших Гапона лично, т.-е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона.

Сможет ли социал-демократия овладеть этим стихийным движением? с тревогой спрашивали себя наши петербургские товарищи, видя неудержимо быстрый рост всеобщей стачки, захватывающей необычайно широкие слои пролетариата, видя неотразимость влияния Гапона на такие «серые» массы, которые могли бы увлечься и провокатором. И социал-демократы не только не поддерживали наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства, они спорили с Гапоном, они прямо и решительно отстаивали все свои взгляды и всю свою

тактику. И история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона. Великий князь Владимир, действующий от имени царя и со всей властью царя, взялся своим подвигом палача показать рабочим массам то и именно то, что социал-демократы всегда показывали и будут показывать им печатным и устным словом.

Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли идти на восстание, — сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут идти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропали даром.

Социал-демократии остается позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях о большей сплоченности и организованности своих сил, о более энергичной пропаганде давно уже выдвинутого ею лозунга: всена-родного вооруженного восстания.

„Вперед“ № 4.

31 (18) января 1905 г.

Без подписи.

От редакции к „Извещению о созыве третьего партийного съезда“.

Редакции «Вперед» остается только выразить свое горячее сочувствие почину русского бюро. Наконец-то сделан энергичный шаг к партийному выходу из положения, созданного заграничными бонапартистами! В отделе «Из Партии» мы помещаем сведения о том, как быстро откликаются комитеты на призыв бюро. Пусть последуют их примеру все и всякие группы и организации, а также отдельные лица, причисляющие себя к Росс. С.-Д. Р. П. или хотя бы примыкающие к ней по своим воззрениям и симпатиям. Третий съезд созывается впервые при таких условиях, когда заранее известен и состав его (на основании устава партии), и ход работ, и право на участие в нем кого бы то ни было. Пусть же все товарищи шире пользуются этими условиями! Пусть не забывают, что устав нашей партии гарантирует каждому возможность обратиться к съезду (§ 10 устава: «Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Центральный Комитет, в редакцию Центрального Органа или партийному съезду»). Пусть пользуются немедленно этой возможностью. Редакция «Вперед» берет на себя доставку таких заявлений русскому бюро, которое конституировалось теперь, как Организационный Комитет съезда. Участие на съезде с решающим голосом доступно лишь представителям комитетов и других полноправных, на основании устава, партийных организаций. Но участие с совещательным голосом доступно с разрешения самого съезда — кому бы то ни было, а с разрешения Организационного Комитета — делегатам неполноправных партийных организаций (§ 3, прим. 2-ое устава партии: «Центральному Комитету предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1-ом», т.-е. которые не утверждены в своем

полноправном звании за год до съезда. — Само собою разумеется, что Организационный Комитет, созывая съезд по поручению большинства комитетов против воли бонапартистского Центрального Комитета и Совета, перенимает все права Центрального Комитета по созыву съезда).

Редакция «Вперед», с своей стороны, предлагает съезду такой примерный порядок дня: 1. Конституирование съезда (регламент, доклад Организационного Комитета, проверка мандатов). 2. Отчеты делегатов. 3. Партийный кризис *). 4. Организационный вопрос. 5. Отношение к восстанию. 6. Соглашение с революционной демократией для целей восстания. 7. Отношение к либералам. 8. Работа в крестьянстве и поддержка революционного крестьянского движения. 9. Работа среди войска. 10. Улучшение пропагандистской и агитационной работы. 11. Выборы должностных лиц.

Активное участие всех членов партии в выработке и подготовке докладов и резолюций по этим и другим крупным вопросам (а также в собирании материала для докладов) безусловно необходимы для успеха съезда. Мы приглашаем всех сторонников партийности взяться за эту работу немедленно. Всякий, участвовавший так или иначе в перипетиях партийного кризиса, может помочь съезду кратким сообщением своего опыта и своего мнения о средствах выхода. Каждый, работавший в любой партийной или примыкающей к партии организации, может дать полезнейший материал, основанный на его личном опыте, для решения различных сторон организационного вопроса. (Вот примерная программа таких сообщений: время и место работы; число членов организации, рабочих и интеллигентов; отношения между ними; нужны ли писанные уставы и какие; нужно ли нормирование и какое, относительно пределов автономии, разделения труда, групп, входящих в партию и примыкающих к ней, кооптации и исключения членов; выборное начало; отношение комитетов к группам пропагандистов, агитаторов, организаторов, районным и фабричным кружкам, литераторским и техническим комиссиям и т. д. и т. д.).

---

*) Бебель обратился с письмом к Ленину, предлагая себя в третейские судьи между сторонниками «Искры» и сторонниками «Вперед». Ленин ответил, что ни он, ни кто-либо другой из известных ему сторонников «Вперед» не вправе связывать своими шагами всю партию и что предложение Бебеля должно поступить поэтому на рассмотрение созываемого русским бюро партийного съезда. Мы думаем, что съезд мог бы отнести это предложение к пункту «партийный кризис». *Примеч. редакции «Вперед».*

В редакцию «Вперед» доставлены уже некоторые материалы о работе среди крестьян и среди солдат. Нам известна одна группа, систематически работающая над сводкой опыта своих членов в деле пропаганды, агитации и организации и над составлением доклада съезду. Нам обещан доклад одного товарища, участвовавшего в работе организации вооруженного сопротивления сотен рабочих на случай еврейского погрома в одном из больших городов, а также доклад товарища, изучавшего военное дело, по вопросу об уличной борьбе. В высшей степени важно, чтобы за подобную работу взялись немедленно товарищи в возможно большем числе.

Партийный кризис выяснен в литературе до мельчайшей черточки. Обсуждение его не может и не должно занять много времени. Центральным пунктом работ съезда должны быть новые вопросы организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения. Для решения этих вопросов коллективный опыт всех социал-демократов, хоть сколько-нибудь участвовавших в движении, представляет неоценимую важность. Надо только поскорее собрать этот опыт и сделать его доступным для обсуждения съезда.

За дело же, товарищи! Пусть за активную помощь съезду немедленно возьмется всякий, кому дорого социал-демократическое рабочее движение. Тогда партия быстро выйдет из периода временного унижения и ослабления на дорогу активнейшего участия в великой русской революции, на дорогу, ведущую к победе над проклятым врагом русского народа!

*«Вперед» № 8.
28 (15) февраля 1905 г.
Без подписи.*

Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты.

В № 66 «Освобождения» помещена рецензия на брошюру Мартынова «Две диктатуры» (одобренную и рекомендованную редакцией «Искры», см. № 86). Как и следовало ожидать, либеральный буржуа не скрывает своих симпатий к оппортунистическому крылу в социал-демократии. «Рядом с работой г. Акимова»⁵⁵⁾ брошюра Мартынова является для «Освобождения» «одним из наиболее интересных произведений из всей новейшей соц.-дем. литературы». Мог ли иначе отнестись либерал к проповеди хвостизма, запугивающей революционный класс роковой перспективой участия во временном правительстве и «революционной диктатуры» в демократическом перевороте (Мартынов, напуганный «якобинством», смешивает этот переворот с социалистической революцией!)? Случайность ли это, что «Освобождение» в статье «Знаменательный поворот» приветствовало Плехановскую идею об уступках ревизионистам? Чем объяснить заявление «Освобождения» (№ 57), что «по существу меньшевисты защищают теперь нечто более жизненное и дееспособное, чем большевисты»? Не тем ли, что «единственная надежда на идейную жизненность русского либерализма заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма» (см. наше издание «Услужливый либерал»)? Прав или не прав был господин Струве, когда он утверждал, что брошюра Троцкого «Наши политические задачи», вышедшая под редакцией «Искры» (см. № 72), «совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся соц.-дем. литературой знакомы уже по писаниям г.г. Акимова, Мартынова и Кричевского и других так называемых экономистов» (№ 57 «Освобождения»)? Если бы Мартынов и К^о подумал над этими вопросами, то он может быть уразумел бы головоломную (ох, какую головоломную!) староискровскую идею о сходстве отношений между якобинцами

и жирондистами, с одной стороны, и между революционными социал-демократами и оппортунистами, с другой стороны. (Впервые выдвинута эта идея, если мы не ошибаемся, в передовице № 2 «Искры», писанной Плехановым). Были ли жирондисты изменниками делу великой французской революции? Нет. Но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. Поэтому с ними боролись якобинцы, которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса XVIII века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса XX века. Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападков якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д. Не начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов? Нет еще? Вот вам еще пояснение: являются ли новоискровцы изменниками делу пролетариата? Нет. Но они являются непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела (и принципов организации и тактики, освещающих это дело). Поэтому с их позицией борются революционные социал-демократы (одни прямо и открыто, другие тайком, за закрытыми дверями редакционных кабинетов, посредством хитростей и уловок). Поэтому новоискровцев идейно поддерживают и оправдывают прямые изменники делу пролетариата, освобожденцы. Не начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов?

*„Вперед“ № 9.
8 марта (23 февраля) 1905 г.
Без подписи.*

Первый шаг.

Толцые и отверзется — сказали мы, прочитав в № 91 «Искры» постановление Совета партии от 10 марта 1905 г. Не успели дойти до России вести о постановлении Совета от 8-го марта 1905 года ⁵⁶⁾ и наш ответ в № 10 «Вперед» ⁵⁷⁾, как приходится уже отметить новый и замечательный поворот Совета, поворот, за который мы можем только от души приветствовать товарищей новоискровцев из «меньшинства» и от души пожелать им сделать дальнейший шаг в этом направлении.

Постановление Совета от 10 марта 1905 г. есть обращение к членам III-го партийного съезда, созываемого русским бюро, с предложением съезду принять посредничество германской партии и Бебеля для восстановления единства партии и с выражением согласия прислать на съезд от Совета двух представителей для переговоров об осуществлении идеи третейского разбирательства.

Делая первый шаг «на новый путь», Совет не мог, разумеется, обойтись без некоторых своих старых приемов, не мог не повторить неправды, внутреннюю нелепость которой мы уже показали в № 10 «Вперед», — именно: будто съезд, созываемый большинством русских комитетов, не есть партийный съезд, будто «незначительная группа членов партии» хочет «навязать свои решения действительному большинству партии». Эти увертки были бы жалки, когда бы не были смешны, и останавливаться еще раз на них нам не хотелось бы. Тем более не хотелось бы, что все внимание естественно привлекает к себе новый шаг Совета, который наконец-то (наконец-то!) понял значение партийного съезда в деле улажения партийного кризиса, наконец-то сделал первую, хотя и маленькую, робкую, непоследовательную, но все же какую ни на есть попытку взглянуть на вещи просто, назвать их настоящими именами и попробовать путь, — «новый путь» восстановления единства партии при помощи непосредственных переговоров между двумя, создавшимися после второго съезда, частями партии.

В добрый час! Давно бы так, — месяцы и месяцы мучительного, нелепого, затяжного, скверного кризиса и тайного раскола были бы сбережены для партии пролетариата. Немножко более серьезного и искреннего желания считаться прямо и открыто с волей действующих в России партийных работников, — и российская социал-демократия вышла бы из временного своего распада уже год тому назад. Да, год тому назад, даже более года.

Это было в конце января 1904 года. Совет партии первый раз собрался для обсуждения нового партийного положения и партийного кризиса в составе Плеханова, Аксельрода, Мартова, Васильева⁴⁵⁾ и Ленина. Двое последних, члены Ц. К. и сторонники большинства, ясно видели, что партия ф а к т и ч е с к и расколота уже меньшинством и что тайный характер этого раскола вносит бесконечный разврат в партию, деморализуя ее совершенно, развязывая руки одной стороне для самых бесшабашных приемов «свалки», связывая другую сторону долгом соблюдения общих решений. Тайный раскол партии относится к открытому расколу (по своему морально-политическому значению и по своим морально-политическим последствиям) приблизительно так же, как тайный адюльтер относится к открытой свободной любви.

И вот, указанные члены Совета вносят поэтому резолюцию (28 янв. 1904 г.), которая напечатана полностью Шаховым («Борьба за съезд», стр. 81) и в которой б о л ь ш е в и к и, несмотря на преобладание их противников и в редакции и в Совете, т.-е. в высшем учреждении партии, первые заговаривают о необходимости мира в партии в виду серьезнейших задач исторического момента. Большевики проводят там резкое различие между необходимой и неизбежной идейной борьбой, с одной стороны, и «недостойной свалкой», дезорганизацией местническими счетами, бойкотом и т. п. Большевики приглашают Совет партии призвать всех членов партии, чтобы они «отбросили скорее все взаимные мелкие счеты и поставили раз навсегда идейную борьбу в такие рамки, чтобы она не вела к нарушениям устава, не тормозила практической деятельности и положительной работы». У нас так много забывчивых членов партии, любящих говорить о партийной самодеятельности, но предпочитающих досужие сплетни изучению документов партийного раскола, что мы настоятельно рекомендуем всем товарищам, желающим разобраться в партийных делах, заглянуть на стр. 81 брошюры «Борьба за съезд».

Меньшевики, конечно, отвергли резолюцию Ленина и Васильева и приняли (Плеханов, Мартов и Аксельрод) резолюцию, приглашающую

Ц. К. «кооптировать» меньшевиков. Так как Ц. К. 26 ноября 1903 г. выразил согласие кооптировать двоих меньшевиков по его, Ц. К., выбору, то эта резолюция Совета означала не что иное, как навязывание Ц. К.-ту трех определенных персонажей. Теперь уже вся партия документально осведомлена (из «Заявления» Ленина)⁵⁸) относительно того, что именно из-за «трех» сочинялись принципиальные разногласия и велась «недостойная свалка» по ноябрь 1904 года. В ответ на резолюцию о кооптации Ленин и Васильев подали особое мнение (Шахов, стр. 84), которое мы тоже рекомендуем перечитать для поучения несведущих и забывчивых и в котором заявляется, что иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, «иного способа прекратить эту недопустимую борьбу из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда, эти члены Ц. К. «решительно и безусловно не видят».

Меньшевики, разумеется, проваливают съезд. Никакие увещания, что на съезде допустимы всякие сделки, что иначе борьба принимает такие же гнусные формы, как тайная и продажная любовь, на них не действует. Кстати сказать, если со стороны меньшевиков, раз они решили не стесняться насчет «продажной любви», эта тактика естественна и понятна, то со стороны примиренца Плеханова она явилась громадной ошибкой, очевидность которой показал дальнейший ход кризиса. Теперь все и каждый видят, знают из фактов (именно из фактов последующего поведения Глебова и его компании), что если бы Плеханов подал голос в январе 1904 года за съезд, то съезд был бы созван очень скоро и на съезде образовалась бы такая внушительная примиренческая партия, которая ни в каком случае не дала бы преобладания ни большинству, ни меньшинству в отдельности. Тогда съезд не только мог бы быть, но и непременно был бы действительно примиренческим съездом. Повторяем: это не пустая догадка, а соображение, безусловно доказанное фактическим ходом последующих событий. Но Плеханов тоже предпочел «продажную любовь», т.-е. тайный раскол попытке прямо и открыто объясниться и договориться до конца.

И что же мы видим теперь? Меньшевики вынуждены притти, хотя и робко, непоследовательно, хотя и поздно, к исходу, предложенному большевиками. Большевики настояли на своем и добились созыва съезда, справедливо говоря, что, если обеим «дражайшим половинам» не суждено более «сожительствовать», то надо разойтись открыто, а не прятаться подобно подленьким трусишкам.

Конечно, лучше поздно, чем никогда, и даже робкий шаг Совета, готовность послать двоих его «представителей», мы от души приветствуем. Но мы безусловно протестуем против робости и непоследовательности этого шага. Почему же вы хотите послать на съезд только двух представителей заграничного Совета, господа? Почему не представителей всех партийных организаций? Ведь члены русского Бюро Комитетов Большинства пригласили на съезд всех и, в частности, послали заказные письма и в редакцию, и в Совет, и в Лигу! Почему это такое странное и непостижимое противоречие: с одной стороны, для лицемерного мира с тремя рыцарями из Ц. К. (заведомо против воли комитетов большинства) вы не ограничились посылкой «двух своих представителей» от Совета, а опросили все комитеты организации меньшинства, как об этом прямо было заявлено в № 84 «Искры». А, с другой стороны, для настоящего мира со всей партией вы посылаете для «непосредственных переговоров» только двоих представителей одного заграничного Совета? Где же тут русские меньшевики, с которыми нам во сто раз важнее спеться, чем с компанией литераторов? Где же тут рабочие, члены и представители организаций, те рабочие, которых вы науськивали против второго съезда и о самостоятельности которых вы так много кричали?? Где же тут товарищи Акимов и Брукэр, Махов⁵⁹⁾ и Егоров⁶⁰⁾ (или их друзья и единомышленники), которые совершенно последовательно с их точки зрения поддерживали меньшевиков, не компрометируя, однако, себя, т.-е. не участвуя в дрязге из-за кооптации? Где же тут товарищ Кричевский и другие бывшие «экономисты», с которыми вы якобы помирились, как уверял в новой «Искре» Плеханов и многие другие? Где тут товарищ Рязанов, с которым ваша солидарность во многом нам тоже понятна и который однако же отказался войти в Лигу, как организацию меньшевистскую?

Или вы скажете, о рыцари, что все эти товарищи не имеют мандатов? Но вы ведь пишете письму съезду, «отбросив всякие формальные соображения»!!

Нет, господа, нас полумерами не удовлетворишь и красными словечками не накормишь. Если вы действительно хотите — будем говорить прямо и без «формальных соображений» — работать вместе, в рядах одной организации, тогда являйтесь на съезд все и зовите также всех тех товарищей, которых от нас отделяют одни только идейные, а не кооптационные соображения. Тогда считайтесь с «доброй волей революционера», на которую вы так неумело

ссылались, таясь от съезда, и которая одна только всецело и безусловно может решать судьбы всей партии, представленной на съезде. Тогда ищите посредников, способных повлиять на эту «добрую волю» всех членов съезда. Мы будем от души приветствовать всякого такого посредника.

Толцые и отверзется... Большевики добились своей открытой борьбой того, что мы подошли теперь вплотную к возможному прямому, недвусмысленному выходу из кризиса. Мы добились съезда. Мы добились поворота меньшевиков от бурбонских окриков оставшегося без партии Совета партии к прямому и открытому предложению непосредственных переговоров. Хватит или не хватит у Совета ума и честности сделать второй шаг по «новому пути», — мы убеждены, что во всяком случае добьемся наконец полной победы партийности над кружковщиной и над заграничными дрязгами.

„Вперед“ № 11.

23 (10) марта 1905 г.

Без подписи.

От редакции к статье „Об уличной борьбе“. (Советы генерала Коммуны.)

Предлагаемая статья есть перевод одного из мемуаров знаменитого деятеля Парижской Коммуны Кюзерэ. Он основывал свои соображения, как видно из приводимых ниже кратких биографических сведений, главным образом, хотя не исключительно, на опыте парижских уличных восстаний. Кроме того, он имел в виду специально революцию пролетариата против всех имущих классов, тогда как мы в России переживаем теперь революцию в значительной степени общенародную против правительственной шайки. Само собой разумеется, поэтому, что оригинальные мысли Кюзерэ должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западно-европейских товарищей. Считаю нелишним познакомить читателя вкратце с небезынттересной биографией автора.

Густав-Павел Кюзерэ (Cluseret) родился в Париже 13 июня 1823 года. Учился в военной школе Сан-Сир и вышел из нее в 1843 г. подпоручиком (sous lieutenant). В 1848 году в чине лейтенанта принимал самое энергичное участие в подавлении рабочего восстания в Париже (июньские дни). В течение шести часов взял 11 баррикад и 3 знамени. Получил за этот «подвиг» орден почетного легиона. В 1855 году в чине капитана участвовал в крымской кампании. Затем вышел в отставку. Участвовал в армии Гарибальди в войне за итальянское освобождение. В 1861 году уехал в Америку и участвовал в междоусобной войне против рабовладельческих штатов. Получил титул генерала и (после победы при Groskeys) права американского гражданства. Вернулся во Францию. В 1868 году попал в тюрьму за статьи в газете L'Art. В тюрьме Сан-Пелажи завязал связи с деятелями Интернационала. За резкую военную критику в газетах выслан из Франции, как американский гражданин. После провозглашения республики (4 сент. 1870 г.) вернулся в Париж, участвовал в попыт-

ках вызвать восстание в Лионе и в Марсели. 3 апреля 1871 года назначен военным министром Коммуны. 16-го апреля выбран членом Коммуны. За сдачу форта Исси смещен Коммуной и арестован, но судом товарищей оправдан. После падения Коммуны бежал из Франции. Версальским судом 30 августа 1872 г. приговорен к смертной казни. После амнистии в 1881 г. вернулся во Францию, писал в газетах «Коммуна» и «Марсельеза». За возбуждение армии к неповиновению приговорен к двум годам тюрьмы. Бежал из Франции. В 1888 г. на выборах в палату депутатов выступал как кандидат революционной партии, громил парламентаризм и радикальную, «клемансистскую» партию. В 1889 г. выбран во 2-ом округе Тулона в палату депутатов. Принадлежал к социалистической рабочей группе. Написал книгу «Армия и демократия» (1869) и два тома «Мемуаров» (1887), посвященных Коммуне. •

„Вперед“ № 11.

23 (10) марта 1905 г.

Без подписи.

Французско-русские обычаи „подмазывать“!

Под таким заглавием немецкая соц.-дем. газета «Vorwärts» поместила на-днях чрезвычайно ценный документ: оригинал письма г-на Жюля Гуэн (Jules Guén), директора крупной машинной фабрики в Батиньоле (предместье Парижа), к чиновнику, служащему в одном из питерских министерств. Французская фабрика через посредство этого господина получила заказ на 114 локомотивов. Общая стоимость заказа (по 27.700 франков за локомотив) — 3 миллиона франков, т.-е. около 1.200.000 рублей. За посредничество при доставке заказа благородный министерский чиновник (занимающий, вероятно, добавим от себя, довольно высокий пост) получает, как видно из письма, во-1-х, два процента с покупной цены. Это составляет около 25.000 рублей. Из письма (которого мы не приводим целиком по недостатку места), видно, что из этой суммы 13.000 франков уже получены посредником, остальное выплачивается в разные сроки. Кроме того, изменения в обычном типе локомотивов для русских дорог оплачиваются особо. Представитель парижской фирмы в Петербурге обязуется заранее сообщить этому чиновнику, как высока эта добавочная плата, требуемая фабрикой. Если же чиновник «выручит» с русского правительства цену выше той, которую назначила фабрика, то разница достается, согласно условию, тоже ему, как «посреднику». Это называется в немецком переводе французского письма *Vermittlungsgebühr* — «вознаграждение за посредничество». На деле же, разумеется, этим выражением прикрывается самое наглое мошенничество и казнокрадство, сообща по договору производимое французским капиталистом и русским министерским чиновником.

Справедливо говорит «Vorwärts», что это письмо проливает яркий свет на русскую продажность и на то, как заграничный капитал извлекает выгоды из этой продажности. Письмо документально доказывает, какова обычная практика «деловых» отношений в цивилизованных капиталистических нациях. И в Европе повсюду проделыв-

ваются такие вещи, но нигде не проделываются они так бесстыдно как в России, нигде нет такой «политической безопасности» (безопасность от обнаружения) для продажности, как в самодержавной России. Понятно, — заключают немецкие социал-демократы, — почему европейская промышленность заинтересована в сохранении русского самодержавия с его безответственными чиновниками, тайно обделяющими ловкие делишки! Понятно, почему русские чиновники руками и ногами отбиваются от конституции, грозящей публичным контролем над администрацией. Можно себе представить по этому примеру, какие денежки «зарабатывает» себе русская бюрократия на русско-японской войне, — какие суммы попали хотя бы при продаже немецких океанских пароходов России в карманы министерских чиновников в Питере! Народное бедствие — золотое дно для военных поставщиков и для продажных чиновников.

„Вперед“ № 14.

12 апреля (30 марта) 1905 г.

Без подписи.

Конституционный базар.

Булыгин занимается теперь, как справедливо говорят в петербургских аристократических кругах, выигрыванием времени. Он старается оттянуть, насколько возможно, обещанные царем реформы и свести их к пустякам, нисколько не уменьшающим власти самодержавного царя и самодержавного чиновничества. Вместо конституции он готовит, как мы уже указывали однажды во «Вперед», совещательную палату без всяких прав. Теперь мы имеем подтверждение сказанного нами, — именно текст Булыгинского проекта, опубликованный немецкой либеральной газетой «Vossische Zeitung». Авторами проекта называют, по сведениям этой газеты, Булыгина, Ермолова, Щербатова, Мещерского, графа Шереметьева и князя Урусова. Содержание проекта следующее.

Для обсуждения (не более того!) и выработки всех законопроектов создаются два учреждения: 1) Государственное Совещание и 2) Государственное Собрание. Право внесения проектов закона принадлежит всякому члену Государственного Совещания и не менее как 20 членам Собрания. Законопроекты обсуждаются и принимаются Собранием, затем поступают в Совещание и, наконец, идут на утверждение царя. Царь решает, в какой форме проекты должны стать законами, или совершенно отклоняет их.

Булыгинская «конституция» таким образом вовсе не ограничивает самодержавия, вводя исключительно совещательные палаты: верхнюю и нижнюю! Верхняя палата или Государственное Совещание состоит из 60 выборных членов, избираемых дворянскими собраниями 60-ти губерний (польские в том числе), а затем из членов по назначению от царя из чиновников и офицеров. Общее число членов не свыше 120. Срок полномочий выбранных членов — трехлетний. Заседания Совещания публичны или закрыты для публики, по усмотрению самого Совещания.

Нижняя палата или Государственное Собрание состоит только из выборных членов (министры и главноуправляющие заседают по

праву в обеих палатах), именно: по 10 выборных от каждой из 34 земских губерний (итого 340); по 8 выборных от 3-х губерний с земскими учреждениями, но без дворянских учреждений (итого 24); по 8 от 9 сев.-западных губерний (72); по 5 от 10 польских губерний (50); по 5 от трех остзейских (15); 30 от Сибири; 30 от Кавказа; 15 от Средней Азии и Закаспийской области; 32 от Финляндии; 20 от больших городов (СПБ. — 6, Москва — 5, Варшава — 3, Одесса — 2, Лодзь, Киев, Рига и Харьков — по одному); 10 от православного духовенства; по одному от католиков, лютеран, армян, магометан и евреев. Всего, значит, 643 члена. Это Собрание выбирает исполнительный комитет из председателя, двух вице-председателей и 15 членов. Срок полномочий трехлетний. Исполнительный комитет — учреждение постоянное; Собрание заседает лишь дважды в год, февраль—март и октябрь—ноябрь. Заседания публичны или закрыты, по усмотрению Собрания. Члены Собрания на время их полномочий неприкосновенны. Избираемы могут быть лишь российские подданные, не моложе 25 лет, умеющие говорить и писать по-русски. Они получают жалованье по 3.000 рублей в год.

Выборы организуются так. В 34 земских губерниях по 2 члена выбираются дворянским собранием, по 3 губернским земским собранием, один от городов через особых выборщиков, три от крестьян через особых выборщиков, один от купцов тоже через выборщиков. На подобных же началах выбираются депутаты и от неземских губерний, — мы не воспроизводим всех этих нелепых канцелярско-полицейских учреждений. Для иллюстрации того, как предполагается организовать не прямые выборы, приведем лишь порядок выбора крестьянских депутатов в земских губерниях.

Каждая волость выбирает по 3 выборщика. Они собираются в уездном городе и под председательством предводителя дворянства (!) выбирают трех выборщиков второй степени. Эти выборщики собираются в губернском городе под председательством губернского предводителя дворянства и выбирают трех крестьянских депутатов исключительно из крестьян же. Выборы таким образом трехстепенные!

Недурно работает г. Булыгин. Не даром он получает царское жалованье. Его конституция, как видит читатель, есть сплошное издевательство над народным представительством. Самодержавная власть, как мы уже указали, ни в чем не ограничивается. Обе палаты носят характер исключительно совещательный, решает же всецело и исключительно царь. Это значит — поманить, но ничего не дать. Характер

«представительства», во-первых, специально дворянский, помещичий. Дворяне имеют половину голосов по выборам в верхней палате, а в нижней около половины (в земских губерниях из 10 выборных от губерний 2 от дворян прямо и 3 от дворянских же в сущности земских собраний). Крестьяне до смешного оттерты от выборов. Трехстепенные выборы просеивают черный народ с сугубой тщательностью перед допуском его в Собрание.

Во-вторых, всего более обращает на себя внимание полное исключение рабочих. Все представительство этого бараньего парламента построено на сословном начале. «Сословия» рабочих нет, да и быть не может. Городские и купеческие выборы процеживают через разные разряды выборщиков исключительно промышленную и торговую буржуазию, причем крайне поучительно, что эта буржуазия сугубо оттирается на задний план даже по сравнению с дворянством. Царские слуги, как видно, не очень-то боятся помещичьего либерализма: они достаточно проницательны, чтобы за этим поверхностным либерализмом рассмотреть глубоко-консервативную социальную природу «дикого помещика».

Широкое ознакомление рабочих и крестьян с Булыгинской конституцией чрезвычайно полезно. Едва ли можно нагляднее показать истинные стремления и классовую основу стоящей будто бы над классами царской власти. Едва ли можно представить себе лучший материал для предметных уроков о всеобщем, прямом и равно избирательном праве с тайным голосованием.

Интересно также сопоставить с этой помещичьи-чиновничьей куцой «конституцией» последние известия о русских политических партиях. За исключением крайних партий, террористов и реакционеров, один английский корреспондент (который, очевидно, вращается в «обществе» и потому черного народа, вроде рабочих, не видит) насчитывает три партии: 1) консервативную или панславистскую («славянофильская» система: царю — силу власти, подданным — силу мнения, т.-е. представительное собрание с совещательным только голосом); 2) либеральная или «оппортунистическая» партия (вождь Шипов, программа, как у всяких оппортунистов, — «между двух стульев») и 3) радикальная или (характерное «или»!) конституционная партия, включающая большинство земцев, профессоров «и студентов» (?). Программа — всеобщее избирательное право и тайное голосование при выборах *).

---

*) Как увидит читатель из следующей статьи этого номера нашей газеты, события уже опередили группировку партий, данную английским корреспондентом.

Консерваторы, будто бы, теперь собираются в Петербурге, либералы в начале мая в Москве, радикалы в то же время в Петербурге. Правительственные сферы рассматривают, дескать, всеобщее избирательное право с тайной подачей голосов, как равносильное «провозглашению республики». «Радикалы» из всех партий — самая многочисленная.

Булыгинский проект, повидимому, и есть проект консервативной партии. Освобожденский проект очень похож на программу «радикальной или конституционной» (на самом деле вовсе не радикальной и плохо - конституционной) партии. Наконец, «либеральная», Шиповская, партия хочет, вероятно, немножечко побольше, чем предлагает Булыгин, и немножечко поменьше, чем требуют конституционалисты.

Базар идет на славу. Расторговываются хорошо. Запрашивают хорошие господа из общества, запрашивают и прожженные господа из придворных. Все идет к тому, чтобы скинули с цены и те, и другие, а затем... по рукам, пока рабочие и крестьяне не вмешались.

Правительство ведет ловкую игру: консерваторов оно пугает либералами, либералов пугает «радикальными» освобожденцами, освобожденцев страшит республикой. В переводе на классовый язык интересов и главного интереса — эксплуатации рабочих буржуазией — эта игра значит: давайте-ка, господа помещики и купцы, сторгуемся, поделимся по-доброму властью мирком да ладком, пока не поздно, пока не поднялась настоящая народная революция, пока не встал весь пролетариат и все крестьянство, которых куцыми конституциями, косвенными выборами и прочим чиновничьим хламом не накормишь.

Сознательный пролетариат не должен делать себе никаких иллюзий. Только в нем, только в пролетариате, поддерживаемом крестьянством, только в их вооруженном восстании, только в их отчаянной борьбе с лозунгом «смерть или свобода» лежит залог действительного освобождения России от всего крепостнически-самодержавного строя.

*„Вперед“ № 6.
30 (17) апреля 1905 г.
Подпись: К-в.*

том. Но это обстоятельство не мешает правильности выводов, делаемых автором настоящей статьи. *Прим. редакции „Вперед“.*

Политические софизмы.

Русская революция только еще началась, а между тем она уже обнаруживает с полной ясностью обычные черты политических революций буржуазии. Низы борются, верхи пользуются. Все невероятные тяготы революционной борьбы всецело пали и падают на пролетариат, как класс, да на отдельных выходцев из буржуазной интеллигентной молодежи. Все завоеванные уже отчасти свободы (вернее: мизерные доли свободы) достаются на девять десятых общественным верхам, нетрудящимся классам. В России, вопреки закону, господствует теперь свобода слова, собраний и печати, несравненно большая, чем 10 лет тому назад, чем год тому назад, но пользуются этим в сколько-нибудь широких размерах лишь буржуазные газеты, лишь «либеральные» собрания. Рабочие рвутся к свободе, пробивая себе дорогу сплошь да рядом в неведомые для них дотоле и считавшиеся совершенно недоступными области, но это просачивание пролетарского элемента не опровергает, а подтверждает нашу мысль. Активность участия в политической борьбе обратно пропорциональна активности присвоения плодов борьбы. Соотношение между нелегальным и легальным (т.-е. противозаконным и допускаемым законом) движением тем более «выгодно», чем выгоднее в общественно-экономическом строе положение того или иного класса. Движение либеральной буржуазии разлилось, особенно после 9-го января, так широко в терпимых законом формах, что нелегальное либеральное движение блекнет у нас на глазах с поразительной быстротой. Движение рабочего класса, несмотря на то, что оно облеклось в один из самых важных его моментов в архи-«законную» форму (подача прошения царю петербургским рабочим народом), оказалось сугубо-незаконным и подлежащим сугубо-суровой военной расправе. Движение рабочего класса стало еще несравненно шире, но соотношение легального и нелегального элемента не изменилось почти в пользу первого.

Отчего эта разница? Именно от того, что весь общественно-экономический строй России обеспечивает наибольшие плоды тому, кто наименее трудится. При капитализме не может быть иначе. Это — закон капитала, подчиняющий себе не одну экономическую, а и политическую жизнь. Движение низов поднимает революционную силу; оно поднимает такую массу народа, которая, во-первых, способна произвести настоящую ломку всего гнилого здания и которая, во-вторых, никакими особенностями своего положения не привязана к этому зданию, которая охотно свалит его. Мало того, она, даже не вполне сознавая свои цели, все-таки способна и склонна свалить его, ибо положение этой народной массы безвыходно, ибо вечный гнет толкает ее на революционный путь, а терять ей нечего, кроме цепей. Эта народная сила, пролетариат, кажется такой грозной владыкам гнилого здания потому, что в самом положении пролетариата есть нечто угрожающее всем эксплуататорам. В силу этого самое маленькое движение пролетариата, как бы скромно оно ни было в начале, из какого бы мелкого повода ни исходило, неминуемо грозит перерасти свои непосредственные цели и стать непримиримым, разрушительным для всего старого строя.

Движение пролетариата, в силу самых основных особенностей в положении этого класса при капитализме, имеет непреклонную тенденцию стать отчаянной борьбой за все, за полную победу над всем темным, эксплуататорским, порабощающим. Движение либеральной буржуазии, напротив, по тем же причинам (т.-е. в силу основных особенностей положения буржуазии) имеет тенденцию к сделкам вместо борьбы, к оппортунизму вместо радикализма к скромному учету наиболее вероятных и возможных ближайших приобретений вместо «нетактичной», смелой и решительной претензии на полную победу. Кто борется настоящим образом, тот естественно, борется за все; кто предпочитает сделки борьбе, тот, естественно, наперед указывает те «кусочки», которыми он склонен в самом лучшем случае удовлетвориться (в худшем случае он удовлетворяется даже отсутствием борьбы, т.-е. мирится надолго с владыками старого мира).

Вот почему вполне естественно, что социал-демократия, как партия революционного пролетариата, так заботливо относится к своей программе, так тщательно определяет задолго вперед свою конечную цель, — цель полного освобождения трудящихся, — так ревниво относится ко всяким поползновениям урезать эту конечную цель; по тем же причинам социал-демократия так догма-

тически строго и доктринерски непреклонно отделяет мелкие, ближайшие экономические и политические цели от конечной цели. Кто борется за все, за полную победу, тому нельзя не остерегаться, как бы мелкие приобретения не связали рук, не сбили с пути, не заставили забыть о том, что еще сравнительно далеко и без чего все мелкие завоевания — одна суета сует. Наоборот, для партии буржуазии, хотя бы самой свободолюбивой и самой народолюбивой, непонятна и чужда эта заботливость о программах, вечно критическое отношение к небольшим постепенным улучшениям.

На такие мысли навел нас «Проект русской конституции», выпущенный на-днях редакцией «Освобождения» под заглавием: «Основной государственный закон Российской империи». Проект этот, известный уже довольно давно в России, издан теперь с примечаниями и объяснительной запиской, как «единственное, полное, окончательное и самими авторами просмотренное издание». Оказывается, он не принадлежит «Союзу Освобождения», он выработан лишь частной группой, принадлежащей к этому Союзу. Таким образом, мы видим здесь еще и еще раз ту боязнь ясной, определенной, открытой программы, которая свойственна либерализму. Либеральная партия обладает в России неизмеримо большими денежными средствами и литературными силами, неизмеримо большей свободой движения на легальной почве, чем социал-демократия, — и в то же время ее отсталость от социал-демократии в отношении программной определенности бросается в глаза. Либералы прямо избегают программ, они предпочитают отдельные противоречивые заявления в своем органе (напр., по вопросу о всеобщем избирательном праве) или «проекты» частных групп, ни в чем не связывающие всю партию (или весь «Союз Освобождения») как целое. Это не может быть случайностью, конечно; это — неизбежный результат социального положения буржуазии, как класса, в современном обществе, — класса, сжатого между самодержавием и пролетариатом, раскалываемого на фракции из-за мелких различий в интересах. Политические софизмы вытекают из этого положения вполне естественно.

На одном из таких софизмов мы хотели бы теперь остановить внимание читателей. Основные черты освобожденского проекта конституции известны: сохраняется монархия — (вопрос о республике даже не обсуждается: очевидно «реальные политики» буржуазии считают этот вопрос не серьезным!), создается двухпалатная система парламента с всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием для нижней палаты, с двустепенными выборами в верхнюю

палату. Представители в верхнюю палату избираются земскими собраниями и городскими думами. Останавливаться на частностях этого проекта мы считаем лишним. Интересен его общий план и его «принципиальная» защита.

Государственную власть наши прекраснородушные либералы стараются возможно более равномерно и «справедливо» поделить между тремя силами: монарх, верхняя палата (Земская Палата), нижняя палата (Палата Народных Представителей): самодержавная бюрократия, буржуазия, пролетариат (или «народ», включая крестьянство и мелкую буржуазию вообще). Либеральные публицисты мечтают в глубине души о том, чтобы борьбу между этими различными силами и различными комбинациями этих сил заменить «справедливым» совокуплением их в одно единство... на бумаге! Надо позаботиться о постепенном, уравновешенном развитии, надо оправдать всеобщее избирательное право с точки зрения консерватизма (предисловие г-на Струве к рассматриваемому проекту); надо реальное обеспечение интересов правящих классов (т.-е. реальный консерватизм) создать в виде монархии и верхней палаты; надо придать всю эту якобы хитрую, а на деле пренаивную, конструкцию высокопарными софизмами. Русскому пролетариату долгое и долгое время придется считаться с либеральными софизмами. Пора начинать поближе знакомиться с ними!

Защиту двухпалатной системы либералы начинают с разбора предполагаемых возражений против нее. Характерно, что эти возражения целиком заимствуются из обычного круга либерально-народнических идей, которые пропагандируются широко нашей легальной печатью. Дескать, русское общество имеет «глубоко демократический характер», в России не существует ничего подобного высшему классу, сильному политическими заслугами, богатством и пр., ибо дворянство у нас было служилым сословием без «политического честолюбия», да и материальное значение его «подорвано». С точки зрения социал-демократа, смешно даже брать всерьез эти народнические фразы, в которых нет ни слова правды. Политические привилегии дворянства в России общеизвестны; его сила видна сразу из тенденций консервативной и умеренной или Шиповской партии; его материальное значение «подрывается» лишь буржуазией, с которой дворянство сливается, при чем весь этот подрыв несколько не мешает тому, что в руках дворянства сосредоточены гигантские средства производства, позволяющие грабить десятки миллионов трудящихся. Сознательные рабочие не должны делать себе иллюзий на этот счет, народни-

ческие фразы о ничтожестве русского дворянства нужны либералам только для того, чтобы позолотить пилюлю грядущих конституционных привилегий дворянства. Такая либеральная логика психологически неизбежна: надо представить наше дворянство ничтожным, чтобы изобразить ничтожным отступлением от демократизма привилегии дворянства.

Психологически неизбежны также, при положении буржуазии между молотом и наковальней, идеалистические фразы, которыми оперирует теперь с таким бесвкусием наш либерализм вообще и его излюбленные философы в особенности. «Для русского освободительного движения, — читаем мы в Объяснительной Записке, — демократия есть не только факт, но и морально-политический постулат. Выше исторического оправдания для всякой общественной формы оно ставит оправдание нравственное»... Недурной образчик той напыщенной и лишенной всякого содержания фразеологии, которой «оправдывают» наши либералы свои подходы к измене демократии! Они жалуются на «худшие нарекания (?), высказываемые против русской либеральной партии со стороны представителей более крайних элементов, будто эта партия стремится на место самодержавия бюрократического поставить самодержавие буржуазно-дворянское», и в то же время единственное действительно демократическое учреждение своего проекта, Палату Народных Представителей, наши либералы заставляют делиться властью и с монархией и с верхней, земской палатой!

Вот их «нравственные» и «морально-политические» доводы за верхнюю палату. Во-первых, «двухпалатная система существует в Европе повсюду, за исключением Греции, Сербии, Болгарии и Люксембурга»... Значит, не повсюду, если есть ряд исключений? И потом что же это за довод: в Европе очень много антидемократических учреждений, поэтому... поэтому их надо перенимать нашему «глубоко-демократическому» либерализму? Второй довод: «опасно сосредоточивать законодательную власть в руках одного органа», надо создать другой орган, чтобы исправлять ошибки, «слишком поспешные» решения... «должна ли Россия оказаться смелее Европы?». Итак, русский либерализм не хочет быть смелее европейского, который заведомо уже потерял всю свою прогрессивность из страха пред пролетариатом! Нечего сказать, хороши вожаки «освободительного» движения! Еще ни единого сколько-нибудь серьезного шага к свободе Россия не сделала, а либералы уже боятся «поспешности». Разве этими доводами, господа, нельзя оправдать и отказа от всеобщего избирательного права?

Третий довод: «одна из главных опасностей, угрожающих всякому политическому порядку в России, — это превращение его в режим якобинской централизации». Какие ужасы! Оппортунисты — либералы, видимо, не прочь позаимствовать оружие против демократизма народных низов у оппортунистов социал-демократии, новоискровцев. Вздорное пугало «якобинства», вытасченное Аксельродом, Мартыновым и К^о, служит полезную службу освобожденцам. Но позвольте, господа, если бы вы в самом деле боялись крайностей централизма (а не «крайностей» последовательного демократизма), то зачем бы это было ограничивать всеобщее избирательное право в местные, земские и городские учреждения? А ведь вы ограничиваете его. Вы постановляете статьей 68-ой вашего проекта, что «каждое лицо, имеющее право участия в выборах в Палату Народных Представителей, имеет право такого же участия в местных выборах, если оно имело оседлость в данном уезде или городе в течение определенного срока, не превышающего одного года». Ведь эта статья вводит ценз, ведь она делает избирательное право фактически не всеобщим, ибо всякий понимает, что как раз рабочим, батракам, поденщикам всего чаще приходится кочевать из города в город, из уезда в уезд, не имея прочной оседлости. Капитал перебрасывает рабочие массы из конца в конец страны, лишает их оседлости, — и за это рабочий класс должен терять часть своих политических прав!

Это ограничение всеобщего избирательного права проводится как раз для тех земских и городских учреждений, которые выбирают верхнюю, земскую палату. Для борьбы якобы с крайностями якобинского централизма служит двоякое отступление от демократизма: во-первых, ограничение всеобщего избирательного права цензом оседлости, во-вторых, отказ от принципа прямого избирательного права введением двухстепенных выборов! Неужели отсюда еще не ясно, что пугало якобинизма служит только всяческим оппортунистам, всяческим политическим предателям?

Да, недаром г. Струве выразил свою принципиальную симпатию социал-демократическим жирендистам — новоискровцам, недаром он расхваливал Мартынова, знаменитого борца против «якобинизма». Социал-демократические враги якобинизма прямо мостили и мостят дорожку для либеральных буржуа.

Утверждение освобожденцев, что именно верхняя палата, выбираемая земскими учреждениями, способна выражать «начало децентрализации», выражать «момент многообразия различных частей Рос-

сии», есть величайший вздор. Децентрализация не может выражаться ограничением всеобщности выборов; многообразие не может выразиться ограничением принципа прямых выборов. Не в этом суть дела, которую стараются затемнить освободенцы. Суть в том, что верхняя палата неизбежно станет, по их системе, преимущественно и главным образом органом дворянства и буржуазии, ибо именно пролетариат всего более оттесняется цензом оседлости и двухстепенной системой выборов. Эта суть дела настолько ясна всякому, сколько-нибудь знакомому с политическими вопросами, что сами авторы проекта предвидят неизбежное возражение.

«Но, скажут, — читаем в Записке, — как бы ни были организованы выборы, преобладающее значение в местной жизни имеет шансы остаться за крупными землевладельцами и предпринимательским классом. Нам думается (какая глубоко-демократическая дума!), что и здесь сказывается преувеличенный страх перед «буржуазным элементом». Нет ничего несправедливого (!) в том, чтобы землевладельческий и промышленный класс получил достаточную (!) возможность представлять свои интересы (всеобщего избирательного права буржуазному элементу не достаточно!), рядом с этим открывается широкая возможность представительства других групп населения. Нравственно недопустимы и политически опасны лишь привилегии»...

Пусть запомнят себе рабочие хорошенько эту «либеральную» нравственность. Она позволяет хвастаться демократизмом, осуждать «привилегии» и оправдывать ценз по оседлости, двухстепенные выборы, монархию... Монархия, должно быть, не есть «привилегия», или это — привилегия нравственно допустимая и политически не опасная!

Хорошо начинают наши вожаки «освободительного» движения из общества! Даже в самых смелых своих проектах, нисколько не связывающих всю их партию, они уже выдумывают заранее оправдание реакции, защищают привилегии буржуазии, софистически доказывая, что привилегия не есть привилегия. Даже в своей наиболее свободной от материальных расчетов, наиболее далекой от непосредственно политических целей литературной деятельности они уже протитуют понятие демократизма и клеветают на наиболее последовательных буржуазных демократов — якобинцев эпохи великой французской революции. Что же будет дальше? Как заговорят ответственные перед партией и деловые политики либеральной буржуазии, если самые идеалистические либералы занимаются уже теперь теорети-

ческим подготовлением предательства? Если самые смелые пожелания крайней левой освободенства не идут дальше монархии с двухпалатным парламентом; если только этого запрашивают идеологи либерализма, то на чем же сторгуются дельцы либерализма?

Для революционного пролетариата политические софизмы либерализма дают маленький, но ценный материал для знакомства с действительной классовой природой даже передовых элементов буржуазии.

*„Вперед“ № 18.
18 (5) мая 1905 г.
Без подписи.*

Советы консервативной буржуазии.

Несколько недель тому назад состоялся в Москве второй съезд земцев. Русским газетам не позволяют напечатать ни слова об этом съезде. Английские газеты сообщают целый ряд деталей со слов очевидцев, присутствовавших на съезде и передающих по телеграфу не только его решения, но и содержание речей представителей разных оттенков. Суть решений 132-х земских представителей сводится к принятию как раз той программы конституции, которую опубликовал г. Струве и которую мы разобрали в № 18 «Вперед» («Политические софизмы»). Эта программа предполагает двухпалатную систему народного представительства с сохранением монархии. Верхняя палата — из делегатов земств и дум, нижняя — выбрана всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Наши легальные газеты, вынужденные хранить молчание о съезде, начали уже печатать подробные сведения об этой программе, и разбор ее приобретает теперь поэтому особенно важное значение.

Что касается самого земского съезда, то нам, вероятно, придется еще не раз возвращаться к нему. Пока сообщим лишь, на основании английских газет, особенно интересное событие на этом съезде: расхождение или раскол между «либеральной» или оппортунистической или Шиповской и «радикальной» партией. Расхождение произошло из-за всеобщего избирательного права, которого первая партия не хочет. В воскресенье 7 мая (24 апреля) обнаружилось, что 52 члена съезда идут за Шиповым и готовы, в случае признания всеобщего избирательного права, уйти со съезда. В понедельник около двадцати из них вотировали вместе с большинством за всеобщее избирательное право. Затем единогласно была принята резолюция о созыве учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, причем значительное большинство высказалось, кроме того, за прямое избирательное право и за отсутствие (в учр. собрании) представителей от дум и земств. Итак, шиповцы пока побеждены на съезде земцев. Большинство пришло к тому

выводу, что сохранение монархии и предотвращение революции возможно лишь путем дарования всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, обезвреженного непрямыми и неравными выборами в одну из двух палат.

Чрезвычайно поучительна оценка этого съезда и этого решения со стороны английской консервативной буржуазии. «Для нас, иностранцев, — пишет «Таймс», — совершенно невозможно оценить политическое значение этого замечательного съезда, пока мы не узнаем из достоверных источников, в какой мере располагает он поддержкой среди широкой массы русского народа. Съезд этот может означать начало настоящего конституционного преобразования; он может быть первой ступенью по дороге к революции; он может быть простым фейерверком, к которому бюрократия отнеслась терпимо, зная, что он сгорит без всякого вреда для нее».

Замечательно верная характеристика! Действительно, дальнейший ход русской революции еще далеко не определяется таким событием, как этот съезд. «Поддержка широкой массы народа» стоит еще под знаком вопроса, не в смысле самого факта поддержки со стороны народа (его поддержка несомненна), сколько в смысле силы этой поддержки. Если правительство победит восстание, тогда либеральный съезд окажется именно простым фейерверком. И умеренные европейские либералы советуют, разумеется, золотую середину: умеренную конституцию, которая бы предотвратила революцию. Но правительственная растерянность внушает им опасения и недовольство. Запрещение оглашать решения съезда кажется «Таймсу» странным, ибо разъехавшиеся по своим уездам делегаты имеют все средства оповестить все русское общество о своих решениях. «Совершенно запретить съезд, арестовать съехавшихся земцев, воспользоваться их съездом, как предлогом для кажущейся реформы, все такие меры правительства были бы понятны. Но позволить земцам съехаться и разъехаться, а затем пытаться замолчать их решения — это уже просто глупо».

Глупость царского правительства, свидетельствующая о его растерянности и о его бессилии (ибо растерянность в революционный момент есть именно вернейший признак бессилия), внушает серьезную печаль европейскому капиталу («Таймс» — орган Сити, солидных финансовых тузов богатейшего города в мире). Эта растерянность увеличивает вероятность настоящей, победоносной, все сметающей на своем пути революции, которая внушает ужас европейской буржуазии. Она бранит самодержавие за растерянность, либералов за «неумеренность» требований!! «В каких-нибудь пять дней — возму-

щается «Таймс» — переменить свои взгляды и принять крайние решения (всеобщее избирательное право) и притом по такому вопросу, по которому самые опытные законодательные собрания Европы поколебались бы высказаться в течение целой сессии». Европейский капитал советует русскому брать с него пример. Мы не сомневаемся, что этот совет будет услышан, — но едва ли раньше, как после ограничения самодержавия. Против абсолютизма европейская буржуазия выступала в свое время еще более «неумеренно», еще более революционно, чем русская. «Неуступчивость» русского самодержавия и неумеренность русского либерализма зависят не от их неопытности, как это следует из постановки вопроса «Таймсом», а от условий, вне их воли лежащих, от ситуации международной, из внешней политики, а всего более от того наследства русской истории, которое приперло к стене самодержавие и накопило невиданные в Западной Европе противоречия и конфликты под его сенью. Пресловутая прочность и сила русского царизма в прошлом необходимо обуславливает силу революционного натиска на него. Это очень неприятно всем постепеновцам и оппортунистам, это внушает страх даже многим социал-демократам из лагеря хвостистов, но — это факт.

«Таймс» оплакивает поражение Шипова. Всего в ноябре еще он был признанным главой партии реформы! а теперь... «вот как быстро пожирает революция своих собственных детей». Бедный Шипов! И потерпеть поражение и получить прозвище исчадия революции, — какова несправедливость судьбы! «Радикалы», провалившие Шипова на съезде земцев, вызывают негодование «Таймса». Они — в ужасе кричит «Таймс» — держатся теоретических принципов французского Конвента. Доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа и проч. «оказалась, как показали ужасные события, одной из самых, может быть, зловредных среди всех измышлений губительной софистики, которую Жан-Жак Руссо завещал человечеству». «Это главный краеугольный камень, корень якобинизма, одно уже присутствие которого имеет роковое значение для преуспевания справедливой и целебной реформы».

Оппортунисты либерализма трогательно обнимаются с оппортунистами социал-демократии в своем пристрастии к употреблению этого пугала «якобинизма». В эпоху демократической революции пугать якобинизмом могут только безнадежные реакционеры или безнадежные филистеры.

*„Пролетарий“ № 2.
3 июня (21 мая) 1905 г.
Без подписи.*

Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией.

Чуть не каждый день приносит подтверждения относительно этой «торговли», на которую мы так давно обращаем внимание русских пролетариев. Вот интересная телеграмма г. Леру из Петербурга от 2 июля нового стиля: Собрание представителей городов и земств 28 и 29 июня (15 и 16 ст. ст.) выработало еще раз (сотый раз!) конституционные требования и по телеграфу послало их в министерства. Требования выше обычных: народное представительство требуется непременно на конституционных началах; «Булыгинская» конституция прямо отвергается; требуется немедленное провозглашение неприкосновенности личности, свободы слова и т. д. На совещании принято будто бы единогласно (но не включено в петицию — когда торгуешься, не следует показывать всех своих карт!) требование всеобщего избирательного права.

Как же судит корреспондент буржуазной газеты по поводу этого знаменательного повышения требовательности г.г. помещиков и фабрикантов? О, он судит очень трезво:

«Очевидно, — пишет он, — что делегаты запрашивают побольше, чтобы получить хоть немного. Но несомненно также, что это немного, чтобы быть приемлемо для них, должно находиться посредине между тем, чего они требуют, и тем, что Булыгин им предлагает».

Настоящий базар, на котором буржуазия проторговывает интересы и права русских рабочих и русских крестьян. Как на базаре, покупательница — буржуазия и продавец — царь хлопают друг друга по рукам, выкрикивают в сотый раз свое «последнее слово», божатся, что «себе дороже», грозят уйти, — и никак не решаются разорвать своей тесной дружбы.

Если царь не исполнит наших требований, — говорил «один из самых выдающихся представителей земского совещания» господину Леру, — тогда мы «обратимся к народу».

Что собственно следует понимать под этим пресловутым «обращением к народу»? — спрашивает себя и своих читателей французский корреспондент. И отвечает: здесь нет «предместья св. Антония» (рабочий квартал Парижа: сравни фельетон в № 3 «Вперед»). Народ склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по Толстовски отказом от платежа податей!...

Не клеветайте на народ, господа буржуазные предатели свободы! Вам не смуть с себя никакими клеветами своей позорной трусости. Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои «предместья св. Антония». Народ ведет отчаянную борьбу. Если бы вы хотели действительно «обратиться к народу» (а не грозить только своему союзнику, царю, этим обращением), то вы должны были бы ассигновать не сотни и тысячи рублей на ваши говорильни, а миллионы на вооруженное восстание. Вы должны были бы выбрать делегацию не для обивания порогов у царя, а для сношения с революционными партиями, с революционным народом.

Царь и его шайка прекрасно знают, что вы не в силах сделать это из страха за свой денежный мешок, из страха перед народом. Поэтому царь вполне прав, когда третировает вас, как лакеев; — когда кормит вас все теми же посулами все той же булыгинской конституции; — когда рассчитывает, что вы не посмеете даже протестовать решительно, на деле, и против булыгинской подачи. Не даром специальный корреспондент женеvской «солидно»-либеральной газеты «Journal de Genève» сообщал недавно: «Либералы не скрывают от себя несовершенств (1) проекта Булыгина, но они думают, что необходимо принять его в интересах дела прогресса и дела порядка... Отвергнуть правительственный проект значило бы сознательно разрушить последнюю надежду на мирный исход теперешнего конфликта между народом и бюрократическим режимом» (последняя фраза подчеркнута самим корреспондентом).

Буржуазия хочет мира с царем и боится народной войны против царя. Царь хочет мира с буржуазией, не боясь однако начатой им и беспощадно продолжаемой войны с народом. Неужели не очевидно, что неизбежным исходом из этого положения, если народ не одержит полной победы, несмотря на предательство буржуазии, будет булыгинская конституция?

*„Пролетарий“ № 7.
10 июля (27 июня) 1905 г.
Без подписи.*

Письмо в Международное Социалистическое Бюро от 24 июля.

В секретариат Международного Социалистического
Бюро в Брюсселе.

Дорогие товарищи! Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо от 28 июня и вместе с ним интересные документы (письма английских товарищей и Плеханова), но, будучи крайне заняты, мы не имели возможности Вам ответить немедленно.

Что касается письма т. Плеханова, то мы принуждены сделать следующие замечания: 1) Утверждение т. Плеханова, будто после второго съезда нашей партии (авг. 1903 г.) между нами разногласия только по организационному вопросу, не вполне соответствует действительности. «Меньшинство» 2-го съезда (с т. Аксельродом, В. Засулич и Мартовым во главе) фактически раскололо партию немедленно после съезда, объявив бойкот выбранным съездом центральным учреждениям и создав тайную организацию «меньшинства», распущенную лишь осенью 1904 г. Сам т. Плеханов, бывший на нашей стороне на 2-м съезде партии и съезде Лиги русской соц.-дем. (окт. 1903 г.), был, очевидно, несколько иного мнения о наших разногласиях, когда публично объявил в № 52 «Искры» (ноябрь 1903 г.), что нужно умело делать уступки «ревизионистам» (выражение Плеханова), чтобы избежать раскола в партии. 2) Не соответствует действительности и утверждение, будто 3-ий съезд партии был созван «совершенно произвольно».

По уставу партии Совет обязан созвать съезд, коль скоро этого потребует половина комитетов. Совет, как Вам известно из резолюций 3-го съезда, переведенных на французский язык, игнорировал устав партии. Комитеты партий и избранное ими «Бюро комитетов большинства» были морально и формально обязаны созвать съезд, хотя бы против воли Совета, уклонявшегося от его созыва.

3) Из тех же резолюций 3-го съезда Вы знаете, что на этом съезде было представлено не «что-то около половины полноправных организаций», а значительное большинство наиболее крупных комитетов. 4) В нашей партии, действительно, есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены этого «болота», в продолжение раздоров в недрах нашей партии, беспрестанно переходили с одной стороны на другую. Первый из этих перебежчиков был т. Плеханов, который еще в ноябре 1903 г. перешел от «большинства» к «меньшинству», чтобы снова покинуть «меньшинство» в мае сего года, выйдя из редакции «Искры». Мы никоим образом не одобряем таких поворотов, но, думаем, нельзя ставить нам в вину, что товарищи из «болота», после бесконечных комбинаций, решили присоединиться к нам. 5) В письме к Бюро (16-VI-05) т. Плеханов очень некстати забыл упомянуть свое письмо от 29 мая 1905 г., напечатанное в «Искре» (№ 101), точный и полный перевод которого мы Вам уже доставили ⁶¹). 6) Говоря о другой, «Искровской», фракции партии, т. Плеханов опять-таки забывает прибавить, что конференция «меньшинства» (май 1905 г.) отменила устав, выработанный на 2-ом съезде, и не создала нового центрального органа. Мы полагаем, что Международное Социалистическое Бюро должно иметь точный перевод всех резолюций конференции. Если же «Искра» не захочет их послать в Бюро, мы готовы взять это на себя. 7) Тов. Плеханов говорит, что за созыв 3-го съезда высказались лишь 2 уцелевшие члена Ц. К. (остальные были арестованы). Письмо т. Плеханова помечено 16-VI-05; на следующий день, 17-го, в № 4 «Пролетария», центрального органа партии, созданного 3-им съездом, было помещено следующее заявление: «Ознакомившись с открытым письмом Ц. К. к председателю Совета Партии т. Плеханову и будучи совершенно солидарны с Ц. К., мы находим необходимым — по причинам, которые поймут товарищи, осведомленные в ходе дел внутрипартийной жизни, — заявить о нашей солидарности с Ц. К. публично». Подписи — псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон ⁶²). Конфиденциально мы можем Вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам Ц. К. Следовательно, лишь только члены Ц. К. узнали о конфликте между Ц. К. и т. Плехановым (а, значит, и Советом) по вопросу о созыве съезда, большинство их тотчас высказалось за Ц. К. против т. Плеханова. Мы настоятельно просим Международный Секретариат известить нас, счел ли т. Плеханов нужным ознакомить Бюро с этим важным заявлением арестованных членов Ц. К., совершенно опровергающим утверждения т. Плеханова в его письме от 16 июня? 8) Тов. Пле-

ханов ошибается, говоря, что обе фракции просили его оставаться представителем партии в Международном Бюро. До сих пор Ц. К. нашей партии не обращался ни с какой просьбой по этому поводу. Как мы Вам сообщали несколько дней тому назад, вопрос этот еще не решен окончательно, хотя и поставлен на очередь. 9) Тов. Плеханов полагает, что ему нетрудно быть беспристрастным в вопросе о наших разногласиях. После же всего вышеизложенного, мы полагаем, что это ему еще довольно трудно, а в настоящий же по крайней мере момент почти невозможно.

Перехожу к предложению т. Бебеля, имеющему отношение к данному вопросу.

Тут мне необходимо сделать следующие замечания: 1) Я только один из членов Ц. К., ответственный редактор Ц. О. партии «Пролетарий». За весь Ц. К. я могу решать только заграничные дела и некоторые другие, специально мне порученные. Во всяком случае, все мои решения могут быть отменены общим собранием Ц. К. Я не могу, следовательно, решать вопроса о вмешательстве Бюро в дела нашей партии. Но я немедленно отослал в Россию всем членам Ц. К. ваше письмо, а также письмо т. Бебеля и Плеханова. 2) Чтобы ускорить ответ Ц. К., было бы весьма полезно получить от Бюро некоторые необходимые разъяснения: а) нужно ли понимать под словом «вмешательство» (intervention) только примирительное посредничество и совет, имеющие лишь моральную, но не принудительную силу; б) или же Бюро имеет в виду обязательное решение при посредстве третейского суда; с) предлагает ли исполнительный комитет Бюро предоставить право окончательного и безапелляционного решения по вопросу о наших разногласиях Общему Собранию Международного Социалистического Бюро.

3) С своей стороны, считаю себя обязанным сообщить для сведения Бюро, что т. Бебель за несколько времени до 3-го съезда сделал уже подобное предложение мне и моим единомышленникам, предлагая нам свои услуги или услуги своего правления немецкой партии (Parteivorstand) в качестве третейского судьи в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится съезд партии и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства отвергло предложение Бебеля. 3-ий съезд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу Б. К. Б. 4) Так как Международное Бюро считает возможным черпать сведения

в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Die neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung» стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский, напр., тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Neue Zeit» опровержение одной статьи Розы Люксембург, в которой она защищала дезорганизацию партии. В «Leipziger Volkszeitung» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций 3-го съезда!! После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах Российской социал-демократии.

Примите, дорогие товарищи. . .

*Печатается по тексту,
опубликованному в журнале
„Красная Летопись“ № 1 (12),
1925 г.*

Теория самопроизвольного зарождения.

«Искра показала, что учредительное собрание может образоваться путем самопроизвольного зарождения, без содействия какого бы то ни было правительства, стало быть, и временного. Отныне этот ужасный вопрос может считаться исчерпанным, и все приуроченные к нему споры должны прекратиться».

Так пишет Бунд в № 247 «Последних Известий», помеченных 1 сент. — 19 августа. Если это не ирония, то лучшего «развития» искровских взглядов нельзя себе и представить. Во всяком случае, теория «самопроизвольного зарождения» установлена, «ужасный вопрос» исчерпан, споры «должны прекратиться». Какая благодать! Мы будем теперь жить без споров об этом ужасном вопросе, лелея эту новую, только что открытую простую и ясную, как слеза ребенка, теорию «самопроизвольного зарождения». Правда, эта теория самопроизвольного зарождения не самопроизвольно зародилась, а явилась на глазах у всех плодом сожительства Бунда с новой «Искрой», — но, ведь, важно не происхождение теории, а ценность ее!

Как недогадливы были эти несчастные российские социал-демократы, обсуждавшие «ужасный вопрос» и на 3-ем съезде Р. С.-Д. Р. П., и на конференции новоискровцев: одни все толковали о временном правительстве для зарождения, не самопроизвольного зарождения, учредительного собрания; другие допускали (резолуция конференции), что «решительная победа революции над царизмом» «может быть ознаменована» и «решением какого-либо представительного учреждения созвать, под непосредственным революционным давлением народа, учредительное собрание», и никто, даже вся редакция новой «Искры», вместе с Плехановым присутствовавшая на конференции, не додумалась до того, что теперь «Искра показала», а Бунд резюмировал, закрепил, окрестил великолепным словечком. Как все гениальные открытия, теория самопроизвольного зарождения учредительного собрания сразу внесла свет в хаос.

Теперь все стало ясно. Не к чему думать о временном революционном правительстве (вспомните знаменательное изречение «Искры»: да не оскверняет ваши уста сочетание слов «да здравствует» и «правительство»!), не к чему брать с членов Государственной Думы «революционное обязательство» «превратить Государственную Думу в революционное собрание» (Череванин в № 108 «Искры»). Учредительное собрание может зародиться самопроизвольно!! Это будет непорочное рождение его самим народом, не оскверняющим себя никаким «посредством» правительства, хотя бы и временного, хотя бы и революционного. Это будет рождение «без истления», чистым путем всеобщих выборов, без всякой «якобинской» борьбы за власть, без всякого загрязнения святого дела предательством буржуазных представительных собраний, даже без всяких грубых акушерок, которые до сих пор в этом оскверненном, греховном, нечистом мире являлись аккуратно на сцену всякий раз, когда старое общество бывало беременно новым.

Да здравствует самопроизвольное зарождение! Да оценят теперь все революционные народы всея России его «возможность», — а следовательно и его необходимость для них, как самого рационального, легкого, простого пути к свободе! Да будет воздвигнут скорее памятник в честь Бунда и новой «Искры», самопроизвольных родителей теории самопроизвольного зарождения!

Однако, как ни ослепляет нас яркий свет нового научного открытия, мы все же должны коснуться слегка и некоторых низменных особенностей этого возвышенного творения. Если луну делают в Гамбурге прескверно, то и новые теории фабрикуют в редакции «Последних Известий» не очень тщательно. Рецепт простой, издавна излюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смешать вместе и разделить пополам! У «Пролетария» возьмем критику народных выборов при самодержавии, у «Искры» — осуждение «ужасного вопроса»; у «Пролетария» — активный бойкот, у «Искры» — негодность восстания, как лозунга... «Как пчелочка с каждого цветочка берет взяточку». И добрые бундовцы самодовольно охорашиваются, радуясь прекращению споров об ужасном вопросе и любуясь собой: как они превзошли узость и односторонность взглядов обеих спорящих сторон!

Не кругло выходит у вас, товарищи из Бунда. Других «путей самопроизвольного зарождения», кроме новоискровского, вы не показали. А насчет новоискровского вы сами должны были признать, что «в обстановке самодержавия и против воли правительства, имею-

щего в своих руках всю государственную машину», выборы народных представителей могут быть только потешными выборами. Не покидайте же нас на полдороге, о творцы новой теории: скажите, каким «путем», кроме новоискровского, «мыслите» вы себе «самопроизвольное зарождение»?

«Пролетарий» писал против «Искры», что при самодержавии выборы смогут провести лишь освобожденцы, которые охотно выдадут их за народные. Бунд отвечает: «Этот довод не выдерживает никакой критики, так как не подлежит никакому сомнению, что самодержавие никому—в том числе и освобожденцам—не позволит производить выборы вне рамок, установленных законом». Мы почтительно заметим: выборы земцами, городскими гласными и членами «союзов» произведены и производятся. Это факт. Доказательство на-лицо: их многочисленные бюро.

Бунд пишет: «Поднять агитацию против Думы во имя вооруженного восстания вообще (!) нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае» (а не «вообще»?) «служить агитационным лозунгом. Ответить на Думу можно и должно расширением и углублением политической агитации за учредительное собрание на основе всеобщей и т. д. подачи голоса». Мы ответим: во-первых, если бы бундовцы подумали немного или даже просто справились с нашей партийной программой, то они увидели бы, что и учредительное собрание тоже есть лишь «средство». Неразумно объявлять одно «средство» пригодным для лозунга, а другое «вообще» непригодным. Во-вторых, мы уже давно и много раз обстоятельно разъясняли, что один лозунг учредительного собрания никуда не годится, ибо он стал освобожденским лозунгом, лозунгом буржуазных «соглашателей» (см. «Пролетарий» №№ 3 и 4). Со стороны либерально-монархической буржуазии вполне естественно, что она оставляет в тени вопрос о способе созыва учредительного собрания. Со стороны представителей революционного пролетариата это совершенно непозволительно. Первым вполне пристала теория самопроизвольного зарождения. Вторых она может только осрамить перед сознательными рабочими.

Последний довод Бунда: «Вооруженное восстание необходимо, к нему надо готовиться, готовиться и готовиться. Но пока-что мы не в силах его вызвать, поэтому (!!) и не для чего связывать его с Думой». Мы ответим: 1) Признавать необходимость восстания и подготовки к нему, а в то же время презрительно морщить нос по поводу вопроса о «дружинах» («взятого из впередовского арсе-

нала», как пишет Бунд) значит побивать самого себя, значит доказывать непродуманность своих писаний. 2) Временное революционное правительство есть орган восстания. Это положение, прямо выраженное в резолюции 3-го съезда, в сущности своей принято и новоискровской конференцией, хотя выражено, нам думается, менее удачно (временное революционное правительство, «выходящее из победоносного народного восстания»; и логика и исторический опыт показывают, что временные революционные правительства возможны, как орган восстания, вовсе не победоносного или не вполне победоносного; кроме того, временное революционное правительство не только «выходит» из восстания, но и ведет восстание). Бундовцы не пробуют оспорить этого положения, да и нельзя его оспорить. Признавать необходимость восстания и подготовки к нему и требовать в то же время прекращения споров об «ужасном вопросе» о временном правительстве — значит писать, не думая. 3) Фраза об образовании учредительного собрания «без содействия какого бы то ни было правительства, стало быть и временного», есть анархическая фраза. Она стоит целиком на уровне знаменитой искровской фразы об «осквернении» уст сочетанием слов «да здравствует» и «правительство». Она показывает непонимание значения революционной власти, как одного из величайших и высших «средств» совершения политического переворота. Дешевенький «либерализм», каким щеголяет здесь вслед за «Искрой» Бунд (вовсе, дескать, без правительства, хотя бы и временного!), есть именно анархический либерализм. Образование учредительного собрания без содействия восстания есть мысль, достойная лишь буржуазных пошляков, как это видят и товарищи бундовцы. А восстание без содействия временного революционного правительства не может стать ни общенародным, ни победоносным. Паки и паки мы должны с сожалением констатировать, что бундовцы совершенно не сводят концы с концами. 4) Если надо готовиться к восстанию, то в подготовку эту необходимо входит распространение и разъяснение лозунгов: вооруженное народное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Надо нам и самим изучать новые приемы борьбы, их условия, их формы, их опасности, их практическое осуществление и т. д. и массу просвещать относительно них. 5) Положение: «мы пока-что не в силах вызвать восстание» неправильно. История с «Потемкиным» показала скорее то, что мы не в силах удержать от преждевременных вспышек подготовляемого восстания. Матросы «Потемкина» были менее подготовлены, чем матросы

иных судов, и восстание вышло менее полным, чем могло бы быть. Какой вывод из этого? Тот, что в задачу подготовки восстания входит задача удерживать от преждевременных вспышек подготовляемое или почти подготовленное восстание. Тот, что стихийно растущее восстание обгоняет нашу сознательную и планомерную работу его подготовки. И теперь мы не в силах удержать вспышки восстания, происходящие раздробленно, разъединенно, стихийно то здесь, то там. Тем более обязаны мы спешить с распространением и разъяснением всех политических задач и политических условий успешного восстания. Тем более неумны, следовательно, предложения прекратить споры об «ужасном вопросе» насчет временного правительства. б) Правильна ли та мысль, что «не для чего связывать восстание с Думой»? Нет, она неправильна. Определять заранее момент восстания — нелепо, особенно нам здесь, из-за границы. О «связывании» в этом смысле нет и речи, как указывал много раз «Пролетарий». Но агитацию за восстание, проповедь его необходимо «связывать» со всеми важными и волнующими народ политическими событиями. Весь спор у нас идет теперь именно из-за того, какой агитационный лозунг должен стоять в центре всей нашей агитационной «думской» кампании. Есть ли Дума такое событие? Несомненно, да. Будут ли рабочие и крестьяне спрашивать нас: как лучше бы всего ответить на Думу? Непременно будут и уже спрашивают. Как ответить на эти вопросы? Не ссылкой на самопроизвольное зарождение (это годится только для смеха), а разъяснением условий, форм, предпосылок, задач, органов восстания. Чем большего добьемся мы таким разъяснением, тем больше вероятности будет за то, что неизбежные вспышки восстания смогут развиться легче и скорее в успешное, победоносное восстание.

„Пролетарий“ № 16.

14 (1) сентября 1905 г.

Без подписи.

От обороны к нападению.

Специальный корреспондент солидной консервативной газеты «Temps» телеграфировал в эту газету из Петербурга от 21 (8) сентября:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц влезла в тюремный двор, где после горячей стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

Итак, дела подвигаются все же вперед! Вооружение, несмотря на невероятные, не поддающиеся никакому описанию, трудности, все же прогрессирует. Индивидуальный террор, это порождение интеллигентской слабости, отходит в область прошлого. Вместо того, чтобы тратить десятки тысяч рублей и массу революционных сил для убийства какого-нибудь Сергея (который революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров), для убийства «от имени народа», — вместо этого начинаются военные действия вместе с народом. Вот когда пионеры вооруженной борьбы не на словах только, а на деле сливаются с массой, становятся во главе дружин и отрядов пролетариата, воспитывают огнем и мечом гражданской войны десятки народных вождей, которые завтра, в день рабочего восстания, сумеют помочь своим опытом и своей героической отвагой тысячам и десяткам тысяч рабочих.

Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!

Посмотрите, каким успехом даже с чисто-военной точки зрения увенчалось предприятие рижан. Убито трое и ранено, вероятно, 5 — 10 человек у неприятеля. Наши потери: всего двое — вероятно, раненых и потому взятых в плен врагом. Наши трофеи — двое революционных вождей, отбитых из плена. Да ведь это блестящая победа!! Это — настоящая победа после сражения против вооруженного с ног до головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устрашение», — нет, это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил, начало действий отрядов революционной армии. Число таких отрядов в 25 — 75 человек может быть в каждом крупном городе и зачастую в предместьях крупного города доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов.

К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки — террористы. Бомба перестала быть орудием одиночки — «бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения. С изменением военной техники изменяются и должны изменяться приемы и способы уличной борьбы. Мы все изучаем теперь (и хорошо делаем, что изучаем) постройку баррикад и искусство защиты их. Но за этим полезным старым делом не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артиллерийское дело. Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами. Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ — одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти, общепризнанные теперь во всем мире, мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев! Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой доставки оружия. Никакие неудачи не сломят энергии людей, чувствующих и на деле видящих свою тесную связь с революционным классом, сознающих, что за их ближайшие цели борьбы поднялся теперь действительно весь народ. Изготовление бомб возможно

везде и повсюду. Оно производится теперь в России в гораздо более широких размерах, чем знает каждый из нас (а каждый член с.-д. организации наверное знает не один пример устройства мастерских). Оно производится в несравненно более широких размерах, чем знает полиция (а она знает, наверное, больше, чем революционеры в отдельных организациях). Никакая сила не сможет противостоять отрядам революционной армии, которые вооружатся бомбами, которые в одну прекрасную ночь произведут сразу несколько таких нападений, как рижское, за которыми — это последнее и самое главное условие — поднимутся сотни тысяч рабочих, не забывших «мирного» девятого января и страстно жаждущих вооруженного девятого января.

К этому явно идут дела в России. Вдумайтесь в эти сообщения легальных газет о найденных бомбах в корзинах мирных паромных пассажиров. Вчитайтесь в эти известия о сотнях нападений на полицейских и военных, о десятках убитых на месте, десятках тяжело раненых за последние два месяца. Даже корреспонденты предательски-буржуазного «Освобождения», занимающегося осуждением «безумной» и «преступной» проповеди вооруженного восстания, признают, что никогда еще трагические события не были так близки, как теперь.

За работу же, товарищи! Пусть каждый будет на своем посту. Пусть каждый рабочий кружок помнит, что не сегодня — завтра события могут потребовать от него руководящего участия в последнем и решительном бое.

*„Пролетарий“ № 18.
26 (13) сентября 1905 г.
Без подписи.*

Земский съезд.

В понедельник 12 (25) сентября открылся в Москве съезд земских и городских деятелей, обсуждавший и решивший окончательно вопрос об отношении к Думе. Этот съезд, как и предыдущие земские съезды, знаменует новый шаг по пути политического развития и политической организации российской буржуазии. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно относиться к этому рождению буржуазной конституционной партии. Политическое развитие пролетариата, как класса, всегда и везде шло рука об руку с политическим развитием буржуазии, как класса.

Но, кроме этого общего значения земского съезда, он имеет еще громадное значение по чрезвычайно злободневному вопросу о нашем отношении к Думе. Соглашение буржуазии с царизмом или более решительная борьба первой со вторым, — вот в чем сущность этого вопроса, вызывающего, как известно, разногласия и в тактике социал-демократии.

Напомним, прежде всего, что на своем предыдущем съезде земцы решительным образом осудили Булыгинскую Думу и приняли известный освобожденский проект конституции (монархия и двухпалатная система). Вопрос о бойкоте Думы был сначала решен большинством положительно, но потом перерешен и отложен до следующего съезда, который должен был быть созван немедленно по опубликовании закона о Государственной Думе, — говорили даже о созыве его по телеграфу. На самом деле, съезд созвали очень не скоро. Сначала, как мы отметили в № 14 «Пролетария», прошли слухи о его отмене земцами. Потом стали известны переговоры г. Головина с Дурново, описанные и оцененные нами в предыдущем номере «Пролетария» и кончившиеся разрешением съезда полицией. Съезд состоялся таким образом на совершенно иных началах, чем предыдущий: тогда полиция запретила его, грозила разогнать, составила протокол, назначила после съезда сенаторское следствие. Теперь земцы и полиция столковались и согласились заранее.

Чтобы нагляднее показать читателю все значение этой разницы между тогда и теперь, напомним заявления последнего номера «Освобождения». Г. «Индепендент» («независимый», вероятно независимый от полиции?) писал в № 76, в полном согласии с автором передовицы того же номера, следующее: «Ни о каких компромиссах не должно быть и речи. По-прежнему приходится завоевывать свободу, а не выпрашивать ее... Не следует — и это важно в высочайшей степени — ни на минуту отказываться ни от прежних приемов борьбы, ни от завоеванных уже позиций. Если и здесь есть возможность компромиссов, она сразу и решительно должна быть устранена. Все, что делалось до сих пор для организации освободительных сил, должно делаться и вперед... Деятельность съездов, союзов, собраний должна продолжаться в том же духе и в том же направлении, как и прежде».

Яснее нельзя выразиться. Орган земской или «конституционно-демократической» партии после 6-го августа высказывается решительно и безусловно против отказа от прежних приемов борьбы. Но в том-то и суть фальшивой позиции либеральной буржуазии, что на-ряду с желанием свободы у нее не менее горячо желание сделки с царизмом. Поэтому на словах одно, на деле — другое. Чтобы «не отказываться от прежних приемов борьбы», надо было бы бойкотировать Думу. Отказавшись от бойкота, пришлось логически неизбежно отказаться от некоторых «прежних приемов борьбы». «Освобождение» стало громить компромиссы как раз тогда, когда Головин заключил компромисс с Дурново. «Освобождение» закричало: «ни на минуту не отказываться!» как раз тогда, когда земский съезд отказался от прежней свободы своих заседаний. По случаю «дарования» Думы, этого, якобы, начала свободы, земцы согласились совещаться менее свободно.

В самом деле: 1) программа съезда была г-ном Дурново, т.-е. полицией, урезана; 2) председатель обязался закрыть съезд в случае обсуждения вопросов, не вошедших в дозволенную полицией программу; 3) съезд согласился заседать при участии полицейского — делегата от Дурново (правитель канцелярии), имевшего полномочия закрыть съезд в случае нарушения «условий» г. Головина с г. Дурново; 4) съезду были запрещены полицией, тоже под угрозой закрытия, «мятежные возгласы» (телеграмма специального корреспондента консервативной газеты «Тетрс», добавляющего, что все эти условия были честно соблюдены).

Само собою разумеется, что, почерпая свои сведения из иностранных газет, мы не ручаемся за безусловно верный и исчерпы-

вающий характер этих сведений. Но сомневаться в том, что они верны в общем и целом, нет никаких оснований. Напротив, г. Головин (который, конечно, не для публики предназначал свои переговоры с Дурново!) наверное обещал полиции еще большее по части верно-подданного поведения земцев!

Факт неоспоримый. Слова «Освобождения» коренным образом расходятся с делами освобожденцев. Писатели «Освобождения» краснобайствуют против полиции, а дельцы обдeldывают дела с полицией полюбовно. Начало земской кампании выборов в Думу совпало с началом соглашения земской буржуазии с самодержавием.

Иностранные корреспонденты в один голос отмечают мирный характер этого съезда земцев по сравнению с предыдущим. За бойкот Думы высказывался только один, по другим сведениям — два оратора. Большинство стояло за участие (мы уже в № 12 «Пролетария», еще до выхода закона о Думе, говорили, что мнение правого крыла земцев по этому вопросу уже определилось). Большинство находило, что неучастие в выборах было бы «признаком робости», — взгляд, вполне разделяемый, как мы знаем, Парвусом и новой «Искрой». В соглашении с полицией проявилась, наоборот, смелость наших земцев...

Съезд принял резолюцию, в которой вместо осуждения Думы говорится лишь (не знаем уже, робко или смело?), что «Дума не представляет из себя народного представительства в точном смысле слова». Русские граждане приглашаются объединиться на ранее принятых земскими съездами программах и бороться на почве Думы. О борьбе вне Думы и помимо Думы в резолюции ни слова: это значит «ни на минуту не отказываться от прежних приемов борьбы», по словам «независимого» от полиции освобожденца...

Умеряя свой прежний неуместный «революционный» пыл, земцы налегли на «положительную» работу по поводу Думы. Они вырабатывали подробно политическую программу (полного текста ее у нас еще нет); они старались прикрыть свое отступление от демократии повторением основных пунктов умеренного конституционализма; они подробно разрабатывали вопрос об избирательной кампании, об организации местных и центрального избирательных комитетов, о составлении списков кандидатов и прочее.

Неужели еще не ясно после этого, куда гнет помещичий и купеческий либерализм земцев и освобожденцев?

Начать выкидывать одно за другим боевые требования демократии, все то, что обеспечивает права революционного народа, что

развивает и расширяет борьбу за свободу (не говорить в резолюции о борьбе помимо Думы и т. д.). Начать закреплять все те требования демократии, которые обеспечивают власть одной только буржуазии (местечки в Думе прежде всего)! Поменьше агитации в народе, побольше деловитости в Думе!

Как метко сказал «либерал», вчерашний поклонник самодержавия, Вильям Стэд (см. его письмо в «Times» 26/IX), что мир внешний потребовал мира внутреннего, мира между царем и либеральной буржуазией, провозглашенного законом 6-го августа!⁶³⁾ Земцы доказывают своим поведением, что они идут на мир, хотя, конечно, далеко не сразу и далеко не во всем заключат мир. «Г. Михаил Стахович, друг и сотрудник Шипова, — писал корреспондент «Times» (27/IX) — рассчитывает на создание партии центра, стоящей за самодержавие и за совещательную Думу; он утверждает, что многие члены крайних партий (!! Какое бесчестие по адресу освобожденных! Ред. «Прол.») готовы примкнуть к этой партии». Утверждение г. Стаховича подтверждается не только словами многих легальных газет, но еще более делами господ земцев. Г. М. Стахович присутствовал на съезде — сообщает корреспондент «Times» (26/IX). «Он твердо верит в победу умеренных элементов; и в самом деле, почти полное отсутствие обычных горячих нападений (fiery denunciations) на правительство, за исключением случайных (!! ссылок на кавказские ужасы, как будто бы подтверждает (rather confirms) его предсказания» (forecast). «Настроение съезда — телеграфирует тот же корреспондент консервативной английской газеты — представляет поразительный контраст с настроением, господствовавшим на июльском съезде, когда большое число делегатов стояло за бойкот Думы».

Неужели «Искра» и теперь не откажется от своего ошибочного мнения, будто стоявшие за бойкот хотели пассивного отстранения, а стоящие за участие Стаховича хотят серьезной борьбы? Неужели она будет с Парвусом даже теперь стоять за соглашение с освобожденцами и за поддержку их после того, как они начали очевидно соглашаться с господами Дурново?

Р. С. Справедливость требует сказать, что о несогласии русских новоискровцев с новой «Искрой» приходят все новые и новые данные. Мы только-что получили листок С.-Петербургской Группы (меньшевистской): «Гос. Дума или Учр. Собрание». На-ряду с критикой Думы мы встречаем здесь лозунг: «долой Думу!». Представители рабочих приглашаются говорить либералам, «что они не должны при-

знавать Г. Думу», «что они обязаны отказаться от своего права (неясно отпечатано в листке) выбора в Думу», что они должны помочь рабочим «вооружаться для борьбы с черной сотней и Г. Думой». Таким образом, петербургские меньшевики приняли лозунг активного бойкота. Как и в знаменитом случае с «планом земской кампании», «Искра» расходится со своими русскими сторонниками. В одном лишь отношении петербургские меньшевики приближаются к «Искре»: они приглашают рабочих выбирать тотчас же «представителей по фабрикам, мастерским, цехам, как выбирали в комиссию Шидловского»... «Пусть наши представители, собравшись вместе, так же ведут борьбу с Гос. Думой, как наши выборные в комиссии Шидловского боролись с этой хитрой ловушкой самодержавия». Этот лозунг очень похож на искровский лозунг «революционного самоуправления», хотя товарищи Спб. Группы не употребляют, конечно, этого неуместно громкого слова. Мы не сомневаемся, что петербургские рабочие поймут неправильность этого лозунга и неверность параллели с комиссией Шидловского. Тогда рабочие бойкотировали комиссию, теперь Дума бойкотирует рабочих.

Революционное самоуправление при сохранении власти за царем может быть лишь одним из кусочков революции (решение Смоленской гор. думы и т. п.). Делать из него главный лозунг революционного пролетариата значит вносить путаницу и играть на руку освободенцам. Развивая, расширяя, укрепляя и распространяя организацию революционных сил пролетариата и крестьянства, мы не должны смешивать эту организацию войны, организацию восстания с самоуправлением. И по назначению своему, и по способу возникновения, и по характеру организация вооруженного восстания, организация революционной армии совсем не похожа на организацию революционного самоуправления. Чем усерднее стараются либеральные буржуа, освободенцы, урезать, притупить, обкарнать последовательные революционно-демократические лозунги, тем отчетливее и прямее должны мы их ставить: созыв всенародного учредительного собрания временным революционным правительством, организация вооруженного восстания и революционной армии для свержения царской власти.

*„Пролетарий“ № 19.
3 октября (20 сент.) 1905 г.
Без подписи*

Иенский съезд германской социал-демократической рабочей партии ⁶⁴).

Съезды немецких социал-демократов давно уже приобрели значение далеко выходящих за пределы германского рабочего движения событий. Германская социал-демократия стоит впереди всех по своей организованности, по цельности и сплоченности движения, по богатству и содержательности марксистской литературы. Естественно, что при таких условиях и решения немецких социал-демократических съездов приобретают зачастую почти международное значение. Так было с вопросом о новейших оппортунистических течениях в социализме (бернштейниада). Решение Дрезденского с.-д. съезда ⁶⁵), подтвердившее старую испытанную тактику революционной социал-демократии, было воспринято Амстердамским международным социалистическим конгрессом ⁶⁶) и стало теперь общим решением всего сознательного пролетариата во всем мире. Так и теперь. Вопрос о массовой политической стачке — главный вопрос Иенского съезда, — волнует всю международную социал-демократию. Его выдвинули на первый план в последнее время события в целом ряде стран, в том числе и, пожалуй, даже в особенности, в России. И решение германской социал-демократии окажет, несомненно, немалое влияние на все международное рабочее движение в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих.

Но отметим сначала вкратце и остальные, менее важные вопросы, рассмотренные и разрешенные Иенским съездом. Он занимался, прежде всего, вопросом об организации партии. На частностях пересмотра партийного устава германской партии мы, конечно, не будем останавливаться здесь. Важно подчеркнуть крайне характерную основную черту этого пересмотра: тенденцию к дальнейшему, более полному и более строгому проведению централизма, к созданию более крепкой организации. Эта тенденция выразилась, во-1-х, в том, что в устав включено было прямое постановление об обязательной

принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций за исключением случаев, когда этого не допускают особенно серьезные причины. Во-вторых, она выразилась в замене системы доверенных лиц системой местных социал-демократических организаций, в замене принципа единоличного полномочия, доверия к личности, принципом коллективной, организационной связи. В-третьих, она выразилась в постановлении, по которому все организации партии обязаны вносить 25% своих доходов в центральную кассу партии.

В общем и целом, мы ясно видим тут, что рост социал-демократического движения и усиление его революционности ведут непременно и неизбежно к более последовательному проведению централизма. Развитие немецкой социал-демократии в этом отношении крайне поучительно для нас, русских. Организационные вопросы недавно занимали у нас, отчасти даже и теперь занимают, непропорционально большое место в ряду злободневных вопросов партийной жизни. Со времени 3-го съезда две организационные тенденции в партии определились вполне: одна — к последовательному централизму и к выдержанному расширению демократизма в партийной организации не для демагогии, не для красного словца, а для осуществления на деле по мере расширения свободы поприща для социал-демократии в России. Другая — к организационной расплывчатости, к «организационной туманности», весь вред которой понял теперь даже столь долго защищавший ее Плеханов (будем надеяться, что события скоро заставят его понять и связь этой организационной туманности с тактической туманностью).

Вспомните споры о § 1 нашего устава. Конференция новоискровцев, раньше отстаивавших горячо «идею» их ошибочной формулировки, просто выбросила теперь за борт и весь §, и всю идею. 3-й съезд подтвердил принцип централизма и организационной связи. Новоискровцы сразу попытались поставить на почву общих принципов вопрос о принадлежности каждого члена партии к организации. Теперь мы видим, что немцы — и оппортунисты, и революционеры одинаково — не подвергают даже сомнению принципиальную законность такого требования. Внося прямо в свой устав это требование (чтобы каждый член партии принадлежал к одной из партийных организаций), они мотивируют необходимость исключений из этого правила отнюдь не принципами, а... отсутствием достаточной свободы в Германии! Фольмар, бывший в Иене докладчиком по организационному вопросу, оправдывал допущение исключений из правила тем, что таким людям (мелкие

чиновники) невозможно будет открыто принадлежать к партии с.-д. Само собою разумеется, что у нас в России ситуация иная: при отсутствии свободы все организации одинаково тайные. При революционной свободе особенно важно строго ограничивать партии и не допускать «расплывчатости» в этом отношении. Принцип же желательного укрепления организационных связей остается непоколебимым.

Что касается до системы доверенных лиц, от которой теперь отказались немецкие социал-демократы, то ее существование всецело связано с исключительным законом против социалистов. Чем дальше отходил в область прошлого этот закон, тем естественнее и неизбежнее становился переход к базированию всей партии на системе связи между организациями непосредственно, а не через посредство доверенных лиц.

Другой вопрос, обсуждавшийся в Иене до вопроса о политической стачке, тоже чрезвычайно поучителен для России. Это — вопрос о майском празднике или, вернее (если взять сущность вопроса, а не пункт, послуживший поводом к дискуссии) вопрос об отношении профессионального движения к социал-демократической партии. Мы уже не раз говорили в «Пролетарии» о том, какое глубокое впечатление произвел на немецких, да и не только на немецких социал-демократов Кельнский съезд профессиональных союзов⁶⁷⁾. На этом съезде самым явственным образом обнаружилось, что даже в Германии, где всего сильнее традиции марксизма и влияние его, у профессиональных союзов — заметьте: социал-демократических профессиональных союзов — развиваются тенденции анти-социалистические, тенденции к «чистому трэд-юнионизму» в английском, т.-е. безусловно-буржуазном духе. И вот, из вопроса о майской демонстрации в собственном смысле слова на Иенском съезде неизбежно вырос поэтому вопрос о трэд-юнионизме и социал-демократии, вопрос об «экономизме», если говорить применительно к направлениям внутри русских социал-демократов.

Фишер, докладчик по вопросу о 1-ом мая, сказал прямо, что было бы большой ошибкой закрывать глаза на факт: в професс. союзах то здесь, то там исчезает социалистический дух. Дело доходило до того, что, напр., Брингман, представитель союза плотников, говорил и печатал фразы вроде следующих: «Забастовка 1-го мая есть чуждое тело в человеческом организме», «Профессиональные союзы при данных условиях единственное средство к улучшению положения рабочих» и т. п. И к этим «симптомам болезни», по мет-

кому выражению Фишера, прибавляется ряд других. Узкий профессионализм, или «экономизм», связывается в Германии, как и в России, как и везде, с оппортунизмом (ревизионизмом). Газета того же самого союза плотников писала о разрушении основ научного социализма, о неверности теории кризисов, теории катастроф и т. п. Ревизионист Кальвер призывал рабочих не к недовольству, не к увеличению своих потребностей, а к скромности и т. д. и т. д. Либкнехт встретил одобрение съезда, когда высказался против идеи «нейтральности» профессиональных союзов и заметил, что «Бebelь, правда, тоже говорил в пользу нейтральности, но, по моему мнению, это один из тех немногих пунктов, когда за Бебелем не стоит большинство партии».

Сам Бебель отрицал, чтобы он советовал нейтральность профессиональных союзов в отношении к социал-демократии. Опасность узкого профессионализма Бебель признавал безусловно. Бебель говорил далее, что ему известны еще худшие образчики этого цехового отупения: дело доходит у молодых вожаков профессиональных союзов до насмешек над партией вообще, над социализмом вообще, над теорией классовой борьбы! Общие крики возмущения социал-демократического съезда встречали эти заявления Бебеля. Раздались горячие аплодисменты, когда он решительно заявил: «товарищи, будьте на своем посту; подумайте, что вы делаете; вы идете по роковому пути, конец которого несет вам гибель!».

К чести немецкой социал-демократии следует, таким образом, сказать, что она встретила опасность лицом к лицу. Она не затушевывала крайностей экономизма, не выдумывала плохих отговорок и уверток (которых так много сочинил, напр., у нас Плеханов после 2-го съезда). Нет, она резко констатировала болезнь, решительно осудила вредные тенденции и прямо, открыто призвала всех членов партии к борьбе с ними. Поучительное событие для русских социал-демократов, некоторые из которых заслужили похвалы г-на Струве за «просветление» в вопросе о профессиональном движении!

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Сердитый ответ.

Наша статья: «Теория самопроизвольного зарождения» («Пролетарий» № 15) вызвала крайне сердитый ответ Бунда. У него даже не хватило собственного запаса сердитых слов, и он позаимствовал их еще у известного противника грубой полемики Плеханова. В чем же дело? За что сердится Бунд? За то, что мы, с одной стороны, оговорили возможность иронии в бундовской хвале по адресу «Искры», а, с другой стороны, высмеяли солидарность Бунда с «Искрой» по целому ряду пунктов. Эту двойственность Бунд взваливает на нас, обвиняя нас в фокусничестве и т. д. и обходя полным молчанием весь наш разбор несомненно неиронических и столь же несомненно неверных аргументов Бунда. Отчего Бунд обошел молчанием этот разбор по существу вопроса, им самим поднятого? Оттого, что из этого разбора видна двойственность позиции самого Бунда, который, с одной стороны, отрекся от искровской «думской» тактики, а, с другой стороны, повторил серьезнейшим образом ряд искровских ошибок. То, что сердитый Бунд объясняет нашей двуличностью, на самом деле объясняется двуличной позицией Бунда по вопросу о том, выставлять ли нам лозунг созыва Учр. Собрании временным революционным правительством или царем или Гос. Думой, или же самопроизвольного зарождения этого Учр. Собрании. Мы показали, что Бунд запутался по этому вопросу. Бунд и до сих пор не дал на него прямого ответа. И если Бунд теперь бранится по поводу того, что мы ему показали зеркало, то мы ответим пословицей: «На зеркало неча пенять, коли...».

„Пролетарий“ № 20.

10 октября (27 сент.) 1905 г.

Без подписи.

Буржуазия сытая и буржуазия алчущая.

Газета «Le Temps» один из самых влиятельных органов консервативной французской буржуазии. Против социализма она ведет самую отчаянную кампанию, и редкий день вы не увидите на ее столбцах имен Маркса, Бебеля, Гэда, Жореса с самыми озлобленными комментариями и выходками. Без дрожи бешенства «Le Temps» не может говорить о социализме.

За русским «кризисом», как выражаются благонамеренные европейцы, эта газета следит самым внимательным образом, никогда не оставляет без своих назидательных советов *la nation amie et alliée* — «нацию дружественную и связанную союзом». Так и теперь она посвящает передовицу последнему съезду земцев. Она вспоминает предыдущий июльский съезд и даже задним числом не может удержаться от выражений своего недовольства. Это было, видите ли, «зрелище абсолютного беспорядка мыслей и полнейшей неопределенности намерений»: проект Булыгина был известен уже, и тем не менее делегаты ограничились «горячими речами», не сумев решить вопроса, бойкотировать или участвовать. Орган французской правящей буржуазии даже напоминает земцам в раздражении, что у них не было мандатов!

За то теперь, как радостно улыбается сытый политической властью буржуа! как любезно спешит он пожать благородную десницу своего собрата, который еще только алчет политической власти, но уже доказывает свою «зрелость»! Бойкот отвергнут, и про неимение мандатов уже не упоминается. «Решение земцев, — говорит «Le Temps», — делает им честь. Оно доказывает, что политическое воспитание наиболее просвещенных элементов русского народа прогрессирует, и что они отказываются от туманных планов политического фокусничества, вступая мужественно на путь необходимой эволюции».

Буржуа, сытый политической властью и выдавший виды по части того, к чему приводят действительные победы народа, рабочих и кре-

стьян в революциях, ни минуты не колеблется объявить сентябрьский съезд либеральных помещиков и купцов победой эволюции над революцией.

Он хвалит «умеренность» съезда. Он указывает, с явным удовлетворением, на провал резолюции о «раздроблении земель» и об избирательных правах женщин. «Мудрость и умеренность этих решений показывают ясно, что мнения крайних партий не взяли верха на этом съезде. Программа, на которой они все сошлись, достаточно демократична, чтобы обезоружить революционеров. А так как земский съезд ждет осуществления своих проектов исключительно от употребления законных средств, то его программа может присоединить и тех реформистов, которых личные споры не отделят от членов земского съезда».

Буржуа сытый поощрительно похлопывает по плечу буржуа алчущего: выставить программу, «достаточно демократичную», чтобы пустить пыль в глаза, чтобы обезоружить революционеров, и встать на легальный путь, — сиречь, говоря простым и прямым русским языком, сторговаться с Треповыми-Романовыми, — вот истинная государственная мудрость.

А что надежды проницательного буржуа на простоватых революционеров не совсем неосновательны, это доказали наши мудрецы из новой «Искры». Они, отпустив повода, ринулись в ловушку, наперерыв предлагая взимать демократические обязательства с умеренных буржуа, которые всей душой готовы теперь обещать что угодно и обязаться на что угодно. Не только в борьбе между враждебными партиями, но и в борьбе внутри социалистических партий (как мы после 2-го съезда убедились на опыте) все обещания летят к чорту, раз затронуты сколько-нибудь существенные интересы борющихся. The promises like piecrust are given to be broken, говорит английская пословица. «Обещания, что корка от пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом».

К чему свелась искровская тактика по поводу Думы? Именно к идейному и тактическому обезоружению революционеров. Мудрецы из оппортунистической «Искры» работали над этим обезоружением, разнося идею активного бойкота, подменивая (совершенно в духе «Нового Времени» и почти теми же словами) активный бойкот пассивным, проповедуя доверие и доверчивость к обнимающимся вместе Милюковым и Стаховичам, заменяя революционный лозунг восстания освобожденской буржуазной размазанной, вроде «революционного самоуправления граждан».

Только слепые могут еще теперь не видеть, в какое болото залезла «Искра». В нелегальной печати она совершенно одинока, на ее стороне стоит только «Освобождение». Бунд, которого даже Мартов с Аксельродом не заподозрят в симпатии к «впередовскому арсеналу», решительно встал за активный бойкот. В легальной печати все прохвосты и все умеренные либералы объединились в борьбе с радикальными буржуа, высказавшими сочувствие бойкоту и настроенными наиболее дружелюбно по отношению к крестьянству.

Ну, разве же неправду сказал Ленин в своих «Двух тактиках», разбирая новоискровские резолюции, что «Искра» опускается до либеральных помещиков, в то время, как «Пролетарий» старается поднять революционных крестьян?

Мы упомянули «Новое Время». Не только этот орган рептилия, но и «Московские Ведомости» ведут отчаянную борьбу против идеи бойкота, показывая этим всем и каждому реальное политическое значение Думы. Вот для образчика одна характерная выходка «Нового Времени», на которой мы тем охотнее остановимся, что она проливает новый свет на всю бездну буржуазной подлости даже такого «почтенного» либерального органа, как «Русские Ведомости».

Известный берлинский корреспондент этой последней газеты г. И.⁶⁸) останавливается в № 247 на Иенском съезде. Мещанская душа прежде всего восхищается тем, что нашелся вот добрый и справедливый буржуа-либерал, богач Аббе, который подарил городу Иене народный дом для свободных собраний всех партий, даже социал-демократов в том числе. И г. И. подводит свою мораль: «можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок». Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. И., что он совершает этим величайшую политическую бестактность, играя на руку нововременству? Истинный смысл этого мещанского восторга перед беспартийностью выяснится однако читателю из следующей фразы г. И.

«Не говорю уже о том, что бывают политические условия, при которых полезно на время спрятать в карман конечные цели и помнить о ближайших задачах, общих у социализма и либерализма».

Вот это откровенно! Спасибо хоть за ясность, г. И.! Нам остается только пользоваться такими заявлениями всегда и при всяком случае, при всех выступлениях перед рабочими, чтобы по-

казывать буржуазный характер русского либерализма, чтобы разъяснить рабочим необходимость самостоятельной партии пролетариата, неуклонно враждебной буржуазии, хотя бы и самой либеральной.

Но все эти тирады нашего «демократа» только цветочки. Ягодки будут впереди. Г. И. не ограничивается советом пролетариату «на время спрятать в карман конечные цели», т.-е. отказаться от социализма, нет, он советует, кроме того, отказаться от доведения теперешней политической революции до конца. Г. И. цитирует речь Бебеля и выдвигает на первый план то место этой речи, где Бебель выражает сомнение, чтобы нам удалось «так скоро» превратить Россию в культурное государство, заявляя в то же время, что старый самодержавный режим больше не вернется, «что старая Россия больше невозможна». По поводу этого места г. И. пишет:

«Я не считаю Бебеля авторитетом в русских делах, но должен заметить, что в этой части своей речи он выгодно отличается от Каутского и некоторых других доктринеров, рекомендующих нам *Revolution in Permanenz* (непрерывную революцию). Как умный человек и политик, знающий, какие конкретные формы принимает в жизни народа состояние постоянной анархии, Бебель видит успех прежде всего в осуществлении задач культуры, и из его слов совершенно ясно вытекает, что он не проводит демаркационных линий и уже наверное не воздвигает стен между русской интеллигенцией и русским пролетариатом, по крайней мере до осуществления элементарных прав человека».

Во-первых, это клевета на Бебеля, клевета, чисто новременская. Бебель всегда и безусловно проводит «демаркационную линию» между буржуазным и пролетарским демократизмом; г. И. не может не знать этого. Бебель разграничивает самым решительным образом интеллигенцию буржуазную и интеллигенцию социал-демократическую. Уверять русского читателя, будто Бебель, борясь за «культуру», оставляет хоть когда-нибудь в тени лживость и предательство буржуазной демократии, с одной стороны, социалистические цели рабочего класса, с другой, — значит возводить величайшую ложь на вождя революционной германской социал-демократии.

Во-вторых, из речи Бебеля абсолютно не вытекает, чтобы он иначе смотрел на русскую революцию, чем Каутский. «Выгодное отличие» Бебеля от Каутского в этом отношении есть вымысел г-на И., который вырывает и извращает один кусочек из речи Бебеля, умал-

чивая о целом ряде его заявлений всецело в пользу русской революции и ее решительной победы.

В-третьих, — и в этом заключается для нас самая интересная особенность позиции «Русских Ведомостей», — г. И. показывает своей выходкой, что он именно боится решительной победы революции в России. «Постоянную революцию» г. И. называет «постоянной анархией». Сказать это — значит назвать революцию крамолой, сказать это — значит сделаться предателем революции. И пусть не говорят нам дипломаты «Освобождения», любящие уверять, будто у них нет врагов слева, что это случайная ошибка «Русских Ведомостей». Неправда. Это — выражение самых глубоких чувств и самых коренных интересов либерального помещика и либерального фабриканта. Это — то же самое, что фраза г. Виноградова, призывающего к борьбе против вступления русской революции на путь 1789 года. Это то же самое, что холопство г. Трубецкого, говорившего царю о своем несочувствии крамоле. Это не случайность. Это — единственно правдивая формулировка словами бесчисленных позорных дел наших буржуазных демократов, которых утомляет «постоянная анархия», которые начинают жаждать спокойствия и порядка, которые уже устали «бороться» (хотя они никогда и не боролись), которые уже отшатываются от революции при одном только виде того, что рабочие и крестьяне действительно поднимаются на действительную борьбу, желая сражаться, а не только быть сражаемыми. Демократы-буржуа готовы прикрыть один глазок на бесчинства Треповых, на бойню безоружных, их пугает не эта, а другая «анархия», когда у власти будут не Трепов и не Петрункевич с Родичевым, когда крестьянское и рабочее восстание победит. Демократы-буржуа именно потому и идут так охотно в Думу, что они видят в ней залог предательства революции, залог предупреждения полной победы революции, — этой ужасной «постоянной анархии».

Что это значение либеральной психологии мы показали верно, тому порукой «Новое Время». Эти травленные лакеи Треповых сразу подметили всю подлость «Русских Ведомостей» и поспешили душевно обнять своих собратьев. В номере от 13 (26) сент. «Новое Время» сочувственно цитирует как раз эту гнусную ложь г-на И. о «выгодном отличии» Бебеля от Каутского, замечая от себя:

«Таким образом нашим радикалам-«абсентеистам» придется и Бебеля исключить из числа своих союзников».

Вывод вполне законный. Профессиональные предатели «Нового Времени» верно оценили суть и смысл «обмолвки» «Русских Ведомостей».

Мало того. «Н. Время», искушенное в политике, сейчас же сделало вывод применительно к Думе. Хотя г. И. ни слова не сказал о взгляде Бебеля на бойкот, но «Н. Время» обозвало «абсентеистами» именно сторонников бойкота. «Н. Время» дополнило клевету на Бебеля клеветой на «радикалов», выразив, однако, ту совершенно правильную мысль, что именно идея полной победы революции, идея непрерывной революции руководит тактикой «радикалов-абсентеистов», тогда как боязнь «постоянной анархии» руководит идущими в Думу либералами. «Новое Время» право. Лакей Трепова имел полное основание поймать г. И. на месте и сказать ему: если не хочешь «постоянной анархии», значит ты мой союзник, и никакое демократическое красноречие не разубедит меня в этом. Наша ссора — маленькая семейная ссора, против «доктринеров», сторонников «постоянной анархии», мы будем заодно!

Не поймет ли «Искра» хоть теперь, что когда она упрекала сторонников бойкота в воздержании, т.-е. в абсентеизме, то она говорила по-нововременски? Не поймет ли она, что это совпадение ее лозунгов с нововременскими доказывает какую-то глубокую фальшь в ее позиции?

Сытая европейская буржуазия хвалит за умеренность алчущую власти российскую буржуазию. Лакеи Трепова хвалят г. И. из «Русских Ведомостей» за порицание идеи «постоянной анархии». Нововременцы и новоискровцы смеются над «абсентеизмом».

„Пролетарий“ № 20.

10 октября (27 сент.) 1905 г.

Без подписи.

Помещики о бойкоте Думы.

В № 76 «Освобождения» напечатаны краткие протоколы июльского съезда земцев. Теперь, когда вопрос о тактике по отношению к Гос. Думе привлекает к себе общее внимание, крайне важно отметить этот, единственный в своем роде, материал, показывающий, как именно рассуждали о бойкоте земцы и освобожденцы. Конечно, никто не сомневается в том, что до заключения мира, до выхода закона о Думе они были или старались казаться революционнее, чем теперь. Но все же характер их аргументов чрезвычайно поучителен для проверки нашей оценки вопроса. Ведь это — едва ли не первый вопрос в политической истории России, когда конкретные политические шаги обсуждаются и оппозиционными, и революционными партиями вместе.

Вполне естественно, что буржуазных демократов толкали к постановке вопроса о бойкоте не общая программа их борьбы, не интересы определенных классов, а прежде всего смутное чувство неловкости, стыда за то противоречивое, фальшивое положение, в которое они становятся. «Как же участвовать в деле, которое мы раскритиковали?» — спрашивал г. Шишков. «Ведь народ подумает, что мы солидарны с проектом». Как видите, у этого либерала первые же мысли о бойкоте связываются с вопросом о народе, — он чувствует инстинктивно, что идти в Думу значит делать что-то неладное именно по отношению к народу. Он не может отделаться от проблесков хорошего желания идти вместе с народом. Другой оратор, г. Раевский, ставит вопрос отвлеченнее: «Мы всегда стояли на принципиальной почве, а на тактическом пути вступаем в компромисс. Выйдет так, что мы осудили булыгинский проект, но нам уже очень захотелось стать народными представителями. Не пойдём на этот скользкий путь». Это, конечно, маленькая гипербола г. Раевского, ибо освобожденцы никогда не стояли на принципиальной почве. Неверно также сводить вопрос к голому отрицанию компро-

мисса: революционеры-социал-демократы, усвоившие дух марксизма, не преминули бы заметить оратору, что смешно отрицать абсолютно навязываемые жизнью компромиссы, что суть не в этом, а в ясном сознании и неуклонном преследовании при всех обстоятельствах целей борьбы. Но, повторяем, буржуазному демократу чужда в основе своей материалистическая постановка вопроса. Его сомнения — лишь симптом глубокого раскола внутри разных слоев буржуазной демократии.

Фразер г. Родичев, говоривший после г. Раевского, решает вопрос легко: «Мы в свое время протестовали против нового земского положения, но мы в земство пошли... Если бы у нас были силы для осуществления бойкота, то следовало бы его объявить» (а не от того ли «нет сил», почтеннейший, что интересы собственников враждебны бесповоротной борьбе с самодержавием и враждебны рабочим и крестьянству?)... Первое правило военного искусства: «бежать во-время...» (ей-богу, так и сказал рыцарь тверского либерализма! А еще смеются либералы над Куропаткиным). «Бойкот будет в том случае, если мы, войдя в Думу, первое постановление сделаем: «Мы уходим. Это не настоящее правительство, без которого вы все же уже не можете обойтись. Дайте нам настоящее». Это будет настоящий бойкот» (ну, конечно! сказать: «дайте»! — разве может быть что-либо более «настоящее» для земского Балалайкина? Не даром они так весело смеялись, когда г. Головин рассказывал им, как он «без труда разубедил» московского губернатора насчет опасений, будто земский съезд объявит себя учредительным собранием).

Г. Колюбакин говорил: «Предьдущие ораторы ставили вопрос так: либо итти в Булыгинскую Думу, либо ничего не делать» («Искра» ставит вопрос именно так, как эти «предьдущие ораторы» правого крыла монархической буржуазии). «Надо обратиться к населению, которое все будет против Булыгинской Думы... Обращайтесь к народу, осуществляйте на деле свободу слова и собраний. Но, идя в непотребное учреждение, вы себя губите. Вас там будет меньшинство, и оно погубит себя в глазах населения». В этой речи чувствуется опять связь идеи бойкота с обращением к крестьянству, значение этой идеи, как поворота от царя к народу. И г. Щепкин с великолепной откровенностью спешит возразить на глубоко понятую им речь г. Колюбакина: «Ничего, если мы сделаем ошибку в глазах народа, но спасем дело» (... дело буржуазии, крикнули бы вероятно, оратору рабочие, если бы они присутствовали на этом благородном собрании). «Я не спорю, что, быть может, нам скоро

придется стать на революционный путь. Но проект бюро (проект резолюции против бойкота) хочет избежать этого, так как мы и по воспитанию, и по симпатиям» (классовому воспитанию, классовым симпатиям) «не революционны».

Мудро рассуждает г. Щепкин! Он лучше всех новоискровцев, взятых вместе, понимает, что суть тут заключается не в выборе средств, а в различии цели. Надо «спасти дело» порядка, — вот где гвоздь. Надо не рисковать революционным путем, который может привести к победе рабочих и крестьянства.

Зато краснобай и водолей г. Де-Роберти высказывается совсем, совсем как новоискровец: «Что делать, если проект благодаря своей негодности станет законом? Восстание с оружием в руках?» (Как можно «связывать восстание с Думой», что вы, г. Роберти!? Как жаль, что не знакомы вы с нашим Бундом, он объяснил бы вам, что нельзя этого связывать). «Оно, думаю, со временем непременно придет. Ныне же сопротивление может быть либо просто пассивным, либо пассивным, но всегда готовым перейти в активное» (Ах, какой милый радикал! Вот бы ему попользоваться лозунгом: «революционное самоуправление» у новой «Искры», — уж он сумел бы тут разыграть такие арии, такие арии...)... «дать мандаты лишь тем, кто поедет с решимостью во что бы то ни стало сделать переворот». Знай наших! Что же, неправы мы были, сказав, что Парвус встретился и обнялся с эдаким вот освобожденцем? что новая «Искра» клюнула на красные словечки помещиков-краснобаев?

*„Пролетарий“ № 20.
10 октября (27 сент.) 1905 г.
Без подписи.*

Новая меньшевистская конференция.

Нам присланы гектографированные резолюции «Южной учредительной (I?) конференции» меньшевиков. К самой важной резолюции (о Государственной Думе) мы еще вернемся. Пока заметим, что из двух главных пунктов искровской «думской» тактики конференция выбросила «давление для выбора в Государственную Думу решительных» (в духе Мартова, Череванина, Парвуса), но приняла «организацию всенародных выборов в Учредительное Собрание». По вопросу о составе редакции «Искры» принято три резолюции, но вопрос все-таки не решен. Одна резолюция просит Аксельрода не уходить из редакции, другая — Плеханова вернуться в редакцию (при чем конференция — вероятно без желания состричь — выражает «недоумение» по поводу выхода Плеханова), третья — благодарит «Искру», выражает ей полное доверие и проч., но вопрос о составе редакции «переносит на окончательное решение обще-русской учредительной конференции». «Первая обще-русская конференция», как известно, «перенесла» вопрос на решение местных организаций. Местные организации «переносят» на решение учредительной конференции... Это называется, должно-быть, устранением бюрократизма и формализма... А пока суд да дело, «Искра» пользуется званием Ц. О., какового звания не дали ей даже ее сторонники. Удобная позиция, что и говорить!

Организационный устав южной конференции есть сколок с устава уже известного, с небольшими, однако, изменениями; добавлен §: «Верховным органом партии являются партийные съезды, собирающиеся по возможности один раз в год». Горячо приветствуем это улучшение. В связи с новым и превосходным пунктом, что «Ц. К. избирается на съезде», в связи с прекрасным пожеланием решать (хотя бы и в будущем) вопрос и о составе редакции на съезде, это улучшение доказывает движение в сторону решений 3-го съезда. Будем надеяться, что еще месяца через четыре следующая «учредительная» конференция учредит также порядок созыва съездов,

этих верховных органов партии... По вопросу об объединении конференция, к сожалению, ходит кругом да около, а прямо не говорит: хотите объединиться на основах 3-го съезда? если нет, хотите готовить два съезда в одно время и в одном месте? Будем надеяться, что следующая «учредительная» конференция (пораньше бы, чем через четыре месяца!) решит этот вопрос.

„Пролетарий“ № 20.

10 октября (27 сентября) 1905 г.

Без подписи.

Представительство Р. С.-Д. Р. П. в Международном Социалистическом Бюро.

«Учредительная южная конференция» меньшевиков приняла по этому вопросу следующую резолюцию: «Познакомившись с документами, из которых видно, что т. Ленин, не предприняв никаких шагов в сторону соглашения с «меньшинством» по вопросу о представительстве Р. С.-Д. Р. П. в Интернациональном Бюро, сделал этот вопрос там предметом борьбы между двумя частями партии, выдвигая на первый план мелочи фракционных разногласий, конференция южных организаций выражает по этому поводу свое глубокое сожаление и вместе с тем просит т. Плеханова продолжать представлять нашу часть партии в Интернациональном Бюро и обращается ко всем организациям «большинства» с предложением немедленно высказаться по этому вопросу и со своей стороны уполномочить т. Плеханова на это представительство в интересах того единства, к которому мы стремимся, и ради сохранения перед лицом всех других социалистических партий. всех других стран для всех нас одинаково дорогого престижа Р. С.-Д. Р. П.».

Резолюция эта обязывает нижеподписавшегося выступить с фактическим изложением дела: 1) Меньшевики не могут не знать, что все и всякие соглашения зависят от Центрального Комитета, находящегося в России. Говоря умышленно об одном «т. Ленине», они говорят неправду. 2) Сейчас же после 3-го съезда два российских члена Центрального Комитета обращались лично к Плеханову, выражая желание видеть его и представителем Р. С.-Д. Р. П. в Международном Бюро и редактором научного (?) органа. Плеханов отказался. Фраза «никаких шагов»... основана на уклонении от истины. 3) Когда Плеханов после этого отказа вышел из редакции «Искры», то он заявил (29 мая) печатно, не обращаясь к Центральному Комитету Р. С.-Д. Р. П., что согласится представлять лишь обе части Р. С.-Д. Р. П., и печатно же запросил признающих 3-ий съезд об их согласии

4) Редакция «Пролетария» тотчас перепечатала (в № 5 от 26 (13) июня) заявление Плеханова, добавив, что решение вопроса поставлено на разрешение Центрального Комитета. 5) Впредь до решения вопроса Центральным Комитетом я сносился с Международным Бюро от имени Центрального Комитета для осведомления Международного Бюро о 3-ем съезде и для осведомления Центрального Комитета о работах Международного Бюро, причем я заявил, что вопрос о представительстве Р. С.-Д. Р. П. в Международном Бюро еще не решен. Другими словами, Центральный Комитет сносился с Международным Бюро через заграничного своего представителя впредь до решения вопроса о специальном представителе в Бюро. 6) Заявив в Международном Бюро прямо и определенно о временном характере моих сношений с ним, я не выдвигал никакого вопроса о «борьбе» и «разногласиях», а исключительно сообщил решения 3-го съезда, что я обязан был безусловно сделать. 7) Плеханов послал в Международное Бюро 16 июня письмо, в котором он (а) ошибочно утверждал, что он уполномочен уже на представительство обеими фракциями и (б) рассказывал историю раскола со времени 2-го съезда и рассказывал ее с рядом уклонений от истины, совершенно в меньшевистском духе, называя созыв 3-го съезда Центральным Комитетом «актом совершенно произвольным», объявляя примиренцев в нашей партии «болотом», говоря, что на съезде было «что-то вроде половины полноправных организаций», что съезд был «соединением ультра-централистов и болота» и т. п. 8) Это письмо Плеханова было опровергнуто мною пункт за пунктом в письме к Международному Бюро от 24-го июля 1905 года (о Плехановском письме я узнал лишь с месяц спустя после его отсылки Плехановым, когда Международное Бюро прислало мне копию с его письма). По вопросу о «болоте» я писал в своем письме: «Справедливо, что в нашей партии есть «болото». Члены его постоянно переходили с одной стороны на другую в внутрипартийной борьбе. Первым таким перебежчиком был Плеханов, который в ноябре 1903 года перешел от большинства к меньшинству, а 29 мая 1905 года ушел от меньшинства, выйдя из редакции «Искры». Мы не одобряем этих переходов, но думаем, что нам нельзя поставить в вину, если нерешительные люди, члены «болота», после долгих колебаний склонны идти за нами». По вопросу о данном положении дел после раскола я ссылался в том же письме на необходимость Международному Бюро иметь «полный перевод всех резолюций конференции». «Если «Искра» не пожелает посылать в Бюро этого перевода, — добавлял я, — то мы готовы взять этот труд на себя».

Пусть судят теперь читатели, похоже ли поведение Плеханова на беспристрастие, а изложение дела новой конференцией — на правду? Кто виноват в подрыве престижа Р. С.-Д. Р. П.? в инициативе ознакомления Международного Бюро с историей раскола после 2-го съезда? в выдвигании «фракционных разногласий»?

Р. С. Во исполнение желания южной конференции знать мнение организации большинства, ниже печатается резолюция Костромского комитета Р. С.-Д. Р. П., присланная в августе 1905 года. Других резолюций по этому вопросу редакция не получала.

„Пролетарий“ № 20.

10 октября (27 сент.) 1905 г.

Подпись: Н. Ленин.

Обострение положения в России.

Под этим заглавием либеральная берлинская газета «Vossische Zeitung» помещает следующее небезынтересное сообщение.

«С неудержимой силой развиваются события в империи царей. Для всякого беспристрастного наблюдателя ясно, что ни правительство, ни какая-либо оппозиционная или революционная партия не является хозяином положения. Безвременно умерший князь Трубецкой и другие профессора высших учебных заведений тщетно пытались отговорить русское студенчество от того опасного пути, идя по которому оно решило превратить университеты в места политических народных собраний. Студенты с энтузиазмом почтили память Трубецкого, массами проводили на кладбище его останки, превратили похороны его в внушительную политическую демонстрацию, но его совета не пускать в университет посторонних элементов они не послушались. И в Петербургском университете, и в горной академии, и в политехникуме происходят гигантские народные собрания, в которых студенты составляют часто меньшинство и которые тянутся с раннего утра до позднего вечера. Говорятся страстные, зажигательные речи, поют революционные песни. Кроме того, усердно ругают там либералов, особенно за их «половинчатость», которая-де не случайно свойственна русскому либерализму, а обусловлена будто бы вечными историческими законами.

«Есть что-то глубоко трагическое в этих упреках. Несмотря на историческое обоснование их, они на самом деле уже потому совершенно неисторичны, что у либералов в России нет даже и возможности-то никакой проявить какую бы то ни было половинчатость, сколько-нибудь способную повредить столь важному для всех партий делу освобождения. Не дела либералов, а их страдания тормозят их жизненный путь. Правительство столь же беспомощно (курсив оригинала) перед этими событиями, как беспомощно оно и перед рабочими волнениями и перед общим брожением. Конечно, возможно, что оно замышляет снова сильное кровопускание, дожидаясь лишь

момента, когда движение созреет для казацкой атаки. Но если даже до этого дойдет, то все-таки никто из власть имущих не уверен, не приведет ли это к еще более бурному взрыву недовольства. Даже и генерал Трепов не верит уже больше в свое дело. Перед своими друзьями он не скрывает, что считает себя обреченным на смерть и что он не ждет никаких положительных результатов от своего управления. Он говорит: «Я уже только исполняю свой долг и исполню его до конца».

«Плохи должны быть дела царского трона, если глава полиции приходит к таким заключениям. И в самом деле, нельзя не признать, что, несмотря на все усилия Трепова, несмотря на лихорадочную деятельность бесконечных комиссий и конференций, напряженное положение с прошлого года не только не улеглось, а, напротив, усилилось. Куда ни взглянешь, везде положение стало хуже и опаснее, везде дела заметно обострились».

Много правды в этой оценке, но много и либерального скудоумия. «Либералы не могли проявить половинчатости, вредной для дела». Вот как? Отчего же эти бедные либералы могли проявить себя, тем не менее, более открыто и свободно, чем другие партии? Нет! Студентами руководит здоровый революционный инстинкт, поддерживаемый их общением с пролетариатом, когда они усердно отгораживаются от конституционалистов-демократов и дискредитируют этих к.-д. в глазах народа. Завтрашний день несет нам великие, всемирно-исторические битвы за свободу. Возможно, что борцы за свободу потерпят еще не одно поражение. Но поражения только глубже и глубже встряхнут рабочих и крестьян, только еще более обострят кризис, только еще грознее сделают неминуемую окончательную победу дела свободы. И мы приложим все усилия, чтобы к этой победе не присосались буржуазные пиявки монархического помещичьего либерализма, чтобы этой победой не воспользовались главным образом господские крупные буржуа, как не раз бывало в Европе. Мы приложим все усилия, чтобы эта победа рабочих и крестьян была доведена до конца, до полного разгрома всех ненавистных учреждений самодержавия, монархии, бюрократии, военщины, крепостничества. Только такая победа даст в руки настоящее оружие пролетариату, — и тогда мы зажжем Европу, чтобы сделать из русской демократической революции пролог европейского социалистического переворота.

*„Пролетарий“ № 23.
31 (18) октября 1905 г.
Без подписи.*

•Ц. Ленин. Статьи и речи. 1893—1913.•

Истерика потерпевших поражение.

Наша статья «Первые итоги политической группировки» была уже написана, когда мы получили № 112 «Искры» с какой-то бешеной, полной злобы, слез, выкриков и вывертов статьей «Плоды кружковщины». Иначе нельзя этого и назвать, как истерикой. Выделить хоть тень доводов из истерического вопля нет никакой возможности. При чем тут кружковщина, дорогие товарищи из «Искры», когда вы сами пошли по доброй воле на конференцию разных социал-демократических партий и организаций России? Подумайте хоть капельку, если вы еще не совсем потеряли способность думать, подумайте хоть тогда, когда у вас пройдет припадок истерии! Ведь если вы согласились идти на конференцию, если ваш делегат был на ней, то, значит, вы сами признали эту конференцию серьезным, партийным, обязательным для пролетариата делом. Ведь вы только окончательно роняете себя в глазах сколько-нибудь думающих рабочих, если начинаете ругаться после того, как вы потерпели поражение на совещании, которое вы сами фактом своего добровольного участия признали серьезным и необходимым делом!

Вы недовольны тем, что конференция слишком резко, по вашему мнению, осудила вашу тактику, назвав участие в Думе изменой делу свободы? Но разве вы не знали, милые товарищи из «Искры», что идете на конференцию с Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р.П., а орган этого Ц.К. — «Пролетарий» — давным давно и в брошюрах и в статьях показывает ваше превращение в прихвостней монархической либеральной партии? Вы знали это хорошо, дорогие товарищи из «Искры», и если вы теперь сердитесь до потери сознания, то мы право же не в силах помочь вам. Ведь это факт, неустрашимый и неоспоримый факт, что вы остались одни в компании с «Освобождением» среди всех нелегальных партий, организаций, направлений и органов всех народов России. Этот факт есть самое резкое, необыкновенное в истории по своей резкости, обвинение против вас, а вы вообразили, будто источник резкости есть слова: «измена делу свободы»!

Вы до того потеряли голову, что начинаете после своего поражения на конференции кричать диким голосом о вреде федерализма в организации, лелеемого Бундом и другими национальными социал-демократическими группами. Как не разумно это с вашей стороны, дорогие товарищи из «Искры»: ведь вы только подчеркиваете этим глубину своего поражения. В самом деле, подумайте-ка, дорогие товарищи из «Искры»: кто защищал два года и защищает теперь организационную расплывчатость и туманность? принципы соглашения и децентрализации? Именно вы, именно новоискровцы. И именно федералисты Бунда, латышской и польской С.-Д. Р. партии подхватывали в свое время в печати все ваши дезорганизаторские словечки против, якобы, крайностей централизма и проч. и т. п. Ведь это опять-таки есть факт, неустранимый и неоспоримый факт, что все федералисты указанных партий писали и печатали статьи в духе меньшинства! Посмотрите же, дорогие товарищи из «Искры», как некстати вы вспомнили о федерализме: вы подчеркнули этим, что ваши вчерашние благожелатели из социал-демократов Бунда, латышской и польской партий вынуждены были покинуть вас, не стерпев всей пошлости вашей думской тактики! Нет, дорогие товарищи из «Искры», если вы, успокоившись, подумаете капельку, то увидите и сами то, что все видят: не «большинство» пришло к федерализму, а Бунд, латыши и поляки социал-демократы пришли к большинству, убедившись в правильности основ его тактики.

Ваше поражение тяжело, дорогие товарищи из «Искры», слов нет. Но источник его — не злоковарство «большинства» или поляков социал-демократов и т. п., а та безысходная путаница, которая проявилась уже в тактических резолюциях общерусской конференции меньшевиков. Пока вы будете стоять на почве этих резолюций, вы неизбежно будете оказываться «сам-друг» с «Освобождением» против всех социал-демократов и даже всех революционных демократов.

*„Пролетарий“ № 23.
31 (18) октября 1905 г.
Без подписи.*

Николай Эрнестович Бауман.

Телеграф принес сегодня, 3 ноября нового стиля, известие, что в Москве убит царским войском член Росс. С.-Д. Р. Партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вдова убитого, принадлежавшая равным образом к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о павшем товарище. Отметим пока лишь главное. Он начал работу в социал-демократической организации, в Петербурге, в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронеже (выдан врачом) по делу организации «Искры» и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами социал-демократами в августе 1902 года. Был делегатом от Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. на втором съезде партии (псевдоним: Сорокин). Участвовал на втором съезде Лиги (псевдоним: Сарафский). Состоял затем членом того же Московского Комитета партии. Арестован 16 июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на-днях.

Вечная память борцу в рядах российского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!

* * *

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были социал-демократические ораторы в Петербурге, называвшие

манифест 17 октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста—провокацией. Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства? Не ловушка ли в самом деле эта «амнистия», когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах?

*„Пролетарий“ № 24
7 ноября (25 окт.) 1905 г.
Без подписи.*

1906 ГОД

Накануне.

Политическое положение проясняется с поразительной быстротой. Несколько месяцев тому назад нельзя было сказать с уверенностью, соберется ли Государственная Дума и что́ будет она представлять из себя? Несколько недель тому назад не видно еще было, по крайней мере для широких масс народа, на каком поприще и в какой форме разовьется следующий этап борьбы за свободу. Верил в Думу простодушный крестьянин, который не мог допустить мысли, чтобы горячие просьбы и заявления всех ходяков народа остались без последствий; верил в Думу буржуазный либерал, пытавшийся побудить правительство «до б р о м» пойти на уступки. Не будет преувеличением сказать, что в несколько дней эта вера рушится на наших глазах, вера народных масс, таких людей, у которых все их интересы питали и укрепляли эту веру. Верили потому, что хотелось верить, верили потому, что тёмно еще было ближайшее политическое будущее, верили потому, что политические сумерки оставляли место всяким двусмысленностям, всяким колебаниям, всякому упадку настроения. Теперь все снова становится ясным. Предвидение людей, которые казались какими-то чудаками-пессимистами, в эпоху выборов в Думу или в первые дни Думы, оправдывается. Дума заседает пять — шесть недель, и уже люди, всей душой стремящиеся развить и разработать деятельность в Думе и около Думы, признают откровенно и честно великий факт: «Как народ устал ждать».

Он не уставал ждать десятки лет, но он устал теперь в несколько недель; он не уставал ждать, пока он спал или прозябал, пока во внешней обстановке его жизни не было обстоятельств, немедленно переворачивающих вверх дном его существование, его настроение, его сознание, его волю; он устал ждать в несколько недель, когда в нем самом просыпалась с невероятной быстротою жажда действия, и тусклыми, скучными, неинтересными стали казаться самые горячие, симпатичные слова, хотя бы с такой высокой трибуны,

как Дума; устали ждать рабочие, — волна забастовок стала подниматься все выше и выше; устали ждать крестьяне, никакие преследования и мучительства, превосходящие ужасы средневековой инквизиции, не останавливают их борьбы за землю, за свободу; устали ждать матросы в Кронштадте и Севастополе, пехотинцы в Курске, Полтаве, Туле, Москве, гвардейцы в Красном Селе, даже казаки устали ждать. Все видят теперь, где и как разгорается новая великая борьба, все понимают ее неизбежность, все чувствуют величайшую необходимость выдержки, стойкости, подготовки, единовременности и согласованности действий пролетариата и крестьянства. Чувствуют, что для этого необходимо ждать... Мы стоим накануне величайших исторических событий, мы — накануне второй большой ступени российской революции. Социал-демократия, сознательная выразительница классовой борьбы пролетариата, будет стоять на своем посту, как один человек, и выполнит свой долг до конца.

*„Работник“ № 2.
8 июня 1906 г., Киев.
Подпись: Н. Ленин.*

1907 ГОД

Выборы по рабочей курии в Петербурге.

Выборы уполномоченных от рабочих представляют из себя чрезвычайно крупное, далеко еще не оцененное по достоинству, событие в политической жизни России и в истории нашего рабочего движения.

Впервые все партии, имеющие хоть какую-нибудь опору в пролетариате, выступили перед массой рабочих не с общими программами или лозунгами, а с определенным практическим вопросом: кандидатам какой партии доверяет рабочая масса защите своих интересов? Конечно, система выборов в рабочей курии очень и очень далека, как всем известно, от правильного демократического представительства. Но рабочая масса все же на выборах выступает. И борьба партий, именно, как определенных политических партий, происходит в России впервые перед широкой рабочей массой.

Выборы уполномоченных от рабочих произошли уже во многих местностях России. Но сколько-нибудь полных и точных данных о борьбе партий на этих выборах не имеется. Газеты дают только самые общие и притом приблизительные, «на глаз» сделанные, выводы. Если партийные работники и в особенности сами передовые рабочие не возьмутся за необходимое и крайне важное дело изучения хода и результатов выборов по рабочей курии, то наверное можно сказать, что мы потеряем чрезвычайно ценный и необходимый для дальнейшего развития партийной работы и партийной агитации материал.

Общее впечатление от выборов по рабочей курии в России все газеты единодушно формулируют так: полная победа крайних левых, прежде всего социал-демократии, затем социалистов-революционеров.

Основное положение социал-демократии блестяще подтверждено выборами: пролетариат революционен, как класс. Пролетарская

масса социал-демократична по своим стремлениям и симпатиям. Пролетариат — наиболее революционный из всех классов России.

Голки о том, что с.-д. партия не есть в России рабочая партия, фактически опровергнуты выборами. Только умышленно говорящие неправду либералы или неосторожно на ветер бросающие слова оппортунисты могут сомневаться теперь в массовом пролетарском характере социал-демократии в России.

Если от этого общего вывода переходить к выводам более частным, то необходимо сделать сначала оговорку, что сколько-нибудь полных материалов еще нет. Мы считаем однако не только допустимым, но и безусловно необходимым наметить целый ряд дальнейших выводов — отнюдь не для того, чтобы претендовать на решение вопроса, а для того, чтобы поставить на обсуждение всех товарищей громадной важности вопрос, вызвать обмен мыслей, собирание материала и т. д.

Бросается в глаза по первым газетным известиям разница между Россией в собственном смысле и гораздо более развитой промышленно, культурно и политически Польшей. В России, по крайней мере в С.-Петербурге и в Москве, нет открыто буржуазных партий, опирающихся хоть отчасти на пролетариат. Полнейшее преобладание имеют с.-д., значительно меньшим влиянием пользуется крайняя левая буржуазная демократия, считающая себя социалистической, партия с.-р. Кадетов нет среди рабочих или совсем ничтожное число.

В Польше есть и заметно обнаружилась на выборах открыто буржуазная, правее кадетов стоящая, партия народовцев (народовцы-демократы, н.-д., эн-дэ-ки). Объяснить это силой полицейских и военных преследований невозможно. Буржуазия, искусно играя в Польше на национальном угнетении всех поляков, на религиозном угнетении всех католиков, — буржуазия ищет и находит известную опору в массах. О крестьянстве польском нечего и говорить.

Само собой понятно однако, что из этого развития нелепо было бы делать вывод о самобытных преимуществах русской отсталости. Нет, дело объясняется проще, объясняется историко-экономическими, а не национальными различиями. В России неизмеримо больше остатков крепостничества в низах, в деревне, в аграрном строе, — отсюда больше примитивной, непосредственной революционности в крестьянстве и в тесно связанном с ним рабочем классе. В этой революционности, несомненно, меньше пролетарски-классовой сознательности, больше обще-демократического (а это

означает: по содержанию — буржуазно-демократического) протеста. А затем, у нас менее развита, менее сознательна, менее искушена в политической борьбе буржуазия. Она не столько потому пренебрегает работой среди пролетариата, что не могла бы отбить у нас никакой части его, сколько потому, что вообще нет для нее такой надобности опираться на народ (как в Европе и в Польше); ей достаточно пока опираться на привилегии, на подкуп, на грубую силу. Будут еще и у нас времена, когда всевозможные выходцы буржуазии понесут в рабочую массу и национализм, и какой-нибудь христианский демократизм, и антисемитизм, и всяческую такую мерзость!

Переходим к собственной России. Прежде всего замечательна разница между Петербургом и Москвой. В Москве полнейшая победа с.-д. над с.-р. По некоторым сообщениям, — правда, еще не вполне проверенным, — там считают около 200 с.-д. уполномоченных на каких-нибудь 20 с.-р.

В Петербурге наоборот: все поражены неожиданно высоким процентом эс-эровских уполномоченных. С.-д. преобладают, конечно, но не подавляют безусловно с.-р. Считают около 33% и даже (хотя едва ли верно) около 40% эс-эров. Возьмем ли мы пока, впредь до собрания подробных данных, ту или иную цифру, во всяком случае становится понятным, почему рядовые с.-д. в Петербурге чувствуют себя так, как будто бы «нас побили» в рабочей курии. Даже треть уполномоченных эс-эров есть действительно уже поражение социал-демократии в столице, — поражение по сравнению с тем, что мы видели в остальной России, и по сравнению с тем, что мы все, как с.-д., считаем нормальным и необходимым.

Это — факт громадной важности... В Петербурге, в рабочей курии социалистов оттеснила от подавляющего преобладания крайняя левая буржуазной демократии! Наш прямой долг отнестись к этому явлению с величайшим вниманием. Все с.-д. должны направлять усилия к тому, чтобы точно изучить это явление и правильно объяснить его.

Общее впечатление петербургских с.-д., ошеломленных выборами 7-го и 14-го января, сводится к следующему: 1) именно на крупнейших заводах, этих передовых центрах самого сознательного, самого революционного пролетариата, всего ощутительнее поражение, нанесенное социал-демократам «социалистами-революционерами»; 2) «социалисты-революционеры» побеждали преимуще-

ственно и главным образом меньшевиков с.-д. В тех случаях, когда боролись кандидат с.-р. и кандидат с.-д. большевиков, победа гораздо чаще и даже в большинстве случаев доставалась социал-демократии.

Легко видеть, что значение обоих этих выводов в высочайшей степени важное. И мы должны поэтому позаботиться непременно о том, чтобы это были действительно выводы из точного, проверенного, не допускающего двух толкований материала, а не простые только впечатления. Конечно, чрезвычайно мало вероятно, даже почти невозможно, чтобы общий голос с.-д. работников самых различных районов С.-Петербурга мог быть ошибочным. Конечно, требовать от революционеров, заваленных именно теперь бездной работы по выборам, точной и аккуратной статистики было бы смешным педанством, но все же основной материал, главные цифры и данные собрать можно и должно, ибо это необходимо для всей нашей с.-д. работы в С.-Петербурге на долгое время.

Ниже мы подробнее останавливаемся на этом вопросе (см. статью «Борьба с.-д. и с.-р. на выборах в рабочую курию в С.-Петербурге»). Здесь же ограничимся лишь оценкой политического значения этого относительного поражения социал-демократии на выборах по рабочей курии в С.-Петербурге.

Прежде всего необходимо отметить, что преобладание с.-д. по числу уполномоченных указывает явственно на преобладание числа заведений, в которых с.-д. имеют организационные ячейки. Более подробные данные, наверное, подтвердят то наблюдение, которое было уже сделано социал-демократами в октябрьские дни свобод, именно, что с.-р. не ведут никакой прочной и длительной, серьезной организационной работы в пролетариате, а действуют, если можно так выразиться, налетом, «срывая» резолюции на митингах во время подъема настроения, пользуясь всяким оживлением, чтобы «сорвать» и мандаты посредством трескучих и эффектных «революционных» фраз и речей.

Этот элемент эс-эровской победы, по всей вероятности, будет констатирован всяким добросовестным исследователем и в миновавших только что выборах по рабочей курии в С.-Петербурге. В конечном счете, дело сводится здесь к тому, что «революционная» мелко-буржуазная партия к солидной и упорной пролетарской работе не способна, — при малейшей перемене настроения она совсем исчезает с горизонта рабочих предместий. Только в отдельные моменты удается ей эксплуатировать малую еще политическую подготовку масс, «пле-

няя» якобы широкой (на деле расплывчатой и интеллигентски-мишурной) постановкой вопроса, играя на неразвитости классового сознания, демагогически используя традиционную «тягу к земле» в тех случаях, когда есть еще связи с деревней и т. д. и т. п.

Буржуазный характер революции, естественно, приводит к тому, что на рабочие кварталы «налетают» от времени до времени тучи радикальной и «истинно»-революционной буржуазной молодежи, которая не знает под собой никакой классовой опоры и инстинктивно идет к пролетариату, как к единственно серьезной борющейся за свободу массе, когда в воздухе носится новый подъем, новый натиск революции. Эс-эровские ораторы на рабочих митингах, это — своего рода буреизвестники, показывающие, что у пролетариата поднимается настроение, что он несколько уже отдохнул, копя силы после былых поражений, что в нем широко и глубоко начинает опять бродить нечто, ведущее к новой схватке со старым порядком.

Сопоставление октябрьского и «думского» периодов с современными выборами и простой свод данных о прочных организационных ячейках эс-эров, несомненно, подтвердит это объяснение.

Но было бы, конечно, величайшим легкомыслием ограничиваться этим объяснением и закрывать глаза на то, что именно на крупнейших, наиболее сознательных и испытанных в борьбе заводах эс-эры победили социал-демократов. К счастью, однако, мы знаем уже теперь, что на деле крайняя левая буржуазной демократии побеждала вовсе не социал-демократию, а оппортунистическое опошление социал-демократии.

Революционная буржуазная демократия пасовала перед революционной социал-демократией, побеждая на деле только тех, кто плетется в хвосте неревolutionных буржуа, кто стоит за блоки с к.-д. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют и показания с.-д. работников о характере эс-эровских выступлений и данные о моменте эс-эровской «победы» над меньшевиками.

Выборы были в Петербурге 7-го и 14-го января. 7-го января как раз рабочий Петербург узнал, что 31 меньшевик откололись от с.-д. конференции для торгашества с кадетами о местечках в Думе. Всю неделю потом ликовала и шумела вся буржуазная печать С.-Петербурга, хваля меньшевиков, усаживая их рядком с кадетами, поощряя их отречение от революции и переход в «оппозиционный блок», в «умеренно-социалистические партии» и т. д. и т. д.

Разгром меньшевиков на крупных заводах есть первое предостережение, которое пролетарские массы дали шатающимся интеллигентским оппортунистам!

Меньшевики повернули к кадетам, — пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.

Эс-эры использовали момент раскола в социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойко и бесцеремонно. В предместьях они громили с.-д. за блоки с кадетами (умалчивая о большевиках и о П. К. Р. С.-Д. Р. П.), а в городе они сами торговались с кадетами. Теперь понятно, почему они так усердно скрывали и скрывают от публики и свои взгляды, и свои постановления о блоках с кадетами, и свои блоки с эн-эсами, и прочее, и прочее, и прочее *). Все грехи меньшевизма они творят тайком, а перед рабочими срывают хлопки, срывают мандаты своим разносом меньшевизма!

Организатор Семянниковского подрайонного Союза Р. С.-Д. Р. П., отчетом которого мы пользуемся ниже, пишет в своем отчете о выборах на громадном Семянниковском заводе: вопреки протестам большевиков, меньшевики выставили кандидатуру тов. Х. «На предвыборном собрании в заводе выступавший интеллигент с.-р. подвергнул беспощадной критике меньшевистские доводы товарища Х. за соглашения с кадетами, и тов. Х., как говорили рабочие, сел в лужу». Поражение меньшевиков перед массой было полное. «Когда масса узнала, — читаем в том же отчете, — что с.-д. кандидаты стоят за соглашение с кадетами, что эти кандидаты — меньшевики, то прямо говорилось здесь же (на заводе), что за меньшевиков голосовать не будут».

Вполне понятно становится отсюда, почему меньшевики при выборах на с.-д. конференцию были против голосования по платформам, т.-е. против прямого голосования самих масс по вопросу о блоках с к.-д.!

... «В фабричном подрайоне у меньшевиков, на Невском Стеариновом заводе, рабочий Н. М., которого наметили в уполномоченные, прямо заявил: «Я после того, как узнал, что с.-д. за соглашение с к.-д., перехожу к с.-р.». И перешел и был выбран в уполномоченные!!»

---

*) Они опубликовали резолюцию своего П. К. уже после выборов в рабочей курии.

Вот до какого позора довели социал-демократию эти жалкие оппортунисты, способные накануне выборов откалываться от рабочей партии ради того, чтобы торговаться о местечках с кадетами!

Для всякого социал-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один вывод: беспощадная борьба с меньшевизмом в Петербурге. Мы должны открыть глаза рабочим на людей, которые своей кадетской политикой отталкивают рабочих от социализма к революционной буржуазии.

Эс-эры отняли у меньшевиков крупнейшие заводы. Мы должны снова отнять их у эс-эров. Мы должны направить новые агитаторские силы, новую революционную с.-д. литературу именно в крупнейшие заводы, чтобы разъяснить рабочим, как они попали из рук кадетолюбивых меньшевиков в руки кадетолюбивых эс-эров!

Весь ход выборной кампании в Петербурге, все данные о бесконечных шатаниях меньшевиков, об их потугах вступить (после откола от рабочей партии) в контр-революционный кадетский блок, о том, как они вместе с с.-р. торговались из-за местечек с кадетами, — все это дает нам богатейший материал для борьбы и с меньшевиками и с эс-эрами на крупных заводах в Петербурге.

Крупные заводы должны стать и станут прочной и недостижимой ни для оппортунистов, ни для революционных мелких буржуа опорой революционной социал-демократии.

„Простые речи“ № 3.

30 января 1907 г.

Подпись: Н. Ленин.

Тезисы доклада, прочитанного Лениным на Петербургской общегородской конференции 8-го июля, по вопросу об отношении социал-демократической рабочей партии к третьей Думе.

1. Бойкот Думы, как показал опыт русской революции, является единственно правильным решением революционной с.-д-тии при таких исторических условиях, когда бойкот представляет из себя действительно активный бойкот, т.-е. выражает силу непосредственно идущего к прямому натиску на старую власть (след., к вооруженному восстанию) широкого и всеобщего революционного подъема. Бойкот выполняет великую историческую задачу, когда содержанием его является предупреждение пролетариатом всего народа против слепого мелко-буржуазного увлечения конституционными иллюзиями и первыми, даруемыми старой властью, якобы-конституционными учреждениями.

2. Рассматривать бойкот, как само по себе действующее средство вне условий широкого, всеобщего, сильного и быстрого революционного подъема и прямого всенародного натиска, направленного на свержение старой власти, — вне задачи борьбы с народным увлечением дарованной конституцией, — значит действовать под влиянием чувства, а не разума.

3. Поэтому провозглашать бойкот Думы на основании того, что благоприятный для кадетов избирательный закон заменен благоприятным для октябристов, — на основании того, что на смену второй Думе, которая по-кадетски говорила и по-октябристски действовала и в которой с.-д. не без пользы для дела революции участвовали, идет откровенно октябристская Дума, — провозглашать бойкот на этом основании значило бы не только заменять выдержанную революционную работу революционной нервозностью, но и обнаруживать господство над самими с.-д. худших иллюзий насчет кадетской Думы и кадетской конституции.

4. Центральным пунктом всей агитационной работы революционной с.-д-тии должно быть выяснение народу того, что государственный переворот 3 июня 1907 года является прямым и совершенно неизбежным результатом поражения декабрьского восстания 1905 года. Урок второго периода русской революции, 1906-го и 1907-го годов, состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию, неизбежно при господстве якобы конституционных способов борьбы, неизбежно до тех пор, пока пролетариат, окрепнув и собравшись с силами от понесенных поражений, не поднимется несравненно более широкими массами для более решительного и наступательного революционного натиска, направленного на свержение царской власти.

5. Разгорающееся в настоящее время в Московском промышленном районе и начинающее захватывать иные районы России стачечное движение следует рассматривать, как самый крупный залог возможного в близком будущем революционного подъема. Поэтому с.-д-тия должна приложить все свои силы не только для поддержки и развития экономической борьбы пролетариата, но и для превращения данного, пока еще только профессионального, движения в широкий революционный подъем и в непосредственную борьбу рабочих масс с вооруженной силой царизма. Лишь тогда, когда усилия с.-д-тии в этом направлении увенчаются успехом, лишь на почве создавшегося уже наступательного революционного движения может получить серьезное значение лозунг бойкота в неразрывной связи с прямым призывом масс к вооруженному восстанию, свержению царской власти, замены ее временным революционным правительством для созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Издано отдельным листком.

1907 г.

Международный социалистический конгресс в Штутгарте.

Недавно закончившийся конгресс в Штутгарте был двенадцатым конгрессом пролетарского Интернационала. Первые пять конгрессов относятся к эпохе первого Интернационала (1866 — 1872 годы), которым руководил Маркс, пытаясь — по удачному выражению Бебеля — сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Попытка эта не могла иметь успеха, пока не сплотились и не окрепли национальные социалистические партии, но деятельность первого Интернационала оказала великие услуги рабочему движению всех стран и оставила прочные следы.

Второй Интернационал открывается Парижским международным социалистическим съездом 1889 года. На последующих съездах в Брюсселе (1891), Цюрихе (1893), Лондоне (1896), Париже (1900) и Амстердаме (1904) этот новый Интернационал, опирающийся на крепкие национальные партии, окончательно упрочился. В Штутгарте было 884 делегата от 25 народов Европы, Азии (Япония и часть из Индии), Америки, Австралии и Африки (один делегат от Южной Африки).

Великое значение международного социалистического конгресса в Штутгарте состоит именно в том, что он ознаменовал собой окончательное упрочение второго Интернационала и превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают самое серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире. Формально решения международных съездов не обязательны для отдельных наций, но моральное значение их таково, что несоблюдение решений является на деле исключением, едва ли не более редким, чем несоблюдение отдельными партиями решений своих съездов. Амстердамский съезд добился объединения французских социалистов, и его резолюция против министерализма действительно выразила волю сознательного пролетариата всего мира, определила политику рабочих партий.

Штутгартский съезд сделал крупный шаг вперед в том же направлении, оказавшись по целому ряду важных вопросов верховным учреждением по определению политической линии социализма. Эту линию Штутгартский съезд еще более твердо, чем Амстердамский, определил в смысле революционной социал-демократии против оппортунизма. Редактируемый Кларой Цеткиной орган немецких с.-д. рабочих «Die Gleichheit» («Равенство») справедливо говорит по этому поводу: «по всем вопросам различные уклонения отдельных социалистических партий в сторону оппортунизма были исправлены в революционном смысле, благодаря сотрудничеству социалистов всех стран».

При этом замечательным и печальным явлением было то, что германская социал-демократия, до сих пор отстаивавшая всегда революционную точку зрения в марксизме, оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию. Штутгартский съезд подтвердил одно глубокое замечание Энгельса о немецком рабочем движении. Энгельс писал ветерану первого Интернационала, Зоргэ, 29 апреля 1886 года: «Это вообще хорошо, что у немцев, в особенности после того, как они послали в рейхстаг такое большое число филистеров (что было, однако, неизбежно), оспаривается роль руководителей международного социалистического движения. В спокойное время в Германии все становится филистерским; и в такие моменты абсолютно необходимо жало французской конкуренции, в которой недостатка не будет».

В жале французской конкуренции не было недостатка в Штутгарте, и жало это действительно оказалось необходимым, ибо филистерства немцы обнаружили немало. Русским социал-демократам особенно важно иметь это в виду, ибо наши либералы (да и не одни только либералы) из кожи лезут, чтобы представить образцом, достойным подражания, именно наименее блестящие стороны немецкой социал-демократии. Наиболее вдумчивые и выдающиеся вожаки мысли немецких с.-д. сами отметили это обстоятельство и, отбросив всякий ложный стыд, решительно указали на него, как на предостережение. «В Амстердаме, — пишет орган Клары Цеткиной, — революционным лейтмотивом всех дебатов в парламенте всемирного пролетариата была дрезденская резолюция⁶⁹), — в Штутгарте неприятным оппортунистическим диссонансом звучали на конгрессе речи Фольмара в комиссии о милитаризме, Пеплова в комиссии об эмиграции, Давида (а также, добавим от себя, и Бернштейна) в колониальной комиссии. В большинстве комиссий, по большинству вопросов, представители Германии были на этот раз вожаками оппортунизма». А К. Каутский

пишет, оценивая Штутгартский съезд: «та руководящая роль, которую до сих пор играла фактически германская социал-демократия во втором Интернационале, на этот раз ни в чем не проявила себя».

Перейдем к рассмотрению отдельных вопросов, обсуждавшихся на конгрессе. В колониальном вопросе разногласий не удалось устранить в комиссии. Спор между оппортунистами и революционерами решил сам съезд и решил его большинством 127 голосов против 108, при 10 воздержавшихся, в пользу революционеров. Отметим кстати здесь то отрадное явление, что социалисты России все голосовали единодушно по всем вопросам в революционном духе. (Россия имеет 20 голосов, из которых 10 было дано Р. С.-Д. Р. П., кроме поляков, 7 — эс-эрам и 3 представителям профессиональных союзов. Затем Польша имеет 10 голосов: 4 п. с.-д. и 6 п. п. с. и нерусские части Польши. Наконец, двое представителей Финляндии имели 8 голосов.)

По колониальному вопросу в комиссии составилось оппортунистическое большинство, и в проекте резолюции появилась чудовищная фраза: «конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие». На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного мирозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверства. Это — отступление в сторону Рузвельта, сказал один американский делегат. Попытки оправдать это отступление задачами «социалистической колониальной политики» и позитивной реформаторской работы в колониях были до-нельзя неудачны. Никогда не отказывался и не отказывается социализм от защиты реформ и в колониях, но это не имеет и не должно иметь ничего общего с ослаблением нашей принципиальной позиции против завоеваний, подчинения чужих народов, насилия и грабежа, составляющих «колониальную политику». Программа-минимум всех социалистических партий относится и к метрополиям и к колониям. Самое понятие «социалистической колониальной политики» есть бесконечная путаница. Съезд поступил вполне правильно, выбросив из резолюции приведенные выше слова и заменив их еще более резким, чем в прежних резолюциях, осуждением колониальной политики.

Резолюция по вопросу об отношении социалистических партий к профессиональным союзам имеет особенно большое значение для нас, русских. У нас этот вопрос стоит на очереди дня. Стокгольмский съезд решил его в пользу беспартийных профессиональных

союзов, т.-е. подтвердил позицию наших сторонников нейтральности с Плехановым во главе их. Лондонский съезд сделал шаг в сторону партийных профессиональных союзов против нейтральности. Лондонская резолюция вызвала, как известно, большие споры и недовольство в части профессиональных союзов, особенно же в буржуазно-демократической печати.

В Штутгарте вопрос, по существу дела, встал именно так: нейтральность союзов или все более тесное сближение их с партией? И международный социалистический съезд, как читатель может убедиться из его резолюции, высказался за более тесное сближение союзов с партией. Ни о нейтральности, ни о беспартийности профессиональных союзов нет и речи в резолюции. Каутский, который в германской социал-демократии отстаивал сближение союзов с партией, против нейтралитета Бебеля, имел поэтому полное право провозгласить в своем отчете о Штутгартском съезде перед лейпцигскими рабочими («Vorwärts», 1907, № 209, Beilage):

«Резолюция Штутгартского съезда говорит все, что нам нужно. Она кладет конец навсегда нейтральности». Клара Цеткин пишет: «В принципе никто уже не возражал (в Штутгарте) против основной исторической тенденции пролетарской классовой борьбы — связать политическую и экономическую борьбу, связать те и другие организации возможно теснее в одну единую силу социалистического рабочего класса. Только представитель русских с.-д., тов. Плеханов» (надо было сказать: представитель меньшевиков, пославших Плеханова в комиссию, как защитника «нейтральности») «и большинство французской делегации пытались довольно неудачными доводами оправдать некоторое ограничение этого принципа ссылкой на особенности их стран. Подавляющее большинство конгресса встало на сторону решительной политики единения социал-демократии с профессиональными союзами»...

Надо заметить, что неудачный, по справедливому мнению Цеткиной, аргумент Плеханова обошел русские легальные газеты в таком виде. Плеханов сослался в комиссии Штутгартского конгресса на то, что «в России 11 партий революционных»; «с которой же из них должны вступить в единение профессиональные союзы?» (цитируем по «Vorwärts», № 196, I. Beilage). Эта ссылка Плеханова не верна ни фактически, ни принципиально. Фактически в каждой национальности России не более двух партий борются за влияние на социалистический пролетариат: с.-д. и с.-р., польские с.-д. и п. п. с., латышские с.-д. и латышские эс-эры (т. наз. «латышский с.-д. союз»),

армянские с.-д. и дашнакцутюны и т. п. На два отдела поделилась сразу и российская делегация в Штутгарте. Число 11 совершенно произвольно и вводит рабочих в заблуждение. Принципиально же Плеханов неправ потому, что борьба между пролетарским и мелкобуржуазным социализмом в России неизбежна везде и повсюду, в том числе и в профессиональных союзах. Англичане, напр., не думали восставать против резолюций, хотя у них тоже две борющиеся социалистические партии: с.-д. (S.-D. F.) и «независимые» (I. L. P.).

Что отвергнутая в Штутгарте идея нейтральности успела уже принести немало вреда рабочему движению, это особенно ясно видно на примере Германии. Здесь нейтральность всего шире проповедывалась и всего больше применялась. Результатом оказалось настолько явное уклонение профессиональных союзов в Германии в сторону оппортунизма, что это уклонение открыто признал даже такой осторожный в этом вопросе человек, как Каутский. В своем отчете перед лейпцигскими рабочими он прямо говорит, что «консервативность», обнаруженная немецкой делегацией в Штутгарте, «становится понятной, если посмотреть на состав этой делегации. Половина ее состояла из представителей профессиональных союзов, и таким образом «правое крыло» нашей партии оказалось имеющим больше силы, чем у него есть действительно в партии».

Резолюция Штутгартского съезда, несомненно, должна ускорить решительный разрыв русской социал-демократии с идеей нейтральности, столь излюбленной нашими либералами. Соблюдая необходимую осторожность и постепенность, не делая никаких порывистых и нетактичных шагов, мы должны неуклонно работать в проф. союзах в духе все более тесного сближения их с с.-д. партией.

Далее, в вопросе об эмиграции и иммиграции в комиссии Штутгартского конгресса вполне определенно всплыло разногласие между оппортунистами и революционерами. Первые носились с мыслью ограничить право переселения отсталых, неразвитых рабочих — особенно японцев и китайцев. Дух узкой, цеховой замкнутости, трэд-юнионистской исключительности перевешивал у таких людей сознание социалистических задач: работы над просвещением и организацией невовлеченных еще в рабочее движение слоев пролетариата. Конгресс отклонил все поползновения в этом духе. Даже в комиссии голоса в пользу ограничения свободы переселения остались совсем одиноки, и резолюция международного съезда проникнута признанием солидарной классовой борьбы рабочих всех стран.

По вопросу об избирательном праве женщин резолюция принята была также единогласно. Только одна англичанка из полубуржуазного «Фабрианского общества» защищала допустимость борьбы не за полное, а за урезанное в пользу имущих избирательное право женщин. Конгресс отверг это безусловно и высказался за то, чтобы работницы вели борьбу за избирательные права не вместе с буржуазными сторонницами женского равноправия, а вместе с классовыми партиями пролетариата. Конгресс признал, что в кампании за женское избирательное право необходимо полностью отстаивать принципы социализма и равноправие мужчин и женщин, не искажая этих принципов никакими соображениями удобства.

В комиссии возникло интересное разногласие по этому поводу. Австрийцы (Виктор Адлер, Адельгейд Попп) оправдывали свою тактику в борьбе за всеобщее избирательное право мужчин: ради завоевания этого права они сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин. Немецкие с.-д., особенно Цеткина, протестовали против этого еще тогда, когда австрийцы вели свою кампанию за всеобщее избирательное право. Цеткина заявляла в печати, что оставлять в тени требования избирательных прав для женщин ни в каком случае не следовало, что австрийцы оппортунистически жертвовали принципом ради соображений удобства, что они не ослабили, а усилили бы размах агитации и силу народного движения, если бы так же энергично отстаивали и избирательное право женщин. В комиссии к Цеткиной вполне присоединилась другая выдающаяся немецкая социал-демократка, Циц. Поправка Адлера, которая косвенно оправдывала австрийскую тактику (в этой поправке говорится только о том, чтобы не было перерыва в борьбе за избирательное право действительно для всех граждан, а не о том, чтобы борьба за избирательное право велась всегда с требованием равенства прав мужчин и женщин), — была отклонена 12 голосами против 9. Точка зрения комиссии и конгресса всего точнее может быть выражена следующими словами вышеупомянутой Циц из ее речи на международной конференции социалисток (эта конференция состоялась в Штутгарте одновременно с конгрессом): «Мы должны принципиально требовать всего, что мы считаем правильным, — говорила Циц, — и лишь в том случае, когда недостает силы для борьбы, мы принимаем то, чего можем добиться. Такова всегда была тактика социал-демократии. Чем скромнее будут наши требования, тем скромнее будут и уступки правительства»... Из этого спора австрийских и германских социал-

демократок читатель может видеть, как строго относятся лучшие марксисты к малейшим отступлениям от выдержанной, принципиальной революционной тактики.

Последний день съезда был посвящен наиболее интересовавшему всех вопросу о милитаризме. Пресловутый Эрвэ защищал весьма несостоятельную позицию, не умея связать войны с капиталистическим режимом вообще и антимилитаристской агитации со всей работой социализма. Проект Эрвэ — «ответить» на какую бы то ни было войну стачкой и восстанием — обнаружил полное непонимание того, что применение того или иного средства борьбы зависит не от предварительного решения революционеров, а от объективных условий того кризиса, и экономического и политического, который война вызовет.

Но если Эрвэ, несомненно, проявил легкомыслие, поверхностность и увлечение эффектной фразой, то было бы величайшей близорукостью противопоставлять ему одно только догматическое изложение общих истин социализма. В эту ошибку (от которой не совсем свободны были Бебель и Гэд) впал особенно Фольмар. С необычайным самодовольством человека, влюбленного в шаблонный парламентаризм, разносил он Эрвэ, не замечая того, что его собственная узость и черствость оппортунизма заставляют признать живую струйку в эрвэизме, несмотря на теоретическую нелепость и вздорность постановки вопроса самим Эрвэ. Бывает ведь так, что теоретические нелепости прикрывают некоторую практическую истину в новом повороте движения. И эту сторону вопроса, призыв ценить не одни только парламентские способы борьбы, призыв к действию сообразно новым условиям будущей войны и будущих кризисов, подчеркнули революционные с.-д., особенно Роза Люксембург, в своей речи. Вместе с русскими делегатами с.-д. (Ленин и Мартов, — оба выступали здесь солидарно), Роза Люксембург предложила поправки к резолюции Бебеля, и в этих поправках была подчеркнута необходимость агитации среди молодежи, необходимость использования порожденного войной кризиса в целях ускорения падения буржуазии, необходимость иметь в виду неизбежное изменение приемов и средств борьбы по мере обострения классовой борьбы и изменения политической ситуации. Из догматически-односторонней, мертвой, допускавшей Фольмаровское истолкование, резолюции Бебеля получилась таким образом в конце концов совсем иная резолюция. Все теоретические истины были повторены в ней в поучение эрвэистам, способным забывать о социализме ради антимилита-

ризма. Но эти истины служат введением не к оправданию парламентского кретинизма, не к освящению одних только мирных средств, не к преклонению перед данной, сравнительно мирной и спокойной, ситуацией, — а к признанию всех средств борьбы, к учету опыта революции в России, к развитию действенной, творческой стороны движения.

В органе Цеткиной, на который мы уже не раз указывали, замечательно верно схвачена именно эта, самая выдающаяся и самая важная, черта резолюции конгресса об антимилитаризме. «И здесь, — говорит Цеткина об антимилитаристской резолюции, — победила в конце концов революционная энергия (Tatkraft) и мужественная вера рабочего класса в его способность к борьбе, — победила, с одной стороны, пессимистическое евангелие бессилия и застывшее стремление ограничиться старыми, исключительно парламентскими способами борьбы, а с другой стороны победила и простоватый антимилитаристский спорт французских полуанархистов вроде Эрвэ. Резолюция, принятая в конце концов единогласно и комиссией и почти 900 делегатами всех стран, выражает в энергичных словах гигантский подъем революционного рабочего движения со времени последнего международного съезда; резолюция выдвигает, как принцип пролетарской тактики, ее гибкость, ее способность к развитию, ее обострение (Zuspitzung) по мере назревания условий для этого».

Эрвэизм отвергнут, но он отвергнут не в пользу оппортунизма, не с точки зрения догматизма и пассивности. Живое стремление к все более решительным и новым приемам борьбы всецело признано международным пролетариатом и поставлено в связь со всем обострением экономических противоречий, со всеми условиями кризисов, порождаемых капитализмом.

Не пустая эрвэистская угроза, а ясное сознание неизбежности социальной революции, твердая решимость борьбы до конца, готовность к самым революционным средствам борьбы, — вот каково значение резолюции международного социалистического конгресса в Штутгарте по вопросу о милитаризме.

Армия пролетариата крепнет во всех странах. Ее сознательность, сплоченность и решимость растут не по дням, а по часам. И капитализм успешно заботится об учащении кризисов, которыми воспользуется эта армия для разрушения капитализма.

„Календарь для всех“ на 1908 год.

Подпись: Н. Л—в.

1908 ГОД

Аграрная программа социал-демократии в русской революции ⁷⁰⁾.

(Автореферат.)

Исполняя просьбу польских товарищей, я попытаюсь изложить здесь вкратце содержание моей книги, носящей вышеприведенное название, которая была написана в ноябре 1907 г. и не вышла до сих пор по независящим от меня обстоятельствам ⁷¹⁾.

В первой главе этой книги я рассматриваю «экономические основы и сущность аграрного переворота в России». Сопоставляя новейшие (относящиеся к 1905 г.) данные о землевладении в России и допуская для округления, что количество всего, пригодного для земледелия, количества земли во всех 50 губерниях Европейской России равно 280 милл. десятин, я получаю в результате нижеследующее распределение всей земельной собственности:

	Число владений	Число деся- тин земли	Средн. на 1 влад. дес.
	(в миллионах).		
а) разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) крестьянская буржуазия и капиталистич. землевладение	1,5	70,0	46,7
г) крепостнические латифундии	0,03	70,0	2.333,0
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям	—	50,0	—
Итого	13,03	280,0	21,4

Конечно, всякий, сколько-нибудь знакомый с социальной статистикой, поймет, что эта картина может быть лишь приблизительно

верной. Однако для нас важны не те подробности, в которых обыкновенно утопают и потопляют сущность дела экономисты либерально-народнического направления, а классовое содержание процесса. Моя картина живо представляет, выясняет, из-за чего происходит борьба в русской революции. 30.000 владельцев латифундий — главным образом, дворянство и удельное ведомство владеют 70 милл. десятин земли. Этот основной факт следует сопоставить с другим фактом: во владении $10\frac{1}{2}$ милл. крестьянских дворов и наиболее мелких собственников оказывается 75 милл. десятин земли.

Объективно неизбежная тенденция борьбы, независимо от различных взглядов на нее разных классов, заключается в том, чтобы мелкие крестьяне могли вдвое увеличить размеры своего землевладения на счет владельцев латифундий.

Экономическая сущность аграрного кризиса с полной очевидностью выясняется из вышеприведенной картины. Миллионы мелких, разоренных, обедневших крестьян, угнетаемых нуждою, невежеством и остатками крепостничества, не могут жить иначе, как в полукрепостной зависимости от владельца латифундий, обрабатывая его землю своим сельско-хозяйственным инвентарем за выпасы, выгоны, вообще за «землю», за зимние ссуды и т. д., и т. д. С другой стороны, владельцы колоссальных латифундий не могут при таких условиях хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого рода хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли. В конце концов получается то, что множество раз описывалось в русской экономической литературе, как система отработков. Это есть не что иное, как дальнейшее развитие крепостничества. Основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долголетняя рутина, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству.

Результаты вышеуказанного положения дел в сфере земледельческой культуры можно выразить следующими цифрами: урожай на надельной земле дает 54 пуда с десятины, на помещичьей земле при хуторском посеве и при обработке на счет помещика с помещичьим инвентарем и при пользовании наемным трудом — 66 пудов, на той же помещичьей земле при т.-н. «испольной» обработке — 50 пудов и, наконец, на земле помещичьей, арендованной крестьянами, — 45 пудов.

Помещичьи земли при крепостнически-ростовщической обработке (вышеупомянутая «аренда из-полу» и крестьянская аренда) дают худший урожай, чем самые плохие, истощенные в отношении качества земли, наделные земли. Вышеупомянутое закабаление, упрочиваемое крепостническими латифундиями, становится главным препятствием для развития производительных сил России.

Однако из вышеприведенной картины выясняется еще и нечто иное. А именно: это развитие в капиталистической стране может происходить двояким образом. Или латифундии сохраняются и постепенно становятся основой капиталистического хозяйства на земле, — это прусский тип аграрного капитализма; господином положения является юнкер. На протяжении целых десятилетий удерживаются его политическое преобладание и забитость, унижение, нищета и невежество крестьянина. Развитие производительных сил подвигается вперед очень медленно — подобно тому, как в русском земледелии от 1861 до 1905 г.

Или же революция разбивает помещичьи владения. Основой капиталистического земледельческого хозяйства становится свободный фермер на свободной, т.-е. освобожденной от всей средневековой ветоши, земли. Это американский тип аграрного капитализма, наиболее быстрое развитие производительных сил при наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме условиях.

В действительности в русской революции борьба идет не из-за «социализации» и иных глупостей народников — это не что иное, как мещанская идеология, мелко-буржуазные фразы, — а о том, какими путями пойдет капиталистическое развитие России: «прусскими» или «американскими». Не выяснив этой экономической основы революции, нельзя решительно ничего понять в вопросе об аграрной программе (как не понял Маслов, рассматривающий абстрактные положения, а не выясняющий экономически неизбежное).

Недостаток места не позволяет мне изложить остальное содержание первой главы: резюмирую его только в двух словах: все кадеты изо всех сил стараются затушевать сущность аграрного переворота, а г.г. Прокоповичи помогают им в этом. Кадеты стараются примирить («согласовать») две основные линии аграрных программ в революции: крупнопомещичью и крестьянскую. Затем, также в двух словах: в России в 1889—1905 г.г. уже обнаружилось оба типа капиталистической аграрной эволюции — и прусский (постепенное развитие помещичьего хозяйства при капиталистических условиях)

и американский (расслоение крестьянства и быстрота развития производительных сил на наиболее свободном и богатом землею юге). Наконец, и вопрос о колонизации, рассмотренный мною в этой главе, не может быть здесь изложен. Упомяну только, что главным препятствием для использования в России сотен миллионов десятин является крепостническое хозяйничанье владельцев латифундий в центре. Победа над этими владельцами латифундий окажется таким могучим импульсом, который вызовет такое развитие техники и культуры, что поверхность земель, пригодных для обработки, будет возрастать в десять раз быстрее, чем она возрастала после 1861 г. Вот несколько цифр: из всего количества десятин во всем русском государстве — 1.965 миллионов десятин — о 819 милл. десятин не имеется ни как и х данных. Итак, для рассмотрения остается только 1.146 миллионов десятин, из которых используются 469 миллионов десятин, в том числе 300 милл. десятин леса. Огромное количество теперь ни к чему не пригодных земель станет пригодным в ближайшем будущем, если Россия избавится от помещичьих латифундий *).

Вторая глава моей книги посвящена проверке аграрных программ Р. С.-Д. Р. П. революцией. Основной ошибкой всех прежних программ оказывается недостаточно конкретное представление о том, каков может быть тип капиталистической аграрной эволюции в России. И эту ошибку повторили меньшевики, которые победили на съезде в Стокгольме и дали партии программу муниципализации. Именно экономическая сторона вопроса, т.-е. самая важная сторона, совершенно не рассматривалась в Стокгольме, преобладали «политические» соображения, политиканство, а не марксистский анализ. Только отчасти объяснением может быть момент съезда в Стокгольме, когда все соображения непременно сводились к оценке декабря 1905 года и первой Думы. Поэтому-то и Плеханов, который в Стокгольме поддерживал муниципализацию, предложенную Масловым, совершенно не выяснил себе экономического содержания «крестьянской аграрной революции» (протоколы Стокгольм-

---

*) Либерально-народнические экономисты рассуждают так: в виду недостатка земли в центре, в виду непригодности Сибири, Средней Азии и т. д. для колонизации нужно дополнительное наделение землей. Это означает, что можно было бы повременить с помещичьими латифундиями, если бы не недостаток земли. Марксисты должны рассуждать совершенно иначе: до тех пор, пока не будет положен конец концентрированию помещичьих латифундий, ни в центре, ни в колониях (на окраинах России) невозможно быстрое развитие производительных сил.

ского съезда, стр. 42, слова Плеханова) в капиталистической стране. Или это фраза и недостойное марксиста старание привлечь на свою сторону крестьян при помощи демагогии и обмана («Bauernfang»), или же существует экономическая возможность наиболее быстрого развития капитализма благодаря победе крестьянства, а в таком случае непременно нужно ясно представлять себе такую победу, такой путь аграрного капитализма, такую систему отношений в землевладении, которые соответствуют этой победе «крестьянской аграрной революции».

Главный довод наиболее влиятельных «муниципализаторов» в Стокгольме основывался на том, что крестьяне враждебно относятся к национализации земель, предназначенных для наделения. Джон ⁷²⁾, докладчик сторонников муниципализации, воскликнул: «Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства» (что за ужасы!) «против попытки вмешательства государства в распоряжение собственными крестьянскими надельными землями, против попытки их «национализировать» (стр. 40 Протоколов Стокгольмского съезда). Костров ⁷³⁾ воскликнул: «Итти к крестьянам с нею (национализацией), значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрывает ее от крестьянства и обессиливает, таким образом, и революцию» (стр. 88).

Кажется, что это ясно. Крестьяне относятся враждебно к национализации, — вот главный аргумент меньшевиков. И если это правда, то разве не очевидно, что смешно совершать... «крестьянскую аграрную революцию» вопреки крестьянам?

Но правда ли это? В 1905 году П. Маслов писал: «Национализацию земли, как средство для решения аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего (заметьте это «прежде всего») потому, что она безнадежно утопична»... «Но разве крестьяне согласятся?» (П. Маслов, Критика аграрных программ, Москва 1905 г., стр. 20).

А в 1907 г., в марте: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты и социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» (журнал «Образование», 1907 г., № 3, стр. 160). И кто же писал это? Тот же самый П. Маслов.

Вот вам и новая Вандея. Вот вам и восстание крестьян против национализации. И вместо того, чтобы прямо признать свою ошибку,

вместо того, чтобы экономически исследовать, почему крестьяне должны были высказаться за национализацию, Маслов поступил как Иван Непомнящий. Он предпочел забыть свои собственные слова и все речи на Стокгольмском съезде.

Мало того. Чтобы замести следы «неприятного случая», Маслов придумал сплетню о трудовиках, будто бы они высказались за национализацию в силу мещанских соображений, «благодаря надежде на центральную власть» (*ibid.*). Достаточно некоторых сопоставлений, чтобы убедиться в том, что это сплетня. В земельном проекте трудовиков, внесенном и в первую и во вторую Думу, говорится в § 16-м: «Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Аграрная программа Р. С.-Д. Р. П., проведенная меньшевиками, гласит: Р. С.-Д. Р. П. требует:... 4) конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления (объединяющих — пункт 3 — городские и сельские округа).

Существенное различие между этими программами вытекает не из различия слов «заведывание» и «распоряжение» *), но относится к вопросу о выкупе (который на Стокгольмском съезде был отклонен голосами большевиков против Дана и К^о и который меньшевики снова старались провести после съезда) и к вопросу о крестьянских землях. Меньшевики выделяют их, трудовики не выделяют. Тр у д о в и к и доказали муниципалистам, что я был прав.

Не может подлежать сомнению, что программа трудовиков, внесенная во 2-ю Думу, есть программа крестьянских масс. Как литература крестьянских депутатов, так и подписи их под проектом и распределение их по губерниям — все доказывает это совершенно убедительным образом. В 1905 г. Маслов писал, что «вообще» (стр. 20 цитированной брошюры) крестьяне подворники не могут согласиться на национализацию. Оказалось, что это «вообще» вздор. Так, напр., в Подольской губ. крестьяне земледельцы-подворники, а под земельным проектом «104-х» (проект трудовиков, цитированный выше) подписалось 13 подолян в первой Думе и 10 во второй.

---

*) Поправка, предлагавшая заменить слова «в распоряжение» словами «в собственность», была отклонена в Стокгольме меньшевиками (см. стр. 152 Протоколов).

Почему же крестьяне высказались за национализацию? Потому, что они инстинктивно поняли необходимость уничтожения всей средневековой поземельной собственности гораздо лучше, чем недавно-видные будто-бы-марксисты. Средневековая поземельная собственность должна быть уничтожена для того, чтобы очистить дорогу для капитализма в земледелии, и в разных странах и в различной степени капитал уничтожил старое средневековое землевладение, подчинив его требованиям рынка и преобразовав соответственно условиям коммерческого земледелия. Еще в третьем томе «Капитала» Маркс указывал, что капиталистический способ производства застаёт поземельную собственность в исторических формах, несоответствующих капитализму (клановая поземельная собственность, родовая, общинная, феодальная, патриархальная и т. п.) и пересоздает соответственно новым экономическим требованиям.

В «Теориях прибавочной стоимости» *) в параграфе «Исторические условия теории ренты Рикардо» Маркс гениально ясно развил эту мысль. Там он говорит: «Нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных (адекватных — идеально соответствующих) условий до такой степени. Англия в этом отношении самая революционная страна в мире». «Что означает *clearing of estates* (буквально — чистка поместий или чистка земель)? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли, ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота, — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически создавали эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно не существует собственности на землю, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода» (стр. 6 — 7).

Таковы условия наиболее быстрого уничтожения средневековых форм и наиболее свободного развития капитализма — уничто-

---

*) Theorien über den Mehrwert II. Band, 2. Teil, Stuttgart 1905.

жение всего старинного землевладения, уничтожение частной собственности на землю, как препятствия для капитала. И в России неизбежно такое революционное уничтожение средневекового землевладения и никакие силы на свете не могут задержать этого. Вопрос заключается только в том, борьба идет единственно из-за того, будет ли это уничтожение помещичьим или крестьянским, уничтожение средневекового землевладения помещиками — это ограбление крестьян в 1861 году, это Столыпинская реформа в 1906 году (законодательство по 87 статье). Крестьянская «чистка земель» для капитализма, это — национализация земли.

Этой именно экономической сущности национализации в буржуазной революции, совершаемой рабочими и крестьянами, совершенно не поняли Маслов, Плеханов и К^о. Они составляли аграрную программу не для борьбы со средневековым землевладением, как с одним из важнейших остатков крепостнических отношений, не для полного очищения пути для капитализма, а для тщетной мещанской попытки «гармоничного» соглашения старого с новым, собственности на землю, возникшей благодаря наделению, и конфискованных революцией крепостнических латифундий.

Чтобы, наконец, обнаружить всю мещанскую реакционность идеи муниципализации, привожу данные относительно аренды (на значение вопроса об аренде, вопреки Маслову, я указывал уже в 1905 г. в своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии») в Камышинском уезде Саратовской губернии *):

Экономич. группы владений.	На одно владение, возникшее при наделении, десятин земли			
	Пахотн. наделн.	Арендуем.	Земли, отдаваем. в аренду.	Итого земель засеян.
Без рабоч. инвентаря	5,4	0,3	3,0	1,1
С 1 головой »	6,5	1,6	1,3	5,0
» 2 » »	8,5	3,5	0,9	8,8
» 3 » »	10,1	5,6	0,8	12,1
» 4 » »	12,5	7,4	0,7	15,8
» 5 » »	12,1	16,6	0,9	
В среднем	9,3	5,4	1,5	10,8

Взгляните на действительное экономическое соотношение между землей, получающейся благодаря наделению, ко-

*) Развитие капитализма в России, изд. 2, стр. 51, 54 и 94.

торую премудрые Маслов и Плеханов предоставляют в собственность крестьянам, и землей ненадельной (арендной), которую «муниципализуют». Безлошадные крестьяне, а таких хозяйств в России в 1896—1900 г.г. было всего $3\frac{1}{4}$ милл. из 11,1 милл.,—сдают в аренду в десять раз больше земли, чем сами арендуют. Их засеянная земля в пять раз меньше их «наделов». У крестьян с одной лошадейю ($3\frac{1}{2}$ милл. хозяйств во всей России) количество арендуемой земли едва превышает количество земли, сдаваемой в аренду, а площадь засеянной земли оказывается меньше «надела». Во всех высших группах, или у меньшинства крестьян, арендуемая ими земля в несколько раз превышает количество земли, сдаваемой в аренду, и площадь засеянной земли тем более превышает количество земли, сдаваемой в аренду, и площадь засеянной земли тем более превышает размеры «надела», чем зажиточнее крестьянин.

Подобные отношения господствуют во всей России. Капитализм разрушает земледельческую общину, освобождает крестьян от власти «надела», уменьшает роль наделных земель на обоих полюсах деревни, а глубокие мыслители меньшевики восклицают: «крестьяне восстанут против национализации наделных земель».

Средневековой в России оказывается не только помещичья, но и крестьянская надельная собственность, это упустили из виду меньшевики. Укрепление надельной собственности, совершенно не соответствующей новым, капиталистическим отношениям, есть реакционная мера, а муниципализация укрепляет надельную собственность в отличие от ненадельной, «подлежащей муниципализации». Владение надельной землею разделяет крестьян тысячью средневековых перегородок и средневековой фискальной «общиною», задерживает развитие производительных сил. «Община» и это владение наделами неизбежно будут уничтожены капитализмом. Столыпин чувствует это и разрушает по-черносотенному. Крестьяне чувствуют это и хотят разрушить по-крестьянски, или революционно-демократически. А меньшевики восклицают: «Нельзя трогать земельных участков».

Национализация уничтожает пережившую себя общину и средневековую надельную собственность так, как только вообще можно мысленно представить себе уничтожение этих учреждений в капиталистическом обществе при наилучшем отношении к интересам крестьян. «Пресловутый вопрос об общине,— читаем мы в брошюре «Материалы к крестьянскому вопросу (Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза 6—10 ноября 1905 г., Петер-

бург 1905 г.)», — совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц, товариществ — гласят резолюции и первого и второго съезда (стр. 12). На вопрос, не пострадают ли от национализации наделных земель сами крестьяне, делегаты отвечали: «Все равно получают при разверстке» (стр. 20). Крестьянин-собственник (и его идеолог, г. Пешехонов) великолепно понимают, что «все равно получают землю при разверстке», что скоро будут уничтожены крепостнические латифундии. А «разверстка» в широких размерах, означающая национализацию всех земель, нужна ему для того, чтобы освободиться от оков средневековья, чтобы «очистить» земли, чтобы привести пользование ими в соответствие с новыми экономическими условиями. Это отлично выразил во второй Думе г. Мушенко, говоривший от имени социалистов-революционеров, когда он, со свойственной ему наивностью, сказал: «Правильное расселение (земледельцев) возможно будет лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (Протоколы 2-й Думы, стр. 1172). Сопоставьте это заявление с вышеприведенными словами Маркса, и вы поймете, что под мещанской фразеологией о «социализации» и уравнивании скрывается весьма реальное содержание: буржуазно-революционное уничтожение старинной средневековой поземельной собственности.

Муниципализация земель является в буржуазной революции реакционной мерой, так как эта мера препятствует экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения средневековой поземельной собственности, процессу установления одного образа экономических условий на земле для всех хозяев, каковы бы ни были их положения, прошлое, надел 1861 г. и т. д. Раздел земель в собственность теперь был бы реакционным, так как он сохранил бы нынешнюю, устаревшую и пережившую себя собственность на наделную землю; но впоследствии, после полной чистки земли путем национализации, раздел был бы возможен, как лозунг нового, свободного фермерства *). Дело марксистов помогать радикальной буржуазии (т.-е. крестьянству) произвести как можно более полное устранение ветоши и обеспечить быстрое развитие, а вовсе не помо-

---

*) М. Шанин в своей брошюре «Муниципализация или раздел в собственность», Вильно 1907, подчеркнул ту сторону вопроса, которая относится к агрикультуре, но не понял двух путей развития и значения уничтожения нынешнего землевладения.

гать помещикам в их стремлении спокойно расположиться, приспособиться к прошлому.

Третья глава посвящена теоретическим основам национализации и муниципализации.

Понятно, я не стану повторять польским товарищам вещей, общеизвестных каждому марксисту, что национализация земель в капиталистическом обществе означает уничтожение абсолютной, а не дифференциальной ренты и т. д. Имея в виду русских читателей, я должен был подробно говорить об этом, так как Петр Маслов утверждал, что теория Карла Маркса об абсолютной ренте есть «противоречие», которое можно объяснить лишь (1) тем, что третий том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» (Аграрный вопрос *).

Эта претензия Петра Маслова, желающего исправлять черновые наброски Карла Маркса, не представляет собой для меня ничего нового. Уже в журнале «Заря» в 1901 г. я указал на неправильное понимание Масловым теории ренты Маркса в журнале «Жизнь». Однако вскоре после этого Петр Маслов повторил этот развязный и несомненный вздор в 1906 году (предисловие к 3-ему изданию датировано 26 апреля 1906 г.) после выхода «Теорий прибавочной стоимости», где Маркс с полной очевидностью выяснил теорию абсолютной ренты. Это уже бесподобно. Не имея здесь возможности повторить данный в моей книге подробный разбор «исправлений Маркса» Петром Масловым, ограничусь только указанием, что эти поправки оказываются избитыми аргументами буржуазной политической экономии. Петр Маслов доходит до того, что противопоставляет теории абсолютной ренты Маркса «производство кирпичей» (стр. 111), подогревает «закон убывающего плодородия почвы», утверждает, что «без этого закона нельзя объяснить «заокеанскую конкуренцию» (стр. 107) и, наконец, договаривается до того, что «без опровержения Маркса нельзя опровергнуть точку зрения народников». «Если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться идиллия... народников» (Маслов в журнале «Образование», № 2, стр. 123). Одним словом, в экономической теории Петра Маслова в вопросе об абсолютной ренте, о «факте» убывающего плодородия почвы, об основных ошибках «народничества», о различиях между улучшением

*) «Аграрный вопрос», 3-е издание, стр. 108, примечание.

культуры и улучшением техники, нет ни одного живого слова. Опровергая теорию ренты чисто-буржуазными аргументами, до-нельзя опошленными официальными защитниками капитала, Маслов неизбежно должен был присоединиться к ряду искажителей марксизма. Но, исказив марксизм, Петр Маслов оказался при этом настолько смысленным, что в немецком переводе его книги об «Аграрном вопросе» все его поправки к черновым наброскам Маркса оказались выпущенными. Перед европейцами Маслов спрятал свои теории в карман. Мне невольно вспомнился по этому поводу — писал я в III главе — рассказ об одном незнакомце, который впервые присутствовал на собеседовании античных философов и все время молчал при этом. Если ты умен, сказал этому незнакомцу один из философов, — то ты поступаешь глупо. Если ты глуп, — то поступаешь умно.

Само собою разумеется, что тот, кто отвергает теорию абсолютной ренты, сам лишает себя всякой возможности понять значение национализации земли в капиталистическом обществе, так как национализация может вызвать уничтожение лишь абсолютной, а не дифференциальной ренты. Тот, кто отвергает абсолютную ренту, отвергает всякое экономическое значение частного землевладения, как препятствия для развития капитализма. Благодаря этому Маслов и К^о неизбежно сводят вопрос: национализация или муниципализация к политическим вопросам («кому отдать землю») и игнорируют экономическую сущность вопроса. Сочетание частной собственности на наделные земли (т.-е. качественно худшие и находящиеся в руках худших хозяев) с общественной собственностью на остальную (лучшую) половину земель становится нелепым в сколько-нибудь развитом и свободном капиталистическом государстве. Это не более и не менее как аграрный биметаллизм.

В результате этой ошибки меньшевиков оказалось, что социал-демократы отдали критику частной собственности на землю в руки социалистов-революционеров. Маркс дал в «Капитале» замечательный образец этой критики *). У нас же оказалось, что социал-демократы вовсе не занимаются этой критикой с точки зрения развития капитализма, а до масс доходит только критика народников, т.-е. мещански-искаженная критика частной собственности на землю.

Упомяну, как деталь, что в русской литературе был выдвинут и такой аргумент против национализации: она означала бы «денеж-

---

*) См., напр., Das Kapital, III, 2. Т., S. 346 — 347 о цене земли, как препятствии для развития капитализма. Там же, 344 — 345, 341 и 342.

ную ренту» при мелкой крестьянской собственности. Это неправильно. «Денежная рента» (см. «Капитал», III) является для помещика процентом, которому придана современная форма. При современной крестьянской аренде плата за землю, несомненно, является до некоторой степени денежной рентой. Уничтожение крепостнических латифундий ускорит расслоение крестьянства, усилит крестьянскую буржуазию, которая уже теперь хозяйничает капиталистически на арендуемых ею землях: вспомните приведенные выше данные об аренде земли в высших группах крестьянства.

Наконец, следует обратить внимание на то обстоятельство, что среди марксистов довольно распространен тот взгляд, что национализация осуществима лишь на очень высокой ступени развития капитализма. Это неправильно. Тогда будет поставлен на очередь вопрос уже не буржуазной, а социалистической революции. Национализация земли является наиболее последовательной буржуазной мерой. Маркс неоднократно утверждал это, начиная с «Нищеты философии». В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит (II Band, I Teil, S. 208): «Радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности, на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализовал». В России буржуазная революция находится именно в таких условиях, при которых существует радикальный буржуа (крестьянин), который «имеет мужество» выставить программу национализации во имя многомиллионных масс, и который еще не «территориализовал себя», т.-е. получает больше вреда от (средневековой) собственности на землю, чем выгоды и «прибыли» от (буржуазной) собственности на нее. Русская революция не может победить иначе, как в том случае, если этот «радикальный буржуа», колеблющийся между кадетом и рабочим, поддержит массовым выступлением пролетариат в его революционной борьбе. Русская революция не может победить иначе, как в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В четвертой главе книги речь идет о «политических и тактических» соображениях в вопросах аграрной программы. На первом месте здесь стоит «знаменитый» аргумент Плеханова: «ключ моей позиции, — воскликнул он в Стокгольме, — заключается в указании на возможность реставрации» (Протоколы, стр. 13). Но это совершенно ржавый ключ, кадетский ключ сделки с реакцией под видом «га-

рантии от реставрации». Аргумент Плеханова — самый тщетный софизм, так как сам он утверждает, что гарантии от реставрации нет, и однако он придумывает такую гарантию. «Не отдает она (муниципализация) земли в руки политических представителей старого порядка» (стр. 45, речь Плеханова). Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки политических представителей такой реставрации. Нет, «ее нет и быть не может» (Протоколы, стр. 44, речь Плеханова). Поэтому... придумал гарантию — «муниципализация не отдает земли».

При муниципализации останется различие между надельными и помещичьими землями в экономическом отношении, т.-е. она облегчит реставрацию или восстановление этого различия *de jure*. В политическом отношении муниципализация есть закон о перемене владения в отношении помещичьих земель. Что есть закон? Выражение воли господствующих классов. При реставрации те же самые классы снова станут господствующими. Разве их свяжет закон, товарищ Плеханов? Если бы вы подумали об этом, то вы поняли бы, что никакой закон не может связать выражения воли господствующих классов. Национализация же затрудняет реставрацию в экономическом отношении, так как она уничтожает всякие перегородки, всю средневековую собственность на землю и приспособляет ее к новым капиталистическим условиям производства.

Софистика Плеханова есть защита кадетской тактики: она ведет пролетариат не к полной победе, а к сделке со старой властью. В действительности единственной абсолютной «гарантией от реставрации» является социалистический переворот на Западе, относительной же гарантией является проведение революции до конца, наиболее радикальное уничтожение старого, наибольшая степень демократии (республика) в политике и расчистка пути для капитализма в экономике.

Другой аргумент Плеханова гласит: «В органах общественного самоуправления, владеющих землею, муниципализация создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот» (Протоколы, стр. 45). Неправда. Никогда и нигде местное самоуправление не было и не может быть оплотом против реакции в эпоху капитализма. Капитализм неизбежно ведет к централизации государственной власти, и всякое местное самоуправление безусловно будет уничтожено при реакционной государственной власти. Плеханов проповедует оппортунизм, обращая внимание не на «центральную демократию» или

республику, — единственный оплот против реакции, мыслимый в капиталистическом обществе, а на местное самоуправление, всегда бессильное по отношению ко всяким историческим задачам, мелкое, мелочное, несамостоятельное и рассеянное. «Крестьянская аграрная революция» не может победить в России, не победив центральной власти, а Плеханов внушает меньшевикам взгляды, высказанные в Стокгольме меньшевиком Новоседским: «При истинных демократических местных самоуправлениях принятая теперь программа может быть проводима в жизнь (слушайте!) и при той степени демократизации центрального правительства, которая не может быть названа высшею степенью его демократизации. Даже при демократизации, так сказать, сравнительной степени, муниципализация будет не вредна, а полезна» (Протоколы, стр. 138).

Это яснее ясного. Мы учим народ приспособляться к монархии, не «обратят ли они внимания» на нашу крестьянскую деятельность и не «даруют ли нам жизнь», как щедринскому пискарю. Третья Дума является хорошей иллюстрацией возможности муниципализации и местного демократизма при «относительном» меньшевистском демократизме в центре.

Затем муниципализация укрепляет федерализм и партикуляризм. Недаром во 2-й Думе правый казак Караулов не хуже Плеханова разносил национализацию (Протоколы, стр. 1766) и высказывался за муниципализацию по областям. Казачьи земли в России уже представляют из себя муниципализацию. И именно это раздробление на отдельные области государства было одною из причин поражения революции в первой трехлетней кампании.

Национализация, — гласит следующий аргумент, — усиливает центральную власть буржуазного государства. Этот аргумент сперва был выдвигаем с целью возбуждения недоверчивости в социал-демократических партиях отдельных национальностей. «Может быть, — писал П. Маслов в «Образовании» 1907, № 3, с. 104, — в некоторых местах крестьяне согласились бы поделиться своими землями, но достаточно отказа крестьян одного большого района (напр., Польши) делиться своими землями, чтобы проект национализации всех земель оказался нелепостью». Нечего сказать, хороший аргумент. Не должны ли мы отказаться от республики, так как «достаточно отказа крестьян одного большого района» и т. д. Это не аргумент, а демагогия. Наша политическая программа исключает всякое насилие и несправедливость, требуя широкой автономии для отдельных провинций (см. пункт 3-й программы партии). Это

означает, что дело не в том, чтобы вновь придумывать недостижимые в буржуазном обществе новые «гарантии», а в том, чтобы партия пролетариата своею пропагандистскою и агитационною деятельностью призывала к соединению, а не к раздроблению, к разрешению возвышенных задач централизованных государств, а не к захолустному одичанию и националистической ограниченности. Аграрный вопрос разрешает центр России, на окраинах нельзя действовать иначе, как примером *). Это очевидно даже для каждого демократа, не говоря уже о социал-демократе. И вопрос заключается только в том, должен ли пролетариат возвышать крестьянство до высших целей, или же опуститься до мещанского уровня крестьянства.

Затем, утверждают, что национализация усилит возможность произвола центра, бюрократии и т. д. Что касается бюрократии, следует заметить, что заведывание землями и при национализации остается в руках местного самоуправления. Это означает, что вышеприведенный аргумент ложен. Центральная власть устанавливает общие условия, т.-е., напр., воспрещает всякую отдачу земель и т. д. И разве наша нынешняя, т.-е. меньшевистская, программа не отдает в «распоряжение демократического государства» не только «переселенческого фонда», но также и лесов и вод, имеющих общегосударственное значение? Но прятать голову под крыло — неблагоприятно, и здесь возможен безграничный произвол, так как сама центральная государственная власть будет определять, какие воды и леса имеют общегосударственное значение. Большевики ищут гарантий не там, где следует: только полный демократизм центра, только республика может обеспечить по крайней мере вероятность устранения конфликтов между центром и областями.

«Усилится буржуазное государство», — восклицают меньшевики, тайком поддерживающие буржуазных монархистов (кадетов) и публично бьющие себя в грудь при мысли о поддержке и буржуазных республиканцев. Подлинный исторический вопрос, поставленный перед нами объективным историческим, общественным развитием, гласит: прусский или американский тип аграрной революции? помещичья монархия с фиговым листом псевдо-конституционализма или крестьянская (фермерская) республика? Закрывать глаза на такую объективную постановку вопроса историей, — значит обманывать себя и других, ста-

---

*) В капиталистическом государстве частная собственность на землю и национализация не могут существовать параллельно. Одна из них должна будет взять верх. Дело рабочей партии отстаивать более высокую систему.

раясь по-мещански избежать острой классовой борьбы, острой, простой и решительной постановки вопроса о демократической революции».

От «буржуазного государства» мы не можем избавиться. Мечтать об этом могут только мещане. Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия. В нашей революции мы не можем сделать ни одного шага — и мы не сделали ни одного шага — не поддерживая тем или иным способом тех или иных слоев буржуазии против старого порядка.

Если нам говорят, что национализация означает употребление денег на войско, а муниципализация на медицину и народное просвещение, то это достойная филистера софистика. Так, дословно так рассуждает Маслов: «...Национализация, т.-е. затрата земельной ренты на армию и флот; муниципализация земель, т.-е. затрата ренты на потребности населения» («Образование», 1907, № 3, стр. 103). Это мещанский социализм, или уничтожение мух при помощи порошка, который следует насыпать пойманным мухам на хвост. Добрый Маслов не сообразил, что если земства в России и муниципалитеты на Западе тратят по сравнению с государством больше на медицину и т. д., то только потому, что буржуазное государство уже произвело свои важнейшие расходы (на обеспечение господства буржуазии, как класса, из источников, приносящих наибольший доход, и оставило местным учреждениям на т. н. «потребности населения» второстепенные источники). Сотни тысяч — на войско, гроши — на нужды пролетариата, — вот истинное соотношение расходов буржуазного государства. И надо быть Масловым, чтобы подумать, что достаточно передать ренту «в распоряжение» муниципалитетов, и буржуазное государство будет обмануто утонченными «политиками» меньшевиками. Благодаря этой «утонченной политике» буржуазное государство начнет давать сотни тысяч пролетариям, а гроши на армию и флот?

В действительности меньшевики проводят мещанскую политику: уклониться в провинциальной глуши местного самоуправления от разрешения поставленного историей жгучего вопроса, должна ли у нас

существовать централизованная буржуазная республика фермеров, или же централизованная буржуазная монархия юнкеров. Не уклоняйтесь, господа. Никакой провинциализм, никакие заигрывания с муниципальным социализмом не избавят вас от неизбежного участия в разрешении этого жгучего вопроса. Ваши извороты в действительности означают только одно: тайную поддержку кадетской тенденции при непонимании значения республиканской тенденции.

О том, что меньшевики, отстаивая муниципализацию, кокетничают с фабианским коммунальным социализмом в Европе, ясно свидетельствуют протоколы Стокгольмского съезда. «Некоторые товарищи, — говорит там Костров, — как будто в первый раз слышат о муниципальной собственности. Напомню им, что в Западной Европе есть целое направление (именно, Костров, не желая, сказал правду), муниципальный социализм (Англия)» (Протоколы, стр. 88). О том, что это направление есть направление крайнего оппортунизма, ни Костров, ни Ларин *) не подумали. Буржуазная интеллигенция на Западе (фабианцы в Англии, бернштейнианцы в Германии, бруссисты²⁴⁾ во Франции) понятно переносит центр тяжести с вопросов государственного устройства на вопросы местного самоуправления. Перед нами стоит именно вопрос о государственном устройстве, его аграрной основе, и отстаивать здесь «муниципальный социализм» значит играть в аграрный социализм. Пусть мещане спешат «вить гнездышко» в спокойных муниципалитетах будущей демократической России. Задачей пролетариата является организация масс не для этой цели, а для революционной борьбы за полную демократизацию сегодня, за социалистический переворот завтра.

Нас, большевиков, часто упрекают в утопизме, фантастичности наших революционных взглядов. И особенно часто приходится слышать эти упреки именно по поводу национализации. Но именно здесь они всего менее обоснованы. Тот, кто считает национализацию утопией, не размышляет о необходимом соответствии между размахом политических и аграрных перемен. Национализация не менее утопична с точки зрения заурядного мещанина, чем республика. И та и другая не менее утопичны, чем «крестьянская аграрная революция», т.-е.

---

*) «Крестьянский вопрос в социал-демократии». Особенно туманный комментарий к меньшевистской программе. См. стр. 66. Этот несчастный защитник муниципализации указывает, как наилучший исход, национализацию.

победа крестьянского восстания в капиталистической стране. Все эти перемены одинаково «трудны» в смысле банального спокойного развития. И крик об утопичности особенно именно национализации свидетельствует прежде всего о непонимании и необходимой и неразрывной связи между экономическим и политическим переворотом. Нельзя конфисковать помещичьи земли (программное требование, признаваемое как большевиками, так и меньшевиками), не уничтожив помещичьего (а вместе с тем и октябристского, не чисто помещичьего) самодержавия. И нельзя уничтожить самодержавия без революционной деятельности сознательных миллионных масс, без великого прилива массового героизма, готовности и умения с их стороны «штурмовать небо», как выразился К. Маркс о парижских рабочих в период Коммуны. В свою очередь, этот революционный прилив немислим без радикального уничтожения всех остатков крепостничества, которые в течение веков притесняли крестьян, в том числе всей средневековой собственности на землю, всех оков фискальной «общины», проклятой памяти правительственного «пожалования» крох и т. д. и т. д.

По недостатку места (ведь я и так уже превысил размеры статьи, указанные мне редакцией «Пшеглонда») я опускаю содержание пятой главы моей книги («Классы и партии по прениям во II Думе об аграрном вопросе»).

Речи крестьян в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средневековью, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность простых крестьян, которые лучше, чем длинные рассуждения, доказывают, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в сельских массах против дворянства, помещиков и Романовых. Задачей сознательного пролетариата является беспощадное выяснение, разоблачение и устранение всех столь многочисленных мещанских обманов, будто бы социалистических фраз, детски-наивных ожиданий, которые крестьяне соединяют с аграрным переворотом, но устранение их не для того, чтобы успокоить и усмирить крестьянина (как делали в обеих Думах изменники народной свободе, господа кадеты), а чтобы пробудить среди масс стальную, непоколебимую и решительную революционность. Без этой революционности, без упорной и беспощадной борьбы крестьянских масс безнадежно «утопичны» и конфискация, и республика, и всеобщее, прямое, равное

и тайное избирательное право. Поэтому марксисты должны поставить вопрос ясно и точно: два направления экономического развития России, два пути капитализма обрисовались с полной отчетливостью. В продолжение первой революционной кампании, в течение трех лет 1905 — 1907 оба эти направления выяснились нам не как теоретические обобщения, не как выводы из таких-то и таких-то черт эволюции, наблюдавшейся с 1861 г. Нет, эти направления выяснились нам теперь именно как направления, намеченные враждебными классами. Помещики и капиталисты (октябристы) вполне выяснили себе, что нет иного направления, кроме капиталистического, и что для них невозможно пойти этим путем без принудительного, ускоренного разрушения «общины», и притом именно такого разрушения, смысл которого тождественен с открытым ростовщическим разбоем, с разграблением со стороны полиции или «карательными драконадами». Это такая «операция», на которой чрезвычайно легко сломать себе шею. Ведь массы крестьянства в продолжение этих самых трех лет не менее отчетливо выяснили себе безнадежность всяких упований на «царя-батюшку», всяких расчетов на мирный путь и необходимость революционной борьбы для уничтожения всего средневековья вообще и всей средневековой собственности на землю в частности.

Вся пропаганда и агитация социал-демократии должна основываться на выяснении этих результатов массам, на подготовке масс к тому, чтобы они воспользовались этим опытом для как можно лучше организованного, решительного и непоколебимого нападения во второй кампании.

Поэтому-то глубоко реакционны речи Плеханова в Стокгольме на тему о том, что захват власти пролетариатом и крестьянством означает возрождение «народовольчества». Сам Плеханов довел себя до абсурда: у него получается «крестьянская аграрная революция» без захвата власти пролетариатом, без захвата власти крестьянством. Напротив, Каутский, в начале разрыва между большевиками и меньшевиками, явно склонявшийся на сторону последних, идейно перешел на сторону первых, признав, что лишь при союзе пролетариата и крестьянства возможна победа революции.

Без полного уничтожения всей средневековой собственности на землю, т.-е. без национализации, такая революция немыслима. Дело партии пролетариата распространить этот лозунг последовательнейшего и радикальнейшего буржуазного аграрного переворота. А когда мы выполним это, мы посмотрим, каковы будут дальнейшие перспек-

тивы, мы посмотрим, окажется ли такой переворот лишь основой для по-американски быстрого развития производительных сил при капитализме, или же он станет прологом ее социалистической революции на Западе.

18 июня 1908 года.

Р. С. Здесь я не повторяю моего проекта аграрной программы, который был предложен Стокгольмскому съезду Р. С.-Д. Р. П. и несколько раз печатался в социал-демократической литературе. Ограничусь лишь несколькими соображениями. При наличии двух направлений капиталистической аграрной эволюции, в программе непременно должно содержаться «если» (техническое выражение на Стокгольмском съезде), т.-е. программа должна принимать в расчет обе возможности. Но в то же время мы боремся с современным направлением, поддерживаем революционное требование крестьян в интересах быстроты развития производительных сил, широкого размаха и свободы классовой борьбы. Поддерживая революционную борьбу крестьян против средневековья, социал-демократическая рабочая партия утверждает, что наилучшей формой аграрных отношений в капиталистическом обществе (и вместе с тем наилучшей формой ликвидации крепостничества) является национализация земель, что только в связи с радикальным политическим переворотом, с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики возможен радикальный аграрный переворот, конфискация земельной собственности помещиков и национализация земель.

Таково содержание моего проекта аграрной программы. Та часть его, которая посвящена характеристике буржуазных черт всего нынешнего аграрного преобразования и выяснению чисто пролетарской точки зрения социал-демократии, была принята в Стокгольме и вошла в теперешнюю программу.

Журнал польской с.-д-тии
„Przeгляд social-demokratyczny“ № 6, 1908 г.

Подпись: Н. Ленин.

Несколько соображений по поводу „Ответа“ П. Маслова ⁷⁵).

Мой противник упрекает меня за пользование полемическими приемами, искажающими сущность спора. Чтобы выяснить, правда ли это, я рассмотрю шаг за шагом «Ответ» П. Маслова.

Первый пример Маслова. Ленин говорит, что революционный прилив немыслим без радикального уничтожения всех остатков крепостничества, «как будто социал-демократия, приняв программу муниципализации земли, намеревается сохранить остатки крепостничества, оставить земли в руках помещиков».

Каждый читатель заметит, что Маслов обходит сущность вопроса, так как я все время указывал на то, что остатком крепостничества является не только помещичья собственность, но и нынешняя наделная собственность. Спор шел именно об этом. Обойдя этот вопрос во всем своем ответе, не сказав ни слова о том, есть ли в наделной собственности на землю нечто средневековое, выгодно ли для капитализма ее уничтожение или нет, Маслов отвлекает внимание читателя в другую сторону. Не отвечать на принципиальный аргумент противника и приписывать ему только «пафос» значит не спорить, а браниться. Мое указание на неразрывность связи между аграрным и политическим переворотом Маслов называет недостатком уважения к читателю. Муниципализация также не разрывает этой связи. Что же, разве это ответ? Разве Маслов не умалчивает здесь 1) о моей точной ссылке на меньшевика Новоседского, который определенно поставил муниципализацию в связь с неполным политическим переворотом, 2) моего аргумента, что муниципализация не касается ни средневековой общины, ни средневековой собственности на землю, т.-е. решительно и безусловно осуждает на неполноту именно аграрный переворот, и только аграрный.

Третий аргумент Маслова: «ненависть крестьян к помещикам и чиновникам Ленин обращает в аргумент в пользу своей программы

и против принятой программы». Неправда. Каждый читатель заметит, что Маслов подsunул вместо «ненависти к средневековью» (сам Маслов признает несколькими строками выше, что я говорил о ней) ненависть «к помещикам». Этот подмен нужен ему для того, чтобы обойти молчанием мой аргумент о средневековом характере наделной собственности.

Неправда, что я называл свою программу большевистской. Неправда и то, что будто бы вопрос о национализации голосовался в Стокгольме. Не следует извращать факты, тов. Маслов.

«Никакая теория ренты не дает ни малейшего основания для предпочтения программы национализации или муниципализации, так как, как бы то ни было, доход с конфискованных земель получает государство или самоуправление».

Здесь мы имеем уже аргумент по существу дела. И прекрасный аргумент, так как он лучше всего показывает, как уродливо Маслов искажает марксизм. Только отрицая марксову абсолютную ренту, можно свести вопрос исключительно к «доходу», забывая о понижении цены хлебов и обеспечении капиталу доступа к земледелию. Маслов подтвердил своим аргументом, что ему чужда и непонятна экономическая сущность вопроса. Не о доходе идет дело, многоуважаемый господин, а об отношениях продукции в земледелии, которые изменяются в смысле повышения при уничтожении абсолютной ренты. Отрицая абсолютную ренту в теории Маркса, Маслов лишил себя всякой возможности понять экономическое значение национализации. Почему могли и должны были требовать ее миллионы мелких собственников в русской буржуазной революции, — эта экономическая проблема не существует для Маслова. В этом и заключается его несчастье.

Что мои статьи 1905 — 1908 годов направлены против программы отрезков, это верно. Но «скакать и радоваться» по этому поводу, как делает Маслов, значит пускать пыль в глаза читателю, а не выяснять спорный вопрос. Ведь, и Маслов не сохранил всей своей программы 1903 года! Зачем же он скрывает это от читателей и выдвигает только одну сторону прошлого? Зачем цитирует слова, которых я и теперь не оспариваю, что национализация земли вредна «в полицейском государстве»? Спор это или брань?

Для польских читателей, не знающих подробностей дискуссии об аграрном вопросе среди русских социал-демократов, выясняю, что в 1903 году, перед 2-м съездом Р. С.-Д. Р. П., Маслов предлагал в печати не ту программу, которую он рекомендовал в 1906 г. Откапывание

прежних споров я считал бы недопустимым, я и в своей предыдущей статье не касался их. Но теперь сам Маслов поднял старый спор. Пришло ему в голову, чтобы блеснуть остроумием, опровергать программу 1903 г., от которой я отказался, — а, может быть, он руководился и мыслью о том, чтобы, начав спорить о старом, отвлечь внимание от слабых пунктов своей новой точки зрения? Факт остается фактом: затрагивая прежние споры, Маслов умолчал перед польскими социал-демократами о том, что сам он изменил свою программу 1903 г. Упрекая противника в открытом и давно уже законченном изменении прежней программы, он скрывает, что сам он изменил свою программу. Он скрывает и то, что в 1903 г. Петр Маслов не только не отстаивал оставления наделных земель, во что бы то ни стало, в руках их собственников, но, наоборот, — просто включал в свою программу и обобществление, в случае возможности, наделных земель.

Не правда ли, прекрасно? Кому не приятны воспоминания о старом? Тому, кто открыто признал источник ошибок прежнего взгляда, или тому, кто скрывает изменение своих воззрений? Почему в 1903 г. П. Маслов считал возможным обобществление и наделных земель, а в 1906—1908 г.г. мечет громы и молнии против допустимости таких взглядов?

Пусть сам читатель судит о подобных «полемических приемах» или, лучше сказать, о подобном заметании следов. Маслов усвоил себе рецепт старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках. Другие изменили взгляды и сами указали на это. Кричите громче против этого изменения, чтобы скрыть собственное изменение воззрений. Если у тебя нет аргументов, непременно нужно прибегать к шулерству.

Моя таблица распределения земельной собственности в Европейской России не нравится Маслову. Маслов негодует по поводу того, что я сопоставляю «калмыцкую» собственность с «интенсивным хозяйством» юго-западной России. Читатель, знакомый с литературой по аграрному вопросу, конечно, знает, что и сам Маслов, и другие авторы сопоставляют — хотя бы в отдельных районах — разоренного безлошадного крестьянина с 4 дес. земли где-нибудь в глухом захолустьи и богатого фермера, ведущего интенсивное огородное хозяйство на таком же количестве земли возле большого города. Не на месте, совсем не на месте хочет тов. Маслов хвастаться «детальным анализом». Это именно хвастовство, а не научный довод, так как невозможно выяснить результаты борьбы иным

образом, чем это делаю я, и сам Маслов понимает невозможность «детальных анализов» в «Пшеглонде».

Мой аргумент, что группа трудовиков, высказавшись за национализацию, доказала меньшевикам, что я прав, Маслов не просто разбирает, а старается косвенно ослабить его тем, что 1) национализация была «урезана», и 2) тем, что к автономистам в 1-й Думе многие присоединились «именно потому, что их избиратели не хотели национализации земли».

Разве это не уклонение от вопроса? Что общего имеет урезание и национализация? и что общего имеют националисты с тем, что Маслов в 1905 г., а все меньшевики в Стокгольме категорически говорили о русских крестьянах, что они вообще не согласятся на национализацию, ответят на нее Вандеей? Маслов обходит молчанием неприятный для него факт, что принятие группой трудовиков программы национализации после Стокгольмского съезда опровергло аргументы меньшевиков. Не труден, но не имеет большой ценности такой «ответ», в котором систематически не затрагивается сущность дела. Факт, что и 1-я и 2-я Думы часто ставили рабочих депутатов в глупое положение, так как социал-демократы более «урезывали» национализацию, чем ее урезывали сами крестьяне. Социал-демократы очутились в положении филистерски-боязливых интеллигентов, советующих крестьянину, чтобы он осторожнее относился к старинной, средневековой, наделной собственности, сильнее ее упрочивал, медленнее приспособлял новую, свободную собственность на землю к капитализму. Не в том дело, товарищ Маслов, что трудовики урезали национализацию, а в том, что социал-демократы, марксисты еще более урезывали ее. Не беда, что автономисты иногда отвергали *) национализацию; беда, что русские социал-демократы не сумели понять характер борьбы русских крестьян. Демагогия Маслова основана не на том, что он утверждает факт несогласия, а на том, что он умалчивает о несогласии многих автономистов на муниципализацию и подстрекает их против национализации мещански-сепаратистскими аргументами.

Автономисты против национализации. Пусть читатель подумает, к кому относится такой аргумент. Я же, с своей стороны, припоминаю, что еще в 1903 г., возражая на тогдашнюю программу Маслова,

---

*) Вовсе нет, вовсе нет, не все. Маслов должен был бы обратить внимание на такой факт, как защита национализации автономистом украинцем Чижевским.

я называл муниципализацию урезанной национализацией. Припоминаю, что в 1905 г., споря с Масловым перед Стокгольмским съездом, я указывал на неуместность смешения вопроса о национальной автономии с вопросом о национализации земель. Автономию обеспечивают самые основы нашей программы. Итак, они же обеспечивают и автономное распоряжение национализированными землями. Этой азбуки не может понять Маслов. Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, передачу собственности на землю государству, воспрещение всякой переуступки земли, т.-е. устранение всех и всяких посредников между хозяйничающим на земле и собственником земли — государством. В пределах этого воспрещения автономия стран и народов по отношению к распоряжению землей, установлению условий расселения, правил разверстки и т. д. и т. д. вполне допустима, ни в каком отношении не противоречит национализации и принадлежит к числу требований нашей политической программы. Из этого вытекает, что только мелкие мещане, какими являлись все «автономисты», могли прикрывать свою трусость, свое нежелание активной борьбы до конца за единую, централизованную аграрную революцию ссылкой на опасение лишиться автономии. Для социал-демократии вопрос ставится как раз наоборот: для пролетариата дело идет о доведении революции до конца как в политической, так и в аграрной области. Для этого доведения революции до конца необходима национализация земель, которой требуют трудовики, т.-е. политически-сознательные русские крестьяне. Экономический критерий такого шага выдвигается на первый план для марксиста; этот экономический критерий гласит, что, согласно с учением Маркса, максимум развития производительных сил в земледелии обеспечивает буржуазная национализация земли. Таким образом решительный буржуазно-революционный шаг в аграрной области неразрывно связан с решительным буржуазно-демократическим переворотом в политической области, т.-е. установлением республики, которая одна только обеспечивает истинную автономию.

Таково действительное соотношение между автономией и аграрным переворотом, которого совершенно не понял Маслов.

Мою ссылку на «Теории прибавочной стоимости» Маркса Маслов называет «уверткой», так как Маркс не говорит, «что крестьяне сами хотят экспроприировать себя». Помилуйте, товарищ Маслов. Неужели вы в самом деле не поняли ясных слов Маркса? Говорит ли Маркс, что для капитализма выгодно полное уничтожение средневековой собственности на землю, да или нет? Является ли отстаи-

ваемая трудовиками национализация земель, которой требовали в 1905—1907 г.г. русские крестьяне, уничтожением средневековой собственности, да или нет? Ведь, именно об этом шла речь, мой любезный оппонент, а смешное переименовывание буржуазно-крестьянской национализации земли в «экспроприацию» крестьян вовсе не опровергает правильности моей постановки вопроса.

«Так же и в промышленности, — продолжает Маслов, — капитализм разоряет мелкую собственность, но разве из этого вытекает, что социал-демократы должны взять на себя задачу экспроприации кустарей?..»

Но это просто перлы! Борьбу крестьян со средневековыми перегородками в собственности на землю, борьбу за национализацию земли, которая, как доказал Маркс, наиболее благоприятствует развитию капитализма, назвать «экспроприацией крестьян», приравнять к экспроприации кустаря капиталом. Бойтесь бога, товарищ Маслов! Подумайте же, во имя всего святого, почему мы поддерживаем крестьянина против помещика, а поддержку кустарей против фабрики считаем делом антисемитов.

Маслов не понимает того, что поддержка кустаря, т.-е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная. А поддержка мелкой собственности в земледелии может быть обязанностью марксистов и всегда должна быть их обязанностью, когда мелкое буржуазное хозяйство оказывается экономически прогрессивным по сравнению с крупным феодальным хозяйством. Маркс никогда не поддерживал мелкой промышленности против крупной, но Маркс поддерживал в 40-х годах по отношению к Америке, в 48-м году по отношению к Германии мелкое сельское хозяйство, крестьян против феодальных латифундий. В 47 году Маркс предлагал раздробление немецких феодальных имений на мелкие участки. Маркс поддерживал против американских крупных рабовладельческих имений движение мелких хозяев, стремившихся к свободе земли, к уничтожению частной собственности на землю в Америке.

Правильно ли было указанное направление аграрной политики Маркса? Правильно, уважаемый товарищ Маслов, который «пересмотрел» теорию абсолютной ренты в духе буржуазной экономики, но не успел «пересмотреть» остальное у Маркса. Буржуазная революция в аграрной области лишь тогда может быть последовательной и в самом деле победить, когда она насильственно и радикально уничто-

жает всю феодальную собственность, когда она сметает всю прежнюю собственность на землю, а вместо нее создает почву для новой свободной буржуазной собственности на землю, приспособленной к капиталу, а не к помещику. Национализация земли оказывается вполне соответствующей направлению такого переворота. Мало того, национализация земли есть единственная мера, благодаря которой этот переворот совершается с наибольшей последовательностью, которая вообще мыслима в капиталистическом обществе. Нет иного способа, который так же решительно и наиболее безболезненно для крестьян избавил бы их от «гетто»⁷⁶⁾ наделной собственности. Нет иного способа, который не полицейским, не бюрократическим и не ростовщическим путем уничтожил бы старинную, прогнившую общину.

Смотря на дело объективно, в русской буржуазной революции вопрос поставлен таким и только таким образом: Столыпин ли (т.-е. помещик и самодержавие) будут приспособлять старинную собственность на землю к капитализму, или же это будут делать сами крестьяне, свергнув власть помещиков и царя. В первом случае возможно только приспособление путем реформ, т.-е. половинчатое, бесконечно долгое, влекущее за собой наибольшие затруднения для развертывания производительных сил, наименьший прогресс демократизма, обрекающий Россию на долгое господство в ней юнкера. Во втором случае возможно только приспособление революционное, т.-е. насильственно сметающее помещичьи имения и обеспечивающее наиболее быстрое развитие производительных сил. Мыслимо ли это революционное уничтожение помещичьей собственности при сохранении старинной наделной собственности крестьян? Нет, это немыслимо, и крестьянские депутаты в обеих Думах выяснили, что это невозможно. Они выяснили это тем, что создали политический тип крестьянства целой России во время буржуазной революции: тип трудовика, требующего национализации земель.

Крича об эс-эровском характере национализации, Маслов повторяет старые приемы меньшевиков: примыкая к кадетам, обвинять революционных социал-демократов в сближении с эс-эрами. Люди стараются понравиться либерально-монархическим землевладельцам и купцам, а возмущаются тем, что революционные социал-демократы в буржуазной революции хотят идти вместе с революционными буржуа-крестьянами. Но мало того. Гремя против эс-эровского характера национализации, Маслов обнаруживает полное непонимание марксистского анализа народнических взглядов и фантазий русского крестьянства. Маслов не понимает, что социал-демократы в России давно уже

указывали на реакционность социалистических, или скорее quasi-социалистических теоретических мечтаний о новом разделе земель (черный передел) и т. п. и на буржуазную прогрессивность этого идеала в современной полупомещичьей России. За мещанской фразой эс-эров Маслов не умеет обнаружить буржуазной действительности, а именно: революционной борьбы со всем старинным средневековым мусором. Когда с.-р. говорит о равномерности в пользовании земли, о социализации земель, с.-р. обнаруживает безграмотность в области экономической науки и теории развития капитализма. Но за этими фразами, за этими фантазиями скрывается в высшей степени живое, реальное содержание, — только вовсе не социалистическое, а чисто буржуазное, а именно: расчистка почвы для капитализма, уничтожение всяких средневековых и сословных перегородок на земле, создание свободной арены для капитализма. Вот чего совсем не может понять наш бедный Маслов — и это находится в непосредственной связи с фактом, что Маслов не может понять учения Маркса об абсолютной ренте, которая в противоположность дифференциальной может быть уничтожена в капиталистическом обществе и уничтожение которой ускоряет его развитие.

Не умея бороться с эс-эрами, Маслов вульгаризирует марксизм, осуждая себя только на созерцание «задней стороны» крестьянина, прикованного к своему участку, и совершенно не умеет понять демократизма и революционной буржуазности крестьянина, желающего смести и помещика и надельную собственность на землю; не умея бороться с эс-эрами, Маслов отдает в их руки, в руки мещанских социалистов, критику частной собственности на землю. С точки зрения развития капитализма ее дал Маркс и должны давать марксисты. Отрезав себе этот путь отрицанием абсолютной ренты, Маслов капитулирует перед эс-эрами, признавая в теории, что они правы, тогда как прав Маркс. Капитулирует перед эс-эрами, которые критикуют частное землевладение по-мещански, не с точки зрения развития капитализма, а только с точки зрения задерживания его развития. Маслов не понял, что ошибка эс-эров в аграрной программе начинается после национализации, т.-е. тогда, когда они переходят к «социализации» и «равномерности», и доходят до отрицания классовой борьбы среди мелкого крестьянства. Эс-эры не понимают буржуазного характера национализации — вот в чем заключается их главный грех. И пусть скажет мне каждый марксист, который изучал «Капитал», можно ли понять буржуазность национализации, отрицая абсолютную ренту?

Далее Маслов говорит, что я превращаю в средневековую всю мелкую крестьянскую собственность в целой Европе. В Европе нет «надельной» собственности на землю и сословных перегородок, а существует уже свободная, капиталистическая, а не феодальная собственность на землю. В Европе не существует крестьянского движения против помещика, поддерживаемого социал-демократами. Об этом забыл П. Маслов.

Перейдем к политическим аргументам. Мой аргумент, что муниципализация у меньшевиков связана с идеей компромисса с монархией, Маслов называет «инсинуацией» и «сознательной ложью», — но что же гласит моя дословная цитата из речи меньшевика Новоседского, — товарища Маслова? С чьей стороны здесь ложь? Не в том ли дело, что вы хотите страшными словами изгладить неприятное для вас признание Новоседского?

Отдача земли муниципалитетам усиливает их шансы в борьбе с реставрацией, твердит Маслов. А я позволю себе думать, что только усиление центральной республиканской власти может серьезно затруднить дело реакции, между тем как раздробление сил и средств между отдельными областями облегчает реакцию. Мы должны стараться соединить революционные классы и прежде всего пролетариат разных частей государства в одну армию, а не думать о безнадежной, экономически невозможной и федералистически бессмысленной попытке присвоения доходов с конфискованных земель в пользу отдельных областей. «Выбирайте, товарищи поляки, — говорит Маслов: — должен ли польский сейм получать доходы с конфискованных земель, или же отдавать эти доходы москалям в Питер?»

Великолепный аргумент! И в нем вовсе нет демагогии! И нет смешения аграрного вопроса с вопросом об автономии Польши!

А я скажу: свобода Польши невозможна без свободы России. А этой свободы не будет, если польские и русские рабочие не поддержат русских крестьян в их борьбе за полную победу как в области политических, так и в области аграрных отношений. Оценивать муниципализацию и национализацию следует с точки зрения экономического развития центра России и политических судеб всего государства, а не с точки зрения отдельных особенностей той или иной автономной национальной территории. Без победы пролетариата и революционного крестьянства в России смешно говорить о подлинной автономии Польши, о правах муниципалитетов и т. п. Это пустые фразы. А крестьянство в России именно постольку, поскольку оно революционно, поскольку оно не допускает компромиссов с бур-

жуазией и октябристами, а борется вместе с рабочими и демократией, уже неопровержимо обнаружило свою симпатию к национализации земель. Если крестьянство перестанет быть революционным, т.-е. отречется от этой симпатии, отвернется от буржуазно-демократической революции, — тогда крестьянам понравится забота Маслова о сохранении старинной собственности на землю, — но тогда муниципализация Маслова уже будет совершенно смешна. А пока идет революционно-демократическая борьба крестьянства, пока имеет смысл «аграрная программа» марксистов в буржуазной революции, до тех пор наша обязанность поддерживать революционные требования крестьянства, в том числе и национализацию земель. Маслов не вычеркнет этого требования русских крестьян из истории русской революции — и можно ручаться, что, когда снова наступит прилив общественного движения, прилив борьбы крестьян за землю, ясно обнаружится вся реакционность «муниципализации».

Журнал польской с.-д-тии
„Przegląd social-demokratyczny“ № 8 — 9, 1908 г.
Подпись: Н. Ленин.

Объяснительная записка к проекту главных оснований закона о 8-часовом рабочем дне *)⁷⁷).

В настоящей, второй части объяснительной записки мы намерены остановиться на вопросе о типе с.-д. законопроекта о 8-часовом рабочем дне для III Думы и о мотивах, объясняющих основные черты данного законопроекта.

Первоначальный проект, имевшийся в думской с.-д. фракции и доставленный в нашу подкомиссию, мог быть взят за основу, но требовал ряда переделок.

Основная цель законопроектов, вносимых социал-демократами в III Думу, должна состоять в пропаганде и агитации социал-демократической программы и тактики. Всякие надежды на «реформаторство» III Думы были бы не только смешны, но и грозили бы полным извращением характера социал-демократической революционной тактики, превращением ее в тактику оппортунистического, либерального социал-реформаторства. Нечего и говорить, что подобное извращение социал-демократической думской тактики прямо и решительно противоречило бы общеобязательным решениям нашей партии, именно: резолюциям Лондонского съезда Р.С.-Д.Р.П. и утвержденным Центральным Комитетом резолюциям всероссийских партийных конференций ноября 1907 г. и декабря 1908 года.

Для того, чтобы законопроекты, вносимые социал-демократической думской фракцией, удовлетворяли своей задаче, необходимы следующие условия:

---

*) Первая часть или первая глава объяснительной записки должна включать в себе популярное и наиболее агитационно по возможности написанное развитие соображений в пользу 8-часов. раб. дня вообще, с точки зрения производительности труда, санитарных, культурных интересов пролетариата, вообще интересов его освободительной борьбы.

1) законопроекты должны в наиболее ясной и отчетливой форме излагать отдельные требования социал-демократии, вошедшие в нашу партийную программу *in primis* или с необходимостью вытекающие из этой программы;

2) законопроекты не должны быть ни в коем случае загромождаемы обилием юридических тонкостей; они должны давать главные основания предполагаемых законов, а не подробно разрабатываемые тексты законов со всеми деталями;

3) законопроекты не должны чрезмерно изолировать различные области социальной реформы и демократических преобразований, как это могло бы казаться необходимым с узко-юридической, административной или «чисто-парламентарной» точки зрения; напротив, преследуя цели социал-демократической пропаганды и агитации, законопроекты должны давать рабочему классу возможно более определенное представление о необходимой связи фабричных (и социальных вообще) реформ с демократическими политическими преобразованиями, без которых все и всяческие «реформы» столыпинского самодержавия неизбежно осуждены на «зубатовское» их извращение и на полное сведение к мертвой букве. Само собой разумеется, что это указание связи экономических реформ с политикой должно достигаться не включением во все законопроекты требований последовательной демократии в их целом, а выдвиганием соответствующих каждой отдельной реформе демократических и специально пролетарски-демократических учреждений, неосуществимость которых без радикальных политических преобразований должна подчеркиваться в объяснительной записке к законопроекту;

4) ввиду крайней затрудненности при теперешних условиях легальной социал-демократической пропаганды и агитации в массах, законопроекты должны составляться так, чтобы и отдельно взятый законопроект и отдельно взятая объяснительная записка к нему могли достигнуть своей цели, попадая в массы (путем ли перепечатки в несоциал-демократических газетах, путем ли распространения отдельных листков с текстом законопроекта и т. п.), т.-е. могли быть прочтены рабочими с улицы, неразвитыми рабочими, с пользой для дела развития их классового самосознания; в этих целях законопроекты должны быть проникнуты во всем своем построении духом пролетарского недоверия к предпринимателям и к государству, как органу, служащему предпринимателям; другими словами, дух классовой борьбы должен пропитывать все построение законопроекта, должен вытекать из суммы отдельных постановлений;

наконец, 5) законопроекты при теперешних русских условиях, т.-е. при отсутствии социал-демократической прессы и социал-демократических собраний, должны давать достаточно конкретное представление о требуемом социал-демократами преобразовании, не ограничиваясь простым провозглашением принципа; рабочий с улицы, рабочий серый должен быть заинтересован социал-демократическим законопроектом, захвачен конкретной картиной преобразования с тем, чтобы потом перейти от этой отдельной картины ко всему миросозерцанию социал-демократии в целом.

Исходя из этих основных посылок, следует признать тип законопроекта, выбранный автором первоначального законопроекта о 8-часовом рабочем дне, более соответствующим русским условиям, чем те, например, законопроекты о сокращении рабочего дня, которые вносились были французскими и немецкими социалистами в их парламенты. Например, законопроект о 8-часовом рабочем дне, внесенный Жюлем Гэдом во французскую палату депутатов 22 мая 1894 года, содержит две статьи: первая запрещает работать более 8 часов в сутки и 6-ти дней в неделю; вторая разрешает работу в несколько смен с тем, чтобы число рабочих часов в неделю не превышало 48-ми *). Немецкий социал-демократический проект 1890 года содержит 14 строк, предлагая 10-часовой рабочий день немедленно, 9-часовой с 1 января 1894 года и 8-часовой с 1 января 1898 года. В сессию 1900 — 1902 г.г. немецкие социал-демократы внесли еще более краткое предложение об ограничении рабочего дня немедленно 10-ю часами в сутки, а затем в срок, подлежащий особому определению, 8-ю часами в сутки **).

Разумеется, подобные законопроекты, во всяком случае, вдесятеро рациональнее с социал-демократической точки зрения, чем попытки «приспособиться» к осуществимому для реакционных или для буржуазных правительств. Но если во Франции и в Германии, при свободе прессы и собраний, достаточно сделать законопроект одним провозглашением принципа, то у нас в России, в данное время, необходимо добавить еще в самый законопроект конкретно-агитационный материал.

Поэтому тип, принятый автором первоначального проекта, мы считаем более целесообразным, но в этот проект необходимо внести

---

*) Jules Guesdes, La problème et la solution; les huit heures à la chambre, Lille S. d. 78).

***) M. Schippel, S.-d., Reichstagshandbuch, Berl. 1902, S. S. 882 und 886 79).

ряд поправок, ибо автор в нескольких случаях делает крайне важную, на наш взгляд, и крайне опасную ошибку, именно: принижает требования нашей программы-минимум без всякой надобности (например, устанавливая еженедельный отдых в 36 часов, а не в 42, или умалчивая о необходимости согласия рабочих организаций для допущения ночной работы). В некоторых случаях автор как будто пытается приспособиться к «осуществимости» своего законопроекта, предоставляя, например, министру разрешать ходатайства об изъятиях (со внесением дела в законодательные учреждения) и не упоминая ни разу о роли профессиональных организаций рабочих в деле осуществления закона о 8-часовом рабочем дне

Предлагаемый нашей подкомиссией законопроект вносит в первоначальный проект ряд поправок в указанном направлении. В частности, остановимся на мотивировке следующих изменений первоначального проекта.

По вопросу о том, к каким предприятиям применим законопроект, надо расширить область его применимости включением всех отраслей и промышленности, и торговли, и транспорта, и всяческих учреждений (вплоть до казенных: почта и т. п.), и работы на дому. В объяснительной записке, вносимой в Думу, социал-демократы должны особенно подчеркнуть необходимость такого расширения и уничтожения всяких границ и разделений (по этому вопросу) между пролетариатом фабричным, торговым, служебным, транспортным и т. д.

Может возникнуть вопрос о сельском хозяйстве, ввиду требования нашей программой-минимум 8-часового рабочего дня «для всех рабочих». Но мы думаем, что русским социал-демократам выступать с инициативой 8-часового рабочего дня в сельском хозяйстве в данное время едва ли уместно. Лучше оговорить в объяснительной записке, что партия предоставляет себе внести дальнейший законопроект и относительно сельского хозяйства, и относительно прислуги и т. п.

Далее. Во всех случаях, когда речь идет в законопроекте о допустимости изъятий из закона, мы вставили требование согласия профессионального союза рабочих на каждое изъятие. Это необходимо, чтобы ясно показать рабочим неосуществимость действительного сокращения рабочего дня без самостоятельности рабочих организаций.

Затем следует остановиться на вопросе о постепенности введения 8-часового рабочего дня. Автор первоначального проекта ни словом не упоминает об этом, ограничиваясь простым требованием

8-часового рабочего дня, подобно проекту Ж. Гэда. Напротив, наш проект примыкает к образцу Парвуса *) и проекта немецкой социал-демократической фракции в рейхстаге, устанавливая постепенность введения 8-часового рабочего дня (немедленный, т.-е. через 3 месяца со дня вступления закона в силу, 10-часовой день и сокращение по часу в год). Конечно, различие между тем и другим проектом не так уже существенно. Но при максимальной технической отсталости русской промышленности, при крайне слабой организованности русского пролетариата, при громадности масс рабочего населения (кустари и т. п.), не участвовавшего еще ни в какой крупной кампании в пользу сокращения рабочего дня, — при всех этих условиях целесообразнее будет тут же, в самом законопроекте ответить на неизбежное возражение, что крутой переход невозможен, что заработок рабочих при таком переходе понизится и т. д. **). Установление постепенности введения 8-часового рабочего дня (немцы растягивали введение на 8 лет; Parvus на 4 года; мы предлагаем 2 года) дает сразу ответ на это возражение: работа сверх 10-ти часов в сутки безусловно нерациональна экономически и недопустима по гигиеническим и культурным соображениям. Годовой же срок для сокращения рабочего дня на один час вполне достаточен для того, чтобы технически отсталые предприятия подтянулись и преобразовались, чтобы рабочие перешли к новому порядку без заметной разницы в производительности труда.

Постепенность введения 8-часового рабочего дня следует установить не для того, чтобы «приспособить» проект к мерке капиталистов или правительства (об этом не может быть и речи, и если бы подобные мысли возникли, то, конечно, мы предпочли бы выкинуть всякое упоминание о постепенности), а для того, чтобы наглядно показать всем и каждому техническую и культурную и экономическую осуществимость программы социал-демократии в одной из наиболее даже отсталых стран.

---

*) Parvus, Handelskrisis u. Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den 8-St. Arbeitstag, München 1901 ⁹⁰).

**.) По вопросу о постепенности введения 8-часового раб. дня Парвус говорит, по нашему мнению, вполне справедливо, что эта постепенность в его законопроекте вызывается «не желанием сообразоваться с предпринимателями, а желанием сообразоваться с рабочими. Мы должны следовать тактике профессиональных союзов: они проводят сокращение раб. дня чрезвычайно постепенно, ибо они хорошо знают, что таким образом легче всего противодействовать сокращению зар. платы» (курсив Парвуса, цитир. брош. стр. 62 — 63).

Серьезным возражением против постепенности введения 8-часового рабочего дня в русском социал-демократическом законопроекте было бы то, что таким образом как бы дезавуируются⁸¹⁾, хотя бы косвенно, революционные Советы Рабочих Депутатов в 1905 году, проводившие немедленное осуществление 8-часового рабочего дня. Мы считаем это возражение серьезным, ибо самомалейшее дезавуирование Советов Рабочих Депутатов в этом отношении было бы прямым ренегатством или, во всяком случае, поддержкой ренегатов и контр-революционных либералов, прославивших себя таким дезавуированием.

Мы думаем поэтому, что во всяком случае, независимо от того, будет ли постепенность включена в законопроект социал-демократической думской фракции или нет, — во всяком случае, совершенно необходимо, чтобы и в объяснительной записке, подаваемой в Думу, и в думской речи социал-демократического представителя, была совершенно определенно выражена мысль, безусловно исключающая самомалейшее дезавуирование, безусловно включающая наше признание действий Советов Рабочих Депутатов принципиально правильными, вполне законными и необходимыми.

«Социал-демократия — так, примерно, должно было бы гласить заявление представителей социал-демократии или их объяснительная записка — ни в каком случае не отрекается от немедленного введения 8-часового рабочего дня; напротив, при известных исторических условиях, когда борьба обостряется, когда энергия и инициатива массового движения высоки, когда столкновение старого общества и нового принимает резкие формы, когда для успеха борьбы рабочего класса, например, со средневековьем, необходимо ни перед чем не останавливаться, — одним словом, при условиях, подобных тем, которые были в ноябре 1905 года, — социал-демократия считает немедленное введение 8-часового рабочего дня не только законным, но и необходимым. Вводя в свой законопроект в настоящее время постепенность введения 8-часового рабочего дня, социал-демократия желает только показать этим полную возможность введения в жизнь программных требований Р. С.-Д. Р. П. даже при наихудших исторических условиях, даже при наименее быстром темпе экономического, социального и культурного развития».

● Повторяем: подобное заявление со стороны социал-демократии в Думе и в их объяснительной записке к законопроекту о 8-часовом рабочем дне мы считаем безусловно и во всяком случае

необходимым, а вопрос о том, вносить ли в самый законопроект постепенность установления 8-часового рабочего дня, сравнительно менее важным.

Остальные изменения, внесенные нами в первоначальный законопроект, касаются частных деталей и не требуют особых комментариев.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

1909 ГОД

Письмо к И. И. Скворцову-Степанову ⁹²).

16/XII 1909 г.

Дорогой коллега! Получил ваш ответ и берусь за перо для продолжения беседы.

Вы хотите перенести вопрос больше на теоретическую (а не тактическую) почву. Согласен. Напомню только, что исходный пункт у Вас был тактический: Вы ведь отвергали «классическую постановку» основного тактического положения. Это тактическое решение Вы намечали (не договаривая тактических выводов из него) в связи с отрицанием «возможности американской». Поэтому я не считаю правильным изложение наших разногласий, которое Вы даете словами: «Вы (т.-е. я) подчеркиваете факт движения крестьянства. Я признаю факт движения пролетаризирующегося крестьянства». Не в этом разногласие. Не отрицаю же я в самом деле, что крестьянство пролетаризируется. Разногласие в том, утвердился ли в России настолько буржуазный аграрный строй, чтобы сделать объективно невозможным крутой переход от «прусского» развития аграрного капитализма к «американскому» развитию аграрного капитализма? Если да, тогда «классическая» постановка основного вопроса тактики падает. Если нет, она сохраняется.

И вот, я стою за то, что она должна быть сохранена. Я не отрицаю возможности «прусского» пути; я признаю, что марксист не должен ни «ручаться» за один из этих путей, ни связывать себя только с одним из них; я признаю, что политика Столыпина делает еще шаг вперед по «прусскому» пути, и что на этом пути на известной ступени может наступить диалектический перелом, снимающий с очереди все надежды и виды на «американский» путь. Но я утверждаю, что сейчас этот перелом, наверное, еще не наступил и что поэтому абсолютно недопустимо для марксиста, абсолютно неверно теоретически отказываться от «классической» постановки вопроса. Вот в чем наши разногласия.

Теоретически они сводятся к двум, если не ошибаюсь, главным пунктам: 1) Ваш «союзник» В. Ильин⁸³⁾ должен быть уничтожен мной, чтобы оправдать мою позицию. Другими словами, эта позиция противоречит итогам марксистского анализа предреволюционной экономики России. 2) «Классическая» постановка может и должна быть сопоставляема с аграрным оппортунизмом ревизионистов (Давида и К^о), ибо нет никакой существенной, принципиальной, коренной разницы между постановкой вопроса об отношении рабочего к «мужичку» в России и в Германии.

Оба эти положения я считаю глубочайше неверными.

Ad. 1)⁸⁴⁾ (Чтобы не касаться «тактики», отстраню Мартыновский набег на Ильина и перейду только к Вашей постановке теоретического вопроса).

Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянстве, и вне, и внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже бесповоротно определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным. Вопрос сейчас ставится (и движением 1905 — 1907 г.г. поставлен) иной, дальнейший, предполагающий решение вопроса, Ильиным (и не им одним, конечно) решенного, но предполагающий не только это, а нечто большее, более сложное, нечто новое. Кроме вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883 — 1885, в 1895 — 1899 г.г., история XX века в России поставила нам дальнейший вопрос, — и нет ничего ошибочнее теоретически, как пытаться от него назад, отделяваться, отмахиваться от него ссылкой на решенное, раньше. Это значило бы вопросы второго, так сказать, т.-е. высшего класса сводить к вопросам низшего, первого, класса. Нельзя оставаться при общем решении вопроса о капитализме, когда новые события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905 — 1907 г.г.), поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе двух путей или методов капиталистического аграрного развития. Когда мы боролись с народниками за доказательство того, что этот путь неизбежно и бесповоротно капиталистический, мы были вполне правы и мы не могли не сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм или «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и законно.

Но теперь этот вопрос решен и теорией и жизнью (ибо мелкобуржуазность трудовика *en masse* ⁸⁵) доказана новейшей русской историей), а на очередь поставлен другой, высший вопрос: капитализм типа α или капитализм типа β ? И, по моему крайнему разумению, Ильин был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги указал, что из нее вытекает возможность двух видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба этих видов еще не кончена.

Особенность русского оппортунизма в марксизме, т.-е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, эпошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с рабочедельством, и с струвизмом). Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелко-буржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общественное движение»), что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (= классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития» (стр. 661 ме-ковского «Общественного движения» ⁸⁶). «Противоречит всему ходу хоз. развития» — это ли не реакционность?

Я стою на том, что борьба с этим чудовищным извращением марксизма была основой «классической постановки» и основой верной, хотя, к сожалению, в силу естественных условий эпохи велась эта борьба очень усердно тактически, недостаточно усердно теоретически. Впрочем, сожаление тут неверное слово, которое надо выкинуть!

Вот этот аграрный вопрос и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития. Вот чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос.

Вот — чисто теоретическая основа отличия в применении марксизма в Германии 48 — 68 (примерно) и к России 1905 — 19?? годов.

Чем могу я доказать, что у нас национальное значение для буржуазного развития получил аграрный вопрос, а не другой какой-нибудь? Я не знаю даже, нужно ли это доказывать. Я думаю, — это бесспорно. Но именно здесь теоретическая основа и именно сюда надо свести все частные вопросы. Ежели спор будет, укажу вкратце (пока вкратце), что именно ход событий, факты, история 1905 — 1907 годов и доказали указанное мною значение аграрного (крестьянского и, конечно, мелко-буржуазно-крестьянского, а не общинно-крестьянского) вопроса в России. Это же доказывает теперь и закон 3. VI — 07⁸⁷⁾, и состав и деятельность III Думы, и — частность — 20. XI — 09⁸⁸⁾, и (важное особенно) аграрная политика правительства.

Если мы согласимся в том, что новейшая история России, история 1905 — 9 годов доказала коренное, первостепенное, национальное (в этом смысле) значение аграрного вопроса в утверждении буржуазной эволюции определенного типа в России, то мы можем идти дальше. Если нет, то нет.

Буржуазное развитие России к 1905 г. было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки — устаревшего средневекового землевладения (Вы, конечно, понимаете, почему я здесь из всей надстройки беру одно землевладение). Мы живем в эпоху этой ломки, которую разные классы буржуазной России стараются довершить, доделать по-своему: крестьяне (+ рабочие) путем национализации (я очень рад, что мы согласны с Вами насчет полной нелепости муниципализации; цитаты из *Theorien über Mehrwerth*⁸⁹⁾ в пользу национализации я уже привел в одной своей работе, напечатанной частицей по-польски), — помещики (+ буржуазия старая, жирондистская буржуазия) путем 9. XI — 06⁹⁰⁾ и т. д. Национализация земли — крестьянская ломка старого землевладения есть экономическая основа американского пути. Закон 9. XI — 06 г. — помещичья ломка старого землевладения есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, 1905 — ?? годы, есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы этих путей — подобно тому, как 1848 — 1871 г.г. в Германии были эпохой революционной и контр-революционной борьбы двух путей объединения (= решения национальной проблемы буржуазного развития Германии), пути через великогерманскую республику и пути через прусскую монархию. Только к 1871 году второй путь окончательно (вот куда относится мое «вполне») победил. И тогда Либкнехт отказался

от бойкота парламента. И тогда умер спор лассалианцев с эйзенахцами. И тогда умер вопрос о обще-демократической революции в Германии, — а Науман, Давид и К^о стали в 90-х г.г. (двадцать лет спустя!) оживлять труп.

У нас еще идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе нашей эпохи (1905 — 9 — ?? г.г.) выступит, обязательно выступит «обще-демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, на деле приводящей к меньшевизму, хотя бы в теории спор ставили на иную плоскость. Не я «свожу» спор к «меньшевизму», а история нашей эпохи сводит игнорирование пролетариатом национальной задачи буржуазного развития России к меньшевизму, ибо в этом суть меньшевизма и состоит.

Nebenbei ⁹¹). Читали у Череванина в «Современном положении» об оппортунизме «классической постановки» вопроса бе-ков? Прочтите!

Ad. 2) В сущности, я почти все ad. 2 уже сказал. В Германии поддержка рабочим пожелания «мужичка» получить себе (т.-е. мужичку) землю крупного помещика, юнкера, реакционна. Не так ли? Не правда ли? В России реакционен в 1905 — 9 — ?? г.г. отказ от этой поддержки. Нис Rhodus, hic salta ⁹²). Тут либо отказ от всей аграрной программы и переход... почти что к кадетизму, — либо признание принципиальной разницы в постановке вопроса в Германии и в России, принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая, а в смысле того, что совсем иные, принципиально иные эпохи капитализма, эпоха до окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха после такого утверждения!

Пока кончаю. Постараюсь послать вам вырезки на тему наших бесед. Пишите, когда улучите свободную минуту. Жму крепко руку

В а ш (*Подпись неразборчива*).

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

1910 ГОД

Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами 3-ей Думы.

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадей за «отрезные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, это старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это

время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения

патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, неспособен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

„Наш Путь“, № 7.

28 ноября 1910 г.

Подпись: В. И—ин.

1911 ГОД

Марксизм и „Наша Заря“.

В № 4 «Звезды» было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, «а не личной и злостной полемикой «Нашей Зари».

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходы этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь о ком, а не о чем идет речь («Н. З.» № 11, стр. 47). Я возьму прямо журнал «Наша Заря» за год — это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа — и постараюсь рассмотреть, о чем идет в нем речь.

Первый номер «Н. Зари» вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском, номере г. Потресов провозгласил, что к числу «пустяков» относится и спор махистов с марксистами, и вопрос о ликвидаторстве. «Ибо может ли существовать, спрошу я у читателя, — писал г. Потресов, — в лето 1909, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого» (стр. 61).

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по Геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что-де «нет», «на нет и суда нет», невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая или одна сотая или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, есть ли течение, считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том, есть ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д.

Отвечая по сути дела на этот именно вопрос тем, что «нет», «ноль», «ноль и есть ноль», г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая «злостность» (по меткому выражению обзора печати № 4 «Звезды»), был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское «Возрождение» в № 5, от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: «Ликвидировать нечего и, прибавим мы от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом» и т. д. «виде просто вредная, реакционная утопия» (стр. 51).

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом виде, а о старой сущности. Совершенно очевидно также, что вопрос о «ликвидировании» нераздельно связан с вопросом о «восстановлении». «Возрождение» сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило ту же мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличаться не прямотой, а увертливостью, течения же обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, напр., г. Базаров был некогда большевиком и, может быть, продолжает считать себя таковым — в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке «Н. Зари» он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что объявил буквально «одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений» «пресловутый вопрос о гегемонии» (стр. 87). Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос «пресловутым», т.-е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года. Отмечаем этот факт — он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова, будто о «гегемонии не будет и помину» (стр. 88) при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень «будет достаточно радикально настроена против политических привилегий» и т. д., «не проникнута резким националистическим духом», — есть на деле непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с «национализмом», именно очистка от него «настроений», предположенных Базаровым, и есть дело «гегемона». Успешность этого дела не измеряется «немедленными», непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, отпора болотному духу, отпора ликвидаторству, которое, кстати сказать, есть такое же проявление влияния буржуазии на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих, — бывают времена, когда

эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие иногда годы. Бывает, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, объявляет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д., и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм требует ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии — в частности.

За Петербургом — Москва. За меньшевиком г. Потресовым — бывший большевик г. Базаров. За Базаровым — г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке «Н. Зари» г. В. Левицкий пишет: «Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих) была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет классовой (курсив г. Левицкого) партией вступающих в свое историческое движение масс» (стр. 103).

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен дух всех писаний гг. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего «Возрождения», всей «Нашей Зари» и всего «Дела Жизни». Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату из В. Левицкого. Это такая же «классическая» фраза, как знаменитое Бернштейновское «движение — все, конечная цель — ничто», или как Прокоповическое (из «Credo» 1900 г.): рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба.

Г. Левицкий теоретически неправ, когда противопоставляет гегемонию — классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой на деле следует «Н. Заря». Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Зомбарта и Brentano) понимают классовую рабочую партию так, как ее понимает Левицкий. С точки зрения марксизма, класс, отрицающий идею гегемонии или не понимающий ее, есть не класс или еще не класс, а цех или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен «Нашей Заре», то-есть течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности этого течения. В прошлом (для сторонников этого течения) была «гегемония», в будущем ее не будет, не должно

быть, а в настоящем? В настоящем есть тот бесформенный агрегат⁹³), который составляет круг писателей и друзей-читателей «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и который сейчас, в лето 1911, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности перехода от прошлой гегемонии к будущей брентановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой) партии. Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства, это прямо сказали его противники еще в 1908 году, за год до «Н. Зари». Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое ликвидаторство, то пусть он обратится к ответу, данному официально ровнехонько два года тому назад. Он увидит в этом ответе. характеристику, точнейшую и полнейшую, «Нашей Зари», возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно? Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган.

Сказать: в прошлом гегемония, а в будущем должна быть «классовая партия», значит наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом «гегемония», то, след., из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно сознание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до «класса», никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не «видно» на поверхности (гг. Потресовы не видят или делают вид, что не видят его, потому что не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем «прошлого», он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты обязаны, вопреки всем и всяким отреченцам, отстаивать ее идею в настоящем и будущем, — каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжают создавать, расширять, укреплять класс, укрепляют его отпор всем «проявлениям влияния буржуазии».

Журнал же «Наша Заря» за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликви-

даторство не только существует как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса. Оно представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего несколькими классам, «попятного» потока, который свойственен еще несколькими годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2 — 7 «Нашей Зари». В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на более подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

„Современная Жизнь“, № 3.

Баку, 22 апреля 1911 г.

Подпись: В. Ильин.

Итог.

Полемика Витте и Гучкова ⁹⁴⁾ усердно подхвачена и «Речью» и «Русскими Ведомостями» в целях выборной агитации. Характер полемики виден ясно из следующей тирады «Речи»:

«Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова, в угоду начальству, оказывались коллегами, единомышленниками г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!»

Это говорится по поводу того, что Витте в октябре — ноябре 1905 г. совещался о составлении министерства с гг. Урусовым, Трубецким, Гучковым, М. Стаховичем, при чем последние трое решительно не соглашались на кандидатуру Дурново в министры внутренних дел.

Упрекая октябристов, гг. кадеты обнаруживают, однако, удивительную забывчивость по отношению к своему собственному прошлому. «Октябристы оказывались коллегами единомышленников Дурново». Это справедливо. И это доказывает, несомненно, что о демократизме октябристов смешно было бы говорить. Но октябристы не претендуют на демократизм. А кадеты называют себя «конституционными демократами». Но разве эти «демократы», например, в лице Урусова, который защищал кандидатуру Дурново на совещаниях с Витте, не оказывались коллегами единомышленников Дурново? Разве в обеих первых Думах кадеты, как партия, не оказывались «обращенными взорами к начальству и спиной к общественному мнению»?

Нельзя же забывать или извращать общеизвестные факты. Припомните историю с местными земельными комитетами в 1-ой Думе. Кадеты были против именно «в угоду начальству». Кадеты по этому (одному из важнейших для эпохи 1-ой Думы политических вопросов) несомненно «обращали взоры к начальству» и «оказывались спиной к общественному мнению». Ибо трудовики и рабочие депутаты, представлявшие $\frac{9}{10}$ населения России, были тогда за

местные земельные комитеты. Десятки раз по другим вопросам наблюдалось такое же соотношение партий и в 1-ой и во 2-ой Думах.

Трудно представить себе, как могли бы кадеты оспорить эти факты. Неужели можно утверждать, что они не расходились с трудовиками и рабочими депутатами в обеих первых Думах, что они не оказывались при этом рука об руку с Гейденами, октябристами и начальством? Что трудовики и рабочие депутаты представляли громадное большинство населения в силу избирательной системы? Или общественным мнением наши «демократы» назовут мнение «образованного» (с точки зрения казенных дипломов) «общества», а не мнение большинства населения?

Если оценивать исторически период, когда Столыпин был премьером, т.-е. пятилетие 1906—1911 годов, то невозможно отрицать того, что и октябристы и кадеты не были демократами. А так как только кадеты претендуют на это звание, то именно здесь самообман кадетов и обман ими «общественного мнения», мнения масс, в особенности вреден.

Мы не хотим сказать, конечно, что октябристы и кадеты «одна реакционная масса», что октябристы не менее либеральны, чем кадеты. Мы хотим сказать им, что одно дело либерализм, другое дело демократия. Либералам естественно считать «общественным мнением» мнение буржуазии, а не мнение крестьян и рабочих. Демократ не может стоять на такой точке зрения и, какие бы иллюзии он ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ верит в массу, в действие масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы.

Это отличие либерализма от демократии приходится напоминать тем настойчивее, чем больше злоупотребляют именем демократа. Выборы во всех буржуазных странах служат для буржуазных партий целям рекламы. Для рабочего класса выборы и выборная борьба должна служить целям политического просвещения, уяснения действительной природы партий. О политических партиях нельзя судить по их названиям, заявлениям, программам, а надо судить по их делам.

Но полемика Витте с Гучковым, затронувшая вопрос о начале министерской карьеры Столыпина (Гучков свидетельствует, между прочим, что против кандидатуры Столыпина осенью 1905 г. не возражал никто из «общественных деятелей»), поднимает еще другие, гораздо более важные и интересные вопросы.

Первый раз, когда была выдвинута (осенью 1905 г.) кандидатура Столыпина на пост министра внутр. дел, ее выдвинули на совещании Витте с представителями либеральной буржуазии. Даже в эпоху 1-ой Думы Столыпин, как министр внутр. дел, «два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства»; — так пишет газета «Речь» в редакционной статье от 6-го сент., добавляя осторожно-уклончиво: «есть указания», что Столыпин поступал таким образом. Достаточно припомнить, что прежде кадеты отделялись молчанием или бранью в ответ на подобные «указания». Теперь они сами приводят эти указания, очевидно, давая тем самым подтверждение их верности.

Пойдем далее. После разгрома 1-ой Думы, когда Столыпин стал премьером, были адресованы прямые предложения войти в министерство Гейдену, Львову, М. Стаховичу. После неудачи этой «комбинации», — «во время первого междудумья Столыпин завязал тесные политические сношения с Гучковым», и эти сношения продолжались, как известно, до 1911 года.

Что же мы видим в итоге? Кандидатура Столыпина на пост министра обсуждается с представителями буржуазии, и в течение всей своей министерской карьеры, с 1906 по 1911-ый год, Столыпин делает «предложения» одним представителям буржуазии за другими, завязывая или пытаясь завязать политические сношения сначала с кадетами, потом с мирнообновленцами и, наконец, с октябристами. Сначала Столыпина, как кандидата в министры, «предлагают» «общественным деятелям», т.-е. вождям буржуазии, а потом Столыпин, уже как министр, в течение всей своей карьеры делает «предложения» Муромцевым, Гейденам, Гучковым. Столыпин кончает свою карьеру (известно, что отставка Столыпина была уже предрешена), когда исчерпывается весь круг всяческих партий и оттенков буржуазии, которым можно было делать «предложения».

Вывод, следующий из этих фактов, ясен. Если кадеты и октябристы пререкаются теперь между собою насчет того, кто из них более холопски держался на переговорах о министрах или с министрами, Урусов или Гучков, Муромцев или Гейден, Милюков или Стахович и т. д., и т. п., то подобные пререкания мелки и служат только к отвлечению внимания публики от серьезного политического вопроса. А этот серьезный вопрос сводится к тому, чтобы понять условия и значение той особой эпохи в истории русского государственного строя, когда министры вынуждены были делать систематические «предложения» вождям буржуазии, когда министры могли находить

хотя бы некоторую общую почву с этими вождями, общую почву для ведения и возобновления переговоров. Не то важно, кто хуже держался при этом, Карп или Сидор, — важно то, что, во-1-х, старопомещичий класс не мог уже командовать без «предложений» вождям буржуазии; важно то, во-2-х, что нашлась общая почва для переговоров у дикого помещика и у буржуа, и почвой этой была контр-революционность.

Столыпин не просто министр помещиков, переживших 1905-ый год; нет, это вместе с тем министр эпохи контр-революционных настроений в буржуазии, которой помещики должны были делать предложения и могли их делать вследствие общей вражды к «пятому году». Эти настроения буржуазии — если даже говорить сейчас только о кадетях, о самой левой из «либеральных партий» — выразились и в проповеди «Вех», обливших помоями демократию и движение масс, и в «лондонском» лозунге⁹⁵) Милюкова, и в многочисленных лампадных речах Караулова, и в речи по аграрному вопросу Березовского 2-го и т. д.

Вот эту сторону дела слишком склонны забывать все наши либералы, вся либеральная печать, вплоть до либеральных рабочих политиков. А между тем именно эта сторона дела самая важная, объясняющая нам историческое отличие тех условий, при которых помещики становились губернаторами и министрами в XIX или в начале XX века и после 1905-го года. Пререкаясь с Гучковым, кадетская «Речь» пишет («Речь», 30 сент.): «русское общество помнит хорошо формуляр октябризма».

О, да! Либеральное общество помнит хорошо мелкую перебранку «своих людей», Урусовых и Милюковых с Гейденами, Львовыми, Гучковыми. Но русская демократия вообще — и рабочая демократия в особенности — помнит хорошо «формуляр» всей либеральной буржуазии, вплоть до кадетов; она помнит хорошо, что великий сдвиг 1905 года заставил помещиков и помещичью бюрократию искать поддержки у буржуазии, а эта буржуазия использовала свое положение замечательно достойно. Она целиком соглашалась с помещиками в том, что местные земельные комитеты ненужны и вредны, она расходилась с ними в необыкновенно важном, поистине принципиальном вопросе: Дурново или Столыпин!

„Звезда“ № 26.

23 октября 1911 г.

Подпись: В. Ф.

1912 ГОД

По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции.

С большим удивлением прочли мы в № 7 «Живого Дела» перепечатку из «Речи» бранчливого заявления г. Белоусова. Что «Речь» приняла это заявление нового перебежчика, в этом нет ничего удивительного. «Речи» естественно печатать выкрики бывшего социал-демократа, будто «чувством мести» продиктована была оценка с.-д. думской фракцией его бегства. Но с какой стати перепечатывает это «Живое Дело»? И не странно ли видеть в том же «Живом Деле» статью «К уходу деп. Белоусова», в которой ведутся кислосладкие речи о том, что «нас не должны смущать те случаи дезертирства, какие имели место»?

С одной стороны, «Живое Дело» «не считает себя вправе останавливаться на оценке шага Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие». С другой стороны, оно все же останавливается... на полдороге, говоря с ужимками о «подобном дезертирстве»!

К чему эта игра? Не пора ли печати исполнить свой долг открытого обсуждения фактов, имеющих политическое значение?

Думская с.-д. фракция единогласно высказалась, что г. Белоусову следовало бы сложить немедленно свои депутатские полномочия, ибо он прошел в Думу эсдековскими головами и четыре с половиной года был в думской с.-д. фракции.

Г. Белоусов печатает в «Речи» ответ, обходя эту суть дела совершенно. Но общественное мнение сознательных рабочих не должно позволить обходить этот вопрос молчанием. Если г. Белоусов желает отмалчиваться, то мы не вправе молчать. К чему же тогда рабочая пресса, если не для обсуждения фактов, важных для думского представительства рабочего класса?

Допустимо ли это с точки зрения обязанностей всякого демократа, если депутат, прошедший в качестве социал-демократа

и четыре с половиной года пробывший в с.-д. думской фракции, уходит из фракции за несколько месяцев до выборов, не уходя из Думы? Вот вопрос, имеющий общее значение. Ни один демократ, сознающий свои обязанности перед избирателями — не в смысле обязанностей «ходателя» за местные интересы, а в смысле обязанностей политического деятеля, который перед всем народом выступал на выборах с определенным знаменем — ни один демократ не станет отрицать, что вопрос этот принципиальный и крайне важный.

Пусть все рабочие, читающие рабочую прессу и интересующиеся вопросом о представительстве рабочих в Г. Думе, отнесутся с величайшим вниманием к уходу г. Белоусова, обдумают и обсудят этот вопрос. Нельзя молчать! Недостойно сознательного рабочего молчать в таких случаях. Надо уметь отстаивать свое право, право всякого избирателя на то, чтобы выбранные ими депутаты оставались верны своему знамени, чтобы они не смели дезертировать безнаказанно.

Права или нет думская фракция, что депутат, пробывший в ней четыре с половиной года и прошедший в Г. Думу с.-д. голосами, обязан, уходя теперь из фракции, уйти из Думы? Да, с.-д. фракция вполне права! Если мы не на словах только, а на деле стоим за единство, сплоченность, цельность, принципиальную выдержанность рабочего представительства, мы должны заявить свое мнение, мы должны все и каждый, поодиночке и совместно обратиться и в «Звезду», и в думскую фракцию с письмами (которые надо сообщать и местной прессе), что поступок г. Белоусова мы решительно и бесповоротно осуждаем, что не только всякий сторонник рабочего класса, но и всякий демократ должен выразить осуждение подобным поступкам. Подумайте только, какое же это будет «народное представительство», если депутаты, выбранные под определенным знаменем, пробывшие под ним девять десятых думской сессии, накануне выборов будут заявлять: ухожу из фракции, но остаюсь депутатом, желаю оставаться «народным» представителем!

Позвольте, господин перебежчик! Какой народ теперь вы представляете? Не тот, который вас выбирал как эс-дека. Не тот, который вас видел в течении $\frac{9}{10}$ думской сессии в рядах с.-д. думской фракции! Вы не представитель народа, а обманщик народа, ибо за оставшееся до выборов время нельзя, физически невозможно этому народу (даже если бы этот народ пользовался полной политической свободой) изучить теперь на деле, на основании ваших

поступков, кто вы такой, чем вы стали, куда вы покатались, к кому или к чему вас потянуло. Вы должны уйти из Думы. или все и каждый вправе будут третировать вас, как политического авантюриста и обманщика!

Бывают уходы и уходы. Бывают перемены взглядов столь явные, определенные, открытые, мотивированные известными всем фактами, что разногласий при оценке некоторых уходов не возникает, предосудительного, бесчестного в некоторых уходах не бывает. Но, ведь, не случайно же теперь и только теперь, только в данном случае думская фракция выступила с печатным протестом! С.-д. фракция говорит прямо, что г. Белоусов «выразил пожелание, чтобы не предавать гласности факта его ухода из фракции». Г. Белоусов бранится в своем ответе, перепечатанном «Живым Делом», но не опровергает факта. Мы спрашиваем: что должен думать каждый рабочий о человеке, который, уходя из фракции, выражает пожелание скрыть свой уход? Если это не обман, то что же называется на свете обманом?

С.-д. фракция говорит прямо, что «она совершенно не может выяснить себе границ дальнейшей эволюции своего бывшего сочлена». Пусть подумает читатель над этими многозначительными словами! Не про всех ушедших, а только про одного данного ушедшего говорит такие серьезные вещи думская с.-д. фракция. Это есть вотум (решение принято по голосованию) полного недоверия. Больше того. Это есть предупреждение всех избирателей, всего народа, что такому-то депутату доверять совершенно невозможно. С.-д. думская фракция единогласно предупреждает об этом всех и каждого. Всякий сознательный рабочий должен ответить теперь, что он это предупреждение получил, что он его понял, что он его разделяет, что он не будет молча смотреть на установление в России, в среде людей, причисляющих себя к демократии, таких парламентских нравов (вернее: такой парламентской безнравственности), когда депутаты ловят мандаты, как добычу для «свободных» проделок с этой добычей. Так бывало, так бывает во всех буржуазных парламентах, и везде рабочие, понявшие свою историческую роль, борются с этим, борьбой воспитывают себе своих, рабочих, депутатов, не ловцов мандата, не дельцов парламентских афер, а доверенных рабочего класса.

И пусть рабочие не дадут обмануть себя софизмами. Таким софизмом является рассуждение «Живого Дела»: «мы не считаем себя вправе останавливаться на оценке шага Т. О. Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие».

Во-первых, в заявлении думской с.-д. фракции мы читаем: «уход свой г. Белоусов мотивировал тем, что фракция еще два года тому назад стала для него совершенно чуждою средою». Разве это не есть оглашение мотивов? Разве это не ясные русские слова? Если «Живое Дело» не верит заявлению фракции, пусть оно скажет это прямо, а не виляет, не вертится, не говорит, что оно «не вправе останавливаться», когда фракция уже остановилась, уже огласила мотивы или мотив, сочтенный фракцией главнейшим.

Во-вторых, в ответе г. Белоусова, напечатанном кадетской «Речью» и ликвидаторским «Живым Делом», мы читаем: «Сообщу, что фракция в своем заявлении ровно ничего (??!) не сказала о действительных мотивах моего с нею разрыва. Я знаю, что независимые обстоятельства не позволяют фракции огласить мои разногласия с нею, изложенные как в устном, так и письменном объяснении».

Посмотрите-ка, что это такое выходит. Фракция официально оглашает мотивировку г. Белоусова. Г. Белоусов бранится («инсинуации, наветы» и т. п.), но не опровергает этой мотивировки. Он заявляет, что независимые обстоятельства не позволяют фракции «огласить» еще нечто. (Если действительно обстоятельства не позволяют огласить, то к чему же вы, милостивый государь, оглашаете намек на то, чего нельзя огласить? Не приближается ли ваш прием к инсинуации?) А «Живое Дело», перепечатывая вопиющую фальшь г. Белоусова, которая бьет в лицо, тут же говорит от себя: «мы не вправе останавливаться, пока не будут оглашены мотивы»... оглашения которых «не позволяют» независимые обстоятельства!! Другими словами: для оценки ухода г. Белоусова «Живое Дело» будет ждать оглашения того, чего огласить (по заявлению самого г. Белоусова) нельзя.

Неужели не ясно, что «Живое Дело» вместо того, чтобы разоблачить перепечатываемую им фальшь г. Белоусова, прикрывает эту фальшь?

Нам остается добавить немного. Ссылаться на неоглашение того, чего огласить нельзя, значит разоблачать самого себя. А оценить то, что уже оглашено, что уже известно, необходимо и обязательно для всякого, кто дорожит думским представительством раб. класса. Г. Белоусов уверяет: «мой выход из фракции ни на иоту не изменил направления моей политической и общественной деятельности». Это — пустые слова, повторяемые всеми ренегатами. Слова эти противоречат заявлению фракции. Мы верим с.-д. фракции, а не перебеж-

чику. О «направлении» г. Белоусова нам, как и большинству марксистов, известно лишь одно: это было направление резко ликвидаторское. Г. Белоусов дошел в ликвидаторстве до того, что фракция окончательно «ликвидировала» его связь с с.-демократией. Тем лучше для нее, для рабочих, для рабочего дела.

А ухода из Думы г. Белоусова должны требовать не только все рабочие, но и все демократы.

*„Звезда“ № 17 (53).
13 марта 1912 года.*

Подпись: Т.

Демократия и народничество в Китае.

Статья временного президента Китайской республики Сун-Ят-Сена, которую мы заимствуем из брюссельской социалистической газеты «Le Peuple», представляет совершенно исключительный интерес для нас, русских.

Пословица говорит: со стороны виднее. Сун-Ят-Сен — чрезвычайно интересный свидетель «со стороны», ибо, будучи европейски образованным человеком, он, видимо, совершенно не знаком с Россией. И вот, этот европейски образованный представитель боевой и победоносной китайской демократии, которая завоевала себе республику, ставит перед нами — совершенно независимо от России, от русского опыта, от русской литературы — чисто русские вопросы. Передовой китайский демократ рассуждает буквально как русский. Его сходство с русским народником так велико, что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений.

Со стороны виднее. Платформа великой китайской демократии — ибо именно такой платформой является статья Сун-Ят-Сена — заставляет нас и дает нам удобный повод еще раз, под углом новых мировых событий, рассмотреть вопрос о соотношении демократизма и народничества в современных буржуазных революциях Азии. Это один из самых серьезных вопросов, которые встали перед Россией в ее революционную эпоху, наступившую с 1905 года. И не только перед Россией, но перед всей Азией, как видно из платформы временного президента Китайской республики, особенно если сопоставить эту платформу с развитием революционных событий в России, Турции, Персии, Китае. Россия в очень многих и очень существенных отношениях, несомненно, представляет собой одно из азиатских государств и притом одно из наиболее диких, средневековых, позорно-отсталых азиатских государств.

Русская буржуазная демократия окрашена в народнический цвет — начиная с ее далекого и одинокого предтечи, дворянина Гер-

цена, и кончая ее массовыми представителями, членами Крестьянского Союза в 1905 г., трудовиками-депутатами трех первых Дум в 1906 — 1912 г.г. Теперь мы видим, что в совершенно однородный народнический цвет окрашена буржуазная демократия Китая. Посмотрим же на примере Сун-Ят-Сена, в чем состоит «социальное значение» идей, порожденных глубоким революционным движением сотен и сотен миллионов людей, которые теперь окончательно втягиваются в поток всемирной капиталистической цивилизации.

Боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сун-Ят-Сена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу.

Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая.

Напрашивается само собой сравнение временного президента республики в диком, мертвом, азиатском Китае и разных президентов республик в Европе, в Америке, в странах передовой культуры. Там ошние президенты республик — сплошь дельцы, агенты или куклы в руках буржуазии, насквозь прогнившей, с ног до головы запачканной грязью и кровью, не кровью падишахов и богдыханов, а кровью рабочих, расстреливаемых за стачки во имя прогресса и цивилизации. Там ошние президенты — представители буржуазии, которая отреклась давным давно от всех идеалов молодости, которая протитуировала себя до конца, продала себя целиком миллионерам, миллиардерам, обуржуазившимся феодалам и т. д.

Здесь, азиатский временный президент республики — революционный демократ, полный благородства и героизма, свойственного такому классу, который идет не под гору, а в гору, который не боится будущего, а верит в него и самоотверженно борется за него, — классу, который ненавидит прошлое и умеет сбрасывать его омертвелую и душащую все живое гниль, а не цепляется за охранение и восстановление прошлого ради охраны своих привилегий.

Что же? Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет. Как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции.

Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин. Рядом с ним есть уже либеральная буржуазия, деятели которой, подобно Юаньшикаю, более всего способны к измене: вчера они боялись богдыхана, раболепствовали перед ним; потом, — когда увидели силу, когда почувствовали победу революционной демократии, — они изменили богдыхану, а завтра будут предавать демократов ради сделки с каким-нибудь старым или новым «конституционным» богдыханом.

Без высокого, искреннего демократического подъема, который зажигает трудящиеся массы и делает их способными совершать чудеса и который виден в каждой фразе платформы Сун-Ят-Сена, было бы невозможно действительное освобождение китайского народа от векового рабства.

Но эта идеология боевого демократизма сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последние идейно-политические течения и представляют тот элемент, который образует народничество в специфическом значении этого понятия, т.-е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму.

Каково происхождение и значение этих течений?

Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс. Такой подъем предполагает и порождает самое искреннее сочувствие к положению трудящихся масс, самую горячую ненависть к их угнетателям и эксплуататорам. А в Европе и Америке, от которой передовые китайцы, все китайцы, поскольку они переживали этот подъем, заимствовали свои освободительные

идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т.-е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их субъективный социализм.

Они субъективно социалисты, потому что они против угнетения и эксплуатации масс. Но объективные условия Китая, отсталой, земледельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм. Феодализм основывается на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было приращение его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы.

И вот оказывается, что из субъективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается программа «изменения всех кровавых основ» одной только «недвижимой собственности», программа уничтожения одной только феодальной эксплуатации.

В этом суть народничества Сун-Ят-Сена, его прогрессивной, боевой, революционной программы буржуазно-демократических аграрных преобразований и его якобы-социалистической теории.

Теория эта, если рассматривать ее с точки зрения доктрины, есть теория мелко-буржуазного «социалиста»-реакционера. Ибо совершенно реакционна мечта о том, что в Китае можно «предупредить» капитализм, что в Китае, вследствие его отсталости, легче «социальная революция», и т. п. И Сун-Ят-Сен с неподражаемой, можно сказать, девственной наивностью сам разбивает в пух и прах свою реакционную народническую теорию, признавая то, что признать заставляет жизнь, — именно: что «Китай стоит накануне гигантского промышленного» (т.-е. капиталистического) «развития», что в Китае «торговля» (т.-е. капитализм) «разовьется в громадных размерах», что «через 50 лет у нас будет много Шанхаев», т.-е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты.

Но спрашивается — и в этом весь гвоздь вопроса, в этом самый интересный пункт, перед которым останавливается нередко обкаранный и выхолощенный либеральный квази-марксизм, — спрашивается, защищает ли Сун-Ят-Сен на основании своей реакционной экономической теории действительно реакционную аграрную программу?

В том-то и дело, что нет. В том-то и состоит диалектика общественных отношений Китая, что китайские демократы, искренне сочувствуя социализму в Европе, переделали его в реакционную теорию и на основании этой реакционной теории о «предупреждении» капитализма проводят чисто-капиталистическую, максимально-капиталистическую аграрную программу!

В самом деле, к чему сводится «экономическая революция», о которой Сун-Ят-Сен говорит так пышно и темно в начале статьи?

К передаче ренты государству, то-есть к национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа. Решительно ничего иного нет реального в «экономической революции», предлагаемой и проповедуемой Сун-Ят-Сеном.

Разница между стоимостью земли в крестьянском захолустье и в Шанхае есть разница в величине ренты. Сделать так, чтобы «приращение стоимости» земли было «собственностью народа», значит передать ренту, т.-е. собственность на землю, государству или иначе: национализировать землю.

Возможна ли такая реформа в рамках капитализма? Не только возможна, но она представляет из себя наиболее чистый, максимально-последовательный, идеально-совершенный капитализм. Маркс указал это в «Нищете философии», подробно доказал в III томе «Капитала» и особенно наглядно развил в полемике с Родбертусом в «Теориях прибавочной стоимости».

Национализация земли дает возможность уничтожить абсолютную ренту, оставляя одну только дифференциальную. Наибольшее устранение средневековых монополий и средневековых отношений из земледелия, наибольшая свобода торгового оборота с землей, наибольшая легкость приспособления земледелия к рынку — вот что такое национализация земли, по учению Маркса. Ирония истории состоит в том, что народничество во имя «борьбы с капиталом» в земледелии проводит такую аграрную программу, полное осуществление которой означало бы наиболее быстрое развитие капитализма в земледелии.

Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых крестьянских стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле? Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях.

Чем больше отставал Китай от Европы и от Японии, тем более грозило ему раздробление и национальное разложение. «Обновить»

его мог только героизм революционных народных масс, способный в области политики создать Китайскую республику, в области аграрной — обеспечить посредством национализации земли наиболее быстрый капиталистический прогресс.

Удастся ли это и в какой мере, — вопрос иной. Разные страны в своей буржуазной революции проводили в жизнь различные степени политического и аграрного демократизма, и притом в самых пестрых сочетаниях. Решит международная обстановка и соотношение общественных сил в Китае. Богдыхан будет, наверное, объединять феодалов, бюрократию, китайское духовенство и готовить реставрацию. Юаньшикай, представитель буржуазии, которая едва успела из либерально-монархической стать либерально-республиканской (надолго ли?), будет вести политику лавирования между монархией и революцией. Революционная буржуазная демократия, представляемая Сун-Ят-Сеном, правильно ищет пути к «обновлению» Китая в развитии наибольшей самостоятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ.

Наконец, поскольку будет расти в Китае число Шанхаев, будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно, ту или иную китайскую социал-демократическую рабочую партию, которая, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сун-Ят-Сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы.

„Невская Звезда“ № 17.

15 июля 1912 года.

Подпись: Вл. Ильин.

Газета трудовиков.

Вышел 27 августа № 1 еженедельной газеты «Столичные Отклики». Газета, судя по всему, будет выражать то политическое течение, которое в Гос. Думе представляется «трудовой группой».

В вышедшем номере наибольший интерес представляет статья Березина «О соглашениях и тактике левых».

Березин отмежевывается от кадетов и прогрессистов: «...Прочную опору для конституции (если говорить не о конституции 3 июня) могут дать в ней (в Думе) не прогрессисты, даже не кадеты, а только другая, более левая часть оппозиции, — в лице представителей крестьян и рабочих... За время существования III Думы было немало событий, когда вполне ясно раскрывалась также и разница в тактике двух частей оппозиции. Только слепые не видят пропасти, разделяющей психологию этих двух частей оппозиции... В настроении растущих демократических низов, а не в настроении интеллигенции высших классов, изнывающей от собственной дряблости, находит свое оправдание тактика левых»...

Верно, что слепые (беззаглавцы из «Запросов Жизни») не видят «пропасти, разделяющей» эксплуататоров от эксплуатируемых, — крестьян и рабочих от либеральных фабрикантов и помещиков, — трудовиков и социал-демократов от прогрессистов и кадетов.

Жаль только, что Березин отмежевывается от хозяйских партий несколько робко.

Редакция «Столичных Откликов» признает недочеты своей газеты, объясняемые спешностью. Недочеты в № 1 нового издания всегда неизбежны. К числу недочетов «Столичных Откликов» следует отнести, кроме робости перед «дряблой интеллигенцией высших классов», также и отсутствие связи с деревней, с деревенской, крестьянской массой и с деревенской интеллигенцией.

Робость и отсутствие связей в данном случае, повидимому, обуславливают друг друга: робость мешает связям, отсутствие связей порождает робость.

Читатели-друзья «Столичных Откликов» должны помочь своему органу в обоих указанных направлениях.

Редакция же с своей стороны должна бы поспешить превратить свою газету из предвыборного листка в орган, всесторонне обслуживающий повседневную жизнь трудовических слоев населения.

Нам еще придется во многих случаях выяснять неправильность, половинчатость политической линии трудовиков. Пока же мы ограничиваемся приветом новому демократическому органу: его появление служит лишним показателем политического оживления.

„Правда“ № 103.

29 августа 1912 г.

Подпись: В.

Депутат петербургских рабочих.

Столичный пролетариат посылает одного из своих избранных в черную, помещичью, поповскую Думу. На славном посту будет этот избранник. Он должен выступить и действовать от имени миллионов, он должен развешивать великое знамя, он должен выражать взгляды, которые формально, определенно, точно, годами выражали ответственные представители марксизма и рабочей демократии.

Выбор одного человека на этот пост — дело такой громадной важности, что было бы мелочностью, малодушием, позором — бояться говорить о деле прямо, без обиняков, бояться «обидеть» то или иное лицо, тот или иной кружок и т. п.

Выбор должен соответствовать воле большинства сознательных, марксистских рабочих. Это очевидно. Этого никто не решится отрицать прямо.

Всем известно, что с 1908 по 1912 год на сотнях и тысячах собраний, дискуссий, бесед, на страницах разных органов печати боролись среди петербургских рабочих противники ликвидаторства и ликвидаторы. Недостойно прятать голову под крыло, как делают глупые птицы, и пытаться «забыть» этот факт.

Запутывают дело те, кто теперь по вопросу о выборе одного депутата, кричат о «единстве», запутывают, ибо подменяют вопрос и криком засоряют суть дела.

При чем тут «единство», когда надо выбрать одного, и все согласны, что он должен выражать волю большинства сознательных рабочих-марксистов??

Ликвидаторы боятся сказать прямо, что они хотели бы выбора ликвидатора или «нефракционного» (т.-е. колеблющегося), — и, боясь прямо защищать свои взгляды, они протаскивают их обманом, крича о «единстве».

Наш долг — разоблачить эту путаницу. Если среди сознательных рабочих ликвидаторы в большинстве, — никто в мире не поме-

шает им выбрать ликвидатора. Надо определить как можно точнее, спокойнее, тверже, осмотрительнее, вернее, на чьей стороне большинство, не смущаясь шумом людей, для сокрытия своих взглядов проповедующих (за несколько дней до выборов!) «единство» после 5-ти лет борьбы.

Рабочие — не дети, чтобы поверить в такую сказку. Можно принять лишь одно из трех решений: 1) выбрать ликвидатора; 2) выбрать противника ликвидаторства; 3) выбрать колеблющегося. За пять лет, 1908—1912, никого другого в среде с.-д. не было и теперь нет!

Рабочие, которые хотят быть взрослыми и самостоятельными людьми, должны не допустить того, чтобы среди них были штрейк-брехеры в политике. Рабочие должны заставить уважать и исполнять волю большинства сознательных рабочих.

Рабочим нужен такой депутат, который бы выражал волю большинства и твердо знал, какую работу он будет вести в Думе и вне Думы.

Воля большинства заявлена, и депутат от Питера должен быть решительным противником ликвидаторства, сторонником последовательной рабочей демократии.

*„Правда“ № 144.
16 октября 1912 г.
Подпись: И.*

Балканские народы и европейская дипломатия.

Всеобщий интерес устремлен теперь на Балканы. И это понятно. Для всей Восточной Европы бьет, может быть, час, когда скажут свое свободное и решительное слово сами народы. Игре буржуазных «держав» и их дипломатов, превзошедших науку интриг, подсиживаний и корыстных подножек друг другу, нет теперь места.

Балканские народы могли бы сказать, как говаривали в старину наши крепостные: «беги нас, пуще всех печалей, и барский гнев и барская любовь». И враждебное и, якобы, дружелюбное вмешательство «держав» Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации.

Поэтому, между прочим, надо бороться и с казенно-правительственной и с либеральной «дипломатией». Насквозь лживы, например, рассуждения «Речи», которая приглашала на-днях «русское общество» (то-есть буржуазию) запомнить слова английского министерского органа, что Европа-де не допустит «дурного управления» на Балканах! «Пусть наша дипломатия не складывает рук», — кричит «Речь».

Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе не несет Балканам даже самая «либеральная» буржуазная Европа, — ответим мы. Именно «Европа» мешает установлению федеративной балканской республики.

Передовые рабочие на Балканах и вся балканская демократия возлагают свои надежды исключительно на развитие сознательности, демократизма и самодеятельности масс, а не на интриги буржуазных дипломатов, какими бы либеральными фразами они себя ни прихорашивали!

*„Правда“ № 144.
16 октября 1912 г.*

Подпись: В.

Позорная резолюция.

Резолюция Петербургской городской думы от 10 октября обратила на себя общественное внимание.

Резолюция относится к балканской войне — самому важному событию в мировой политике. Резолюция исходит от влиятельного — среди буржуазии — общественного учреждения. Резолюция принята единогласно отъявленными реакционерами и либералами.

Либерал, чуть ли не «демократ» (!?) и кадет, Фальборк в «горячей речи» доказывал необходимость подобной резолюции и участвовал в комиссионной подготовке, а также голосовании ее.

А резолюция эта — образец буржуазного шовинизма, образец недостойного прислужничества буржуазии перед «власть имущими», образец поддержки буржуазией той политики, которая превращает народы в пушечное мясо.

«Петербург, — так говорится в резолюции, адресованной столицам воюющих балканских держав, — вместе с вами живет надеждой на то светлое будущее независимой свободы угнетенных народов, во имя которой вы проливаете кровь».

Вот за какими фразами прячется шовинизм! Никогда и нигде «свобода» не достигалась угнетенными народами посредством войны одного народа против другого. Войны народов только усиливают порабощение народов. Действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерацией вполне и до конца демократических государств.

И славянский и турецкий крестьянин на Балканах — братья, одинаково «угнетенные» своими помещиками и своими правительствами.

Вот где настоящее угнетение, вот где настоящая помеха «независимости» и «свободе».

Реакционные и либеральные шовинисты, объединившиеся в Петербургской городской думе открыто (как они объединены прикровенно в печати, ибо суждения «Речи» и «Нового Времени» по этому вопросу в сущности однородны, отличаясь лишь тоном и частностями) — эти шовинисты проповедуют превращение народов в пушечное мясо!

*„Правда“ № 146.
18 октября 1912 г.*

Подпись: Т.

Две утопии ⁹⁶):

Утопия есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — место. Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка.

Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил.

Чем меньше свободы в стране, чем скуднее проявления открытой борьбы классов, чем ниже уровень просвещения масс, — тем легче возникают обыкновенно политические утопии, и тем дольше они держатся.

В современной России два рода политических утопий держатся наиболее крепко и оказывают известное влияние на массы своей привлекательностью. Это — утопия либеральная и утопия народническая.

Либеральная утопия состоит в том, будто можно было бы, миром и ладом, никого не обижая, Пуришкевичей не смещая, без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы, добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России, в ее политической свободе, в положении масс трудящегося народа. Это — утопия мира свободной России с Пуришкевичами.

Народническая утопия есть мечтание интеллигента-народника и крестьянина-трудолика о том, будто можно было бы новым и справедливым разделом всех земель устранить власть и господство капитала, устранить наемное рабство или будто можно было бы удержать «справедливый», «уравнительный» раздел земель при господстве капитала, при власти денег, при товарном производстве.

Чем порождены эти утопии? почему они держатся довольно крепко в современной России?

Они порождены интересами классов, которые ведут борьбу против старого порядка, крепостничества, бесправия, «против Пуришке-

вичей», одним словом, и которые не занимают самостоятельного положения в этой борьбе. Утопия, мечтания есть порождения этой несамостоятельности, этой слабости. Мечтательность — удел слабых.

Либеральной буржуазии вообще, либерально-буржуазной интеллигенции в особенности нельзя не стремиться к свободе и законности, ибо без этого господство буржуазии не полно, не безраздельно, не обеспечено. Но буржуазия боится движения масс более, чем реакции. Отсюда — поразительная, невероятная слабость либерализма в политике, его полнейшее бессилие. Отсюда — бесконечный ряд двусмысленностей, лжи, лицемерия, трусливых уверток во всей политике либералов, которые должны играть в демократизм, чтобы привлечь на свою сторону массы, и которые в то же время глубоко антидемократичны, глубоко враждебны движению масс, их почину, их инициативе, их манере «штурмовать небо», как выразился однажды Маркс про одно из европейских массовых движений прошлого века.

Утопия либерализма есть утопия бессилия в деле политического освобождения России, утопия своекорыстного денежного мешка, который желает «мирно» поделить привилегии с Пуришкевичами, выдавая это благородное желание за теорию «мирной» победы русской демократии. Либеральная утопия есть мечтание о том, как бы победить Пуришкевичей, не нанося им поражения, как бы их сломить, не причиняя им боли. Ясно, что эта утопия вредна не только тем, что она — утопия, но и тем, что она развращает демократическое сознание масс. Массы, верующие в эту утопию, никогда не добьются свободы; такие массы не достойны свободы; такие массы вполне заслужили, чтобы над ними измывались Пуришкевичи.

Утопия народников и трудовиков есть мечтание мелкого хозяйчика, который стоит посередине между капиталистом и наемным рабочим, об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы. Когда вопрос об экономическом освобождении станет для России таким же ближайшим, непосредственным, злободневным вопросом, каким является сейчас вопрос об освобождении политическом, тогда утопия народников окажется не менее вредной, чем утопия либералов.

Но теперь Россия переживает еще эпоху ее буржуазного, а не пролетарского преобразования; не вопрос об экономическом освобождении пролетариата назрел до самого конца, а вопрос о политической свободе, то-есть (по сути дела) о полной буржуазной свободе.

И в этом последнем вопросе утопия народников играет своеобразную историческую роль. Будучи утопией насчет того, каковы

должны быть (и будут) экономические последствия нового раздела земель, она является спутником и симптомом великого, массового демократического подъема крестьянских масс, т.-е. масс, составляющих большинство населения буржуазно-крепостнической, современной России. (В чисто буржуазной России, как в чисто буржуазной Европе, крестьянство не будет большинством населения.)

Утопия либералов развращает демократическое сознание масс. Утопия народников, развращая их социалистическое сознание, является спутником, симптомом, отчасти даже выразителем их демократического подъема.

Диалектика истории такова, что в качестве антикапиталистического средства народники и трудовики предлагают и проводят максимально-последовательную и решительную капиталистическую меру в области аграрного вопроса в России. «Уравнительность» нового раздела земель есть утопия, но необходимый для нового раздела полнейший разрыв со всем старым и помещичьим, и надельным, и «казенным» землевладением есть самая нужная, экономически-прогрессивная, наиболее для такого государства, как Россия, настоящая мера в буржуазно-демократическом направлении.

Надо помнить замечательное изречение Энгельса:

«Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле».

Энгельс высказал это глубокое положение по поводу утопического социализма: этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле.

Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость несправедливостью с точки зрения законов обмена. Против этого социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно», вполне «справедливо».

Но утопический социализм был прав в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX-го века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому.

Глубокое положение Энгельса необходимо помнить при оценке современной народнической или трудовической утопии в России (может быть, не в одной России, а в целом ряде азиатских государств, переживающих в XX-м веке буржуазные революции).

Ложный в формально-экономическом смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии, этот демократизм есть истина той своеобразной, исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы.

Либеральная утопия отучает крестьянские массы бороться. Народническая выражает их стремление бороться, обещая им за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа даст лишь сто благ. Но разве не естественно, что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, заброшенности, забитости, преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?

Либеральная утопия — прикрытие своекорыстного желания новых эксплуататоров поделить привилегии со старыми эксплуататорами.

Народническая утопия — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии совсем покончить со старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда «заодно» устранить эксплуататоров новых, капиталистических.

Ясно, что марксисты, враждебные всяким утопиям, должны отстаивать самостоятельность класса, который может без завета бороться против феодализма именно потому, что он даже и на сотую долю не «увязил коготок» в том участии в собственности, которое делает из буржуазии половинчатого противника, а зачастую и союзника феодалов. У крестьян «коготок увяз» в мелком товарном производстве; они могут при благоприятном стечении исторических обстоятельств добиться самого полного устранения феодализма, но они не случайно, а неизбежно всегда будут проявлять известные колебания между буржуазией и пролетариатом, между либерализмом и марксизмом.

Ясно, что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс.

В старой марксистской литературе, 80-х годов прошлого века, можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX-го века.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Подпись: В. И.*

1913 ГОД

Итоги выборов.

Избирательная кампания в IV Думу подтвердила ту оценку исторического момента, которую с 1911 года давали марксисты. Оценка эта сводилась к тому, что первая полоса в истории русской контр-революции окончилась. Началась вторая полоса, характеризующая пробуждением «легких отрядов» буржуазной демократии (студенческое движение), наступательным экономическим и еще более не-экономическим рабочим движением и т. п.

Экономическая депрессия, решительное наступление контр-революции, отступление и распад сил демократии, разгул ренегатских, «веховских», ликвидаторских идей в «прогрессивном лагере», — вот чем отличается первая полоса (1907 — 1911). Вторая же полоса (1911 — 1912) и в экономическом и в политическом, и в идейном отношении отличается противоположными чертами: подъем промышленности, неспособность контр-революции к дальнейшему наступлению прежней силы или энергии и т. д., пробуждение демократии, заставившее прятаться настроения веховства, ренегатства, ликвидаторства.

Таков общий фон картины, который необходимо иметь в виду для правильной оценки избирательной кампании 1912 г.

1. „Делание“ выборов.

Всего более бросающаяся в глаза отличительная черта выборов в IV Думу, это — систематическая подделка этих выборов правительством. Мы не задаемся здесь целью подвести итоги «деланию выборов»; об этом совершенно достаточно говорила вся либеральная и демократическая пресса; об этом же говорит обстоятельный запрос кадетов в IV Думе; этому вопросу нам удастся, вероятно, посвятить особую статью, когда будут сведены вместе обширные и все возрастающие в числе документальные данные.

В настоящее же время отметим лишь основные итоги делания выборов и главное политическое значение этого «делания».

Мобилизация духовенства против либеральных и октябристских помещиков; удешевление репрессий и бесцеремоннейшее нарушение закона, направленное против буржуазной демократии в городах и в деревнях; попытки теми же средствами вырвать рабочую курию у социал-демократии — таковы основные приемы делания выборов в 1912 году. Целью всей этой политики, напоминающей политику бонапартизма, было образование право-националистического большинства в Думе, и цель эта, как известно, не достигнута. Но мы увидим ниже, что «отстоять» прежнее, третьедумское, положение в нашем, извините за выражение, парламенте правительству удалось: в IV Думе осталось два большинства, право-октябристское и октябристско-кадетское.

Избирательный закон 3 июня 1907 года «строил» государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, при чем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над обоими элементами стояла фактически неурезанная старая власть. О том, какова была и каковой остается специфическая природа этой власти, созданная вековой историей крепостничества и т. д., говорить сейчас не приходится. Во всяком случае, сдвиг 1905 года, крах старого, открытые и могучие выступления масс и классов заставили искать союза с теми или иными социальными силами.

Надежды на «серячка», на мужика, существовавшие в 1905—6 г.г. (Булыгинский и Виттевский избирательные законы) были разрушены. Третьеиюньская система «ставила ставку на сильных», на помещиков и тузов буржуазии. И вот опыт III Думы в течение всего каких-нибудь пяти лет начал уже подрывать и эту «ставку»! Нельзя себе представить большей угодливости, чем октябристская в 1907—1912 г.г. а все же «не угодили» и октябристы. Даже с ними глубоко родственная им по натуре старая власть (так наз. «бюрократия») не могла ужиться. Буржуазная политика в деревне (закон 9 ноября) и всяческое содействие капитализму — все это направлялось теми же Пуришкевичами, и результаты оказались плачевными. Пуришкевичевщина, подновленная, отремонтированная, освеженная новой аграрной политикой, новой системой представительных учреждений, продолжала давить все и вся, тормозя развитие.

В третьеиюньской системе оказалась трещина. «Делание» выборов стало неизбежным, как неизбежны исторические приемы бонапартизма, когда нет твердой, прочной, испытанной цельной социальной опоры, когда приходится лавировать между разнородными

элементами. Если демократические классы бессильны или особенно ослаблены временными причинами, то подобные приемы могут сопровождаться «успехами» в течение ряда лет. Но даже «классические» примеры Бисмарка в 60-х годах прошлого века или Наполеона III свидетельствуют, что без самых крутых переломов (в Пруссии это была «революция сверху» и несколько исключительно удачных войн) дело обойтись не может.

2. Новая Дума.

Чтобы определить результаты выборов, возьмем официальные данные о партийном составе IV Думы, сравнивая их с III Думой не только в конце ее существования (1912 г.), но и в начале (1908 г.). Получаем следующую поучительную картину *):

П А Р Т И И.	Третья Дума.		Четвертая Дума.
	1908 г.	1912 г.	
Правые.	49	46	65
Национ. и умер.-пр.	95	102	120
Октябристы	148	120	98
Прогрессисты.	25	36	48
Кадеты	53	52	59
Три национ. группы	26	27	21
Трудовики	14	14	10
Социал-демократы	19	13	14
Беспартийные	—	27	7
Всего.	439	437	442

Первый вывод из этих данных — тот, что в IV Думе остались прежние два большинства: право-октябристское в 283 голоса (65 + 120 + 98) и октябристско-кадетское в 226 голосов (98 + 48 + 59 + 21).

*) Данные из думских изданий: «Указатель» за 1908 год; «Справочник» за 1912 г. и «Справочный Листок (IV) Гос. Думы», 1912, № 14, от 2 декабря 1912 г., исправленные данные по 1 декабря 1912 г. — Три национ. группы: поляки, белоруссы и мусульмане.

Самодержавному правительству практически всего более важно «свое» большинство в Думе. Разница между III и IV Думами в этом отношении ничтожна. В III Думе право-октябристское большинство составляло 292 голоса в начале, 268 голосов в конце. Теперь получилось среднее между этими цифрами: 283.

Но падение правого большинства с начала до конца III Думы настолько значительно, что правительство не могло, оставаясь самодержавным правительством, не прибегать к экстренным мерам делания выборов. Это делание — не случайность и не отступление от системы, как любят изображать дело Мейендорфы, Маклаковы и К^о, а необходимость для поддержания «системы».

Вы говорите о «примирении власти со страной» (т.-е. с буржуазией), гг. либералы с Маклаковым во главе? Но если так, то одно из двух. Или ваши речи о примирении не пустые слова, — тогда вы должны принять и «делание выборов», ибо таково реальное условие примирения с реальной властью. Вы ведь такие любители «реальной политики»! Или ваши «протесты» против «делания выборов» не пустые слова, — и тогда вы должны говорить не о примирении, а о чем-то, совсем на примирение не похожем...

Второе большинство третьейюньской системы, — октябристско-либеральное, — составляло 252 голоса в начале III Думы, 235 в конце ее и упало до 226 в IV Думе. По сути дела, следовательно, правительственная «избирательная кампания» удалась; правительство добилось своего, подтвердив паки и паки на практике свое самодержавие. Ибо крики о право-националистическом большинстве были лишь торговлей с запросом. Действительно же правительство нуждается в обоих большинствах, которые оба стоят на контр-революционной почве.

Нельзя достаточно настаивать на этом последнем обстоятельстве, которое затушевывают либералы, чтобы вести за нос демократию, а либеральные рабочие политики (ликвидаторы) по недомыслию. Блок к.-д. с октябристами, так ярко обнаружившийся при выборах Родзянки (а еще ярче, пожалуй, сказался этот блок в неприличных, рабских фразах «Речи» по поводу речи Родзянки), — этот блок вовсе не «техническое» только дело. Этот блок выражает единство контр-революционных настроений буржуазии вообще, от Гучкова до Милюкова; этот блок возможен только благодаря этим настроениям.

С другой стороны, и правительству необходимо либерально-октябристское большинство с точки зрения всей системы третьейюньского режима. Ибо III (и IV) Дума вовсе не «картонное» учреждение, как болтают нередко «левые» народники, погрязшие безнадежно в бо-

лоте ропшинских переживаний ⁹⁷⁾ и «отзовистской» фразы. Нет, III и IV Думы — этап в развитии самодержавия и в развитии буржуазии, — необходимая, после побед и поражений 1905 года, попытка их сближения на деле. И фиаско этой попытки будет фиаско не только Столыпина и Макарова, не только Маркова 2 и Пуришкевича, но и «примирителя» Маклакова с К⁰!

Правительству необходимо либерально-октябристское большинство, чтобы пытаться вести Россию вперед при сохранении всевластия Пуришкевичей. А средств обуздания, умерения необыкновенно быстрого, чересчур ретивого либерально-октябристского «прогрессизма» у правительства сколько угодно: и Гос. Совет, и многое иное прочее...

3. Изменения внутри третьейиюньской системы.

Приведенные выше данные представляют интересный материал по вопросу об эволюции политических партий, группировок и течений среди помещиков и течений среди помещиков и буржуазии в эпоху контр-революции. О демократии как буржуазной (крестьянской), так и рабочей, состав III и IV Думы не говорит почти ничего по той простой причине, что третьейиюньская система нарочито построена для исключения демократии. Равным образом и «национальные» партии, т.-е. не принадлежащие к «главенствующей» народности, специально угнетены и придушены 3-им июня.

Поэтому мы выделим только правых, октябристов и русских либералов — партии, прочно устроившиеся в третьейиюньской системе и огражденные ею от демократии, — и посмотрим на изменения внутри этих партий.

П А Р Т И И.	Третья Дума.		Четвертая Дума.	Сравнение четвертой Думы с нач. третьей.
	1908 г.	1912 г.		
Правые	144	148	185	+ 41, т.-е. + 28%
Октябристы	148	120	98	— 50 » » — 34%
Либералы (прогр. и к.-д.)	78	88	107	+ 29 » » + 37%

Отсюда ясно видно, как тает так наз. «центр» среди привилегированных слоев и как усиливаются их правое и либеральное крылья.

Интересно, что увеличение либералов среди помещиков и буржуазии идет быстрее роста правых, несмотря на самые экстренные меры, принятые правительством для подтасовки выборов в пользу правых.

Есть люди, которые, имея в виду эти факты, охотно говорят пышные слова об обострении противоречий третьей июньской системы, о грядущем торжестве умеренно-буржуазного прогрессизма и т. п. Эти люди забывают, во-1-х, что, если растет среди помещиков и особенно буржуазии число либералов, то всего быстрее растет правое крыло либералов, всю политику свою всецело строящее на «примирении» с правыми. Об этом мы скажем сейчас подробно. Во-2-х, эти люди забывают, что пресловутое «левение буржуазии» является лишь симптомом действительного левения демократии, которая одна способна дать движущие силы к серьезной перемене режима. В-3-х, эти люди забывают, что третья июньская система специально рассчитана на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком общем их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности.

Далее. Наши либералы любят рисовать дело так, что разгром октябристов вызван «деланием выборов», лишившим поддержки эту, дескать, «партию последнего правительственного распоряжения» и т. п. Сами либералы, разумеется, выступают при этом в роли честной оппозиции, независимых людей, даже «демократов», тогда как в действительности отличие какого-нибудь Маклакова от октябристов совершенно призрачное.

Посмотрите на изменения, происшедшие между III и IV Думой, сравнительно с изменениями, происшедшими между началом и концом III Думы. Вы увидите, что внутри III Думы октябристская партия потеряла большее число своих членов (28), чем на выборах в IV Думу (22). Это не значит, конечно, что «делания выборов» не было; оно было в самых бесшабашных размерах, особенно против демократии. Но это значит, что помимо всякого делания выборов, помимо даже правительственного воздействия и «политики» вообще, идет процесс партийного межевания среди имущих классов России, процесс отмежевки правого крепостнически-реакционного крыла контр-революции от либерально-буржуазного крыла той же контр-революции.

Различия между отдельными группами и фракциями право-октябристского думского большинства (правые, националисты, умеренно-правые, «центр», правые октябристы и т. п.) так же неустойчивы, неопре-

деленны, случайны, нередко искусственно подтасованы, как и различия внутри октябристско-либерального большинства (левые октябристы, прогрессисты, кадеты). Характерно для переживаемой нами эпохи вовсе не то, что зависимых от правительства октябристов вытесняет будто бы независимый (это Маклаков-то!) конституционалист-демократ. Это — глупая либеральная побасенка.

Характерно то, что идет процесс образования настоящих классовых партий и, в частности, под шумок ярко-оппозиционных возгласов и сладеньких речей о «примирении власти с страной», идет сплочение партии контр-революционного либерализма.

Самая распространенная в России либеральная пресса употребляет все усилия, чтобы затушевать этот процесс. Потому мы обратимся еще раз к точным данным думской статистики. Будем помнить, что о партиях, как и об отдельных людях, надо судить не по их словам, а по их делам. На деле к.-д. и прогрессисты идут вместе во всем наиболее важном, а те или другие с октябристами и в III и в IV Думе и на недавно кончившихся выборах (Екатеринославская губерния: блок Родзянки с к.-д.) по целому ряду вопросов.

Посмотрим же на данные об этих трех партиях:

П А Р Т И И.	Третья Дума.		Четвертая Дума.	Сравнение четвертой Думы с нач. третьей.
	1908 г.	1912 г.		
Октябристы	148	120	98	— 50, т.-е. — 34%
Прогрессисты.	25	3	48	+ 23 » » + 92%
Кадеты.	53	52	59	+ 6 » » + 11%

Мы видим громадное и неуклонное уменьшение у октябристов; — ничтожное уменьшение, затем небольшое увеличение у к.-д., — громадное и неуклонное повышение у прогрессистов, которые почти удвоились в числе за 5 лет.

Если бы мы взяли за 1908 год данные, сообщаемые г. Милюковым в «Ежегоднике Речи» на 1912 г., стр. 77, то картина получилась бы еще гораздо рельефнее. Г. Милюков считает, что в III Думе в 1908 году было 154 октябриста, 23 прогрессиста и 56 кадетов. По сравнению с IV Думой это дает совсем ничтожное увеличение числа кадетов и более чем удвоение числа прогрессистов.

Прогрессисты в 1908 г. были более чем вдвое слабее кадетов. Теперь число прогрессистов составляет свыше 80% числа кадетов.

Получается, следовательно, тот неоспоримый факт, что в русском либерализме за время контр-революции (1908 — 1912 г.г.) самое характерное — громадный рост прогрессизма.

А что такое прогрессисты?

И по своему составу и по своей идеологии, это — помесь октябристов с кадетами.

Прогрессисты в III Думе еще назывались мирнообновленцами, и один из их вождей, контр-революционный дворянчик Львов, был в I Думе кадетом. В III Думе число прогрессистов, как мы видели, увеличилось с 25 до 36, т.-е. на 11 человек; из этих 11 депутатов 9 перешли к прогрессистам от других партий, именно: 1 от кадетов, 2 от умеренно-правых, 1 от националистов и 5 от октябристов.

Быстрый рост прогрессистов среди политических представителей русского либерализма и успех «Вех» среди «общества», это — две стороны одной медали. Прогрессисты осуществляли в практической политике то, что проповедывали в теории «Вехи», оплевывая революцию, отрекаясь от демократии, прославляя грязное обогащение буржуазии, как божие дело на земле, и т. д. и т. п.

Когда кадет Маклаков ораторствует о примирении власти с страной он только воспекает то, что прогрессисты делают.

Чем дальше мы отходим от 1905 и 1906 г.г., тем яснее становится, насколько были правы большевики тогда, разоблачив кадетов в момент наибольшего упоения их «победами», показав настоящую сущность их партии, раскрываемую теперь все нагляднее и нагляднее всем ходом событий.

Русская демократия не сможет одержать ни одной победы, если она не подорвет решительно «престижа» к.-д. среди масс. И обратно, фактическое слияние кадетов с веховцами и прогрессистами есть одно из условий и один из симптомов сплочения и укрепления демократии под руководством пролетариата.

4. Из-за чего шла борьба на выборах?

Этот вопрос всего более отодвигается на второй план в преобладающем числе рассуждений и статей о выборах, или даже затушевывается совершенно. А между тем это есть вопрос об идейно-политическом содержании выборной кампании, самый важный вопрос, без уяснения которого все остальные вопросы, все обычные данные о «процентах оппозиции» и т. д. совершенно теряют цену.

Самый распространенный ответ на этот вопрос состоит в том, что борьба шла из-за того, быть или не быть конституции. Так смотрят правые. Так смотрят либералы. Всю правую и всю либеральную печать проникает тот взгляд, что боролись, в сущности, два лагеря, один за, другой против конституции. Вождь партии к.-д., г. Милюков, и официальный орган этой партии, «Речь», прямо выдвигали эту теорию двух лагерей и притом от имени конференции партии к.-д.

Посмотрите же на эту «теорию» с точки зрения итога выборов. Как она выдержала испытание действительностью?

Первый шаг новой Думы ознаменовался блоком к.-д. с октябристами (и даже с частью правых) на «конституционной» кандидатуре Родзянки, речь которого, содержащую, якобы, конституционную программу, кадеты приветствовали восторженно *).

Вождь октябристов, Родзянко, причисляемый, как известно, к числу правых октябристов, считает себя конституционалистом, как и Крупенский, вождь «фракции центра», или консервативных конституционалистов.

Сказать, что борьба шла из-за конституции,—значит ничего не сказать, ибо сейчас же встает вопрос, о какой конституции идет речь? о конституции ли в духе Крупенского? или Родзянки? или Ефремова-Львова? или Маклакова-Милюкова? А дальше идет еще более важный вопрос, вопрос не о пожеланиях, заявлениях, программах,—которые остаются на бумаге,—а о действительных средствах достижения желаемого.

По этому главнейшему (и единственно серьезному) пункту не опровергнутым и неопровержимо-правильным остается перепечатанное в 1912 г. (№ 117) «Речью» заявление г. Гредескула о ненужности новой революции, о том, что нужна «лишь конституционная работа». Это заявление идейно-политически объединяет кадетов с октябристами гораздо прочнее и глубже, чем тысячекратные уверения в преданности конституции и даже... демократии, якобы, разделяют их.

Из всех, читаемых в России газет, вероятно, около 90% составляют октябристские и либеральные издания. Внушая читателям мысль о двух лагерях, из коих один за конституцию, вся эта пресса оказывает громадное развращающее действие на политическое сознание масс.

---

*) Кроме тогдашних статей «Речи», см. заявление г. Милюкова в Думе 13 дек. 1912 г «Председатель (Родзянко) произнес речь... сделал свою декларацию, которую мы признали нашей» («Речь», № 343, от 14/XII). Вот какова конституционная (не шутите!) декларация кадетов.

Стоит только подумать, что вся эта кампания заканчивается Родзянковской «конституционной» декларацией, которую принимает Милюков!

Нельзя достаточно настаивать, в виду такого положения дел, на повторении старых — и многими забытых — истин политической науки. Что такое конституция? — вот злободневный вопрос в России.

Конституция есть сделка между историческими силами старого (дворянского, крепостнического, феодального, абсолютистского) общества и либеральной буржуазией. Реальные условия этой сделки, размер уступок старого или побед либеральной буржуазии, определяются успехами побед демократии, широких народных масс (и рабочих в первую голову) над силами старого.

Наша избирательная кампания могла найти свое завершение в принятии Милюковым «декларации» Родзянки только потому, что на деле либерализм добивается не уничтожения привилегий старого (экономических, политических и т. д.), а дележа их между (коротко говоря) помещиками и буржуазией. Народного, массового движения, демократии либерализм боится больше, чем реакции: вот откуда происходит поразительное, с точки зрения экономической силы капитала, бессилие либерализма в политике.

В системе 3-го июня либерализм имеет монополию терпимой полулегальной оппозиции, и начало нового политического оживления (употребляем слишком слабое и неточное слово) ставит широкие слои новой, подрастающей, демократии под влияние этих монополистов. Поэтому вся суть вопроса о политической свободе в России сводится теперь именно к уяснению того, что борются не два, а три лагеря, ибо только этот последний, затушевываемый либералами, лагерь действительно имеет силу осуществить политическую свободу.

На выборах 1912 года борьба шла вовсе не «из-за конституции», ибо кадеты, главная либеральная партия, главным образом нападавшая на октябристов и побивавшая их, соединились с декларацией Родзянки. Борьба шла, сдавленная полицейскими тисками третьеиюньской системы, из-за пробуждения, укрепления, сплочения самостоятельной, независимой от колебаний и «октябристских симпатий» либерализма, демократии.

Вот почему рассматривать настоящее идейно-политическое содержание избирательной кампании с точки зрения только «парламентской» — есть основная ошибка. Во сто раз реальнее всех «конституционных» программ и платформ вопрос о том, как относились разные партии и группы к политическому стачечному движению, ознаменовавшему 1912 год.

Для отделения буржуазных партий любой страны от пролетарских одно из лучших проверочных средств: отношение к экономическим стачкам. Раз известная партия в своей печати, в своих организациях, в своих парламентских выступлениях не борется вместе с рабочими в экономических стачках, — эта партия есть буржуазная партия, сколько бы она ни клялась своей «народностью», своим «радикальным социализмом» и т. п. В России, *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями), то же надо сказать про партии, желающие слыть демократическими: не божись тем, что ты написал на такой-то бумажке конституцию, всеобщее избирательное право, свободу коалиций, равноправие национальностей и т. п., этим словам — грош цена, а покажи мне твои дела в отношении к политическому стачечному движению 1912 года! И этот критерий еще не полон, но все же это есть деловой критерий, а не пустой посул.

5. Проверка жизнью избирательных лозунгов.

Избирательная кампания потому представляет выдающийся интерес для всякого сознательного политического деятеля, что она дает объективный материал по вопросу о взглядах, настроениях, а следовательно, и интересах различных классов общества. Выборы в представительное учреждение можно сравнить в этом отношении с переписью населения: выборы дают политическую статистику. Разумеется, эта статистика бывает хорошая (при всеобщем и т. д. избирательном праве), бывает и дурная (выборы в наш, извините за выражение, парламент); разумеется, эту статистику, — как и всякую другую, — надо научиться критиковать и с критикой использовать. Разумеется, наконец, эту статистику надо брать в связи со всей социальной статистикой вообще, и, напр., статистика стачек для тех, кто не заражен болезнью парламентского кретинизма, часто окажется в сто раз серьезнее и глубже, чем статистика выборов.

Но за всеми этими оговорками остается несомненным, что выборы дают материал объективный. Проверка субъективных желаний, настроений, взглядов учетом голосования масс населения, принадлежащих к разным классам, всегда должна быть ценна для политика в сколько-нибудь серьезном значении этого слова. Борьба партий на деле, перед избирателем, с подсчетом итогов — всегда дает материал, проверяющий наше понимание того, каково соотношение общественных сил в стране, каково значение тех или иных «лозунгов».

С этой точки зрения мы и попытаемся взглянуть на итоги выборов.

По вопросу о политической статистике главное, что приходится здесь сказать, это — явная негодность большей части ее вследствие бесстыднейшего применения «мер» администрации: «разъяснения», давление, аресты, высылки и т. д. и т. п. без конца. Г. Череванин, напр., подводящий в «Нашей Заре» № 9—10 итоги по данным о нескольких стах выборщиков разных курий, вынужден признать, что понижение процента оппозиционных выборщиков (по сравнению с выборами в III Думу) во II городской курии и в крестьянской «смешно было бы» принимать за доказательство поправления. Единственная курия, относительно которой Мымрецовы, Хвостовы, Толмачевы, Муратовы и К^о не могли провести подтасовки, это первая городская курия. И она показала рост числа «оппозиционных» выборщиков с 56% до 67%, при упадке октябристов с 20% до 12%, а правых с 24% до 21%.

Но, если «разъяснения» свели на-нет значение выборной статистики относительно выборщиков, если демократические классы, вообще исключенные из привилегированных третьиуньцев, испытали на себе всю прелесть этих разъяснений, то отношение либерализма к демократии все же проявилось на выборах. По этому пункту все же получился объективный материал, позволяющий опытом жизни проверить то, что думали и говорили разные «течения» до выборов.

Вопрос об отношении либерализма к демократии вовсе не является «только партийным» вопросом, т.-е. таким, который существует только с точки зрения одной из строго-партийных линий. Нет. Вопрос этот — самый существенный для всякого, кто стремится к политической свободе на Руси. Вопрос этот именно о том, как же добиться предмета общих стремлений всего порядочного и честного в России.

Начиная избирательную кампанию в 1912 году, марксисты ставили как раз во главу угла лозунги последовательного демократизма в противовес либеральной рабочей политике. Проверка этих лозунгов возможна двоякая: во-1-х, рассуждением и опытом других стран; во-2-х, опытом кампании 1912 г. Верны или не верны лозунги марксистов, это должно быть видно теперь из того, какое отношение на деле сложилось между либералами и демократами. Объективизм этой проверки лозунгов в том и состоит, что не мы сами проверяли их, а массы, и не только массы вообще, а наши противники в частности.

Сложились ли на выборах и в итоге выборов отношения либералов и демократии так, как ожидали марксисты? или так, как ожидали либералы? или так, как ожидали ликвидаторы?

Чтобы разобраться в этом вопросе, припомним сначала эти «ожидания». В самом начале 1912 г., когда вопрос о выборах только что поднялся, когда у к.-д. (на их конференции) было выкинуто знамя единой оппозиции (т.-е. двух лагерей) и допустимости блоков с левыми октябристами, — рабочая пресса подняла вопрос о лозунгах в статьях Мартова и Дана в «Живом Деле», Ф. Л-ко⁹⁸) и других в «Звезде» (№№ 11 (47) и 24 (60), а «Ж. Д.» №№ 2 и 8).

Мартов выставляет лозунг: «выбить реакцию из ее думских позиций»; Дан «вырвать Думу из рук реакции». Мартов и Дан упрекали «Звезду» в угрозах либералам и в стремлении вымогать места в Думе у либералов.

Три позиции обрисовались ясно:

1) К.-д. за единую оппозицию (т.-е. за 2 лагеря) и за допущение блоков с левыми октябристами.

2) Ликвидаторы за лозунг: «вырвать Думу из рук реакции», облегчить к.-д. и прогрессистам «прохождение к власти» (Мартов в № 2 «Ж. Д.»). Не вымогать у либералов мест для демократов.

3) Марксисты против лозунга: «вырвать Думу из рук реакции», ибо это значит вырвать помещика из рук реакции. «Практическая задача у нас на выборах совсем не выбивание реакции из ее думских позиций, а усиление демократии вообще, рабочей в особенности» (Ф. Л-ко в № 11 (47) «Звезды»). Либералам надо угрожать, места у них вымогать, идти на бой с ними, не боясь запугивания криками о черносотенной опасности (он же в №№ 24/60). Либералы «приходят к власти» лишь тогда, когда побеждает демократия вопреки колебаниям либерализма.

Расхождение между марксистами и ликвидаторами чрезвычайно глубоко и непримиримо, как бы ни казалось легко разным добрякам словесное примирение непримиримого. «Вырвать Думу из рук реакции» — это целый круг идей, целая система политики, объективно означающая передачу гегемонии либералам. «Вырвать демократию из рук либералов» — противоположная система политики, базирующаяся на том, что только вышедшая из-под зависимости от либералов демократия способна на деле подорвать реакцию.

Посмотрите же, что вышло на деле из сражения, о котором судили и рядили так до его начала.

Возьмем в качестве свидетеля, определяющего результаты сражения, г. В. Левицкого из «Нашей Зари» (№№ 9 — 10), — наверное, этого свидетеля в пристрастии к линии «Звезды» и «Правды» никто уже не заподозрит.

Вот как этот свидетель определяет результаты сражения по 2 городской курии — как известно, единственной курии, в которой было хоть отдаленное подобие «европейских» выборов и в которой есть хоть самая малая возможность подвести итоги о «встречах» либерализма и демократии.

Свидетель насчитал 63 выступления с.-д., из коих в 5 случаях был вынужденный отказ от кандидатуры, в 5 соглашение с другими партиями и 53 самостоятельных выступления. Из этих 53 случаев — 4 в 4-х больших городах и 49 при выборе выборщиков.

Из этих 49 случаев в 9 неизвестно, с кем боролись с.-д.; в 3 случаях — с правыми (все 3 — победа с.-д.); в 1 случае с трудовиками (победа с.-д.); в остальных 36 случаях — с либералами (21 победа с.-д.; 15 поражений).

Выделяя русских либералов, получаем 21 случай борьбы с ними с.-д. Вот результаты:

	П о б е д и л и противн.		Всего случаев.
	С.-д.	С.-д.	
С.-д. против кадетов	7	8	15
» » др. либер. *)	4	2	6
Всего	11	10	21

Итак, главным противником с.-д. были либералы (36 случаев против 3); главные поражения социал-демократам нанесли кадеты.

Далее, из 5 случаев соглашений в двух было общее соглашение оппозиции против правых; в трех «речь может идти о левом блоке против к.-д.» (курсив мой; стр. 98 «Нашей Зари» №№ 9 — 10). Итак, число соглашений меньше 1/10 числа случаев выступлений вообще. Из соглашений 60% соглашения против к.-д.

Наконец, по 4-м большим городам итоги таковы:

	Подано голосов (максим. цифры):			
	СПБ.	Москва.	Р и г а.	
			1-е выбор.	перебал.
За к.-д.	19.376	20.310	3.754	5.517
» с.-д.	7.686	9.035	4.583	4.570
» октябристов	4.547	2.030	3.674	—
» правых	1.990	1.073	272	—
» трудовиков	1.075	—	—	—

*) Прогрессисты и к.-д. вместе с прогрессистами или трудовиками.

Итак, во всех 4-х больших городах с.-д. борются с кадетами, при чем в 1 случае к.-д. побеждают на перебаллотировке при помощи октябристов (относя к таковым кандидата «прибалтийской конституционной партии»).

Выводы самого свидетеля:

«Кадетской монополии на представительство городской демократии приходит конец. Ближайшей задачей с.-д. в этой области является отвоевание от либерализма представительства во всех 5 городах с самостоятельным представительством. «Психологические» (??) и «исторические» (а экономические?) «предпосылки для этого — «левение» демократического избирателя, несостоятельность к.-д. политики, и новое пробуждение пролетарской самодеятельности имеются уже на-лицо» («Н. З.», цит. кн., стр. 97).

6. „Конец“ иллюзиям насчет партии к.-д.

1. Факты доказали, что действительное значение кадетского лозунга «единой оппозиции» или «двух лагерей» состояло в надувании демократии, в обманном присвоении либералами плодов демократического пробуждения, в урезке, притуплении, обессилении либералами этого пробуждения единственной силы, способной двинуть Россию вперед.

2. Факты доказали, что единственная сколько-нибудь похожая на «открытую», на «европейскую» избирательная борьба состояла именно в вырывании демократии из рук либералов. Этот лозунг был живой жизнью, этот лозунг выражал реально идущее пробуждение новой демократии к новому движению. А лозунг ликвидаторов «вырывание Думы из рук реакции» был гнилой выдумкой либерально-интеллигентского кружка.

3. Факты доказали, что только та «бешеная» борьба против к.-д., только то «кадетоедство», за которое упрекали нас бесхарактерные слуги либералов, ликвидаторы, выражало настоящую потребность настоящей массовой кампании, ибо кадеты на деле оказались еще хуже, чем мы их рисовали. Кадеты оказались прямыми союзниками черных против с.-д., Предкальна против с.-д. Покровского!

Ведь это исторический перелом в России: черные, которые доходили до ослепления в ненависти к к.-д., видели главного врага в к.-д., ходом событий приведены к тому, чтобы проводить к.-д. против с.-д. В этом, якобы маленьком, факте выражается величайший партийный сдвиг, показывающий, как поверхностны, в сущности, были нападки черных на к.-д. и обратно, — как легко, в сущности,

Пуришкевич и Милюков нашли себя, нашли свое единство против с.-д.

Жизнь показала, что мы, большевики, не только не преуменьшали возможных блоков с к.-д. (на 2-ой стадии и т. п.), а скорее все еще преувеличивали их, ибо на деле получился ряд случаев блокирования к.-д. с октябристами против нас! Это не значит, конечно, чтобы мы отказались (как хотели некоторые не по разуму усердные вчерашние отзовисты и их друзья) использовать в ряде случаев, в губернских избирательных собраниях, напр., блоки наши с к.-д. против правых. Это значит, что общая линия наша (3 лагеря; демократия против к.-д.) подтверждена и еще более укреплена жизнью.

Кстати, гг. Левицкий, Череванин и др. сотрудники «Нашей Зари» с достойным всякой похвалы усердием и прилежанием собрали ценный материал для нашей статистики выборов. Жаль, что они не свели материалов, — у них, очевидно, имевшихся, — о числе случаев прямых и косвенных блоков к.-д. с октябристами и правыми против с.-д.

Предкальн и Покровский не одиноки; в губернских избирательных собраниях много еще было аналогичных случаев. Их не надо забывать. На них стоит обратить побольше внимания.

Далее. Наш «свидетель», вынужденный сделать приведенные выше выводы о к.-д., совершенно не подумал, какую же оценку партии к.-д. подтвердили эти выводы. Кто называл к.-д. партией городской демократии? И кто с марта 1906 года, а то и еще раньше доказывал, что эта либеральная партия держится обманом демократического избирателя?

Теперь ликвидаторы, как Иваны Непомнящие, запели: «к.-д. монополии приходит конец»... Следовательно, была «монополия»? Что это значит? Монополия есть устранение конкуренции. Была ли конкуренция с.-д. против к.-д. более устранена в 1906—7 г.г., чем в 1912 г.??

Г. В. Левицкий повторяет вульгарную фразу, не думая о смысле произносимых им слов. Монополию он понимает «просто» в том смысле, что преобладали к.-д., а теперь этому конец. Но, если вы претендуете на марксизм, господа, то надо же хоть чуточку вдумываться в вопрос о классовом характере партий и не так беззаботно относиться к своим вчерашним заявлениям.

Если к.-д. партия городской демократии, тогда их преобладание не «монополия», а результат классовых интересов городской демократии! Если же их преобладание оказалось, через пару — другую

лет, «монополией», т.-е. чем-то случайным и ненормальным с точки зрения общих и основных законов капитализма и соотношения классов в капиталистическом обществе, — то тогда, следовательно, те люди, которые принимали к.-д. за партию городской демократии, были оппортунистами, поддавались минутному успеху, преклонялись перед модным блеском кадетизма, отходили от марксистской критики к.-д. на сторону либерального раболепства перед ними.

Вывод г. В. Левицкого целиком, слово в слово, подтверждает то лондонское, 1907 года, решение большевиков о классовой природе к.-д. партии, которое бешено оспаривали меньшевики. Если городская демократия шла за к.-д. «в силу традиции и будущи прямо обманываема либералами», как гласит это решение, то тогда вполне понятно, что тяжелые уроки 1908—1911 г.г. рассеяли «конституционные иллюзии», подорвали «традицию», разоблачили «обман» и тем привели к концу «монополию».

В наше время слишком распространено вольное и невольное забвение прошлого, — до последней степени легкомысленное отношение к точным, прямым, ясным ответам на все важные вопросы политики и к проверке этих ответов богатым опытом 1905—1907 и 1908—12 г.г. Нет ничего столь губительного для пробуждающейся демократии как такое забвение и такое отношение.

7. Об одной „огромной опасности для дворянского землевладения“.

Подводя итоги выборной борьбы, г. Череванин рассчитывает, что у оппозиции «чисто искусственно, только совершенно исключительными мерами вырвано 49 мест». Прибавка этих мест к действительно завоеванным дает, по его мнению, число 207, т.-е. всего на 15 меньше абсолютного большинства. Вывод автора «на почве третьейюньской системы, без чрезвычайных искусственных мер, дворянско-крепостническая реакция потерпела бы на выборах полное и решительное (??!) поражение».

«Перед лицом этой, — продолжает автор, — огромной опасности для дворянского землевладения»... столкновения попов с помещиками неважны (с. 85 цит. кн.).

Вот последствия лозунга о вырывании Думы из рук реакции! Череванин больно наказал Мартова, договорив его лозунг до абсурда и закрепив, так сказать, вместе с «итогами выборной борьбы» итоги ликвидаторских иллюзий.

Прогрессистско-кадетское большинство в IV Думе представило бы «огромную опасность для дворянского землевладения»! Это прямо перл.

Но это не обмолвка, а неизбежный результат всего идейного содержания, который либералы и ликвидаторы старались вложить в избирательную кампанию.

Гигантское увеличение роли прогрессистов по сравнению с к.-д., воплощение этими прогрессистами в политике всего ренегатства (вехизма) кадетов, фактический переход, молчком и тайком, самих кадетов на позицию прогрессизма, — все это не хотели видеть ликвидаторы и все это довело их до «череванинского» перла. «Не надо слишком много говорить о контр-революционности кадетов» — так или приблизительно так писал однажды трудовик (народник-ликвидатор) г. Водовозов. Так же именно смотрели наши ликвидаторы.

Они забыли даже урок III Думы, где кадет Березовский в официальной речи «разъяснил» аграрную программу к.-д. и доказал, что она выгодна дворянам-помещикам. И теперь, в 1912 году, от «оппозиционной» помещичьей Думы, от прогрессистов, этих октябристов малой переделки, ждать «огромной опасности для дворянского землевладения»...

Послушайте, г. Череванин... фантазируйте, да знайте же меру!

Мы имеем прекрасную иллюстрацию итогов выборов в связи с череванинским итогом ликвидаторской тактики. IV Дума приняла, 132 голосами против 78, формулу перехода прогрессистов.

Не кто иной, как октябрист Антонов официально заявил полное удовлетворение этой пошлейшей, пустейшей формулой, как формулой октябристской! Разумеется, г. Антонов прав. Прогрессисты внесли чисто-октябристскую формулу. Прогрессисты сыграли свою роль примирителей октябристов с кадетами.

Октябризм разбит, да здравствует октябризм! «Разбит» октябризм гучковский, здравствует октябризм ефремовски-львовский *).

8. Прикрытие поражения.

Нам осталось рассмотреть итоги выборов по самой важной курии, рабочей.

Что эта курия на стороне с.-д., в этом не было и нет сомнения ни у кого. Борьба не шла уже здесь с народниками: среди них от-

---

*) «Речь» от 16/XII уверяет, что с.-д. тоже голосовали за подлую формулу прогрессистов. Это невероятно. «Правда» молчит об этом. Возможно, что сидевших (или вставших для ухода?) с.-д. «зачислили» в голосовавших за

пора народническому ликвидаторству («Почину» в Париже и эн-эсам в Питере) и народническому отзовизму не нашлось, и это отсутствие отпора упадочным течениям сделало левых народников нулем.

Борьба шла в рабочей курии только между марксистами и либеральными рабочими политиками, ликвидаторами. Марксисты прямо и ясно, открыто и без презренных уверток, провозгласили в январе 1912 г. недопустимость соглашений в рабочей курии (и только в ней) с разрушителями рабочей партии.

Факт этот общеизвестный. Общеизвестно также, что августовская конференция ликвидаторов даже примирителем Плехановым была названа «жалкой», ликвидаторской (вопреки клятвам «Нашей Зари» и резолюции ее) «дипломатией», т.-е., прямее говоря, обманом.

Что же показали итоги выборов?

Дали они, или нет, объективный материал по вопросу о том, в каком отношении стояли январские и августовские заявления к действительности? За кем оказались выборные рабочего класса?

Об этом имеется самый точный статистический материал, который ликвидаторы стараются (тщетно!) затушевать, заслонить, заглушить криками и бранью.

Начиная со второй Думы (первую большинство с.-д. бойкотировало), имеется точный подсчет депутатов Думы от рабочей курии, распределенных между разными «течениями» в с.-д. партии. Вот эти данные:

Депутаты Г. Думы, прошедшие от рабочей курии:

	Меньше- вики.	Больше- вики.	% послед- них.
II Дума . . . (1907)	12	11	47%
III » . . . (1908—12)	4	4	50%
IV » . . . (1912)	3	6	67%

Цифры эти говорят сами за себя!

В 1907 году в партии было большинство у большевиков, подсчитанное официально (107 делег. б-ков и 97 делег. м-ков). Значит, 47% в рабочей курии (во всей фракции было 18 б. + 36 м. = 54) составляли около 25% в рабочей партии.

В 1912 году впервые вся шестерка курialsных депутатов — большевики. Известно, что эти 6 губерний — главные промышленные губернии. Известно, что в них сосредоточена несравненно большая часть пролетариата, чем в других губерниях. Понятно поэтому, — и вполне доказано сравнением с 1907 годом, — что 67% в рабочей курии означают свыше 70% в рабочей партии.

За время третьей Думы, когда интеллигенция бежала из рабочей партии, а ликвидаторы это оправдывали, рабочие бежали от ликвидаторов. Бегство ликвидатора Белоусова из с.-д. фракции III Думы и поворот всей этой фракции (на $\frac{3}{4}$ меньшевистской) от меньшевизма к антиликвидаторству *) были симптомами и верными показателями того, что в рабочей среде идет тот же процесс. И выборы в IV Думу доказали это.

В «Нашей Заре» Оскаров, Мартов, Череванин, Левицкий и т. д. невероятно сердятся поэтому, выбрасывая сотни самых пуришкевичевских «комплиментов» по адресу якобы сектантского, якобы ленинского, якобы кружка.

Хорош кружок и хорошо сектантство, на стороне которого неуклонный рост рабочей курии в 1908 — 1912 г.г. вплоть до 67% этой курии в IV Думе! Неловкие полемисты-ликвидаторы. Они бранят **) нас на чем свет стоит, а выходит самый лучший комплимент для нас.

Решать спорные вопросы обилием выкриков, брани, голословных уверений — обычная манера как раз интеллигентских кружков. Рабочие предпочитают иное: объективные данные. А в России, при теперешнем политическом положении ее, нет и быть не может иного объективного мерила силы и влияния того или иного течения в рабочих массах, как рабочая пресса и рабочая курия Думы.

Поэтому, господа ликвидаторы, чем больше вы будете шуметь и браниться в «Н. З.» и «Луче», тем спокойнее станем мы задавать рабочим вопрос: укажите иной объективный критерий связи с массами, кроме рабочей печати и рабочей курии в Думе.

Пусть читатели, которых оглушают криками о «сектантском» «кружке Ленина» и т. п., подумают спокойно над этими объектив-

---

*) Ликвидатор Оскаров в забавной форме признает этот бесспорный факт: большевики «добились своего: в самый ответственный момент фактически, если не формально, раскололи фракцию» («Н. З.», цит. кн., с. 3) — третьедумскую. «Расколом» здесь названо либо бегство ликвидатора Белоусова, либо то, что из фракции 2 были в ликвидаторской газете, 8 в антиликвидаторской, остальные нейтральны.

**) Обходя итоги выборов по рабочей курии, ликвидаторы охотнее шумят о Питере: позор-де! Конечно, позор, господа! Позор тем, против кого был принят наказ, заранее напечатанный, т.-е. проведенный организацией. Проводить ли и о против наказания позорно. Еще позорнее было отказаться от жеребьевки, когда получилось 3 и 3. Известный в Питере «правдист» П. прямо предложил жеребьевку ликвидатору М., и тот отверг ее! Позор ликвидаторам за питерские выборы!

ными данными о рабочей прессе и рабочей курии в Думе. Эти объективные данные показывают, что ликвидаторы кричат, чтобы прикрыть свое полное поражение.

Но особенно поучительно сравнить возникновение «Луча», — появившегося в день выборов благодаря частной инициативе, — и возникновение «Правды». Апрельская волна рабочего движения — одна из величайших, исторических волн массового рабочего движения в России. Сотни тысяч рабочих, по подсчетам даже фабрикантов, участвовали в этом движении. И само это движение, как свой побочный продукт, создало «Правду», — сначала усилив «Звезду», сделав ее двухдневной из еженедельной, затем подняв рабочие сборы на «Правду» до 76 в марте и до 227 в апреле (считая только групповые рабочие сборы).

Перед нами один из классических образчиков того, как движение, совершенно чуждое реформистского характера, в качестве побочного продукта дает либо реформы, либо уступки, либо раздвижку рамок и т. п.

Реформисты совершают измену по отношению к рабочему движению, когда его великому размаху они ставят реформистские лозунги (как делают наши ликвидаторы). Противники же реформизма оказываются не только верны неурезанным лозунгам пролетариата, они оказываются также и лучшими «практиками»: именно широкий размах, именно неурезанные лозунги и обеспечивают ту силу, которая дает, в качестве побочного продукта, либо уступку, либо реформу, либо раздвижку рамок, либо временную хотя бы необходимость для верхов терпеть неприятное оживление низов.

Пока ликвидаторы в 1908—12 г.г. ругали «подполье», оправдывали «бегство» из него, болтали об «открытой партии», — от них ушла вся рабочая курия, и они не сумели использовать первый и великий подъем апрельско-майской волны!

Г. Мартов в «Н. Заре» признает это печальное для него обстоятельство, облакая признание в особенно забавную форму. Он бранит и признает нолями группы плехановцев и впередовцев, которых сами же ликвидаторы вчера изображали «центрами» и течениями вопреки нашему требованию считаться только с русскими организациями. И Мартов признает с горечью, со злобой, с бездной ядовитых (буренински-ядовитых) словечек, что-де «ленинский» «сектантский кружок» «устоял» и «даже переходит в наступление», «укрепившись на аренах, ничего общего с подпольем не имеющих» («Н. З.», цит. кн., стр. 74).

Но все это признание Мартова вызывает улыбку. Человеческая натура такова, что, когда неприятель делает ошибку, мы злорадуем, — а когда он делает правильный шаг, мы иногда по-детски сердимся.

Благодарим за комплимент, который вам пришлось отпустить по нашему адресу, либеральный ликвидатор! С конца 1908 года мы настаиваем на использовании открытых форм движения, весной 1909 года мы порвали из-за этого с рядом друзей. И если на этих «аренах» мы оказались силой, то только потому, что не жертвовали духом ради формы. Чтобы во-время использовать форму, чтобы уловить апрельский подъем, чтобы получить драгоценное для марксиста сочувствие рабочей курии, надо было не отрекаться от старого, не относиться к нему ренегатски, а отстаивать твердо его идеи, его традиции, его материальные субстраты. Именно эти идеи пропитывали собой апрельский подъем, именно они преобладали в рабочей курии 1912 года и только те, кто был верен им на всех аренах и во всех формах, мог идти в уровень и с этим подъемом и с этой курией.

„Просвещение“ № 1.

Январь 1913 г.

Подпись: В. Ильин.

Откровенно.

Провал в Гос. Совете думского законопроекта о введении земства в Архангельской губ. был уже отмечен в нашей газете. Но на значении этого факта, который, несмотря на всю свою незначительность, в то же время является чрезвычайно характерным, следует еще и еще остановиться.

Почти полвека существует земство дворянское, обеспечивающее безусловное преобладание помещика феодального (по-русски: крепостнического) типа. И лишь в некоторых губерниях, напр., Вятской, где почти нет дворянского землевладения, земство носит более мужицкий характер; но зато здесь оно еще больше оплетено сетью всевозможных чиновничьих запретов, препон, ограничений и разъяснений. Такого, казалось бы, обезвреженного и урезанного земства добивается уже больше полвека и Архангельская губерния.

И вот, постановление черной, помещичьей и буржуазной III Думы о введении архангельского земства отклонено Гос. Советом. Какой поразительно яркий свет проливает эта «мелочь» на сущность нашего «обновленного» строя! Какой превосходный урок насчет классовых корней политики!

Доводы противников земства в Гос. Совете откровенны: дворян там нет, видите ли. Во всей губернии всего 2.660 дес. «частного» землевладения — восклицал г. Стишинский, докладчик в Г. Совете.

Итак, если нет дворян-помещиков, то «народ» не дорос даже до чинки дорог и устройства больниц. Но если помещиков нет, их надо насадить прямо или косвенно.

Насадить откуда? Из центра России, где их достаточно. Помещики черноземного центра, где всего свежее следы крепостного права, где всего более осталось «барщины» (отработочная система хозяйства), где безраздельно господствуют, царят и правят зубры вроде

курских, — вот на кого можно опереться в государственных и общественных делах. В этом смысле отношение Гос. Совета к вопросу об архангельском земстве является весьма поучительным и наглядным уроком нашей государственности.

„Правда“, № 13 (217).

17 января 1913 г.

Подпись: В.

Кабинет Бриана.

Известный ренегат Бриан, бывший некогда архи-революционером и глашатаем «всеобщей стачки», опять оказался во главе министерства во Франции. Как и Джон Бернс в Англии, он изменил рабочему классу и продался буржуазии.

Интересен состав его нового кабинета. В нем царит тройка Жоннар — Этьэнн — Бодэн. Что это за фигуры?

Загляните в либеральные газеты, напр., в «Речь», № 11. Вы увидите подробнейший рассказ о том, где министры учились, где служили. Вы увидите бесстыдную рекламу и желание подслужиться: Жоннар — друг короля Эдуарда! Бодэн — племянник коммунара!

«Жомини да Жомини, а о водке ни полслова». О сути дела «Речь» молчит. А суть эта очень проста: вся тройка — самая прожженная и бесстыдная компания финансовых дельцов и аферистов. Этьэнн участвовал во всех грязных миллионных скандалах, начиная с Панамы. Он — делец по части финансовых операций в колониях, вроде наших башкирских земель... Жоннар участвовал в не менее «чистеньком» добывании концессии на богатейшие железные руды в Уэнце (Африка). Родственники у него сидят в правлениях крупнейших акционерных компаний. Бодэн — приказчик капиталистов, подрядчиков и владельцев верфей. Ему как раз место в морском министерстве... поближе к подрядам и поставкам на флот!

Нигде так ясно, как во Франции, не подтверждаются слова Маркса: буржуазные правительства — приказчики класса капиталистов. И великий прогресс Франции состоит в том, что рабочий класс сорвал все ложные покровы, сделал неясное ясным, «сбросил с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».

«Правда» № 14 (218).

18 января 1913 г.

Подпись: П.

В мире Азефов.

Националистическая печать подняла страшный шум по поводу «случая» с Алехиным. Помилуйте! Австрийцы нанесли оскорбление России, арестовали безвинно русского инженера по подозрению в шпионстве, издевались над арестованным! Не было конца «патриотическим» выходкам против Австрии.

И вот, теперь раскрылась вся механика, нехитрая, старая, давно знакомая механика этого дела. Г. Алехин стал жертвой австрийского полицейского «сотрудника» Вейсмана, который за 2.000 крон (800 рублей) в месяц выслеживал русских шпионов в Австрии.

Непонимающий по-немецки — и, очевидно, кроме того еще полудикий — русский инженер наивно попался на удочку провокатора, водившего его осматривать арсеналы.

«Новое Время» и другие наши газеты черносотенного и правительственного направления горой защищают Азефов русских. Но когда Азеф оказался на службе у Австрии, благонамеренные россияне воспылали «честным» негодованием.

Но оказалось, кроме того, что Вейсман — бывший русский шпион и провокатор. Карьера этого Вейсмана — самая поучительная.

Отец его был содержателем публичного дома. Сынок, после такой подготовки, стал русским шпионом в Австрии, в Вене, следя, кроме того, за русскими политическими эмигрантами. С 1901 до 1905 г. служил, таким образом, Вейсман русской полиции, будучи в одно и то же время и военным и политическим шпионом.

Затем с русской полицией Вейсман поспорил и перешел на службу австрийской полиции.

Очень просто.

Бедный Алехин оказался жертвой бывшего русского шпиона. Ну, как же не возмущаться лакейским русским газетам этим «коварством» Австрии?

„Правда“, № 20 (224).

25 января 1913 г.

Подпись: W.

Русские негры ⁹⁹).

Что за странное сопоставление? — подумает читатель. — Как можно ставить рядом одну из рас с одной из наций?

Сопоставление возможное. Негры позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжелые следы рабства — даже в передовых странах, ибо капитализм не может «вместить» иного освобождения, кроме правового, да и это последнее всячески урезывает.

Про русских история говорит, что они «почти» освободились от крепостного рабства в 1861 году. Приблизительно в то же самое время, после гражданской войны с американскими рабовладельцами, освободились от рабства негры в Сев. Америке.

Освобождение американских рабов произошло путем менее «реформаторским», чем освобождение русских крестьян.

Поэтому теперь, полвека спустя, на русских осталось гораздо больше следов рабства, чем на неграх.

Мы ограничимся в данной статейке одной маленькой иллюстрацией сказанного: вопросом о грамотности. Известно, что безграмотность — один из следов рабства.

— В России неграмотных 73⁰/₁₀₀, не считая детей до 9-летнего возраста.

Среди негров в Сев.-Амер. Соед. Штатах неграмотных (1900 г.) — 44¹/₂⁰/₁₀₀.

Позором ложится на цивилизованную, передовую страну, сев.-американскую республику, такой безобразно высокий ⁰/₁₀₀ неграмотных. И всякому известно притом, что вообще положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны: капитализм не может дать полного освобождения, ни даже полного равенства.

Поучительно, что среди белых в Америке процент неграмотных составляет всего 6⁰/₁₀₀. Но если мы разделим Америку на районы бывшие

рабовладельческие и на районы не-рабовладельческие, то получим процент неграмотных среди белых: 11 — 12⁰/₀ у первых, 4 — 6⁰/₀ у вторых!

В бывших рабовладельческих районах вдвое выше процент неграмотных среди белых. Следы рабства лежат не только на неграх.

Позор Америке за положение негров!..

Печатается

по рукописи, хранящейся

в архиве Института Ленина.

Конец января или начало февраля 1913 г.

Подпись: W.

Наш успех.

И министр финансов в своей объяснительной записке к бюджету и все правительственные партии уверяют себя и других, что наш бюджет стоит прочно. Ссылаются при этом, между прочим, на «успехи» промышленности, которая, несомненно, переживала подъем за последние годы.

Наша промышленность, как и все народное хозяйство России, развивалась и развивается капиталистически. Это не подлежит спору. Это нечего и доказывать. Но ограничиваться данными о «развитии» и самодовольно-хвастливыми указаниями: «увеличивается на столько-то процентов» — значит закрывать глаза на невероятную отсталость и нищету России, обнаруживаемые этими данными.

Стоимость продуктов всей нашей фабрично-заводской промышленности была 4.307 милл. р. в 1908 г., а в 1911 г., — около 4.895 милл. р., — восторгается министр финансов.

Посмотрите же, какое значение имеют эти цифры. В Америке каждое десятилетие производятся переписи. Чтобы найти цифру, похожую на нашу, надо вернуться к 1860 году, когда в Америке было еще рабство негров.

В 1860 году стоимость продуктов обрабатывающей промышленности определялась в Америке в 3.771 милл. руб., а в 1870 году уже в 8.464 милл. руб. В 1910 году мы имеем там уже сумму в 41.344 милл. руб., т.-е. почти в девятеро больше, чем в России. Население России — 160 милл., а Америки — 92 милл. в 1910 г. и 31 милл. в 1860 году!

Средний заработок русского фабрично-заводского рабочего в 1911 г. — 251 р. в год, на 8,2% больше (по сумме всех заработных плат), чем в 1910 году, — восторгается министр финансов.

В Америке в 1910 году средний заработок промышленного рабочего — 1.036 рублей, т.-е. больше чем вчетверо выше русского. В 1860 году этот заработок равнялся 576 рублям, т.-е. вдвое больше теперешнего русского.

Россия XX века, Россия третьеиюньской «конституции» стоит ниже рабской Америки.

Годовая производительность одного фабрично-заводского рабочего в России 1908 года — 1.810 руб., а в Америке 1860 г. — 2.860 руб., а 1910 г. — 6.264 рубля.

Достаточно и этих немногих цифр, чтобы вкратце пояснить, что такое современный капитализм и что такое сжимающий его средневековый гнет крепостничества, обуславливающий тяжелое положение широких масс крестьянства.

А положение крестьян неминуемо сводит к жалким размерам внутренний рынок и тянет вниз рабочего, который в 1911 году зарабатывает вдвое меньше, чем американский рабочий в эпоху рабства. Но, помимо всего прочего, условия мирового рынка ставят перед Россией одно из двух: либо быть раздавленной конкурентами, у которых капитализм идет вперед иным темпом и на действительно широкой основе, либо избавиться от всех остатков крепостничества.

„Правда“ № 61 (265).

14 марта 1913 г.

Подпись: В.

Свободная наличность.

Правительственные газеты, а во главе их подхалимское «Новое Время», расхваливают наше правительство за великолепные результаты государственного хозяйства. Подумайте только: 450 миллионов рублей «свободной наличности»! Не из дома, а в дом — вот как, изволите видеть, «мы» хозяйничаем.

И «Новое Время», газета черносотенных помещиков и октябристских купцов, приходит к выводу, что и воевать с таким запасцем в 450 милл. руб. несколько не страшно.

Посмотрим, однако, на объяснительную записку министра финансов к росписи на 1913 год; нельзя ли в ней найти, помимо самовосхваления (этого добра в записке сколько угодно), точных данных о происхождении пресловутой «свободной наличности»?

Раскрываем объяснительную записку г. министра и читаем в ней (стр. 15, части I), что за пятилетие 1908—1912 годов займы дали казне 339¹/₂ миллионов рублей. Выкуплено займов за это же время 252,1 милл. руб.

Значит, увеличились займы, в общем и целом, на 87,4 милл. руб. Вот вам первый «источник» «свободной наличности». Нехитрый источник, как видите.

Но пойдем далее. Известно, что с 1 октября 1908 года цена на казенную водку поднята до предельных размеров, именно с 8 руб. до 8 р. 40 к. за ведро (обыкновенное, а за столовое с 11 р. до 12 р.).

В результате этой «финансовой меры» средняя цена казенной водочки была за пятилетие 1908—1912 г.г. — 8 р. 48 к. за ведро, т.-е. ровнехонько на 42 копейки дороже, чем в предыдущее четырехлетие (1904—1907 г.г. — 8 р. 06 к. за ведро).

Всего продала казна за 5 лет (1908—1912 г.г.) — 440¹/₂ миллионов ведер сорокаградусной сивухи. Увеличение прибыли по 42 копейки с ведра дало 185 миллионов рублей.

Вот вам второй источник «свободной наличности»!

Третий источник, казенные железные дороги, дал «чистой прибыли» за 4 года (1908—1911) — 53 миллиона рублей, если не считать платежей процентов и погашения на затраченные казной капиталы, размером в 2¼ миллиарда рублей! Примем за 1912 год эту «прибыль» в размере 1911 года, т.-е. в 105 милл. руб. Получаем за все пятилетие «прибыли» 158 милл. руб. Понятно, что такое государственное «хозяйство», когда на миллиардные затраты «не считаются» проценты и погашение, больше похоже на государственное фокусничество. Это — образчик хищнического хозяйства.

Подводим итоги трем источникам «свободной наличности»:

1) от займов	87,4 милл. руб.		
2) от повышения цены на казенную сивуху	185	»	»
3) от каз. жел. дор. (не считая 500 милл. руб. 0/0 и погашения на затрач. капиталы) . . .	158	»	»

Всего . . . 430,4 милл. руб.

Кажется довольно? Более мелких «источников» указывать нет надобности.

Не ясно ли, что наши крепостники-помещики — величайшие финансовые гении? Занять деньги, поднять цену на сивуху, «не считать» процентов и погашения на затраченные (на «хозяйство») миллиарды — это ли не гениальность?

Это ли не доказательство «прочности» нашего бюджета?

„Правда“ № 62 (266).

15 марта 1913 г.

Подпись: В.

„Кому выгодно?“

Есть такое латинское изречение «*cui prodest*» (кому продэст), — «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?».

Не то важно, кто отстаивает непосредственно известную политику, ибо для защиты всяких взглядов, при современной благородной системе капитализма, любой богач всегда сможет «нанять» или купить или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью. Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной буржуазной среде взгляды.

Нет, в политике не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры.

Например, «Европа», государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе, — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.

Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патриотов». Не верьте фразам, посмотрите лучше, кому выгодно!

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К^о» опубликовала свой годичный отчет. Фирма производит главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т.-е. около 8-ми миллионов рублей, дивиденд по 12½ процентов! Около 900.000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружения. Дивиденды по 12¹/₂ процентов, — это значит удвоение капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!

„Правда“ № 84 (288).

11 апреля 1913 г.

Подпись: В.

К вопросу о национальной политике ¹⁰⁰).

Я хочу остановиться на политике нашего правительства по национальному вопросу. В области тех вопросов, которые «подведомственны» у нас министерству внутренних дел, это — один из весьма важных. С тех пор, как Госуд. Дума обсуждала последний раз смету этого министерства, национальный вопрос в России нашими командующими классами выдвигается на очередь и обсуждается все более и более.

Дело Бейлиса еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа. Все позволено администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев — все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступления. Именно таков был итог дела Бейлиса, которое показало теснейшую и интимнейшую связь ме. *) . . . . .

Чтобы показать, что я не преувеличиваю, говоря о погромной атмосфере, которой дышит Россия, можно привести свидетельство самого «благонадежного», самого консервативного, делающего «министров» писателя, именно, князя Мещерского. Вот приводимый им в его журнале «Гражданин» отзыв «русского человека из Киева»:

«Наша атмосфера жизни душит нас: куда ни пойдешь, везде шопот заговора, везде пахнет жаждою крови, везде вонь доносов, везде ненависть, везде ропот, везде стоны»*) . . . . . тот политический воздух, которым Россия дышит. При такой атмосфере говорить или думать о праве, законности, конституции и подобных либеральных наивностях — просто смешно; — вернее: было бы смешно, когда бы не было... серьезно!

Эта атмосфера чувствуется ежедневно всяким сколько-нибудь сознательным и внимательным человеком в нашей стране. Но не все

---

*) Следующий листок из рукописи утерян. *Ред.*

имеют достаточно мужества, чтобы дать себе ясный отчет в значении этой погромной атмосферы. Почему царит у нас такая атмосфера? Почему может она царить? Только потому, что страна переживает на деле состояние плохо прикрытой гражданской войны. Кое для кого очень неприятно сознаться в этой истине, кое-кому хочется надеть на это явление покрывало. Наши либералы, и прогрессисты и кадеты, особенно любят сшивать такое покрывало из лоскутков совсем почти «конституционных» теорий. Но я позволяю себе думать, что нет более вредной, более преступной для народных представителей вещи, как распространение с трибуны Г. Думы «ново возвышающего обмана».

Вся политика правительства по отношению к евреям и другим — извините за «правительственное» выражение — «инородцам» сразу станет понятной, естественной, неизбежной, если взглянуть правде в лицо и признать несомненный факт, что страна переживает состояние плохо прикрытой гражданской войны. Правительство не управляет, а воюет.

Если оно выбирает «истинно-русские», погромные средства для войны, то это потому, что других в его распоряжении нет. Всякий защищается, как может. Пуришкевич и его друзья не могут защищаться иначе, как «погромной» политикой, ибо другой в их распоряжении нет. Тут нечего вздыхать, тут нелепо отделяться словами о конституции или о праве или о системе управления, — тут дело просто в интересах класса Пуришкевича и компании, в трудном положении этого класса.

Либо «сосчитаться» решительно и не на словах только с этим классом, либо признать неизбежность и неустранимость «погромной» атмосферы во всей политике России. Либо мириться с этой политикой, либо поддерживать народное, массовое и прежде всего пролетарское движение против нее. Либо—либо. Середины тут быть не может.

В России даже правительственная, то-есть заведомо преувеличенная и подделанная сообразно «видам правительства» статистика считает во всем населении страны только 43% великоруссов. Великоруссов в России меньше половины населения. Даже малороссов или украинцев у нас официально, устами «самого» Столыпина зачислили к «инородцам». Значит, «инородцев» в России 57% населения, т.-е. большинство населения, почти $\frac{3}{5}$, а в действительности, наверное, свыше трех пятых. Я выбран в Г. Думу от Екатеринославской губернии, в которой подавляющее большинство населения состоит из украинцев. Запрещение чествования Шевченко было такой

превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоположительном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

Наши правые партии и наши националисты так усердно кричат теперь против «мазепинцев», наш знаменитый Бобринский с таким великолепным рвением демократа защищает украинцев от притеснения австрийским правительством, — как будто бы Бобринский хотел записаться в австрийскую социал-демократическую партию. Но если «мазепинством» называют влечение к Австрии и предпочтение ее политических порядков, то Бобринский, пожалуй, окажется не из последних «мазепинцев»: ибо Бобринский жалуется и шумит по поводу притеснения украинцев в Австрии!! Подумайте только, каково это читать или слышать русским украинцам, хоты бы жителям представляемой мной Екатеринославской губернии! Если «сам» Бобринский, если националист Бобринский, если граф Бобринский, если помещик Бобринский, если заводчик Бобринский, если знакомый с самой высокой знатью (почти со «сферами») Бобринский находит несправедливым и утеснительным положение инонациональных меньшинств в Австрии, где нет ничего похожего ни на позорную черту еврейской оседлости, ни на гнусные высылки евреев по капризу самодуров-губернаторов, ни на изгнание из школ родного языка, — то что же сказать об украинцах в России?? Что сказать о прочих «инородцах» в России??

Неужели Бобринский и прочие националисты, а равно и правые, не замечают, что они будят среди «инородцев» России, то-есть среди $\frac{3}{5}$ населения России, сознание отсталости России даже по сравнению с наиболее отсталой из европейских стран, Австрией??

Дело все в том, что положение России, управляемой Пуришкевичами или, вернее: стонущей под сапогом Пуришкевичей, так оригинально, что речи националиста Бобринского превосходно поясняют и разжигают социал-демократическую агитацию.

Старайтесь, старайтесь, сиятельный заводчик и помещик Бобринский: вы, наверное, поможете нам пробудить, просветить и встряхнуть украинцев и австрийских, и российских!! Я слышал в Екатеринославе.

от нескольких украинцев, что они хотят послать благодарственный адрес графу Бобринскому за успешную пропаганду в пользу отделения Украины от России. И я не удивился, услышав это. Я видел агитационные листки, в которых на одной стороне был указ о запрещении чествовать Шевченко, а на другой — цитаты из красноречивых речей Бобринского в пользу украинцев... Я посоветовал послать эти листки Бобринскому, Пуришкевичу и прочим министрам.

Но если Пуришкевич и Бобринский являются первоклассными агитаторами в пользу преобразования России в демократическую республику, то наши либералы и в том числе кадеты желают скрыть от населения свое согласие, по некоторым основным вопросам национальной политики, с Пуришкевичами. Говоря о смете министерства внутренних дел, ведущего всем известную национальную политику, я бы не исполнил своего долга, если бы не коснулся этого согласия партии к.-д. с принципами министерства внутренних дел.

В самом деле, не ясно ли, что, кто желает быть... скажем мягко... в «оппозиции» к министерству внутренних дел, тот должен знать и идейных союзников этого министерства из лагеря кадетов.

По сообщению газеты «Речь», в С.-Петербурге была 23—25 марта текущего года очередная конференция партии к.-д. или «партии народной свободы».

«Национальные вопросы, — пишет «Речь» (№ 83), — обсуждались... особенно оживленно. Киевские депутаты, к которым примкнули Н. В. Некрасов и А. М. Колюбакин, указывали, что национальный вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это было прежде. Ф. Ф. Кокошкин указал, однако, что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с «растяжимыми формулами» политического самоопределения «национальностей».

Так излагает дело «Речь». И хотя это изложение нарочно составлено так, чтобы поменьше читателей могли понять суть дела, а все же эта суть ясна для всякого внимательного и думающего человека; «Киевская Мысль», сочувствующая кадетам и проводящая их взгляды, передает речь Кокошкина с добавлением такой мотивировки: «Ибо это может повести к распаду государства».

Смысл речи Кокошкина был, несомненно, таков. Точка зрения Кокошкина победила у кадетов даже самый робкий демократизм Некрасовых и Колюбакиных. Точка зрения Кокошкина есть точка зрения великорусского либерально-буржуазного националиста, который отстаивает привилегии великороссов (хотя они — меньшин-

ство в России), отстаивает рука об руку с министерством внутренних дел. Кокошкин «теоретически» защищал политику министерства внутренних дел, — вот в чем суть, вот в чем гвоздь дела.

«Осторожнее с «политическим самоопределением» наций! Как бы оно не повело к распаду государства!» — вот содержание национальной политики Кокошкина, вполне совпадающее с основной линией политики министерства внутренних дел. Но Кокошкин и прочие вожди кадетов — не дети. Они прекрасно знают изречение «Не человек для субботы, а суббота для человека». Не народ для государства, а государство для народа. Кокошкин и другие вожди кадетов — не дети. Они прекрасно понимают, что государство у нас есть (на деле) класс Пуришкевичей. Целость государства есть целость класса Пуришкевичей. Вот о чем заботятся Кокошкины, если посмотреть прямо на суть их политики, сняв с нее дипломатические прикрытия.

Для наглядного пояснения позволю себе привести простой пример. Известно, что в 1905 году Норвегия отделилась от Швеции вопреки горячим протестам шведских помещиков, грозивших войной. К счастью, в Швеции крепостники не всеильны, как в России, и войны не вышло. Норвегия, имея меньшинство населения, мирно отделилась от Швеции, демократически, культурно, а не так, как хотелось крепостникам и военной партии. Что же? Проиграл ли народ? Проиграли ли интересы культуры? или интересы демократии? интересы рабочего класса от такого отделения??

Нисколько! И Норвегия и Швеция принадлежат к числу несравненно более культурных стран, чем Россия, — между прочим, именно потому, что они сумели демократически применить формулу «политического самоопределения» наций. Разрыв насильственной связи означал усиление добровольной экономической связи, усиление культурной близости, усиление взаимоуважения между этими двумя, столь близкими по языку и проч., народами. Общность, близость шведского и норвежского народов на деле выиграла от отделения, ибо отделение было разрывом насильственных связей.

Из этого примера, надеюсь, ясно, что Кокошкин и партия к.-д стоят вполне на точке зрения министерства внутренних дел, когда пугают нас «распадом государства» и призывают к «осторожному обращению» с вполне ясной и во всей международной демократии бесспорной формулой «политического самоопределения» национальностей. Мы, социал-демократы, — враги всякого национализма и сторонники демократического централизма. Мы — противники партикуляризма,

мы убеждены, что при прочих равных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную. Везде, где мы видим насильственные связи между нациями, мы, нисколько не проповедуя непременно отделения каждой нации, отстаиваем безусловно и решительно право каждой нации политически самоопределиться, т.-е. отделиться.

Отстаивать, проповедывать, признавать такое право значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать насильственных связей, значит бо *) . . . . . и отстаивания привилегий великороссов. А мы говорим: никаких привилегий ни одной нации, полное равноправие наций и сплочение, слияние рабочих всех наций.

Восемнадцать лет тому назад, в 1896 году, Лондонский международный конгресс рабочих и социалистических организаций принял решение по национальному вопросу, которое одно только указывает правильные пути и для стремлений в пользу действительной «народной свободы», и для социализма. Это решение гласит:

«Конгресс объявляет, что он выступает за полное право самоопределения всех наций и сочувствует рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под гнетом военного, национального или иного деспотизма. Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии».

К единству рядов рабочих всех наций России зовем и мы, ибо только такое единство способно дать гарантии равноправия наций, свободы народа и интересов социализма.

Пятый год объединил рабочих всех наций России. Реакция старается разжечь национальную вражду. Либеральная буржуазия всех наций, а великорусская прежде всего и больше всего, борется за привилегии своей нации (пример: польское коло¹⁰¹) против равноправия евреев в Польше), — борется за национальное обособление, за национальную исключительность и тем помогает политике нашего министерства внутренних дел.

А истинная демократия, с рабочим классом во главе, поднимает знамя полного равноправия наций и слияния рабочих всех наций

---

*) Следующий листок рукописи утерян. *Ред*

в их классовой борьбе. С этой точки зрения мы отвергаем так наз. «культурно-национальную» автономию, то-есть разделение по национальностям школьного дела в одном государстве или изъятие школьного дела из ведения государства с передачей его отдельно организованным национальным союзам. Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая автономия нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве можно осуществить действительно демократический централизм. Демократическое государство безусловно должно признать полную свободу разных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования, ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, это — вредная мера и с точки зрения демократии, и еще более с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособленности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против всякого шовинизма, против всякой национальной исключительности, против всякого национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и светская школа.

Я закончу еще раз выражением признательности Пуришкевичу, Маркову 2 и Бобринскому за их успешную агитацию против всего государственного строя России, за их наглядные уроки о неизбежности превращения России в демократическую республику.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Вероятно, май 1913 г.*

Об одной неправде.

(Письмо в редакцию.)

Появление статей Л. Мартова в «Луче», в которых обещан разбор вопроса о «тактической сути нынешнего спора», следовало бы со всех точек зрения приветствовать, если бы первая же статья не содержала вопиющей неправды. Мои слова, что с ликвидаторами спор идет вовсе не об организационном вопросе, Л. Мартов объявляет «неожиданными», восклицая «вот тебе — на!» «вдруг, с божиею помощью поворот» и т. п.

Между тем Л. Мартов превосходно знает, что тут нет и тени поворота, нет ровно ничего неожиданного. В мае 1910 года, свыше трех лет тому назад, я писал в одном парижском издании, отлично известном Мартову, «о группе независимцев-легалистов» (идеи «Нашей Зари» и «Возрождения»), о том, что она «окончательно сплотилась и окончательно порвала с партией»¹⁰²).

Ясно, что спор сводится и здесь вовсе не к организационному вопросу (как строить партию?), а к вопросу о бытии партии, об отколе от партии ликвидаторов, об их окончательном разрыве с ней. Мартов не может не понимать, что это не есть спор об организационном вопросе.

В октябре 1911 г. в издании, столь же хорошо известном Мартову, и тоже за моей подписью, говорилось: «на деле, на первом плане стоит теперь вопрос отнюдь не организационный», а вопрос о «бытии» партии¹⁰³).

Очень плохи должны быть дела ликвидаторов, если Мартов, уклоняясь от разбора точных решений партии, рассказывает небылицы и печатает вопиющую неправду.

„Правда“ № 136 (340).

15 июня 1913 г.

Подпись: В. Ильин.

Рабочий класс и неомальтузианство.

На Пироговском съезде врачей много интереса и много дебатов вызвал вопрос об аборте, т.-е. о производстве искусственных выкидышей. Докладчик Личкус привел данные о чрезвычайно сильном распространении вытравления плода в современных так называемых культурных государствах.

В Нью-Йорке за один год было 80.000 искусственных выкидышей, во Франции их бывает по 36.000 ежемесячно. В Петербурге процент искусственных выкидышей увеличился за 5 лет более, чем вдвое.

Пироговский съезд врачей принял решение, что уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь места, а врачи должны преследоваться за это лишь в случае «корыстных целей».

В прениях большинство, высказываясь за ненаказуемость аборта, естественно затрагивало и вопрос о так называемом неомальтузианстве (искусственные меры, предохраняющие от зачатия), при чем касались и социальной стороны дела. Напр., г. Вигдорчик, по отчету «Рус. Слова», заявлял, что «предохранительные от зачатия меры надо приветствовать», а г. Астрахан восклицал, срывая бурные аплодисменты:

«Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивались жеребьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»

Если верно сообщение, что подобная декламация г. Астрахана вызывала бурные аплодисменты, то этот факт меня не удивляет. Слушатели были буржуа, средние и мелкие, с мещанской психологией. Чего же от них и ждать, кроме самого пошлого либерализма?

Но, с точки зрения рабочего класса, едва ли можно приискать более наглядное выражение всей реакционности и всего убожества «социального неомальтузианства», чем приведенная фраза г. Астрахана.

... «Рождать детей, чтобы их калечили»... Только для этого? Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее,

решительнее нашего боролись против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение??

Вот тут-то и заключается коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария. Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходнее. Факт бесспорный. И мелкий буржуа протестует против него.

Но как протестует?

Он протестует, как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа.

Сознательный рабочий бесконечно далек от этой точки зрения. Он не даст затемнять своего сознания подобными воплями, как бы ни были они искренни и прочувствованы. Да, и мы, рабочие и масса мелких хозяйчиков, мы ведем жизнь, полную невыносимого гнета и страданий. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. Мы научились и быстро учимся бороться — и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренне-чуждых нам лозунгов буржуазных краснобаев, а во имя своих лозунгов, лозунгов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и они победят.

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, спланивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его.

Вот почему — и только поэтому — мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно.

Разумеется, это несколько не мешает нам требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс. Одно

дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества.

„Правда“ № 137 (341).

16 июня 1913 г.

Подпись: В. И.

О призывах либералов к поддержке IV Думы.

Вопрос об отношении Гос. Думы к правительству и к стране все чаще обсуждается в печати и возбуждает немало интереса. Третьеиюньский избирательный закон создал два большинства: право-октябристское и октябристско-кадетское. Это последнее, «либеральное», если хотите, большинство неоднократно складывалось и в III Думе.

Теперь, в IV Думе октябристско-кадетское большинство получается еще чаще. Нельзя забывать, однако, что произошло это не только от «полевения» октябристов, но и от поправления кадетов, выразившегося, с одной стороны, в переходе части к.-д. к прогрессистам, а, с другой стороны, в постоянных сделках октябристов с кадетами при посредничестве прогрессистов.

Несомненно, учащение оппозиционных решений в IV Думе, принимаемых октябристско-кадетским большинством, доказывает нарастание политического кризиса в России, доказывает, что третьеиюньская система зашла в тупик, не удовлетворив даже буржуазии, готовой жертвовать на благо этой системы, на укрепление контрреволюции, — и деньги, и честь, и совесть.

Характерно, что даже такой закоренелый и непримиримый реакционер, как немецкий историк Шиманн, знающий по-русски и пишущий в органе немецких Пуришкевичей, приходит к выводу о назревании кризиса в России — либо в виде системы в духе уже чисто-плевенском (мы, кажется, уже вошли в эту «систему»?), либо в виде, так называемых немецким историком, потрясений.

Спрашивается, какие выводы в практической политике вытекают из этого учащения либеральных решений Думы?

Кадеты уже сделали свой вывод по поводу осуждения октябристами политики министерства внутренних дел. Этот вывод: требование для IV Думы «народной и общественной поддержки», призыв «общественного мнения» «видеть в Думе свою силу, непо-

средственно: проявление общественной воли» и т. п. (см. «Правду» № 128).

Мы уже указали на полную негодность такого вывода. Голосование по смете министерства народного просвещения чрезвычайно наглядно подтвердило нашу оценку.

Думой приняты были три формулы: 1) националистическая, архиреакционная, формула — прошла голосами правых и октябристов; 2) октябристская — прошла голосами кадетов (содержит в себе вопиющее по лицемерности и абсолютно недопустимое для демократов и даже для честных либералов пожелание, чтобы министерство народного просвещения «не отвлекалось посторонними делу политическими соображениями»); наконец, 3) пожелание крестьянской группы, прошедшее, вероятно, при помощи не только к.-д., но и демократов вплоть до с.-д. За крестьянское пожелание подано было 137 голосов, против 134, при 4-х воздержавшихся.

Едва ли можно сомневаться в том, что ошибка с.-д., если они голосовали за крестьянскую формулу, состояла в невнесении своего заявления или декларации. Голосовать следовало за, но нельзя было не оговорить своего несогласия, напр., с пунктом 5 крестьянской формулы. В этом пункте говорится о родном языке в начальных школах. Демократия не могла бы ограничиться начальными школами. И вообще, последовательно-демократическими пожелания крестьян признать нельзя.

Голосовать следовало за, ибо в формуле крестьян нет пунктов за правительство, нет лицемерия, но оговорить свое несогласие с непоследовательностью и робостью крестьянского демократизма было обязательно. Например, умолчание об отношении школы к церкви для с.-д. совершенно недопустимо и т. д.

Но это — мимоходом.

Главное же то, что IV Дума, после призывов к.-д. к поддержке ее, приняла формулу националистов.

Только слепой может не видеть, что поддержка IV Думы есть поддержка колеблющихся октябристов.

Кадеты хвалятся, что они своей поддержкой толкают октябристов к оппозиции. Допустим на минуту, что это так. Но на какой почве стоит эта октябристская оппозиция? В лучшем случае, когда она оппозиционна, она стоит безусловно на точке зрения контр-революционного либерализма. Что она продолжает зависеть от министров и угождать им, это доказал даже «прогрессист» Н. Львов, который, несомненно, вел политику угоды, когда исклю-

чал Щепкина на два заседания из-за выражения, во сто раз более слабого, чем обычные выражения правых!

Призывая народ к поддержке колеблющихся октябристов, кадеты претендуют на то, чтобы вести демократию на поводу у худших из либералов.

Но демократия видела сотни раз на более серьезных примерах, чего стоят наши либералы. Демократия была бы обессилена и обезглавлена, если бы опять пошла за либералами.

Столкновения буржуазии с правительством не случайность, а показатель глубокого, со всех сторон назревающего кризиса. Поэтому внимательно следить за этими столкновениями обязательно. Но добиться чего-нибудь лучшего для России демократия сможет только в том случае, если ни на минуту не забудет своей обязанности — заботиться о развитии в населении сознания самостоятельности задач демократии в отличие от либерализма, в противовес ему, вопреки его шатаниям.

„Правда“ № 139 (343).

20 июня 1913 г.

Подпись: В. И.

Поучительные речи ¹⁰⁴).

Известный ренегат г. Изгоев, который был социал-демократом до пятого года и быстро «поумнел»... до правого либерала после 17-го октября, нередко уделяет свое благосклонное внимание социал-демократии в главном органе «октябристского» или контр-революционного либерализма «Русской Мысли».

Рабочим, которые хотят вполне разобраться в серьезных вопросах рабочей политики, можно только порекомендовать статью г-на Изгоева в последней, июньской, книжке «Русской Мысли» за текущий год.

Полезно подумать и подумать над теми восторженными хвалами ликвидаторской идеологии и тактике, т.-е. именно коренными принципами ликвидаторства, которые обильно расточает г. Изгоев. Либералы не могут не хвалить принципов и тактики либеральных рабочих политиков!

Полезно подумать и подумать над самостоятельными тактическими рассуждениями всецело сочувствующего ликвидаторам г-на Изгоева, который все же прошел «марксистскую начальную школу» и понимает необходимость искать серьезных корней серьезной борьбы партийцев с ликвидаторами.

Мы должны ограничиться здесь, к сожалению, самыми краткими цитатами из поучительной статьи г-на Изгоева и самыми небольшими, неполными, пояснениями этих цитат.

Успехи большевизма, по мнению г. Изгоева, зависят «от степени надежды на мирное развитие России в конституционном направлении хотя бы германского типа. Ведь вот в Германии оказалась же возможной монархическая конституция со свободами, без усиленных охран, с широким развитием рабочей с.-д. партии. Возможна она в России или нет? По мере того, как гнется в ту или иную сторону коромысло, поднимаются или опускаются шансы ликвидаторов и большевиков»...

...«Если напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол». А сам г. Изгоев считает большевиков анархистами, ликвидаторов же «истинными социал-демократами», вполне разумно выкидывающими два первые пункта большевистской платформы и заменяющими их свободой коалиции!!

«Пройдет буря, — пишет г. Изгоев, — наступит время положительной работы, и ликвидаторы снова (!!) станут во главе рабочего класса». Таковы мечты г-на Изгоева. Ликвидаторская тактика будет, де, великолепна, когда «пройдет буря»... А вот его «мысли о тактике»:

«Если поглубже вдуматься в большевистскую тактику, то придется признать, что она построена на убеждении, что борьба в России за монархическую конституцию... (многоточие г-на Изгоева) закончена 3-го июня. Дальше идет борьба, быть может, за непосредственную или последовательную демократию, но иной конституции, кроме третьеиюньской, при кардинальной русской исторической основе, быть не может. Русские конституционалисты могут рассчитывать только на конституцию без свобод, а с исключительными положениями. Мы считаем большевистскую точку зрения, хотя полярно противоположную, но родственную черносотенной, ошибочной и политически вредной. В содержательности, однако, ей отказать нельзя. Продолжительное бессилие русских конституционалистов дать стране гарантии правового строя может в будущем и оправдать большевистский пессимизм. Пока же он, как правильно отметил «Луч»... (ну, еще бы!), ведет лишь к смешению с полуанархическими элементами...» (следуют у захлебывающегося от восторга перед «Лучом» г-на Изгоева цитаты из ликвидаторских статей).

Пессимизмом вообще г. Изгоев называет пессимизм насчет помещиков и буржуазии. Не связан ли неразрывной связью такой «пессимизм» с оптимизмом насчет пролетариата в первую голову, а затем и трудящихся мелко-буржуазных масс, об этом г. Изгоев боится подумать. Как же ему не бояться!

Курьезнее всего в этих поцелуях, расточаемых ренегатом ликвидаторам, поучительнее всего в этих речах либерала — то, что он, целиком сочувствуя ликвидаторам, не решается отказать большевистской тактике в содержательности! Он, сторонник «мирного» развития и ликвидаторского оппортунизма, не может отнюдь обещать победы именно такому развитию!! Он, бешеный враг большевизма, осыпающий нас тысячами ругательств (анархисты,

бланкисты, занимающиеся самовосхвалением и пр., и т. п.), он, нежный друг ликвидаторов, вынужден признать, что большевизм победит, если «конституционных сил в России окажется недостаточно» (т.-е. если их окажется столько же, сколько теперь...)!

Очень сердитый, хорошо знающий социал-демократические дела, но не очень сообразительный г. Изгоев не заметил, что всеми этими рассуждениями *) . . . . . да и снял фиговый листок с гг. Ф. Д., Л. С.¹⁰⁵), Ежова, Ларина, Мартова, Потресова и К^о.

Благодарим, душевно благодарим вас, сердитый на большевиков г. Изгоев! Правда глаза колет. И вы нечаянно выкололи глаза своим друзьям-ликвидаторам. Вы их так «нежно» обнимаете, что души их в своих объятиях.

Еще несколько слов об одном чисто историческом вопросе. Почему в Германии «оказалась возможной» именно такая конституция, которая более французской нравится контр-революционному либерализму? Только потому, сердитый, но несообразительный г. Изгоев, что эта конституция оказалась равнодействующей стремлений Бисмарка и либералов, боящихся свобод для рабочих, и стремлений рабочих, которые добивались, и в сороковых, и в пятидесятых, и в шестидесятых годах, полнейшей демократизации Германии. Рабочие Германии тогда оказались слабы. Поэтому Бисмарк и прусские либералы наполовину победили. Если бы рабочие Германии были посильнее, Бисмарк победил бы на четверть. Если бы они были еще сильнее, Бисмарк вовсе бы не победил. Германия получила свободы, несмотря на Бисмарка, несмотря на прусских либералов, только благодаря настойчивым и упорным стремлениям рабочего класса (отчасти и демократии мелко-буржуазной, но в очень небольшой части) к полнейшей демократизации.

Ничего не понимаете, г. Изгоев? Не понимаете, что история оправдала и для Германии «большевистскую» тактику? Поменьше сердитесь на большевиков, поменьше «нежничайте» с ликвидаторами, — тогда, может быть, еще поймете.

P. S. Если не подойдет, очень прошу отдать в «Просвещение». По-моему, лучше бы фельетоном в «Правду».

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Июль 1913 г.

Подпись: В. И.

*) В рукописи пропуск. *Ред.*

Тезисы по национальному вопросу ¹⁰⁶).

1. § нашей программы (о самоопределении наций) не может быть толкуем никак иначе, как в смысле политического самоопределения, т.-е. права отделения и образования самостоятельного государства.

2. Для социал-демократов России этот пункт социал-демократической программы абсолютно необходим

(а) как во имя азбучных основных принципов демократии вообще,

(б) так и в силу нахождения в пределах России, и притом на окраинах ее, ряда наций с резко отличными хозяйственными, бытовыми и пр. условиями, при чем эти нации (как и все нации России, кроме великороссов) невероятно угнетены царской монархией;

(в) наконец, и в силу того, что во всей Восточной Европе (Австрия и Балканы) и в Азии — т.-е. в пограничных с Россией странах — либо не закончено, либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом.

(г) Россия в настоящее время представляет из себя страну с наиболее отсталым и реакционным государственным строем по сравнению со всеми окружающими ее странами, начиная — на Западе — от Австрии, в которой с 1867 года упрочились основы политической свободы и конституционного строя, а теперь введено и всеобщее избирательное право, и кончая — на Востоке — республиканским Китаем. Поэтому социал-демократы России должны во всей своей пропаганде настаивать на праве всех национальностей образовывать отдельное государство или свободно выбрать то государство, в составе которого они желают быть.

3. Признание социал-демократией права всех национальностей на самоопределение требует от социал-демократов, чтобы они

(а) были безусловно враждебны всякому применению насилия в какой бы то ни было форме со стороны господствующей (или составляющей большинство населения) нации по отношению к нации, желающей отделиться в государственном отношении;

(б) требовали решения вопроса о таком отделении исключительно на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования населения данной территории;

(в) вели неослабную борьбу как с черносотенно-октябристскими так и с либерально-буржуазными («прогрессисты», кадеты и т. п.) партиями по поводу всякой защиты или допущения ими национального угнетения вообще или отрицания права наций на самоопределение в частности.

4. Признание социал-демократией права всех национальностей на самоопределение отнюдь не означает отказа социал-демократов от самостоятельной оценки целесообразности государственного отделения той или иной нации в каждом отдельном случае. Напротив, социал-демократы должны давать именно самостоятельную оценку, считаясь как с условиями развития капитализма и угнетения пролетариев разных наций объединенной буржуазией всех национальностей, так и с общими задачами демократии, а в первую голову и больше всего с интересами классовой борьбы пролетариата за социализм.

С этой точки зрения надо принять во внимание в особенности следующее обстоятельство. В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и «естественнее» всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша. Опыт революции 1905 года показал, что даже в этих двух нациях господствующие классы, помещики и буржуазия, отрекаются от революционной борьбы за свободу и ищут сближения с господствующими классами в России и с царской монархией и з боязни перед революционным пролетариатом Финляндии и Польши.

Поэтому социал-демократия со всей энергией должна предостерегать пролетариат и трудящиеся классы всех национальностей от прямого обмана их националистическими лозунгами «своей» буржуазии, которая сладенькими или пылкими речами о «родине» старается разделить пролетариат и отвлечь его внимание от проделок буржуазии, вступающей и в экономический и в политический союз с буржуазией других наций и с царской монархией.

Пролетариат не может вести борьбу за социализм и отстаивать свои повседневные экономические интересы без самого тесного

и полного союза рабочих всех наций во всех без исключения рабочих организациях.

Пролетариат не может добиться свободы иначе, как путем революционной борьбы за свержение царской монархии и за замену ее демократической республикой. Царская монархия исключает свободу и равноправие национальностей, будучи, кроме того, главным оплотом варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии. А свергнуть эту монархию в состоянии только объединенный пролетариат всех наций России, ведущий за собой последовательно демократические и способные на революционную борьбу элементы трудящихся масс из всех наций.

Поэтому рабочий, ставящий политическое единение с буржуазией «своей» нации выше полного единства с пролетариями всех наций, поступает вопреки своим интересам, вопреки интересам социализма и интересам демократии.

5. Отстаивая последовательно демократический государственный строй, социал-демократия требует безусловного равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей.

В частности, социал-демократия отвергает «государственный» язык. В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности столкноваться без всяких «государственных» привилегий одному из языков.

Социал-демократия требует замены старых административных делений России, установленных крепостниками-помещиками и чиновниками самодержавно-крепостнического государства, делениями, основанными на требованиях современной хозяйственной жизни и согласованными по возможности с национальным составом населения.

Все области государства, отличающиеся бытовыми особенностями или национальным составом населения, должны пользоваться широким самоуправлением и автономией при учреждениях, построенных на основе всеобщего, равного и тайного голосования.

6. Социал-демократия требует издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства в какой бы то ни было местности государства. По этому закону всякое мероприятие, посредством которого национальное большинство пыталось бы создать для себя национальную привилегию или умалить

права национального меньшинства (в области учебного дела, употребления того или иного языка, в делах бюджетных и т. д.), должно быть объявлено не имеющим силы, а проведение такого мероприятия запрещено под страхом наказания.

7. Социал-демократия относится безусловно враждебно-отрицательно к лозунгу «культурно-национальной» (или просто «национальной») «автономии» и к проектам осуществления таковой, ибо этот лозунг (1) безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата, — (2) облегчает вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма, — (3) способен отвлекать от задачи последовательно демократических преобразований государства в целом, каковые преобразования одни только обеспечивают (насколько вообще это возможно при капитализме) национальный мир.

В виду особого обострения вопроса о культурно-национальной автономии среди социал-демократов, приводим некоторые пояснения этого положения.

(а) С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо, ни косвенно бросать лозунг национальной культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы.

(б) Единственный, вероятно, пример приближения, хотя и робкого, к лозунгу национальной культуры в программах социал-демократии дает § 3 Брюннской программы австрийских социал-демократов. Этот § 3 гласит: «Все самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно».

Это — лозунг компромиссный, ибо здесь нет и тени экстерриториальной (персональной) национальной автономии. Но и этот лозунг ошибочен и вреден, ибо вовсе не дело российских социал-демократов соединять в одну нацию немцев лодзинских, рижских, питерских, саратовских. Наше дело бороться за полный демократизм и отмену всех национальных привилегий для объединения немецких

рабочих в России с рабочими всех других наций в деле отстаивания и развития интернациональной культуры социализма.

Тем более ошибочен лозунг экстерриториальной (персональной) национальной автономии с учреждаемыми (по плану последовательных сторонников этого лозунга) национальными парламентами и национальными статс-секретарями (О. Бауэр и К. Реннер). Противоречащие всем хозяйственным условиям капиталистических стран, не испытанные ни в одном демократическом государстве мира, подобные учреждения являются оппортунистическим мечтанием людей, отчаявшихся в создании последовательно-демократических учреждений и ищущих спасения от национальной грызни буржуазии в искусственном обособлении и пролетариата и буржуазии каждой нации по некоторым («культурным») вопросам.

Обстоятельства вынуждают иногда у социал-демократов подчинение на время тем или иным компромиссным решениям, но заимствовать у других стран мы должны не компромиссные, а последовательно-социал-демократические решения. Заимствовать же неудачную австрийскую попытку компромисса тем более неумно теперь, когда и в Австрии она потерпела полный крах, приведя к полному сепаратизму и отколу чешских социал-демократов.

(в) История лозунга «культурно - национальной автономии» в России показывает, что его приняли все без исключения буржуазные партии еврейские, и только еврейские, за которыми без критики плелся Бунд, непоследовательно отвергая национально-еврейский парламент (сейм) и национально-еврейских статс-секретарей. Между тем даже те европейские социал-демократы, которые допускают или защищают компромиссный лозунг культурно-национальной автономии, признают неосуществимость этого лозунга для евреев (О. Бауэр и К. Каутский). «Евреи в Галиции и в России скорее каста, чем нация, и попытки конституировать еврейство, как нацию, суть попытки сохранения касты» (К. Каутский).

(г) В цивилизованных странах мы наблюдаем довольно полное (сравнительно) приближение к национальному миру при капитализме лишь в условиях максимального осуществления демократизма во всем государственном устройстве и управлении (Швейцария). Лозунги последовательного демократизма (республика, милиция, выборность чиновников народом и т. д.) соединяют пролетариат и трудящиеся массы и, вообще, все передовое в каждой нации во имя борьбы за условия, исключаящие возможность самой малейшей национальной привилегии, — между тем как лозунг «культурно-национальной авто-

ними» проповедует обособление наций по школьному (или вообще «культурному») делу, обособление, вполне совместимое с сохранением основ всяческих (и в том числе национальных) привилегий.

Лозунги последовательного демократизма сливаются во-едино пролетариат и передовую демократию всех наций (элементы, коим требуется не обособление, а объединение демократических элементов наций по всем делам и по школьному делу в том числе), — а лозунг культурно-национальной автономии разделяет пролетариат разных наций, связывая его с реакционными и буржуазными элементами отдельных наций.

Лозунги последовательного демократизма непримиримо враждебны и реакционерам и контр-революционной буржуазии всех наций, — а лозунг культурно-национальной автономии вполне приемлем для реакционеров и контр-революционных буржуа некоторых наций.

8. Вся совокупность экономических и политических условий России требует таким образом безусловно от социал-демократии проведения слияния рабочих всех национальностей во всех без исключения пролетарских организациях (политических, профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. и т. п.). Не федерация в строе партии и не образование национальных социал-демократических групп, а единство пролетариев всех наций данной местности с ведением пропаганды на всех языках местного пролетариата, с совместной борьбой рабочих всех наций против каких бы то ни было национальных привилегий, с автономией местных и областных организаций партии.

9. Более чем десятилетний опыт истории Р. С.-Д. Р. П. подтверждает вышеприведенные положения. Партия возникает в 1898 г., как «российская» партия, т.-е. партия пролетариата всех национальностей России. Партия остается «российской», когда Бунд в 1903 году выходит из партии, после непринятия съездом партии требования считать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. В 1906—1907 г.г. жизнь вполне обнаруживает несостоятельность этого требования, целый ряд еврейских пролетариев дружно продолжает общую социал-демократическую работу в ряде местных организаций, и Бунд возвращается в партию. Стокгольмский съезд (1906 г.) объединяет и польских и латышских социал-демократов, стоящих на почве территориальной автономии, при чем съезд не принимает принципа федерации и требует объединения на местах социал-демократов всех национальностей. Этот принцип проводится много лет на Кавказе, проводится в Варшаве (польские рабочие

и русские солдаты), Вильне (польские, латышские, еврейские, литовские рабочие), Риге, во всех трех последних центрах проводится против сепаратистски отделившегося Бунда. В декабре 1908 года Р. С.-Д. Р. П., в лице своей конференции, принимает специальную резолюцию, подтверждая требование единства рабочих всех национальностей не на принципе федерации. Раскольническое неисполнение решения партии сепаратистами-бундовцами приводит к краху всей этой «федерации худшего типа», — сближает бундовских сепаратистов с чешскими и обратно (см. Коссовского в «Нашей Заре» и орган чешских сепаратистов, «Der czechoslavische Sozialdemokrat», 1913, № 3, о Коссовском) — и, наконец, на августовской (1912 г.) конференции ликвидаторов вызывает попытку бундовских сепаратистов и ликвидаторов с частью кавказских ликвидаторов протащить тайком в программу партии «культурно-национальную автономию» без защиты ее по существу!

Революционные социал-демократические рабочие и Польши, и Латышского края, и Кавказа стоят, попрежнему, на точке зрения территориальной автономии и единства рабочих социал-демократов всех наций. Бундовско-ликвидаторский откол и союз Бунда с несоциал-демократами в Варшаве ставит перед всеми социал-демократами весь национальный вопрос, и в его теоретическом значении и в деле строительства партии, на очереди дня.

Компромиссные решения разрушены именно теми, кто их против воли партии проводил, и требование единства рабочих социал-демократов всех национальностей раздается громче, чем когда-либо.

10. Грубо-воинствующий и черносотенный национализм царской монархии, а затем оживление буржуазного национализма — и великорусского (г. Струве, «Русская Молва», «прогрессисты» и т. д.), и украинского, и польского (антисемитизм народной «демократии»), и грузинского, и армянского и т. д. — все это с особенной настоятельностью требует от социал-демократических организаций во всех концах России обращения большего, чем прежде, внимания на национальный вопрос и выработки последовательно-марксистских решений его в духе выдержанного интернационализма и единства пролетариев всех наций.

Карандашные заметки в конце рукописи.

(а) Лозунг национальной культуры неверен и выражает лишь буржуазную ограниченность понимания национального вопроса. Интернациональная культура.

(б) Увековечение национального деления и проведение утонченного национализма = соединение, сближение, перемещение наций и выражение принципов иной, интернациональной культуры.

(в) Отчаяние мелкого буржуа (безнадежная борьба против национальной грызни) и боязнь радикально-демократических преобразований и социалистического движения — только радикально-демократические преобразования могут создать национальный мир в капиталистических государствах и только социализм способен положить конец национальной грызне.

(г) Еврейство.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Лето 1913 г.*

Замечательное дело.

На святой матушке Руси много еще таких уголков, где точно вчера было крепостное право. Возьмите, например, Урал. Помещики имеют здесь десятки тысяч десятин земли. Заводы (т.-е. те же помещики) запрещают кустарям развивать мелкую промышленность. Крестьяне до сих пор в зависимости от помещиков, до сих пор не наделены землей.

А Урал — не маленький «уголок», это — громаднейшая и богатейшая область.

Между рабочими строгановских заводов на Урале и заводоуправлением богатейшего помещика Строганова велось много лет дело о наделении крестьян землей по закону 1862 (шестьдесят второго!) года.

Наконец, это дело кончилось, решением «высшего учреждения», сената, весной 1909 года. Сенат предписал пермскому губернскому присутствию наделить крестьян землей, применить закон 1862 года.

Итак, через 47 лет после издания закона сенат предписал помещикам применить закон.

Что же произошло?

Произошло то, что помещики пожаловались землевладельцу Столыпину, который был тогда министром внутренних дел. По закону, сенат — выше министра внутренних дел, но Столыпин «нажал на закон» и послал пермскому губернатору телеграмму: приостановить исполнение указа сената!

Губернатор приостановил. Пошла новая переписка. Новая волокита.

Наконец, Гос. Совет согласился с мнением сената и решение Гос. Совета «удостоилось высочайшей санкции», т.-е. утверждения верховной властью.

Что же произошло?

Произошло то, что помещики обратились к землевладельцу Н. А. Маклакову, который вместо Столыпина оказался министром

внутренних дел. Депутация уральских помещиков «убедила» министра. Министр заявил, что решение сената и Гос. Совета «неясно».

Пошла новая переписка. Новая волокита.

Совет высказался еще раз—в мае 1913 г. — не в пользу министра.

Уральские помещики еще раз послали «записку» министру...

Так дело и стоит. Так до сих пор, более чем полвека спустя после выхода закона 1862 года о наделении уральских рабочих землей, наделение не состоялось.

Либеральные газеты, рассказывая это поучительное дело, приходят к выводу, что в России плохо обстоит с «господством права». Это — правда. Но это не вся правда.

Смешно говорить о «праве», когда помещики и издают законы, и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит «право» и сам отменяет его. Значит, либеральные речи о «праве» и о «реформах» — пустая болтовня.

Помещики тоже стоят за «право» — только за помещичье право, за свое право, за право своего класса.

Если перед лицом таких поучительных фактов либералы все же отмахиваются от «учения» о классовой борьбе, называют его ошибкой и пр., то это ясно указывает на нечистую либеральную совесть. Не хотят ли либералы поделиться привилегиями с помещиками? Тогда понятно, почему им не нравится «учение» о классовой борьбе!

Но рабочие-то чем же виноваты, если их «учение» подтверждается жизнью!

„Северная Правда“ № 14.

18 августа 1913 г.

Подпись: И.

Землеустройство и деревенская беднота.

На всероссийском сельско-хозяйственном съезде в Киеве 3 сентября был сделан доклад черниговским агрономом Мининым — на эту важнейшую тему.

Г. Минин, видимо, — народник (согласавшийся, между прочим, с буржуазным профессором Косинским насчет жизненности «трудового» хозяйства), доказывал вполне справедливо, что агрономия помогает зажиточным крестьянам. Землеустройство помогает только сильным, а гольтьбу губит. Землеустройство, это — колесница, в которой сидит сильный и давит пораженных.

Не подлежит сомнению, что все это — истина безусловная. Отрицать ее могут лишь недобросовестные люди. Но в чем же видит «спасение» г. Минин?

Он говорил (по отчету «Киевской Мысли» № 244):

«Единственно, что способно будет спасти мельчайшие хозяйства после разверстания, это — образование из них добровольных товариществ для совместного использования (коллективной обработки) собственной земли».

Очевидно, что этот народнический рецепт — просто ребячество. Помещики и кулаки сгоняют с земли миллионы крестьян, разоряя другие миллионы. Весь мировой капитализм, вся сила международного обмена, вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию, вскармливает и поддерживает ее буржуазию и в городе и в деревне, в том числе внутри общины. И вот, нам говорят, что общая обработка этими разоренными крестьянами клочка их «собственной земли» есть «спасение»!! Это все равно, что с ручной тачкой пытаться обогнать железнодорожный поезд — по скорости и количеству перевозок.

Нет, господа народники! Вы правы, конечно, когда говорите, что этот поезд давит бедноту. Но не о ручной тачке думать тут надо.

Не назад — от поезда к тачке, а вперед: от поезда капиталистического к поезду объединенных пролетариев.

Невинное мечтание народников не только детски наивно — оно прямо вредно тем, что отвлекает мысль бедноты от классовой борьбы. Вне классовой борьбы пролетариата против буржуазии для переделки всего капиталистического строя нет спасения деревенской бедноте. И всякие союзы, кооперативы, артели и т. п. могут быть полезны лишь при их сознательном участии в этой классовой борьбе.

Но если абсолютно бесспорно, что развитие капитализма и пролетаризация деревни неизбежно идут вперед и в России, как во всем мире, то величайшей ошибкой было бы ограничиться этой истиной.

Капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, — а также капитализм свободных фермеров, наиболее демократический, менее мучительный для массы, с наименьшими остатками привилегий.

Какое влияние оказал бы, напр., на развитие капитализма переход в России всех земель к крестьянам и без всякого выкупа? Это был бы не социализм. Это был бы тоже капитализм, только демократический, не Пуришкевичевски-Гучковский, а народнически-крестьянский. Развитие капитализма пошло бы тогда еще быстрее, еще шире, еще свободнее и менее мучительно для массы.

Вот в чем суть теперешнего, данного, настоящего аграрного вопроса в России. Вот о чем (не понимая сути дела) спорили в Киеве, с одной стороны, защитники помещичьего землеустройства и буржуазной агрономии, — а с другой стороны, — народники и левые кадеты (вроде Шаховского). Они спорили о том, должна ли буржуазная демократия оставить в руках Пуришкевичей достройку новой России по типу феодально-капиталистическому? или она должна взять стройку в свои руки, в руки массы, в руки крестьянства и вести стройку без Пуришкевичей в направлении свободного, демократического капитализма?

Нетрудно понять позицию сознательного рабочего в этом споре. Мы твердо знаем, что и столыпинский и народнический путь означают развитие капитализма, которое во всяком случае ведет к торжеству пролетариата. Мы не падем духом ни при каком повороте истории. Но мы не позволим ни одному повороту истории пройти без нашего участия, без действительного вмешательства передового класса. Рабочий класс к столкновениям Пуришкевичей и крестьянской демо-

кратии относится не равнодушно, а с самой горячей, самой беззаветной защитой интересов крестьянской и общенародной демократии в наиболее последовательном их выражении.

Ни малейших уступок насквозь гнилому якобы-социализму (а на деле мещанской мечтательности) народников — и величайшее внимание к крестьянской демократии, к ее просвещению, пробуждению и сплочению, к ее освобождению от всех и всяких затхлых предрассудков — вот линия сознательного рабочего.

Хотите мечтать о победе ручной тачки над железнодорожным поездом? — нам не по дороге, мы враги пошлой маниловщины. Хотите бороться с Пуришкевичами? — нам по дороге, но знайте, что рабочие не простят ни малейшего колебания.

А к тем людям, что с холопской торопливостью спешат подписать «окончательный» успех столыпинского землеустройства, рабочий класс отнесется с презрением, с каким всегда передовые, сильные и враждебные реформизму классы относятся к оппортунистам и к рыцарям минутного успеха.

„Правда Труда“ № 3.

13 сентября 1913 г.

Подпись: В. Ильин.

Тоже — трудовик.

Журнал «Заветы» — самый народнический, л е в о - народнический журнал, с самим г. Черновым. И притом толстый, серьезный журнал. Уже если где, то именно здесь можно найти раскрытие знаменитого «т р у д о в о г о н а ч а л а», о котором говорят все трудовики, все народники, все «эс-эры» в том числе.

Некоторые люди уверяют даже, что «трудовое начало» есть социалистическое начало и что теоретики «трудового начала» — тоже социалисты.

Посмотрим, как один из «левых народников», г. С. Зак, специально занимавшийся вопросом о промышленном капитализме, рассуждает о «т р у д о в о й» промышленности.

Г. С. Зак различает троякого рода промышленность: 1) «т р у д о в у ю», 2) «переходную» от трудовой к капиталистической и 3) капиталистическую. К капиталистической он относит предприятия с числом рабочих более 50, к переходной от 11 до 50; к т р у д о в о й — с числом рабочих не более 10.

Почему же последние предприятия — «т р у д о в ы е»? Потому, извольте видеть, что, «пока предприятия не располагают хотя бы одним конторским служащим и одним техником в среднем на каждое, до тех пор нечего говорить о капиталистическом их характере».

Теория, достойная полуграмотного конторщика, а не писателя, желающего слыть социалистом! Пока г. Зак и прочие народники не изобрели «с в о е й», новой, истинно-русской, политической экономии, до тех пор мы останемся при старом взгляде, что капитализмом называется т о в а р н о е производство, превращающее в товар рабочую силу.

Это — азбука, не знать которой стыдно. Но гг. народники, на словах — сторонники теории Маркса, враги буржуазной политической экономии. А на деле они преподносят публике взгляды самого пошлого обывателя, который ничему не учился и повторяет

отрывки буржуазных фраз: если-де есть «контора», это капиталист. А коли мое хозяйство маленькое, то какой же я капиталист, я — трудовой человек!

Защищать в печати такие взгляды значит отрицать науку политической экономии и защищать невежество.

Капиталисты бывают мелкие и крупные, глупые и умные, но капитализм определяется не этим, а производством товаров и употреблением наемного труда.

Наш народник считает еще признаком «трудового» хозяйства участие в работе членов семьи хозяина. На самом же деле всякий, знакомый с начатками политической экономии, знает, что это признак мелко-буржуазного хозяйства. Прикрашивать мелкую буржуазию, называя ее «трудовым» хозяйством, значит не иметь понятия о социализме.

Вот цифры самого г. Зака. На 100 предприятий приходится в среднем членов семьи хозяина: 1) 28 в предприятиях, имеющих до 3 рабочих; 2) 34 в предприятиях с 4—5 рабочими; 3) 22 в предприятиях с 6—10 рабочими.

Не правда ли, хорош наш «новый народник»? Он сам приводит цифры о преобладании наемного труда и называет это «трудовым» хозяйством!!

Г. Зак порхает по данным о разных промышленных переписях, восхищаясь тем, как «много» «трудовых» хозяев, и уверяя, что это доказывает «несостоятельность ортодоксальной (т.-е. правоверной — так называют народники, в насмешку, учение Маркса) теории». Приведем полные данные из германской переписи (на которую прежде всего ссылается г. Зак). Берем промышленность в широком смысле, включая торговлю и пути сообщения:

Группы предприятий	Число предпр. (тыс.)	Проц.	Рабочих	Проц.	Лоша-дин. сил	Проц.	Килогр.	Проц.
Одиночки	1.452	49,5	1,4	10,1	—	—	—	—
Мелкие (2 —5 раб.) . .	1.524	46,7	3,8	26,2	0,7	7,4	0,1	7,1
Средние (6—50 раб.) .	259	8,0	3,5	24,3	1,5	17,3	0,2	15,7
Крупные (51 и бол.)	31	0,9	5,7	39,4	6,6	75,3	1,2	77,2
Всего . .	3.266	100	14,4	100	8,8	100	1,5	100

Присмотритесь к этой картине капитализма в промышленности. Одиночек — мелких буржуа, очень «много»: полтора миллиона. А их доля в производстве? Десятая часть рабочих и ноль машин, как паровых, так и электрических!!

А крупных капиталистов?

Одна сотая всех предприятий, а у них почти $\frac{2}{3}$ (39%) всех рабочих, и больше трех четвертей (75—77%) всего числа машин.

Всякий мыслящий рабочий увидит тут сразу полное подтверждение своего ежедневного опыта: масса жалких, раздавленных капиталом, мелких буржуа и полнейшее господство ничтожного числа капиталистических крупных предприятий.

Далее. Статистика, безбожно извращенная «левым» народником, показывает самый быстрый рост капитализма и вытеснение мелкого производства. Сравним данные трех немецких переписей, 1882 г., 1895 г. и 1907 г. (последняя). Чтобы не утомлять читателя цифрами, возьмем только самое главное: сопоставим одиночные предприятия с капиталистическими, средними и крупными вместе:

Годы	Одиночные предприятия		Средние и крупные капиталистические предпр.	
	% всего числа предпр.	% всего числа рабочих	% всего числа предпр.	% всего числа рабочих
1882	62	26	4	41
1895	54	17	7	53
1907	42	10	9	68

25 лет тому назад одиночки составляли большинство ($\frac{3}{5}$) хозяев. Теперь их меньшинство ($\frac{2}{5}$). Прежде у них была $\frac{1}{4}$ всех рабочих; теперь — $\frac{1}{10}$.

Доля капиталистических предприятий, наоборот, быстро растет: 25 лет тому назад у них было меньшинство рабочих ($\frac{2}{5}$), а теперь у них — большинство, почти $\frac{7}{10}$ общего числа рабочих (68 проц.). А мы уже видели, что концентрация (сосредоточение) в руках горстки капиталистов — машин, как паровых, так еще более электрических, — еще гораздо сильнее, чем концентрация рабочих.

Итак. Промышленные череписи в свободных и быстро развивающихся странах дают самое блестящее подтверждение теории Маркса. Капитализм повсюду господствует. Повсюду он вытесняет мелкое производство. Повсюду разоряется масса крестьян и мелких ремесленников и кустарей. Мелкого хозяйчика крупный капитал гнетет и давит тысячами способов, которые статистика еще слишком слабо учитывает. Мелкому хозяйчику нет спасения. У него нет выхода, кроме присоединения к борьбе пролетариата. Теория «трудового начала» и «трудового хозяйства», от первого до последнего слова, есть повторение старых буржуазных предрассудков. Опыт всех стран на каждом шагу разрушает эти предрассудки.

Левые народники, стараясь доказать рабочим, что капиталист или капиталистик с 5, с 10 наемными рабочими есть «трудо­вой» хозяин, доказывают только свою буржуазность.

„Правда Труда“ № 18.

1 октября 1913 г.

Подпись: В. Ильин.

Сценки с натуры.

В думских комиссиях иногда удивительно рельефно вскрывается сущность всей нашей внутренней политики, всех взаимоотношений правительства и буржуазных партий.

Вот маленькая сценка.

Заседает комиссия законодательных предположений.

Рассматривается законопроект об усилении полиции в местах нахождения ленских приисков.

Представители оппозиции высказываются против, советуя улучшить санитарные условия приисков вместо усиления полиции.

Тогда директор департамента полиции Белецкий заявил, что, если проект не будет принят, то правительство вынуждено будет послать на прииски войска и ввести там усиленную охрану. Если это более улыбается Думе, чем усиление полиции, то это ее дело.

Что же отвечают буржуазные депутаты, как бы вы думали?

Логвинов (примыкающий к фракции прогрессистов) тогда заявил, что раз правительство припирает к стене комиссию, то, под угрозой введения усиленной охраны, ей ничего более не остается, как предпочесть меньшее зло большему и принять проект об усилении полиции. Проект принят.

Так было дело по отчету «Речи», органа кадетов, во всем существенном идущих вместе с прогрессистами.

Это кажется невероятным, но это — факт. «Под угрозой» большего ухудшения прогрессивные буржуа проводят меньшее ухудшение!

Не трудно правительству управлять с такой «прогрессивной» оппозицией. Угрозу «большим» ухудшением выдвинуть ровно ничего не стоит. И самое важное, что именно путем таких «угроз» ведется теперь вся внутренняя политика России.

Октябристы изображаются либералами, как партия, очень резко отличающаяся от «прогрессивной оппозиции», но на деле октябристы и прогрессисты отличаются лишь мелочами.

Возьмите законопроект о печати, который теперь так молниеносно «прогоняют» через Думу. Октябристы свой проект составляют в «прогрессивно-оппозиционном» духе. Правительство угрожает тысячами способов: через правых, через свою печать, через видных бюрократов, через прямые переговоры с вождями господствующих в Думе партий, — угрожает провести «большее ухудшение», вплоть до роспуска Думы, вплоть до проведения закона без Думы, вплоть до изменения избирательного закона. И под влиянием таких «угроз» октябристы проводят все существенно-худое, все «достаточное и необходимое» для задушения рабочей печати!

Полезно вдумываться в эту политику многим и многим буржуа, пленившим свою мысль мечтами о реформах и о борьбе за легальность.

За Правду» № 31.

9 ноября 1913 г.

Подпись: В.

Письмо С. Г. Шаумяну ¹⁰⁷).

Краков, 23 ноября 1913 г.

Дорогой друг! Очень рад был вашему письму от 15 ноября. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценим отзыв товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый ответ был потому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма. Перехожу к делу.

1. Вы за государственный язык в России. «Он необходим; он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение». Решительно не согласен. Я писал об этом давно в «Правде» и пока не встретил опровержения. Ваш довод совсем меня не убеждает, — напротив. Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы мелких и отсталых наций — бесспорно.

Но неужели вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения?

Что же, разве «государственный язык» не означает палки, отбивающей от русского языка? Как вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на-нет бесспорное прогрессивное значение централизации единого языка больших государств? Но еще важнее экономика, чем психология; в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым. И вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали подкрепить экономику? Неужели вы не видите, что этим вы уродуете экономику, тормозите ее? Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка? Нет, абсолютно не согласен с вами и обвиняю вас в кенниглих-прейссишер социализмус ¹⁰⁸).

2. Вы против автономии. Вы только за областное самоуправление. Никак не согласен. Вспомните разъяснения Энгельса, что централизация вовсе не исключает местных «свобод». Почему Польше автономия, а Кавказу, Югу, Уралу нет? Ведь пределы автономии определяет центральный парламент? Мы за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации. Мы за якобинцев против жирондистов. Но бояться автономии в России... помилуйте, это смешно. Это реакционно. Приведите мне пример, придумайте пример, где автономия может стать вредной! Не приведете. А узкое толкование: только самоуправление — в России (и в Пруссии) на-руку поганой полициейщине.

3. «Право на самоопределение не означает только права на отделение. Оно означает также право на федерационную связь, право на автономию» — пишете вы. Абсолютно не согласен. Оно не означает права на федерацию. Федерация есть союз равных, союз, требующий общего согласия. Как же может быть право одной стороны на согласие с ней другой стороны?

Это абсурд. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или, вернее, если гнет и трения «сожительства» таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь «право» на федерацию. «Право на автономию»? Опять не верно. Мы за автономию для всех частей, мы за право отделения (а не за отделение всех)! Автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения, но мы стоим за право на отделение в виду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения!!!

Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма, и малейший отказ от этого исключения есть оппортунизм (как у Розы Люксембург), есть глупенькая игра на-руку великорусскому черносотенному национализму. Но исключение нельзя толковать расширительно. Ничего, абсолютно ничего, кроме права на отделение, здесь нет и быть не должно.

Я пишу об этом в «Просвещении». Напишите мне непременно подробнее, когда я окончу эти статьи (будут в 3-х книгах). Пошлю еще кое-что. Резолюции проводил больше всего именно я. Летом читал реферат по национальному вопросу и немножко штудировал его. Посему намерен «стоять крепко», хотя, конечно, я послушаюсь товарищей, изучавших вопрос больше и дольше.

4. Против «изменения» программы, — против «национальной программы»? И тут не согласен. Вы боитесь слов. Нечего их бояться. Все равно ее (программу) все применяют тайком, подло, в худшую сторону. Мы же в ее духе, последовательно-демократическом духе, в марксистском (анти-австрийском) духе определяем, прецизируем¹⁰⁹), развиваем, закрепляем. Это надо было сделать. Пусть сунутся теперь оппортунистические (бундовские, ликвидаторские, народнические) сволочи — пусть дадут свои, столь же точные и столь полные ответы на все наши вопросы, затронутые и решенные в нашей резолюции. Пусть попробуют. Нет, мы не «спасовали» перед оппортунистами, а разбили их по всем пунктам.

Популярная брошюра по национальному вопросу очень нужна. Пишите. Жду ответа. Привет друзьям.

Ваш В. И.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
архиве Института Ленина.*

Переписка Маркса с Энгельсом¹¹⁰).

(Энгельс, как один из основателей коммунизма.)

Давно обещанное издание переписки знаменитых основателей научного социализма, наконец, увидело свет. Энгельс завещал издание Бебелю и Бернштейну, и Бебель успел незадолго до своей смерти покончить свою часть редакционной работы.

Переписка Маркса и Энгельса, вышедшая несколько недель тому назад в Штутгарте у Дитца, представляет из себя четыре больших тома. В них вошло всего 1.386 писем Маркса и Энгельса, за громадный промежуток времени с 1844 по 1883 год.

Редакторская работа, т.-е. составление предисловий к переписке за отдельные периоды, выполнена Эд. Бернштейном. Как и следовало ожидать, эта работа неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было браться, — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам, — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью — прямо фальшивы, — например, когда вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассаля и Швейцера, разоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады, вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассаля» (т. III, стр. XVIII), или будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту (т. IV, стр. X). Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет. К сожалению, эклектическое отношение к идейной борьбе Маркса со многими его противниками все сильнее распространяется среди современной немецкой социал-демократии.

С технической стороны, неудовлетворительно составлен указатель, один ко всем четырем томам (например, пропущены имена

Каутского, Стирлинга); примечания к отдельным письмам слишком скудны и затеряны в предисловиях редактора, вместо того, чтобы поместить их рядом с соответствующими письмами, как это сделал Зорге, и т. д.

Издана переписка непомерно дорого — около 20 руб. за все четыре тома. Нет сомнения, что можно и должно было издать полную переписку менее роскошно, за более доступную цену, а кроме того, выпустить — для широкого распространения среди рабочих — извлечение важнейших в принципиальном отношении мест.

Все эти недостатки издания, конечно, затруднят ознакомление с перепиской. Это жаль, ибо научная и политическая ценность ее громадна. Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее теоретическое содержание марксизма разворачивается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное.

Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история политики рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно постановки вопросов о политических задачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма, вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождями мелочами дня и т. д., — тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание коренных преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе.

Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся

сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли.

В дальнейшем изложении мы намерены дать, после общего обзора переписки, очерк наиболее интересных замечаний и рассуждений Маркса и Энгельса, отнюдь не претендуя на исчерпание всего содержания писем.

I. Общий обзор.

Переписку открывают письма 24-летнего Энгельса к Марксу в 1844 году. Тогдашняя обстановка в Германии выступает замечательно рельефно. Первое письмо помечено концом сентября 1844 года и послано из Бармена, где жила семья Энгельса, и где он родился. Энгельсу не было тогда еще полных 24 лет. Он тоскует в семейной обстановке и рвется прочь. Отец — деспот, религиозный фабрикант, возмущенный беготней сына по политическим собраниям и его коммунистическими убеждениями. «Если бы не мать, которую я очень люблю, — пишет Энгельс, — я бы не стерпел даже и несколько дней, остающихся до моего отъезда. Ты не можешь себе представить, — жалуется он Марксу, — какие мелкие соображения, какие суеверные опасения выдвигаются здесь, в семье, против моего отъезда».

Пока Энгельс в Бармене, — где его удерживала еще некоторое время одна любовная история, — он уступает отцу и недели две ходит работать в фабричную контору (отец его был фабрикант). «Торговля — гнусность, — пишет он Марксу, — гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, т.-е. буржуа, активно выступающим против пролетариата». «Я утешаю себя, — продолжает Энгельс, — работой над моей книжкой о положении рабочего класса» (книга эта вышла, как известно, в 1845 году и является одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе). «Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуем и вьючной скотиной торгашества, если

не заниматься литературной деятельностью, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торговашеством, промышленными делами, этого нельзя. Я уеду. К тому же еще эта усыпляющая жизнь в семье, насквозь христиански-прусской, — я не могу больше этого вынести, я бы мог здесь в конце концов сделаться немецким филистером и внести филистерство в коммунизм». Так писал молодой Энгельс. После революции 1848 года жизнь заставила его вернуться в контору отца и сделаться на долгие годы «вьючной скотиной торговашества», но он сумел при этом устоять, создать себе не христиански-прусскую, а совсем иную товарищескую обстановку, сумел сделаться на всю жизнь беспощадным врагом «внесения филистерства в коммунизм».

Общественная жизнь в немецкой провинции 1844 года похожа на русскую в начале XX века, перед революцией 1905 г. Все рвется к политике, все кипит оппозиционным возмущением против правительства, пасторы громят молодежь за атеизм, дети в буржуазных семьях устраивают сцены родителям за «аристократическое обращение с прислугой или с рабочими».

Общая оппозиционность выражается в том, что все объявляют себя коммунистами. «В Бармене полицейский комиссар — коммунист», пишет Энгельс Марксу. «Я был в Кёльне, Дюссельдорфе, Эльберфельде — везде на каждом шагу натыкаешься на коммунистов!» «Один пылкий коммунист, художник, рисующий карикатуры, фамилия его Зеель, едет через два месяца в Париж. Я дам ему явку к Вам. Он вам всем понравится — энтузиаст, любит музыку, будет полезен, как карикатурист».

«Здесь в Эльберфельде происходят чудеса. Вчера (писано 22 февраля 1845 года) в самой большой зале, в лучшем ресторане города, у нас было третье коммунистическое собрание. На первом — 40 человек, на втором — 130, на третьем — 200 — самое меньшее. Весь Эльберфельд и Бармен, начиная с денежной аристократии и кончая мелкими лавочниками, был представлен, за исключением только пролетариата».

Так, буквально, пишет Энгельс. В Германии все были тогда коммунистами, кроме пролетариата. Коммунизм был формой выражения оппозиционных настроений у всех и больше всего у буржуазии. «Самая тупая, самая ленивая, самая филистерская публика, которая ничем в мире не интересовалась, начинает прямо восторгаться коммунизмом». Главными проповедниками коммунизма были тогда люди вроде наших народников, «социалистов - революционне-

ров», «народных социалистов» и т. п., т.-е. в сущности благонамеренные буржуа, более или менее взбешенные против правительства.

И в такой обстановке, среди необъятного количества якобы социалистических направлений и фракций, Энгельс сумел пробивать себе дорогу к пролетарскому социализму, не боясь разрыва с массой добрых людей, горячих революционеров, но плохих коммунистов.

1846 год. Энгельс в Париже. Париж кипит тогда политикой и обсуждением различных социалистических теорий. Энгельс с жадностью изучает социализм, знакомится лично с Кабэ, Луи Бланом и другими выдающимися социалистами, бегаёт по редакциям и по кружкам.

Главное его внимание направлено на самое серьёзное и самое распространённое тогдашнее социалистическое учение — прудонизм. И ещё до выхода в свет прудоновской «Философии нищеты» (1846 год, октябрь; ответ Маркса — знаменитая «Нищета философии» — вышел в свет в 1847 году) Энгельс с беспощадной язвительностью и замечательной глубиной критикует основные идеи Прудона, с которыми особенно носился тогда немецкий социалист Грюн. Прекрасное знание английского языка (с которым Маркс освоился много позже) и английской литературы позволяет Энгельсу сразу (письмо от 19 сентября 1846 года) указать на примеры банкротства в Англии пресловутых прудоновских «трудовых базаров». «Прудон срамит социализм, — возмущается Энгельс, — у Прудона выходит, что рабочие должны выкупить капитал!»

Двадцатилетний Энгельс прямо уничтожает «истинный социализм» — это выражение встречаем в его письме от 23 октября 1846 года, задолго до «Коммунистического Манифеста», при чем главным представителем его называет Грюна. «Антипролетарское, мелко-буржуазное, филистерское» учение, «пустые фразы», разные «общечеловеческие» стремления, «суеверная боязнь «грубого» коммунизма» (Löffel-kommunismus — буквально: «коммунизм ложки» или «коммунизм жратвы»), «мирные планы осчастливить человечество» — вот отзывы Энгельса, относящиеся ко всем видам домарксовского социализма.

«Три вечера, — пишет Энгельс, — мы спорили о прудонизме; почти все, с Грюном во главе, были против меня. Главное, что приходилось мне доказывать, это — необходимость насильственной революции» (23 октября 1846 года). «В конце концов я стал беш-

ным — и загнал своих противников до того, что они вынуждены были прямо высказаться против коммунизма. Я потребовал голосования по вопросу о том, коммунисты мы или нет. Величайшее возмущение грюнианцев, которые стали уверять, что они собрались обсуждать «благо человечества» и что надо же знать, что собственно есть коммунизм. Я дал им тогда самое простенькое определение, чтобы не допускать уверток от сути вопроса. Я определил, — пишет Энгельс, — настроения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции» (писано за 1½ года до революции 1848 года).

Кончилась дискуссия тем, что собрание 13 голосами против 2 грюнианцев приняло определение Энгельса. Посещали эти собрания около 20 столяров ремесленников. Так в Париже 67 лет тому назад закладывались основы социал-демократической рабочей партии Германии.

Год спустя, в письме от 27 ноября 1847 года, Энгельс сообщает Марксу о составленном им черновике коммунистического манифеста, высказываясь между прочим против предполагавшейся раньше формы катехизиса. «Я начинаю, — пишет Энгельс, — с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы». «В конце — партийная политика коммунистов».

Это историческое письмо Энгельса о первом наброске произведения, которое обошло весь мир и которое до сих пор верно во всем основном, живо и злободневно, как будто бы оно писалось вчера, показывает наглядно, что имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма.

*„Правда“, № 268.
28 ноября 1920 г.*

1914 ГОД

Доклад Исполнительной Комиссии Международного Социалистического Бюро ¹¹¹).

Т о в. Г ю й с м а н с у.

По Вашей личной просьбе, я пишу нижеследующий краткий доклад (bref rapport) от моего личного имени, извиняясь заранее за пробелы этого доклада (rapport) в виду крайнего недостатка времени. Ц. К. нашей партии найдет, вероятно, случай прислать в Исполнительную Комиссию Международного Социалистического Бюро свой официальный доклад, а равно исправить возможные ошибки моего частного доклада.

В чем состоят расхождения (dissentiments) между Ц. К. нашей партии и О. К. ¹¹²? Таков вопрос. Расхождения можно свести к следующим шести пунктам:

I.

Росс. С.-Д. Раб. Партия основана в 1898 году как н е л е г а л ь н а я партия и всегда оставалась таковой. И теперь наша партия не может существовать иначе, как нелегальная, ибо в России даже партия умеренных либералов не легализована.

Но до революции 1905 года в России либералы имели нелегальный орган за границей. После поражения революции либералы отвернулись от нее и с возмущением отвергают мысль о нелегальной печати. И вот, после революции, среди оппортунистического крыла нашей партии возникает идея отречения от нелегальной партии, ликвидации ее (отсюда название «ликвидаторов»), замены ее легальной («открытой») партией.

Вся наша партия дважды, и в 1908 и в 1910 году, **формально** и безусловно осудила ликвидаторство. Тут разногласие непримиримо абсолютно. Нельзя восстанавливать и строить нелегальную партию вместе с теми, кто не верит в нее и не хочет вообще ее строить.

О. К. и выбравшая его августовская конференция 1912 года на словах признают нелегальную партию. На деле же газета ликвидаторов в России («Луч» и «Нов. Раб. Газета» в 1912—1913 г.г.) после решений августовской конференции продолжала нападать в легальной печати на самое существование нелегальной партии (много статей Л. С., Ф. Д.¹⁰⁵), Засулич и пр.).

Таким образом, нас разделяет с О. К. то обстоятельство, что О. К. является фикцией, на словах не признавая себя ликвидаторским, а на деле прикрывая и прикрашивая группу ликвидаторов в России.

Нас разделяет то, что О. К. не хочет (и не может — ибо он бессилён против группы ликвидаторов) решительно и бесповоротно осудить ликвидаторство.

Мы не можем строить нелегальной партии иначе, как в борьбе с людьми, в легальной печати нападающими на нее. В России есть теперь (с 1912 года) две ежедневные рабочие газеты в С.-Петербурге.: одна исполняет решения нелегальной партии, проводит их в жизнь («Правда»). Другая («Луч» и «Нов. Р. Г.») нападает на нелегальную партию, смеется над ней, внушает рабочим мысль о ее ненужности. Пока эта газета группы ликвидаторов не переменит коренным образом своего направления или пока О. К. решительно не осудит ее, не порвет с ней связей, единство нелегальной партии с группой, борющейся против существования нелегальной партии, невозможно.

II.

Нас разделяют с ликвидаторами те же разногласия, которые разделяют реформистов и революционеров везде. Но особенно обостряет у нас эти разногласия и делает их непримиримыми то обстоятельство, что ликвидаторы в легальной печати борются против революционных лозунгов. Невозможно единство с группой, которая, например, в легальной печати заявляет, что лозунг республики или конфискации помещичьих земель не пригоден для агитации в массах. В легальной печати мы не можем опровергать такой пропаганды, которая, — объективно, — равносильна измене социализму и переходу к уступкам либерализму и монархии.

А русская монархия такова, что понадобится еще ряд революций для обучения русских царей конституционализму.

Невозможно единство нашей нелегальной партии, организующей подпольно революционные стачки и демонстрации, с группой литераторов, которые в легальной печати называют стачечное движение «стачечным азартом».

III.

Нас разделяет национальный вопрос. Он стоит в России очень остро. Программа нашей партии безусловно не признает так называемой «экстерриториально-национальной автономии». Защита ее равняется на деле проповеди утонченного буржуазного национализма. Между тем августовская конференция ликвидаторов (1912 года), прямо нарушая программу партии, признала эту «экстерриториальную национальную автономию». Тов. Плеханов, нейтральный между Ц. К. и О. К., восстал против этого нарушения программы и назвал его приспособлением социализма к национализму.

Нас разделяет то, что О. К. не желает взять назад своего, нарушающего нашу партийную программу, решения.

IV.

Нас разделяет, далее, национальный вопрос в организационном отношении. Копенгагенский конгресс прямо осудил разделение профессиональных союзов по национальностям. А опыт Австрии показал, что провести в этом отношении различие между профессиональными союзами и политической партией пролетариата невозможно.

Наша партия всегда стояла на позиции единой интернациональной организации с.-д. партии. В 1908 году, до раскола, было повторено партией требование слияния всех национальных с.-д. организаций на местах.

Нас разделяет с Бундом, отдельной организацией еврейских рабочих, поддерживающей О. К., — то обстоятельство, что Бунд, вопреки решениям партии, отказывается решительно провозгласить принцип единства всех национальных организаций на местах и произвести такое объединение на деле.

Надо подчеркнуть, что Бунд отказывается произвести такое объединение не только с организациями, подчиненными нашему Ц. К., но и с латышской с.-д. партией, и с польской социал-демократией, и с польской социалистической партией (левицей). Поэтому, когда Бунд выставляет себя объединителем, то мы отвергаем это и заявляем, что раскольником является как раз Бунд, не осуществляющий интернационального единства с.-д. рабочих в местных организациях.

V.

Нас разделяет тот шаг О. К., что он защищает союз ликвидаторов и Бунда с несоциал-демократической партией П. П. С. (левицей) — вопреки обеим частям польской социал-демократии.

Польская социал-демократия входила в нашу партию уже с 1906—1907 годов.

П. П. С. (левица) никогда не входила в нашу партию.

О. К. совершает вопиющий факт раскола, вступая в союз с П. П. С. против обеих частей П. С.-Д.

О. К. и его сторонники из депутатов Думы совершают вопиющий факт раскола, принимая в думскую с.-д. фракцию несоциал-демократа Ягелло, члена П. П. С., вопреки формальным протестам обеих частей польской социал-демократии.

Нас разделяет с О. К. то обстоятельство, что О. К. не желает осудить и расторгнуть этот раскольнический союз с П. П. С. (левицей).

VI.

Наконец, нас разделяет и с О. К. и с многими заграничными группами и фиктивными организациями то обстоятельство, что наши противники не желают открыто, лойяльно и безоговорочно признать поддержку нашей партии подавляющим большинством сознательных рабочих России.

Этому обстоятельству мы придаем огромное значение, ибо за границей распространяют часто, на основании голословных заявлений, не подкрепляемых точными, допускающими проверку данными, — вопиющую неправду о положении дел в России.

Одно из двух: или наши противники признают наличие непримиримых разногласий с нами (тогда речи их о единстве лицемерны), или они не видят непримиримых разногласий (тогда они должны лойяльно признать наше безусловное большинство, если не хотят быть признаны раскольниками).

Какими же открытыми и проверяемыми фактами можно доказать, на чьей стороне действительное большинство сознательных и организованных с.-д. рабочих России?

Во-первых, выборами в Г. Думу.

Во-вторых, данными из обеих с.-д. газет за весь 1912 и почти весь 1913 годы.

Нетрудно понять, что ежедневные газеты обоих направлений в С.-Петербурге за два года дают единственно серьезный материал по нашим спорным вопросам.

В-третьих, данные об открытых заявлениях рабочих в России (на страницах обеих газет) в пользу той или иной из 2-х с.-д. фракций в Думе.

Все эти троякого рода данные опубликованы в официальном докладе нашего Ц. К. для М. С. Б. (сессия 14 дек. 1913). Я вкратце повторю эти данные:

Во-первых, на выборах во II Думу (1907) «большевики» (т.-е. наши сторонники) имели 47% всех депутатов рабочей курии в III Думе (1907—1912) — 50%; в IV Думе — 67%.

Во-вторых, за 20 месяцев, с 1 янв. 1912 по 1 окт. 1913 г., в двух рабочих газетах С.-Петербурга были опубликованы денежные отчеты рабочих групп — 556 у ликвидаторов и всех их союзников; 2.181 группа у нашей партии.

В-третьих, за нашу фракцию в Думе (по 20 ноября 1913 г.) высказалось, да в свои подписи, 4.850 рабочих против 2.539 за ликвидаторов (и всех их союзников, Бунд, кавказцы и т. д. и т. д.).

Эти точные и допускающие проверку данные доказывают, что мы объединили за два года, несмотря на неслыханные трудности нелегальной партии в России, подавляющее большинство рабочих с.-д. групп в России.

(Наш перевес в издании нелегальной литературы и в организации нелегальных строго партийных конференций еще более велик.)

Объединив за 2 года громадное большинство рабочих с.-д. групп в России, мы заявляем требование признать наш организационный метод. Отступить от него мы не можем.

Кто признает нелегальную партию, того мы обвиняем в расколе, если он не желает признать наш организационный метод, подтвержденный двухлетним опытом и волей большинства сознательных рабочих.

Таков мой краткий доклад.

Брюссель, 31/I—1/II 1914 г. С с.-д. приветом — *Н. Ленин.*

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Из прошлого рабочей печати в России.

История рабочей печати в России неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего» и «черного» сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранившим громадное, живое значение и по сию пору.

Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и

демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая донныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм.

Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших уже идти в «массы» бесцензурных произведений печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания. А среди деятелей той эпохи виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др. Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение Трудя», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—96 годов).

Но прежде чем переходить к этой эпохе, с которой, собственно, начинается рабочая печать в России, приведем данные, наглядно показывающие классовое различие между движениями трех намеченных исторических периодов. Это — данные о распределении по сословиям и по занятиям (по классам) лиц, привлеченных за государственные (политические) преступления. На 100 таких лиц было:

	дворян	мещан и крестьян	крестьян	рабочих	интеллигентов
В 1827—1846 г.г. . . .	76	23	?	?	?
» 1884—1890 » . . .	30	46,6	7,1	15,1	73,2
» 1901—1903 » . . .	10,7	80,9	9,0	46,1	36,7
» 1905—1908 » . . .	9,1	87,7	24,2	47,4	28,4

В период дворянский, крепостной (1827—1846), дворяне, составлявшие ничтожное меньшинство населения, дают громадное большинство (76%) «политических». В период народнический, разночин-

ский (1884—1890 г.г.; о 60-х и 70-х годах, к сожалению, нет подобных данных), дворяне отходят на второй план, но все же дают еще громадный процент (36,6%). Интеллигенция дает подавляющее большинство (73,2%) участников демократического движения.

Период 1901 — 1903 г.г., как раз период политической марксистской газеты, старой «Искры», дает уже преобладание рабочих (46,1%) над интеллигенцией (36,7%) при полной демократизации движения (10,7% дворян и 80,9% «непривилегированных»).

Забегая вперед, отметим, что период первого массового движения (1905 — 8) показывает изменение лишь в виде вытеснения интеллигенции (28,4% против 36,7%) крестьянством (24,2% против 9%).

Основателем социал-демократии в России является группа «Освобождение Труда», возникшая за границей в 1883 году. Литературные произведения этой группы, печатавшейся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи. За 12 лет, с 1883 по 1895 г., едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России было издание в Петербурге в 1885 году с.-д. газеты «Рабочий», конечно без цензуры, но этой газеты вышло только два номера. Отсутствие массового рабочего движения не давало возможности широко развиться рабочей печати.

С 1895 — 96 года, со времени знаменитых петербургских стачек, начинается массовое рабочее движение с участием социал-демократии. Именно это время есть в собственном смысле слова время появления рабочей печати в России. Главными произведениями рабочей печати были тогда бесцензурные листки, большей частью не печатные, а гектографированные и посвященные «экономической» (а также и неэкономической) агитации, т.-е. изложению нужд и требований рабочих разных фабрик и отраслей промышленности. Разумеется, без самого активного участия передовых рабочих в составлении и распространении такой литературы она существовать бы не могла. Из петербургских рабочих, действовавших в то время, можно назвать Василия Андреевича Шелгунова, который впоследствии ослеп и лишен был возможности действовать с прежней активностью, и Ивана Васильевича Бабушкина, горячего «искровца» (1900 — 1903) и «большевика» (1903 — 1905), который был расстрелян за участие в восстании в Сибири в конце 1905 или в начале 1906 года.

Листки издавались с.-д. группами, кружками и организациями, которые с конца 1895 года стали принимать большую часть

название «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 году съезд представителей местных с.-д. организаций и основал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию».

Вслед за листками начали появляться бесцензурные рабочие газеты, — напр., в С.-Петербурге в 1897 г. «СПБ. Рабочий Листок» и там же «Рабочая Мысль», перенесенная вскоре за границу. Местные с.-д. газеты существуют с этого времени почти непрерывно, до революции бесцензурно, — разумеется, будучи постоянно разрушаемы, но возникая снова и снова во всех концах России.

Взятые вместе рабочие листки и с.-д. газеты того времени, т.-е. 20 лет тому назад, являются прямыми и непосредственными предшественниками теперешней рабочей печати: те же фабричные «обличения», та же хроника «экономической» борьбы, то же принципиальное освещение задач рабочего движения с точки зрения марксизма и последовательного демократизма, наконец, те же два основных направления, марксистское и оппортунистическое в рабочей печати.

Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сию пору: как только возникло массовое рабочее движение в России (1895 — 1896 г.г.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления, — разделение, которое меняет форму, обличие и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год. Очевидно, есть глубокие социальные, классовые корни именно такого, а не иного какого-либо разделения и внутренней борьбы между социал-демократами.

Названная выше «Рабочая Мысль» представляла тогдашнее оппортунистическое направление, так называемый «экономизм». В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894 — 1895 годах. А за границей, где пробуждение русских рабочих привело к громадному расцвету с.-д. литературы уже с 1896 года, появление и сплочение «экономистов» кончилось расколом весной 1900 года (т.-е. до возникновения «Искры», первый номер которой вышел в самом конце 1900 года).

История рабочей печати за двадцатилетие 1894 — 1914 г.г. есть история двух направлений в русском марксизме и русской (вернее: российской) социал-демократии. Чтобы понять историю рабочей печати в России, надо знать не только и даже не столько названия разных органов печати, названия, ничего не говорящие современному читателю и только сбивающие его с толку, а содержание, характер, идейную линию разных частей социал-демократии.

Главными органами «экономистов» были «Рабочая Мысль» (1897 — 1900) и «Рабочее Дело» (1898 — 1901). Во главе «Р. Дела» стояли Б. Кричевский, впоследствии перешедший к синдикалистам, А. Мартынов, видный меньшевик и теперь ликвидатор, и Акимов, ныне «независимый с.-д.», во всем существенном согласный с ликвидаторами.

Против экономистов боролись сначала только Плеханов и вся группа «Освобождение Труда» (журнал «Работник» и т. д.), потом «Искра» (с 1900 г. по август 1903 г., до 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П.). В чем же состояла сущность «экономизма»?

«Экономисты» на словах защищали особенно энергично массовый характер рабочего движения и самодеятельность рабочих, настаивая на первостепенном значении «экономической» агитации и на умеренности или постепенности в переходе к политической агитации. Как видит читатель, это — все те же излюбленные словечки, которыми щеголяют и ликвидаторы. На деле же «экономисты» проводили либеральную рабочую политику, суть которой один из тогдашних вождей «экономизма», г. С. Н. Прокопович, выразил кратко: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». На деле «экономисты», больше всего шумевшие о рабочей самодеятельности и о массовом движении, были оппортунистическим, мещански-интеллигентским крылом в рабочем движении.

Подавляющее большинство сознательных рабочих, которые уже в 1901 — 1903 г.г. давали на 100 привлеченных за государственные преступления 46 человек против 37 интеллигентов, встало на сторону старой «Искры» против оппортунизма. Трехлетняя (1901 — 1903) деятельность «Искры» выработала и программу с.-д. партии, и основы ее тактики, и формы соединения экономической и политической борьбы рабочих на основе последовательного марксизма. Вокруг «Искры» и под ее идейным руководством рабочая печать выросла за предреволюционные годы в громадных размерах. Количество бесцензурных листков и неразрешенных типографий было чрезвычайно велико и быстро росло во всех концах России.

Полная победа «Искры» над «экономизмом», пролетарски-последовательной тактики над оппортунистически-интеллигентской в 1903 году привело к новому усиленному притоку «попутчиков» с.-д-тии в ее ряды, и оппортунизм воскрес на почве искровства, как его часть, под видом «меньшевизма».

Меньшевизм образовался на 2-м съезде Р. С.-Д. Р. П. (август 1903 г.) из меньшинства «искровцев» (отсюда и название меньшевизм) и из всех оппортунистических противни-

к о в «И с к р ы». «Меньшевики» повернули назад к «экономизму», конечно, в несколько обновленной форме; все «экономисты», оставшиеся в движении, наполнили, с А. Мартыновым во главе, ряды «меньшевиков».

Главным органом «меньшевизма» стала новая «Искра», с ноября 1903 года выходившая под измененной редакцией: «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть» — заявил откровенно тогдашний горячий меньшевик Троцкий. Главными органами «большевиков», которые защищали тактику последовательного марксизма, верную старой «Искре», были «Вперед» и «Пролетарий» (1905 г.).

Проверкой обоих главных направлений в с.-д-тии и в рабочей печати, меньшевистского и большевистского, с точки зрения действительной связи с массами и выражения тактики пролетарских масс, были годы революции, 1905—1907 г.г. Открытая с.-д. печать не могла бы возникнуть сразу осенью пятого года, если бы деятельность передовых рабочих, тесно связанная с массами, не подготовила почвы для такой печати. И если открытая с.-д. печать и 5-го, и 6-го, и 7-го годов была печатью д в у х направлений и двух фракций, то это, в свою очередь, не может быть объяснено иначе, как различием мелко-буржуазной и пролетарской линии в рабочем движении той эпохи.

Открытая рабочая печать появлялась во все три периода подъема и сравнительной «свободы»: и осенью 5-го года («Новая Жизнь» большевиков, «Начало» меньшевиков — мы называем только главные органы среди многочисленных других), и весной 1906 года («Волна», «Эхо» и т. д. у бе-ков, «Народная Дума» и др. у ме-ков), и весной 1907 года.

Сущность меньшевистской тактики этой эпохи сам Л. Мартов недавно выразил словами: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе, кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов, — содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» («Среди книг» Рубакина, т. II, с. 772). Вот эта тактика «содействия» либералам и означала на деле зависимость рабочих от них, была на деле либеральной рабочей политикой. Наоборот, тактика большевизма обеспечивала самостоятельность пролетариата в буржуазном кризисе борьбой за доведение его до конца, разоблачением измен либерализма, просвещением и сплочением мелкой буржуазии (особенно деревенской) в противовес этим изменам.

Известно — и сами меньшевики вплоть до теперешних ликвидаторов, Кольцова Левицкого и др., многократно признали это, — что

в эти годы (1905—1907) рабочие массы шли с большевиками. Большевикизм выразил пролетарскую сущность движения, меньшевикизм — его оппортунистическое, мещански-интеллигентское крыло.

Мы не можем здесь характеризовать подробное содержание и значение тактики обоих направлений рабочей печати. Мы должны ограничиться тем, чтобы точно установить основные факты, определить главные линии исторического развития.

Рабочая печать в России имеет за собой почти вековую историю — сначала подготовительную, т.-е. историю не рабочего, не пролетарского, а «общедемократического», т.-е. буржуазно-демократического освободительного движения, — а затем свою собственную, двадцатилетнюю историю пролетарского движения, пролетарской демократии или социал-демократии.

Нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера. Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелко-буржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений. Рабочий класс живет бок-о-бок с мелкой буржуазией, которая, разоряясь, дает все новых и новых пришельцев в ряды пролетариата. А Россия — наиболее мелко-буржуазная, наиболее мещанская из капиталистических стран, переживающая только теперь ту эпоху буржуазных революций, которая, напр., в Англии знаменует XVII век, а во Франции XVIII и первую половину XIX века.

Сознательный рабочий, берясь теперь за родное, кровное, свое дело ведения рабочей печати, ее постановки, укрепления, развития, не забудет о двадцатилетней истории марксизма и с.-д. печати в России.

Плохую услугу оказывают рабочему движению те слабонервные интеллигентские друзья его, которые отмахиваются от внутренней борьбы среди с.-д. и наполняют воздух возгласами и призывами отмахнуться от нее. Добрые, но пустые это люди и пустые их возгласы.

Только изучая историю борьбы марксизма с оппортунизмом, только знакомясь основательно и подробно с выделением самостоятельной пролетарской демократии из мелко-буржуазной мешанины, передовые рабочие окончательно укрепят свое сознание и свою рабочую печать.

*„Рабочий“ № 1.
22 апреля 1914 г.
Без подписи.*

К вопросу о смете министерства земледелия ¹¹³).

Свою новую аграрную политику, политику усиленного и ускоренного разрушения общины при помощи земских начальников, политику поощрения отрубов наше правительство считает особенно большим успехом в своей борьбе с революцией. Совет Объединенного Дворянства еще в 1906-м году, тотчас после революции, призвал правительство к насаждению частной поземельной собственности крестьян, чтобы поскорее создать слой богатых крестьян, которые бы встали на сторону помещиков против крестьян. Столыпин немедленно вступил на путь, указанный Советом Объединенного Дворянства. Помещичьи партии в III Думе, правые и октябристы, всеми силами поддержали эту новую поземельную политику, видя в ней не только лучшее средство борьбы с революцией, но и великий прогресс к европейскому экономическому строю, шаг вперед к уничтожению остатков крепостного права.

Известно, что это восхваление новой аграрной политики, как дела «раскрепощения», повторялось и повторяется на тысячи ладов в правительственной, правой и октябристской печати.

Именно с этой стороны я и хочу в своей речи подойти к оценке основ правительственной политики в земельном вопросе. Нам все говорят о том, как растет число «укреплений» земли в частную собственность, как увеличивается количество отрубов. Но нам ни слова не говорят о том, каких размеров и теперь еще достигают кабальные и крепостнические отношения в нашей деревне. А в этом ведь гвоздь вопроса. Нам сулят «европейское» преобразование нашего отсталого земледелия при сохранении экономического и политического всевластия класса крепостников — Пуришкевичей. Посулы остаются посулами, а каково **сейчас** положение дела в деревнях, после всех тех прогрессов, которыми хвастает правительство? Каково **сейчас**, в данное время распространение кабалы и крепостнической придавленности массы крестьян??

Для разъяснения этого вопроса я возьму в свидетели такой журнал, руководитель которого заслужил недавно — и вполне справедливо — восторженные похвалы самого Антония Волынского ¹¹⁴), а вместе с ним, конечно, таких известных своей реакционностью (и своей готовностью быть прислужниками правительства) писателей, как Розанов из «Нового Времени». Это — не какой-нибудь «левый» журнал, боже упаси! Это — журнал людей, которые повторили все нападки и бранные выходки реакционеров против революции. Это — журнал, в котором защищают горой всяческую поповщину и неприкосновенность помещичьей собственности. Вы догадались, вероятно, что я говорю о «Русской Мысли».

Этот журнал, в виде исключения, сказал правду и привел данные, точные данные о распространении в России таких явлений, как испольщина и зимняя наемка. Все знают, что это — самые обычные, повседневные вещи в нашей деревне. Но «все» предпочитают говорить о чем угодно, только не об этих повседневных вещах.

«Зимние наемки, — пишет названный журнал, — разве это не нелепость в наш век, век электричества и аэропланов? А эта форма рабства и кабалы продолжает процветать и по сей час, играя роль пиявок на народном организме... Зимние наемки сохранили во всей свежести крепостной термин «обязанных» крестьян».

Эта оценка зимней наемки принадлежит не мне, а журналу, известному своей ненавистью к революции. Рабство, кабала, крепостничество — вот как вынуждены называть наши деревенские «порядки» вполне «благонамеренные» люди.

При зимней наемке

«крестьянин идет на самое строжайшее условие, за цену вдвое — втрое дешевле против весенней и летней оплаты труда. Приблизительно зимой дается за десятину — три раза вспахать, посеять, подвалить (скосить или сжать), связать и свезть в гумно, — то, что летом платится за одну уборку (подвалить и связать)».

И сколько же крестьян находится в этом крепостном, кабальном, рабском положении?

«По местным сведениям в юго-западном районе по некоторым деревням «обязанных» дворов насчитывалось к весне 1903 года до 48⁰/₀, по Могилевской губернии — до 52⁰/₀, по Черниговской — 56⁰/₀.

Заметьте: это говорится о весне 1913-го года!! Это — после урожая 1912-го года!! Это — во время тех головокружительных будто бы успехов*) . . . . .

---

*) Несколько страниц рукописи утеряны. *Ред.*

и тому подобное! Какие уж тут усовершенствования, когда отчаянная нужда заставляет втрое дешевле наниматься к помещику, а летом свой хлеб будет осыпаться, — летом полицейские и стражники будут силком тащить к «барину», у которого взяты вперед под работу хлеб или деньги!

И помещик, дающий зимой под работу хлеб или деньги, вовсе не похож ни на «европейского» хозяина, ни на капиталиста — предпринимателя вообще. Это не предприниматель, а ростовщик или крепостной барин. Усовершенствования производства не только не нужны при такой «системе хозяйства», а прямо нежелательны с ее точки зрения, не нужны и вредны для нее. Разоренный, нищий, голодный мужик с голодным скотом и убогими орудиями — вот что нужно для подобного помещичьего хозяйства, которое увековечивает отсталость России и забитость крестьян. Если масса крестьянского населения попала в подобные условия зависимости крепостнической, то эти условия могут продержаться еще целые десятилетия, пока крестьяне не освободят себя от такого ярма, — ибо выделение небольшого меньшинства «отрубников» — богатеев или укрепление земли и продажа ее пролетариями ничуть не изменяют кабального положения массы крестьян.

Вот что забывают или, вернее: вот что стараются забыть, заслонить, затемнить хвалители новой, столыпинской, земельной политики. Они хором поют, что эта политика означает «прогресс», но они умалчивают, что прогресс касается слишком небольшого меньшинства и идет черепашьям шагом, а **большинство** все же остается в старом, кабальном, крепостническом положении.

Число отрубников растет, машин ввозится в Россию больше, травосеяние развивается, кооперативы в деревне множатся. Все это верно, господа защитники правительства! Но есть другая сторона медали, которую вы скрываете. Большинство крестьян, несмотря на все пресловутые прогрессы, остается в крепостническом рабстве. От этого так узки и шатки все «прогрессы», от этого неизбежны голодовки, от этого слаб и убог весь внутренний рынок, от этого бесправие и произвол держатся так прочно, от этого еще сильнее неизбежность новой аграрной революции. Ибо сильнее противоречие века аэропланов, электричества, автомобилей и «зимней наемки» или «испольщины».

А вот вам новейшие данные из того же, одобренного Антоном Вольтским журнала об испольщине в России. Исполные посева крестьян, по сравнению с посевами на собственной земле их,

составляют 21% в центральных губерниях, 42% — в приозерных, 68% — в северо-западных!! А испольные покосы — 50% в центральных губерниях и 110—185% — в приозерных, заволжских и северо-западных!!

Значит, испольные сенокосы преобладают над собственными в трех громадных районах России!!

А что это такое «испольщина»?

«Крестьянин, пользующийся помещичьей землей, при своих семенах, полной обработке земли и при полной уборке, вплоть до свозки снопов в гумно, берет себе только половину урожая. Сенокосы же работаются «на третьяк» — испольщик берет себе третью копну, а две идут помещику».

Да и этого еще мало!

«В некоторых случаях (в Минской и Черниговской губерниях в особенности), кроме оплаты земли половиною урожая, а сенокоса двумя третями, испольщик обязывается 1—2 неделями бесплатной работы в экономии, чаще всего с лошадью или с подростком».

Разве это не чистейшая барщина? Разве это не старинное крепостное хозяйничанье?

В этих данных нет ничего нового. Напротив, это — седая старина, уцелевшая во всей своей чудовищности рядом с «новой» земельной политикой. Об этой седой старине знает давным давно всякий, соприкасающийся с деревенской жизнью. Об этой седой старине написаны десятки и сотни книг статистиками и наблюдателями деревни. И эта седая старина господствует по сию пору, укрепляя вопиющую отсталость и вопиющее бесправие России.

Никакими законами нельзя прекратить этого крепостничества, пока масса земель находится в руках всевластных помещиков; никакая замена «общины» забитых крестьян «частным землевладением» тут не поможет.

По правительственной статистике землевладения 1905-го года, изданной министерством внутренних дел, в Европейской России менее чем 30.000 помещиков имело 70 миллионов десятин земли *) . . .

. . . . .

Печатается

*по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

---

*) Конец рукописи утерян. *Ред.*

Об авантюризме.

Когда марксисты говорят об авантюристичности известных группок, они имеют при этом в виду вполне определенные общественно-исторические особенности такого явления, с которым надо быть знакомым всякому сознательному рабочему.

История российской с.-демократии кишмя-кишит группками, которые возникали «на час», на несколько месяцев, не имея никаких корней в массах (а политика без масс есть авантюристическая политика), не имея никаких серьезных и прочных идей. В стране мелкобуржуазной, в исторический период буржуазных перестроек не и збежно присоединение к рабочим разношерстной интеллигенции, неизбежны попытки основания ею всяческих группок — авантюристических в указанном смысле слова.

Рабочие, не желающие давать себя водить за нос, должны строго проверять всякую группку и с точки зрения серьезности ее идей, и с точки зрения корней в массах. Не верить на-слово, проверять строжайше — вот лозунг марксистов-рабочих.

Припомним борьбу «искровства» и «экономизма», 1895 — 1902 годы. Это были два течения с.-д. мысли, одно — пролетарское и марксистское, проверенное трехлетней кампанией «Искры», проверенное всеми передовыми рабочими, которые признали своими точные, ясные, оформленные решения об «искровской» тактике и организации. «Экономизм» был течением буржуазным, оппортунистическим подчинявшим рабочих либералам.

Кроме этих двух серьезных течений, была масса беспочвенных группок («Свобода», «Борьба», группа берлинских листков и т. д.), которые давно забыты. В этих группах было немало честных и добросовестных с.-д., но они оказались авантюристами в том смысле, что ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах у них не было.

Так, и только так, изучая историю, вдумываясь в идейное значение определенной проповеди, проверяя фразы фактами, должны подходить серьезные люди к оценке теперешних течений и группок. «На-слово» верят одни дурачки.

«Правдизм» есть течение, давшее точные марксистские ответы, резолюции (1908, 1910, 1912, 1913 февраль и лето) по всем вопросам тактики и организации и программы. Преемственность этих решений со времен старой «Искры» (1901 — 03) выдержана строжайше, не говоря уже о Лондонском (1907) съезде. Правильность этих решений проверена 5 — 6-летним (1908 — 1914) опытом всех передовых рабочих, которые признали эти решения своими. «Правдизм» объединил на деле $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России (5.300 групп рабочих с.-д. из 6.700 за 2 $\frac{1}{2}$ года).

Ликвидаторство есть течение. У него есть почти 20-летняя история, ибо оно — прямое продолжение «экономизма» (1895 — 1902) и порождение меньшевизма (1903 — 1908). Либерально-буржуазные корни и либерально-буржуазное содержание этого течения признано решениями 1908 и 1910 г.г. (недаром их боятся даже опубликовать полностью ликвидаторы!!). Либеральные идеи ликвидаторов связны и цельны: долой подполье, долой китов, за открытую партию, против «стачечного азарта», против высших форм борьбы и т. д. Сочувствие ликвидаторам в либерально-буржуазном «обществе» и у кадетов и у беспартийной (и околопартийной) интеллигенции давнее и прочное. Ликвидаторство — серьезное, только не марксистское, не пролетарское, а либерально-буржуазное течение. О «мире» с ликвидаторами могут говорить лишь люди без головы.

Теперь возьмите все остальные группки, желающие тоже быть «течениями». Перечислим их: 1) впередовцы с Алексинским; 2) то же с Богдановым; 3) то же с Воиновым ¹¹⁵); 4) плехановцы; 5) «большевики-партийцы» (на деле примиренцы: Марк Зоммер ¹¹⁶) с домочадцами); 6) троцкисты (т.-е. Троцкий, даже без Семковского); 7) «кавказцы» (т.-е. Ан ¹¹⁷) без Кавказа).

Мы перечислили те группки, о коих было в печати, в России и за рубежом, заявлено, что они желают быть особыми «течениями» и группами. Мы старались перечислить все русские группки, оставляя в стороне не русские.

Все эти группки, без единого исключения, один сплошной авантюризм.

Почему? Где доказательство? — спросит читатель.

Доказательство — история последнего десятилетия (1904—1914), самого богатого событиями и самого знаменательного. Деятели всех названных группок обнаружили за эти 10 лет самые беспомощные, самые жалкие, самые смехотворные колебания по серьезным вопросам тактики и организации, обнаружили полную неспособность создать течения, имеющие корни в массах.

Возьмем лучшего из всех, Плеханова. Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников.

Но с 1903 года по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом: 1) 1903, август — большевик, 2) 1903, ноябрь (№ 52 «Искры») — за мир с «оппортунистами» — меньшевиками; 3) 1903, декабрь — меньшевик и ярый; 4) 1905, весна, после победы большевиков, — за «единство» «враждующих братьев»; 5) 1905, с конца до половины 1906 — меньшевик; 6) половина 1906 — начинает иногда отходить от меньшевиков и в Лондоне, 1907, порицает их (признание Череванина) за «организационный анархизм»; 7) 1908 — разрыв с ликвидаторами; 8) 1914 — новый поворот к ликвидаторам. Плеханов проповедует «единство» с ними, не умея двух ясных слов сказать, каковы же условия единства? Почему оно стало возможно с господином Потресовым? Где гарантии выполнения тех или иных условий?

После опыта такого десятилетия мы ручаемся, что Плеханов способен дать брызги, но «течения» здесь нет и не будет.

Мы вполне понимаем правдистов, которые охотно печатали статьи Плеханова против ликвидаторов: разве можно было правдистам отклонять статьи, вполне проводившие решения 1908—1910 г.г. против ликвидаторов?

Плеханов принялся теперь повторять за ликвидаторами, за Богдановым и проч. фразы о единстве «всех течений». Мы решительно осуждаем этот прием, с которым надо вести беспощадную борьбу.

Нигде в мире рабочие партии не объединяют интеллигентских группок и «течений», а объединяют рабочих на условии 1) признания и проведения в жизнь определенных марксистских решений по вопросам тактики и организации; 2) подчинения меньшинства сознательных рабочих большинству их.

Это единство на почве безусловного отречения противников подполья осуществлено правдистами за 2¹/₂ года (1912—14) на 4/5. Сколько бы правдистов ни ругали пустые люди фракционером, рас-

кольниками и проч., от этих фраз и ругани факт единства рабочих не исчезнет...

Плеханов грозит теперь разрушить это единство большинства. Мы спокойно и твердо заявляем рабочим: не верьте словам, проверяйте их фактами, и вы увидите, что каждый шаг каждой из названных выше авантюристических группок будет все нагляднее обнаруживать их беспомощные и жалкие колебания.

„Рабочий“ № 7.

9 июня 1914 г.

Подпись: В. Ильин.

Тезисы по поводу настоящей войны ¹¹⁸).

1) Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистско-династической войны. Борьба за рынки и грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии 2-го Интернационала (1889—1914), голосовавших за военный бюджет и повторяющих буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3) Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

4) Измена социализму большинства вождей 2-го Интернационала (1889—1914) означает частичный идейный крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах 2-го Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым, в известные моменты, превращением в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов, проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая азбучную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограни-

чиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязанности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из органов международного оппортунизма «Социалистический Ежемесячник», давно ставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует свою победу над европейским социализмом. Так называемый центр немецкой социал-демократии и других социал-демократических партий на деле трусливо капитулировал перед оппортунистами. Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5) Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, которыми в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской, — и которые рабски повторяют плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты, как откровенные, так и прячущиеся, — следует, в особенности, отметить и заклеить следующие: когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, — они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом II во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут при всяком исходе войны направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который им казался более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают отсталые в отношении капиталистической техники, более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны с целью грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций не уступают друг другу в жестокости и варварстве при ведении войны.

6) Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, к.-д. и др., и частью народников.

С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великороссов над другими национальностями и для укрепления реакции и варварского правительства царской монархии.

7) Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных шовинизму и оппортунизму; во-2-х, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республик немецкой, польской, русской и других, наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские соединенные штаты.

„Памятники

агитационной литературы

Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии“, т. VI,

1923 г.

Август 1914 г.

Карл Маркс ¹¹⁹).

Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвиг Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах, в особенности с 1836 г., начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг» — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т.-е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кельне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 янв. 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна

в Кельн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 янв. 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже, еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 г.г. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—70 бисмаркианец) радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелко-буржуазного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма или коммунизма (марксизма). (См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг.) В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест коммунистической

партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кельн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—49 г.г., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контр-революция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелко-буржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Негг Vogt»). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже учение Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I, 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное Товарищество Рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини,

Прудон, Бакунин, английский либеральный трэд-юнионизм, лассалевские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и действительно, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции 1871»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможно. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального Совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его в ширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгейт в Лондоне.

Учение Маркса.

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

Философский материализм.

Начиная с 1844—5 г.г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке, особенно во Франции, был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции», в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литерат. Насл.»). «Для Гегеля, — писал Маркс, — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Капитал, I, предисловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи: — «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т.-е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках») более или менее абстрактными действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844—5 г.г.,

по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей, философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 дек. 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гексли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и Фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта), материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что он «сущность человека» понимал абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех обще-

ственных отношений» и потому только «объяснял» мир тогда, когда дело идет об «изменении» его, т.-е. не понимал значения «революционной практической деятельности».

Диалектика.

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту революционную сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — «развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное»; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (при чем история открывает все новые и новые стороны); связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 янв. 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой).

Материалистическое понимание истории.

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскры-

вает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

«Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются между собой на почве его *).

«Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего

---

*) В рукописи Владимира Ильича: и борются с ним. *Ред.*

конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями». ...«В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г. «Наша теория об определении организации труда средствами производства».)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса.

Классовая борьба.

Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, — эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условия жизни тех классов, на которые общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — говорит Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением первобытной общины — добавляет Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д.

показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Комм. Маниф.» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Экономическое учение Маркса.

«Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т.-е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

С т о и м о с т ь .

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие самые различные и несравнимые друг с другом потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общего между ними то, что они — продукты труда. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстрактный человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей общественно-необходимого рабочего времени.

Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные коли-

чества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу формы стоимости и денег. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег, — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровища и всемирные деньги, — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

Прибавочная стоимость.

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т.-е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д—Т—Д, т.-е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен

эквивалентов, не может возникнуть из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т.-е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т.-е. заставлять его работать целый день, скажем 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт, — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{6}{6}$, т.-е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц, при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще, и, во-2-х, наличность «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV — XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основных исторических стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ накопления капитала, т.-е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Ад. Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность

капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление; насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом — владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем

и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал», I.)

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: 1) производство средств производства и 2) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т.-е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе, как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории поземельной ренты. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или дифференциальную ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конку-

ренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монополярная цена рождает абсолютную ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может — напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое, однако, отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 авг. 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77 — 81. Ср. также письмо от 9 авг. 1862 г., там же, стр. 86 — 87.) — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и, наконец, в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд тонких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более

зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I, 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т.-е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно. Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I, 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплоататор — тот же самый капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством гипотек и ростовщичества: класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов». «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату». Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т.-е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника». В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталисти-

ческим способом производства»? В том, что крестьянин отдает обществу (т.-е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и других сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в каком случае не результат производительности их труда». Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведет всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей» (Кооперации, т.-е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда). «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности». Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал» I, конец 13 главы).

Социализм.

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм, идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом, — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений готовятся высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую

форму семьи, как и форму древне-римскую или древне-греческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13 главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации — неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Комм. Маниф.»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество расколосось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодаль-

ное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, несколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет». «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17; русск. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»).

Тактика классовой борьбы пролетариата.

Выяснив еще в 1844 — 5 г.г. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, на-ряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, стр. 127 «Переписки»). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного» развития, а с другой стороны ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в дан-

ном вопросе: одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянного объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу середины «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (и исходом) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую

партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848 — 49 г.г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена назад:... «без веры в себя, без веры в народ, ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...» («Нов. Рейнск. Газ.», 1848 г., см. «Литерат. Насл.», т. III, 212 стр.). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848 — 49 г.г., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер-Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы — «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108). Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — «в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплоатации» сельских рабочих феодальным дворян-

ством» (III, 217). В период 1864 — 1870 г.г., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции сверху, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывающего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю», прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним и на почве, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440 — 1). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сент. 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе и исходе пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя; такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс 1877 — 8 г.г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон (письма Маркса к Энгельсу IV, 397, 404, 418, 422, 424. Ср. также письма к Зорге).

Библиография марксизма ¹²⁰).

Литература.

Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще до сих пор. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 году относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в по-

смертное издание «Литературное Наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегелианской точке зрения. К 1842 году относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кельн), в особенности критика прений о свободе печати в шестом рейнском ландтаге, затем по поводу законов о краже леса, далее: защита освобождения политики от теологии и др. (вошли частью в «Литературное Наследство»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Ругэ «Немецко-Французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. Особенно замечательны статьи Маркса: «Введение в критику Гегелевской философии права» (кроме «Литерат. Насл.» есть отдельное издание брошюрой) и «К еврейскому вопросу» (тоже, брош. в изд. «Знание», «Дешевая библиотека», № 210). В 1845 году Маркс и Энгельс издают вместе (во Франкфурте н/М.) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» (Кроме «Литерат. Насл.» есть по-русски два отдельных изд. брошюрой, в изд. «Нов. Голоса», СПб. 1906, и «Вестн. Знания», СПб. 1907.) К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса о Фейербахе (напечатаны в приложении к брошюре Фр. Энгельса: «Людвиг Фейербах»; есть русск. пер.). В 1845—47 г.г. Маркс писал ряд статей (большой частью не собранных, не переизданных и не переведенных на русский язык) в газетах: «Vorwärts» — Париж, «Brüsseler deutsche Zeitung» (1847), «Das Westphälische Dampfboot» (Bielefeld, 1845—48), «Der Gesellschaftsspiegel» (1846, Elberfeld), «Немецкая Брюссельская Газета» — Брюссель, «La Reforme» — Париж и др. К 1847 году относится изданное в Брюсселе и Париже основное сочинение Маркса против Прудона: «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (по-русски, три издания «Нового Мира», одно Г. Львовича, одно Алексеевой, одно «Просвещения», все в 1905—6 г.г.). В 1848 г. издана в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгельсом, знаменитый, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира «Манифест Коммунистической Партии» (русск. пер. около 8 изданий 1905—6 г.г.: «Молота», «Колокола», Алексеевой и др., большей частью конфискованных, под разными названиями: «Коммунистический Манифест», «О коммунизме», «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью «Группы

Освобождения Труда»). С 1 июня 1848 по 19 мая 1849 выходила в Кельне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете, донныне остающейся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата, не собраны и не переизданы полностью. Наиболее важные вошли в «Литерат. Насл.». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты: «Наемный труд и капитал» (по-русски 4 издания: Козмана, «Молота», Мягкова и Львовича, 1905—6 г.г.). Из той же газеты: «Либералы у власти» (изд. «Знание», «Дешев. Библ.» № 272, СПб. 1906). В 1849 г. Маркс издал в Кельне «Два политических процесса» (две защитительные речи Маркса, оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству. Русск. пер. 5 изданий 1905—6 г.г.: Алексеевой, «Молота», Мягкова, «Знания», «Нового Мира»). В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 номеров журнала: «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи отсюда вошли в «Литерат. Насл.». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.» (русск. пер., изд. М. Малых, «Библ.» № 59—60; также в сборнике: «Собрание исторических работ», пер. Базарова и Степанова, изд. Скирмунта, СПб. 1906 г., тоже: «Мысли и взгляды о жизни XIX века», СПб. 1912 г.). В 1852 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» (русск. пер. в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно кельнского процесса коммунистов» (русск. пер.: «Кельнский процесс коммунаров», № 43 «Популярно-Научной Библиотеки», СПб. 1906, 28 окт.). С августа 1851 по 1862 г. *) Маркс был постоянным сотрудником Нью-Йоркской газеты «Трибуна» («The New-York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контр-революция в Германии»¹⁸¹), переизданные после смерти Маркса и Энгельса в немецком переводе (русск. пер. в двух сборниках, пер. Базарова и Степанова, затем отдельной брошюрой пять изданий 1905—6 г.г.: Алексеевой, «Общ. Пользы», «Нового Мира», «Всеобщ. Библ.» и «Молота»). Некоторые из статей

---

*) Энгельс в статье о Марксе, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Bd. 6, S. 603, и Бернштейн в статье о Марксе в 11 издании Британской Энциклопедии 1911 г. ошибочно указывают 1853—60 г.г. Смотри переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 году.

Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, напр., о Пальмерстоне в 1856 г., «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question», London 1897 («Восточный вопрос»), часть переведена на русский язык: «Война и революция». Вып. I. Маркс и Энгельс: «Неизданные статьи (1852, 53, 54 г.г.)». Харьков 1919 (Библи. «Наша Мысль»). С конца 1854 г. Маркс сотрудничал, также в течение 1855 г., в газете «Neue Oder-Zeitung», а в 1861—62 г.г. в венской газете «Presse». Статьи эти не собраны и лишь частью появлялись в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится к статьям Маркса из газеты «Das Volk» (Лондон 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русск. пер., М. 1896 г., под ред. Мануилова, и СПб. 1907 г., пер. Румянцева). В 1860 г. в Лондоне вышла брошюра Маркса «Herr Vogt» («Г-н Фогт»).

В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного Товарищества Рабочих» (есть русск. пер.). Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального Совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Изэка: «Интернационал» (русск. пер., СПб. 1906, изд. «Знание»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального Совета по поводу Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (русск. пер. под ред. Ленина, изд. «Молота» и др. изд.). К эпохе 1862—1874 г.г. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два изд. в русск. пер., одно перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса: «Капитал. Критика политической экономии. Т. I». Второй и третий томы изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 г.г. Русск. пер.: т. I — 5 изданий (два в пер. Даниельсона, 1872 и 1898 г.г., два в пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зака под ред. Струве, 1-е изд.—1899, 2-е—1905, одно под ред. Базарова и Степанова). Т.т. II и III — по два издания (пер. Даниельсона менее удовлетворительный) и в переводе под ред.

Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти-Дюринг» (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft), просмотрев в рукописи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (СПБ. 1906 г., по-немецки в «Neue Zeit», 1890/91, № 18). «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г. «Neue Zeit», XVI, 1897/98, русск. пер. в изд. «Молот» 1906 г. и Львовича 1905 г.). «Литературное Наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассалья», 3 тома. Штутгарт 1902 (русск. пер. под ред. Аксельрода и др. 2 т.т. СПБ. 1908. 1-й том еще под редакц. Е. Гурвич, М. 1907. Отдельно изданы письма Лассалья к Марксу, вход. в «Лит. Насл.»). «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зоргэ» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое—с пред. Ленина, изд. Даугэ). «Теории прибавочной стоимости», 3 т.т. в 4-х частях, Штутг. 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русск. пер. только первого тома в трех изданиях, СПБ. 1906, под ред. Плеханова; Киев 1906, под ред. Железнова; Киев 1907, под ред. Тучапского). В 1913 г. вышли в Штутгарте 4 больших тома «Переписки К. Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1.386 писем за период времени с сентября 1844 по 10 января 1883 года и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений К. Маркса. В 1917 г. вышли 2 тома Маркса и Энгельса: статьи 1852—1862 г.г. (по-немецки). В заключение по поводу этого перечня произведений Маркса необходимо оговориться, что сюда не вошли еще некоторые из более мелких статей и отдельных писем, помещавшихся большей частью в «Neue Zeit», «Vorwärts» и других периодических соц.-дем. изданиях на немецком языке; несомненно также, что не полон и список всех переводов Маркса на русский язык, особенно брошюр в 1905—1906 г.г.

Литература о Марксе и марксизме необычайно велика. Мы отметим лишь наиболее существенное, разделяя авторов на три главных отдела: марксистов, стоящих в существенном на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями. Как своеобразно русскую разновидность ревизионизма следует рассматривать народническое отношение к Марксу. В. Зомбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozial-

wissenschaft und Sozialpolitik, XX, 2 Heft, 1905, S. S. 413 — 430) приводит 300 названий в далеко не полном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit», указатели за 1883 — 1907 г.г. и последующие годы. Затем см. Josef Stammhammer: «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus». Bd. I — III. Jena (1893 — 1909). Далее для детальной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 u. f. f. См. также Н. А. Рубакин «Среди книг» (II т., 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное. По вопросу о биографии Маркса следует указать прежде всего на статьи Фр. Энгельса в «Volkskalender», изданном Браккэ в Брауншвейге в 1878 г., и в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 6, S. 600 — 603. W. Liebknecht: «Karl Marx zum Gedächtniss». Nürnberg. 1896; Lafargue: «K. Marx. Persönliche Erinnerungen» (В. Либкнехт. «Карл Маркс», 2 изд. СПб. 1906. П. Лафарг: «Мои воспоминания о К. Марксе». Од. 1905. См. ориг. в «Neue Zeit», IX, I). «Памяти К. Маркса». СПб. 1908, стр. 410, сборник статей Ю. Невзорова, Н. Рожкова, В. Базарова, Ю. Стеклова, А. Финна-Енотаевского, П. Румянцева, К. Реннера, Г. Ролланд-Гольст, В. Ильина, Р. Люксембург, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского и М. Таганского. Фр. Мэринг: Карл Маркс. Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (Spargo: «K. Marx, his life and work». London 1911), неудовлетворительна. Общий обзор деятельности Маркса смотри К. Каутский: «Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25. Todestag des Meisters». Berlin 1908. Русский перевод: «К. Маркс и его историческое значение». СПб. 1908. Ср. также популярную брошюру Клава Зеткин: «K. Marx und sein Lebenswerk» (1913). Воспоминания о Марксе: Анненкова в «Вестн. Евр.» 1880, № 4 (и «Воспоминания», т. III «Замечательное десятилетие». СПб. 1882) и Карла Шурца в «Русск. Бог.» 1906, № 12; М. Ковалевского в «Вестн. Евр.», 1909, VI и след.

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападению». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб. 1908 и др. соч. Антонио Лабриола: «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». СПб. 1898. Его же: «Исторический материализм и философия». СПб. 1906. Фр. Мэринг: «Об исто-

рическом материализме». СПб. 1906 (2 изд.: «Просвещения» и «Молота»). Его же: «Легенда о Лессинге». СПб. 1908 «Знание». Ср. также (немарксист) Ш. Андлер: «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарий». СПб. 1906. См. также «Исторический материализм». СПб. 1908, сборник статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др. Л. Аксельрод: «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма». СПб. 1906. Специальная защита неудачных отступлений Дицгена от марксизма у E. Untermann: «Die logischen Mängel des engeren Marxismus». München 1910 (753 стр. — обширный, но несерьезный труд). Hugo Riekes: «Die philosophische Wurzel des Marxismus» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 62 Jahrgang, 1906, 3 Heft, S. 407 — 432, интересная работа противника марксовых взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма. Benno Erdmann: «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung» в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» (Schmollers Jahrbuch), 1907, 3 Heft, S. 1 — 56, очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще. R. Stammler: «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung». 2 изд. Lpz. 1906 (кантианец). Вольтман: «Исторический материализм», русск. пер., 1901 г. (тоже кантианец). Форлендер: «Кант и Маркс». СПб. 1909 (тоже). Ср. также полемику между А. Богдановым, В. Базаровым и др. («Очерки по философии марксизма», СПб. 1908. А. Богданов: «Падение великого фетишизма», М. 1909 и др. соч.) и В. Ильиным («Материализм и эмпириокритицизм», СПб. 1909). По вопросу об историческом материализме и этике: К. Каутский: «Этика и материалистическое понимание истории», СПб. 1906, и многочисленные другие произведения Каутского. Затем Boudin: «Das theoretische System von K. Marx», Stuttg. 1909 (Л. Б. Будин: «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», перев. с английск. под ред. В. Засулич. СПб. 1908). Hermann Gorter: «Der historische Materialismus», 1909. Из сочинений противников марксизма укажем Туган-Барановского: «Теоретические основы марксизма», СПб. 1907. С. Прокопович: «К критике Маркса». СПб. 1901. Nattacher: «Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus» (Lpz. 1910, стр. 730 — собрание цитат). В. Зомбарт: «Социализм и социальное движение в XIX в.», СПб. Max Adler (кантианец):

«Kausalität und Teleologie» (Wien 1909: «Marx Studien») и «Marx als Denker».

Достойна внимания книга идеалиста гегельянца Giov. Gentile: «La philosophia di Marx» (Pisa 1899) — автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п. — и Levy «Feuerbach» — об одном из главнейших философских предшественников Маркса. Полезный свод цитат из ряда сочинений Маркса у Чернышева: «Памятная книжка марксиста». СПб («Дело»). 1908. По вопросу об экономическом учении Маркса: К. Каутский: «Экономическое учение Маркса» (многочисленные русск. издания). Его же: «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Ср. еще Бернштейн: «Экономическое учение Маркса». III том «Капитала» (русск. перев. 1905); Габриэль Девиль: «Капитал» (изложение I тома «Капитала», русск. перев. 1907). Представителем так называемого ревизионизма среди марксистов по аграрному вопросу является Э. Давид: «Социализм и сельское хозяйство» (русск. перев. СПб. 1902). Критику ревизионизма ср. у В. Ильина: «Аграрный вопрос», ч. I, СПб. 1908. См. также В. Ильин: «Развитие капитализма в России», 2-е изд. СПб. 1908, и его же: «Экономические этюды и статьи». СПб. 1899. В. Ильин: «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», вып. I. 1917. Применение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у Comptère-Mogel: «La question agraire et le socialisme en France», Paris 1912 (455 стр.). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у Гильфердинга: «Финансовый капитал», СПб. 1911 (исправление существенных неправильностей во взглядах автора на теорию стоимости см. у Каутского в «Neue Zeit»: «Gold, Papier und Wage» — «Золото, бумажные деньги и товары» — 30, I; 1912, S. 837, 886). В. Ильин: «Империализм как новейший этап капитализма», 1917 г. В существенных пунктах отступает от марксизма П. Маслов: «Аграрный вопрос» (2 т.т.) и «Теория развития народного хозяйства» (СПб. 1910 г.). Критику некоторых из этих отступлений см. у Каутского в «Neue Zeit», XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм».

Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: Böhm-Bawerk: «Zum Abschluss des Marxschen

Systems» (Brl. 1896 в Staatswiss. Arbeiten, Festgabe für K. Knies). Есть русск. перевод: СПб. 1897. «Теория Маркса и ее критика» и его же «Kapital und Kapitalzins», 2 изд. Insbr. 1900 — 2, 2 т. («Капитал и прибыль». СПб. 1909). Далее см.: Riekes: «Wert und Tauschwert» (1899); v. Bortkiewicz: «Wertrechnung u. Preisrechnung im Marxschen System» (Archiv f. Sozialw., 1906/7); Leo v. Buch: «Über die Elemente d. polit. Oekonomie. Th. Intensität d. Arbeit, Wert u. Preis» (изд. также по-русски). Разбор критики Бём-Баверка с марксистской точки зрения: Hilferding: «Böhm-Bawerks Marx-Kritik» («Marx-Studien», Bd. I. Wien, 1909) и более мелкие статьи в «Neue Zeit».

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма, — «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном») см. Эд. Бернштейн: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. ориг. Stuttg. 1899; русск. пер. «Историч. материализм». СПб. 1901. «Социальные проблемы». М. 1901), ср. также его же: «Очерки из истории и теории социализма». СПб. 1902. Ответ ему: К. Каутский: «Бернштейн и с.-д. программа» (нем. ориг. Stuttg. 1899. Русск. пер. 4 издания 1905 — 06 гг.). Из французской марксистской литературы: Jules Guesde: «Quatre ans de lutte des classes», «En garde», «Questions d'hier et d'aujourd'hui» (Paris, 1911); P. Lafargue: «Le déterminisme économique de K. Marx» (Paris 1909). Ant. Pannekoek: «Zwei Tendenzen in der Arbeiterbewegung».

По вопросу о марксовой теории накопления капитала новая работа Rosa Luxemburg: «Die Akkumulation des Kapitals» (Brl. 1913) и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у Otto Bauer: «Die Akkumulation des Kapitals» («Neue Zeit», 31 т., I, S.S. 831 и 862. 1913, I), Eckstein в «Vorwärts», 1913, и Pannekoek в «Bremer Bürger-Zeitung», 1913.

Из старой русской литературы о Марксе: Б. Чичерин: «Немецкие социалисты», в «Сборнике госуд. знаний» Безобразова, СПб. 1888, и «История политических учений», ч. 5, М. 1902, стр. 156. Ответ Зибер: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений» т. II, СПб. 1900. Г. Слонимский: «Экономическое учение К. Маркса», СПб. 1898. Н. Зибер: «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях», СПб. 1885, и «Собр. сочинений», 2 тома, СПб. 1900. Рецензия И. Кауфмана (И. К—на) на «Капитал» в «Вестн. Евр.» 1872, № 5 — замечательна тем, что М. в послесловии ко 2-му изданию «Капитала»

цитировал рассуждения И. К—на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода.

Русские народники о марксизме: Н. К. Михайловский в «Русск. Бог.» 1894, № 10; 1895, №№ 1 и 2, перепеч. в Собр. соч. по поводу «Критических заметок» П. Струве (СПБ. 1894), разобраных с марксистской точки зрения К. Тулиным (В. Ильин) в «Материалах и характеристике нашего хозяйственного развития» (СПБ. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у В. Ильина: «За 12 лет», СПБ. 1908. Далее, из народнической литературы: В. В. «Наши направления», СПБ. 1892. Его же: «От 70-х годов к 900-м». СПБ. 1907. Николай — он: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», СПБ. 1893. В. Чернов: «Марксизм и аграрный вопрос», СПБ. 1906. Его же: «Философские и социологические этюды», СПБ. 1907.

Кроме народников отметим еще: Н. Кареев: «Старые и новые этюды об историческом материализме», СПБ. 1896. 2-е изд. 1913 г. под заглавием: «Критика экономического материализма». Масарик: «Философские и социологические основания марксизма», М. 1900. Кроче: «Исторический материализм и марксистская экономия», СПБ. 1902.

Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника Фридриха Энгельса. Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса.

Критика Маркса с точки зрения анархизма см. у В. Черкезова: «Доктрины марксизма», СПБ. 1905, 2 части; В. Текер: «Вместо книги», М. 1907. Синдикалист Сорель: «Социальные очерки современной экономики», М. 1908.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.
Осень 1914 г.*

Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории ¹²⁹⁾

В Англии политическая свобода до сих пор была несравненно шире, чем в других странах Европы. Буржуазия здесь всех более привыкла управлять, и умеет управлять. Отношение между классами развитее и во многих отношениях яснее, чем в других государствах. Отсутствие обязательной воинской повинности делает народ свободнее в вопросах об отношении к войне в том смысле, что каждый волен отказаться вступить в войско, и поэтому правительство (в Англии правительство есть чистейшего вида комитет по заведыванию делами буржуазии) вынуждено напрягать все усилия, чтобы развить «народный» энтузиазм к войне, при чем достигнуть этой цели было бы абсолютно невозможно без коренной ломки законов, если бы пролетарская масса не была совершенно дезорганизована и деморализована переходом меньшинства наилучше поставленных, квалифицированных, сплоченных в союзы рабочих на сторону либеральной, т.-е. буржуазной, политики. Английские трэд-юнионы включают около $\frac{1}{5}$ части наемных рабочих. Вожаки этих трэд-юнионов большей частью либералы, и Маркс давным давно звал их агентами буржуазии.

Все эти особенности Англии помогают нам тем легче понять сущность современного социал-шовинизма, с одной стороны, — ибо эта сущность одинакова в странах самодержавных и демократических, милитаристских и не знающих воинской повинности, — а, с другой стороны, они помогают нам оценить на основании фактов значение того примиренчества с социал-шовинизмом, которое выражается, напр., в восхвалении лозунга мира и т. п.

Самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики мы имеем, несомненно, в «Фабианском Обществе». Пусть читатель заглянет в переписку Маркса и Энгельса с Зоргэ (есть русский перевод в двух изданиях). Он найдет там блестящую характеристику этого общества Энгельсом, который третирует г.г. Сиднея Вебба и К^о как шайку буржуазных проходимцев, желающих развратить рабочих, желающих влиять на них в контр-революционном смысле. Можно ручаться, что ни один сколько-нибудь

ответственный и влиятельный вождь Второго Интернационала не пытался никогда не только опровергнуть этой оценки Энгельса, но даже усомниться в ее правильности.

Сравните же теперь факты, оставляя на минуту в стороне теории. Вы увидите, что поведение во время войны фабианцев (см., напр., их еженедельник «The new Statesman») и немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно одинаково. Та же, и прямая и косвенная, защита социал-шовинизма; то же соединение такой защиты с готовностью говорить какие угодно добренькие, гуманные и почти левые фразы о мире, разоружении и т. п. и т. д.

Факт налицо, и вывод из него, как он ни неприятен для разных лиц, неизбежно и неоспоримо следующий: на деле руководители современной немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно такие же агенты буржуазии, какими назвал Энгельс давно уже фабианцев. Непризнание марксизма фабианцами и «признание» его Каутским и К^о ровно ничего не меняет в сути дела, в фактической политике, доказывая лишь превращение марксизма в струвизм у некоторых писателей, политиков и пр. Их лицемерие не есть их личный порок, они могут быть в отдельных случаях добродетельнейшими отцами семейства, — их лицемерие есть результат объективной фальши в их социальном положении, когда они, якобы, представляют революционный пролетариат, а на деле суть агенты по проведению в пролетариат буржуазных, шовинистских идей.

Фабианцы искреннее и честнее Каутского и К^о, ибо они не обещали стоять за революцию, но политически они — едино суть.

«Исконность» политической свободы в Англии и развитость ее политической жизни вообще, ее буржуазии в особенности, сделали то, что различные оттенки буржуазных мнений быстро, легко, свободно нашли себе в этой стране новое выражение в новых политических организациях. Одной из таких организаций является «Союз демократического контроля» (Union of Democratic Control). Секретарем и казначеем этой организации состоит Морель (E. D. Morel), который ныне является постоянным сотрудником и центрального органа «Независимой Рабочей Партии», газеты «Labour Leader». Этот субъект был несколько лет кандидатом от либеральной партии в округе Беркенхед (Birkenhead). Когда Морель вскоре после войны высказался против нее, комитет Беркенхедской либеральной ассоциации известил его письмом от 2 окт. 1914 г., что кандидатура его впредь для либералов неприемлема, т.-е. попросту исключил его из партии. Морель ответил письмом от 14 окт., которое переиздал

потом отдельной брошюрой под названием «The outbreak of the war» (Как вспыхнула война). В этой брошюре, как и в ряде других статей, Морель разоблачает свое правительство, доказывая лживость ссылок на то, будто причина войны — нарушение нейтралитета Бельгии, будто цель войны — разрушение прусского империализма и т. д. и т. п. Морель защищает программу «Союза Демократического Контроля», состоящую в мире, разоружении, предоставлении всем областям по плебисциту решать вопрос о своей судьбе и в демократическом контроле над внешней политикой.

Из всего этого видно, что Морель, как личность, заслуживает, несомненно, признательности за искреннее сочувствие демократизму, за поворот от буржуазии шовинистской к буржуазии пацифистской. Когда Морель доказывает фактами, что его правительство надувало народ, заявляя об отсутствии тайных договоров, хотя таковые на деле были; — что английская буржуазия еще в 1887 году вполне ясно сознавала неизбежность нарушения нейтралитета Бельгии в случае германско-французской войны и решительно отвергала мысль о вмешательстве (тогда Германия не была еще опасным конкурентом!); — что французские милитаристы в роде полковника Бушэ (Boucher) в целом ряде книг до войны совершенно открыто признавали свои планы наступательной войны Франции и России против Германии; — что известный военный авторитет Англии, полковник Ренингтон, в 1911 году печатно признавал рост вооружений в России после 1905 года, как угрозу Германии; — когда Морель доказывает все это, мы не можем не признать, что перед нами исключительно честный и смелый, не боящийся разрыва с своей партией, буржуа.

Но всякий сразу согласится, что это все же буржуа, фразы которого о мире и разоружении остаются пустыми фразами, ибо без революционных действий пролетариата ни о демократическом мире, ни о разоружении не может быть и речи. И Морель, разошедшийся теперь с либералами из-за вопроса о данной войне, остается либералом по всем остальным экономическим и политическим вопросам. Почему же, когда в Германии те же буржуазные фразы о мире и разоружении прикрывает марксистскими аллюрами Каутский, в этом видят не лицемерие Каутского, а заслугу его? Только неразвитость политических отношений и отсутствие политической свободы в Германии мешает тому, чтобы в ней так скоро и легко, как в Англии, образовалась буржуазная лига мира и разоружения с программой Каутского.

Признаем же правду, что Каутский стоит на позиции пацифистского буржуа, а не революционного с.-д.

Мы переживаем события достаточно великие, чтобы, «невзирая на лица», иметь мужество признавать правду.

Питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане нередко прямо ставят политические вопросы, помогая таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание под оболочкой всякой (в том числе «марксистской») словесности. В этом отношении поучительна вышедшая до войны в издании шовинистской газеты «Clarion» брошюра «Социализм и война» *). Брошюрка содержит «манифест» против войны американского социалиста Эптона Синклера (Upton Sinclair) и ответ ему шовиниста Роберта Блэчфорда (Blatchford), давно стоящего на империалистской точке зрения Гайндмана.

Синклер — социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос «попросту», возмущаясь надвигающейся войной и ища спасения от нее в социализме.

«Нам говорят, — пишет Синклер, — что социалистическое движение еще слишком слабо, что мы должны ждать эволюции. Но эволюция происходит в сердцах людей; мы — орудия эволюции, и если мы не будем бороться, то не будет никакой эволюции. Нам говорят, что наше движение» (против войны) «будет раздавлено; но я заявляю свое глубокое убеждение, что подавление какого угодно возмущения, имеющего целью, по мотивам высшей гуманности, помешать войне, было бы величайшей победой, когда-либо одержанной социализмом, что оно потрясло бы совесть цивилизации и встряхнуло бы рабочих всего мира, как ничто в истории не встряхивало еще их. Не будем слишком боязливы насчет нашего движения, не будем придавать слишком большого значения числу и внешним видимостям силы. Тысяча людей, с пылкой верой и решимостью, сильнее, чем миллион, ставший осторожным и почтенным (респектабельным). И нет для социалистического движения опасности бóльшей, как опасность сделаться установившимся учреждением».

Как видите, это — наивное, теоретически непродуманное, но глубоко верное предостережение насчет опошления социализма и призыв к революционной борьбе.

Что же отвечает Синклеру Блэчфорд?

Что войну вызывают капиталистические и милитаристские интересы, все это верно, — говорит он. И я не меньше любого другого социалиста стремлюсь к миру и к преодолению капитализма социализмом. Но «риторическими и красивыми фразами» Синклер не

---

*1) Socialism and war. The Clarion Press, 44. Warship Street, London E.

убедит меня, не устранил фактов. «Факты, друг Синклер, — упрямая вещь, а германская опасность есть факт». Ни мы, ни немецкие социалисты не в силах помешать войне. Синклер преувеличивает безмерно наши силы. Мы не объединены, у нас нет ни денег, ни оружия, «ни дисциплины». Нам остается только п о м о г а т ь британскому правительству увеличивать свой флот, ибо иной гарантии мира нет и быть не может.

В континентальной Европе шовинисты ни до войны, ни после нее не выступали так откровенно. В Германии вместо откровенности царит лицемерие Каутского и игра в софизмы, у Плеханова тоже. Именно поэтому поучительно взглянуть на отношения в более развитой стране. Здесь никого не проведешь софистикой и карикатурой на марксизм. Вопросы поставлены прямее и правдивее. Будем учиться у «передовых» англичан.

Синклер наивен с своим призывом, хотя этот призыв глубоко верен в основе, — наивен, ибо игнорирует полувековое развитие массового социализма, борьбу течений в нем, игнорирует условия роста революционных действий при наличности объективно-революционной ситуации и революционной организации. «Чувством» этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбы могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного, риторикой не обойдешь.

Блэчфорд режет напрямик и выдает сокровенный довод каутскианцев и К^о, боящихся говорить правду. Мы еще слабы — вот и все, — говорит Блэчфорд. Но прямою он сразу разоблачает и оголяет свой оппортунизм, свой шовинизм. Что он служит буржуазии и оппортунистам, — это сразу видно. Признавая «слабость» социализма, он сам ослабляет его проповедью антисоциалистической буржуазной политики.

Подобно Синклеру, но в обратную сторону, как трус, а не как борец, как изменник, а не как «безумно смелый», он тоже игнорирует условия создания революционной ситуации.

Но по своим практическим выводам, по своей политике (отказ от революционных действий, от пропаганды и подготовки их) Блэчфорд, вульгарный шовинист, сходится вполне с Плехановым и Каутским.

Марксистские слова стали в наши дни прикрытием полного отречения от марксизма; чтобы быть марксистом, надо разоблачить «марксистское лицемерие» вождей Второго Интернационала, надо взглянуть безбоязненно на борьбу двух течений в социализме, додумать до конца вопросы этой борьбы. Вот вывод из английских отношений, которые показывают нам м а р к с и с т с к у ю сущность дела без марксистских слов.

Печатается

*по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

1915 ГОД

О германском и негерманском шовинизме ¹²⁹).

Германские шовинисты захватили, как известно, под свое влияние громадное большинство вождей и чиновников так называемой социал-демократической — на деле ставшей теперь национал-либеральной — рабочей партии. Насколько приходится сказать то же самое о негерманских шовинистах, в роде г.г. Потресовых, Левицких и К^о, мы увидим дальше. Теперь же мы вынуждены остановиться именно на германских шовинистах, к числу которых справедливость заставляет отнести и Каутского, хотя, напр., П. Б. Аксельрод в своей немецкой брошюре весьма усердно и весьма неправильно Каутского защищает, объявляя его «интернационалистом».

Один из признаков германского шовинизма состоит в том, что «социалисты», — социалисты в кавычках, — говорят о независимости других народов, кроме тех, которые угнетены их собственной нацией. Прямо ли говорится это или защищаются, оправдываются, прикрываются те, кто говорит это, разница не очень существенная.

Германские шовинисты, к числу которых относится и Парвус, издающий журнальчик под заглавием «Колокол», где пишут Ленч, Гениш, Грумвальд и вся эта братия «социалистических» лакеев немецкой империалистской буржуазии, очень много и охотно говорят, напр., о независимости народов, угнетаемых Англией. О бесстыдном, насильственном, реакционном и т. п. хозяйничаньи Англии в ее колониях и социал-шовинисты Германии — т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле — и вся буржуазная пресса Германии трубит теперь из всех сил. Об освободительном движении в Индии немецкие газеты пишут теперь врасос, с злорадством, с восторгом и упоением.

Нетрудно понять причины злорадства немецкой буржуазии: она надеется улучшить свое военное положение разжиганием недовольства и движения в Индии против Англии. Конечно, это надежды глупенькие, ибо воздействие на жизнь многомиллионного и весьма своеобразного народа со стороны, издали, на чужом языке, воздей-

ствие не систематическое, а случайное, только на время войны. — подобное воздействие несерьезно, прямо-таки несерьезно. Тут больше самоутешения со стороны германской империалистской буржуазии, больше желания надуть немецкий народ, отвести его глаза от внутреннего на внешнее, чем намерения воздействовать на Индию.

Но сам собой напрашивается обще-теоретический вопрос: в чем корень фальши подобных рассуждений? В чем верное, безошибочно действующее средство разоблачения лицемерия германских империалистов? Ибо правильный теоретический ответ на вопрос о том, где скрывается фальшь, всегда служит разоблачением лицемеров, склонных — по причинам слишком понятным — прикрывать фальшь, затушевывать ее, одевать ее в разные пышные наряды фраз, всяких фраз, фраз о чем угодно, вплоть даже до фраз об интернационализме. На словах интернационалистами объявляют себя и Ленчи, и Зюдекумы, и Шейдеманы, все эти агенты немецкой буржуазии, состоящие, к сожалению, членами так называемой «социал-демократической» германской партии. Надо судить о людях не по их словам, а по их делам. Это давно известно. Кто же станет в России судить о г.г. Потресовых, Левицких, Булкиных и К^о по их словам? Разумеется, никто.

Корень фальши германских шовинистов заключается в том, что они, крича о своем сочувствии независимости народов, угнетаемых их военным противником, Англией, скромно — даже чересчур иногда скромно — умалчивают о независимости народов, угнетаемых их собственной нацией.

Возьмем, напр., датчан. Присоединяя Шлезвиг, Пруссия, как и все «великие» державы, захватила и часть с датским населением. Нарушение прав этого населения было настолько очевидно, что когда Австрия по Пражскому миру 23—30 авг. 1866 года уступила Пруссии свои «права» на Шлезвиг, то в мирном договоре было постановлено, что население северных округов Шлезвига должно быть опрошено путем свободного голосования по вопросу о его желании присоединиться к Дании и, в случае положительного ответа, присоединено к Дании. Пруссия не исполнила этого и добилась в 1878 г. отмены столь «неприятного» для нее условия.

Фр. Энгельс, который не был беззаботен насчет шовинизма великодержавных наций, специально указывал на это нарушение прав маленького народа Пруссией. Но нынешние социал-шовинисты Германии, на словах признавая самоопределение наций, как признает его на словах и Каутский, на деле никогда не вели и не ведут последовательно-демократической и решительно-демократической агитации.

тации за освобождение угнетенной нации, раз дело касалось угнетения со стороны «своей» нации. Здесь «зарыта собака». Здесь гвоздь вопроса о шовинизме и разоблачение его.

У нас много острили по поводу того, что «Русское Знамя» вел себя очень часто как «Прусское Знамя». Но дело не ограничивается «Русским Знаменем», ибо совершенно в том же принципиальном духе, как Ленч, Каутский и К^о, рассуждают у нас г.г. Потресовы, Левицкие и К^о. Загляните, напр., в ликвидаторское «Р. Утро» и вы увидите совершенно такие же «пруссские», вернее было бы сказать, интернационально-шовинистские аргументы и приемы рассуждения. Шовинизм остается шовинизмом, какой бы национальной марки он ни был, какими бы фразами пацифистского сорта он ни прикрывался.

Печатается

по рукописи, хранящейся

в архиве Института Ленина.

Под чужим флагом ¹²⁴).

В № 1 «Нашего Дела» (Петроград, январь 1915) была напечатана чрезвычайно характерная программная статья г. А. Потресова: «На рубеже двух эпох». Как и предыдущая статья того же автора, помещенная в одном из журналов несколько ранее, данная статья излагает основные идеи целого буржуазного течения общественной мысли в России, именно, — течения ликвидаторского — по важным и злободневным вопросам современности. Собственно говоря, перед нами не статьи, а манифест известного направления, и всякий, кто внимательно прочтет их и вдумается в их содержание, тот увидит, что только случайные, т.-е. посторонние чисто литературным интересам соображения помешали мыслям автора (и его друзей, ибо автор не одиночка) быть выраженными в более подходящей форме декларации или «кредо» (исповедания веры).

Главная мысль А. Потресова состоит в том, что современная демократия находится на рубеже двух эпох, при чем коренное отличие старой эпохи от новой состоит в переходе от национальной ограниченности к международной. Под современной демократией А. Потресов имеет в виду ту, которая характерна для самого конца XIX и начала XX века, в отличие от старой буржуазной демократии, характерной для конца XVIII и первых двух третей XIX века.

На первый взгляд может показаться, что мысль автора безусловно правильна, что перед нами противник господствующего ныне в современной демократии национально-либерального направления, что автор — «международник», а не национал-либерал.

В самом деле, защита международной, отнесение национальной ограниченности и национальной исключительности к чертам старой, миновавшей эпохи — разве это не решительный разрыв с поветрием национал-либерализма, этой язвой современной демократии или, вернее, официальных представителей ее?

На первый взгляд не только может, но почти неизбежно должен показаться так. А между тем это коренная ошибка. Автор везет свой груз под чужим флагом. Он употребил — сознательно или бессознательно, это все равно в данном случае — маленькую военную хитрость, выкинул флаг «международности» с той целью, чтобы безопаснее провезти под этим флагом контрабандный груз национал-либерализма. Ибо А. Потресов несомненный национал-либерал. Вся суть его статьи (и его программы, его платформы, его «кредо») состоит именно в применении этой маленькой, если хотите, невинной военной хитрости, в провозе оппортунизма под флагом международной. На разъяснении этой сути необходимо остановиться со всей подробностью, ибо вопрос — громадной, первостепеннейшей важности. А употребление чужого флага А. Потресовым тем опаснее, что он прикрывается не только принципом «международности», но и званием сторонника «марксовой методологии». Другими словами, А. Потресов хочет быть истинным последователем и выразителем марксизма, а на деле он подменяет марксизм национал-либерализмом. А. Потресов хочет «поправить» Каутского, обвиняя его в «адвокатстве», т.-е. в защите либерализма цвета то одной, то другой нации, цвета разных наций. А. Потресов хочет национал-либерализму (ибо это совершенно несомненно и неоспоримо, что Каутский стал ныне национал-либералом) противопоставить международность и марксизм. А на деле А. Потресов противопоставляет национал-либерализму пестрому национал-либерализм одноцветный. Марксизм же враждебен — и для данной конкретной исторической ситуации во всех отношениях враждебен — всякому национал-либерализму.

Что это действительно так и почему это так — об этом и пойдет теперь речь.

1.

Гвоздь злоключений А. Потресова, приведших к тому, что он оказался плывущим под национал-либеральным флагом, может быть легче всего понят, если читатель вникнет в следующее место статьи:

... «Со всем свойственным им (Марксу и его товарищам) темпераментом они бросались на преодоление проблемы, как бы сложна она ни была, они ставили диагноз конфликту, они пытались определить, успех какой стороны открывает больше простора желательным с их точки зрения возможностям, и устанавливали таким образом известную базу для постройки своей тактики» (с. 73, курсив в цитатах наш).

«Успех какой стороны желательнее» — вот что надо определить, и притом не с национальной, а с международной точки зрения; вот в чем суть марксовой методологии; вот чего не дает Каутский, превращаясь таким образом из «судьи» (из марксиста) в «адвоката» (национал-либерала). Такова мысль А. Потресова. Сам А. Потресов глубочайше убежден, что он вовсе не «адвокатствует», отстаивая желательность успеха одной из сторон (а именно своей стороны), а руководствуется истинно-международными соображениями о «сверхсметных» грехах другой стороны...

И Потресов, и Маслов, и Плеханов и т. д. руководствуются истинно-международными соображениями, приходя к тем же выводам, что и первый из них... Это наивно до... Впрочем, не будем забегать вперед, а закончим сначала разбор чисто теоретического вопроса.

«Успех какой стороны желательнее», определял Маркс, например, в итальянской войне 1859 года. А. Потресов останавливается именно на этом примере, «имеющем для нас, в виду некоторых его особенностей, специальный интерес». Мы, с своей стороны, тоже согласны взять пример, выбранный А. Потресовым.

Якобы ради освобождения Италии, а на деле в своих династических целях, Наполеон III объявил в 1859 году войну Австрии.

«Из-за спины Наполеона III, — пишет А. Потресов, — вырисовывалась фигура Горчакова, только что перед тем заключившего секретное соглашение с императором французов». Получается клубок противоречий: на одной стороне реакционнейшая европейская монархия, угнетавшая Италию, на другой — представители освобождающейся и революционной Италии, вплоть до Гарибальди, рука об руку с архиреакционером Наполеоном III и т. д. «Не проще ли было, — пишет А. Потресов, — отойти от греха, сказав: «оба хуже»? Однако, ни Энгельс, ни Маркс, ни Лассаль не соблазнились «простотой» такого решения, а принялись за изыскание вопроса (А. Потресов хочет сказать: за изучение и исследование вопроса), «какой исход столкновения может представить наибольшие шансы тому делу, которое дорого всем им».

Маркс и Энгельс находили, вопреки Лассалю, что Пруссия должна вмешаться. В числе их соображений, — по признанию самого А. Потресова, — были соображения «и о возможном, в результате столкновения с враждебной коалицией, национальном движении в Германии, которое разовьется через головы ее многочисленных властителей, и о том, какая держава в европейском концерте представляет цен-

тральное зло: реакционная придунайская монархия или другие выдающиеся представители этого концерта».

«Нам не важно, — заключает А. Потресов, — был ли прав Маркс или Лассаль, важно то, что все сходятся в необходимости определить с международной точки зрения, успех какой стороны желательнее».

Таков пример, взятый А. Потресовым; таково рассуждение нашего автора. Если Маркс тогда умел «расценивать международные конфликты» (выражение А. Потресова), несмотря на крайнюю реакционность правительств обеих воюющих сторон, то и теперь марксисты обязаны дать подобную расценку, — умозаключает А. Потресов.

Это умозаключение наивно-детское или глупо-софистическое, ибо оно сводится к следующему: так как Маркс в 1859 г. решал вопрос о том, успех какой буржуазии желательнее, поэтому и мы, более полувека спустя, должны решать такой же именно вопрос.

А. Потресов не заметил, что у Маркса в 1859 г. (и в целом ряде случаев более поздних) вопрос о том, «успех какой стороны желательнее», равняется вопросу о том, «успех какой буржуазии желательнее». А. Потресов не заметил, что Маркс решал известный нам вопрос тогда, когда были налицо — и не только были налицо, а стояли на первом плане исторического процесса в важнейших государствах Европы — безусловно прогрессивные буржуазные движения. В наши дни, по отношению, напр., к таким, безусловно центральным и важнейшим фигурам европейского «концерта», как Англия и Германия, смешно было бы и думать о прогрессивной буржуазии, о прогрессивном буржуазном движении. Старая буржуазная «демократия» этих центральных и важнейших государственных величин стала реакционной. А г. А. Потресов «забыл» об этом и подменил вопрос о точке зрения современной (не буржуазной) демократии точкой зрения старой (буржуазной), якобы, демократии. Этот переход на точку зрения иного, и притом старого, отжившего класса есть чистейший оппортунизм. Об оправдании такого перехода анализом объективного содержания исторического процесса в старую и в новую эпоху не может быть и речи.

Именно буржуазия — напр., в Германии, да и в Англии тоже — старается совершить такой подмен, какой совершен А. Потресовым, подмен империалистской эпохи эпохой буржуазно-прогрессивных,

национально-освободительных и демократически-освободительных движений. А. Потресов некритически плетется за буржуазией. И это тем более непростительно, что сам А. Потресов в им же самим взятом примере должен был признать и указать, какого рода соображениями руководились Маркс, Энгельс и Лассаль в эпоху давно миновавшую. *)

Во-1-х, это были соображения о национальном движении (Германии и Италии), о том, чтобы оно развивалось через головы «представителей средневековья»; во-2-х, соображения о «центральном зле» реакционных монархий (австрийской, наполеоновской и т. д.) в европейском концерте.

Эти соображения совершенно ясные и бесспорные. Марксисты никогда не отрицали прогрессивности буржуазно-национальных освободительных движений против феодально-абсолютистских сил. А. Потресов не может не знать, что ничего подобного в центральных, т.-е. главнейших, важнейших конфликтных государствах нашей эпохи нет и быть не могло. Тогда были и в Италии, и в Германии десятилетиями тянувшиеся народные движения национально-освободительного типа. Тогда не западная буржуазия поддерживала своими финансами известные остальные государственные величины, а, наоборот, эти величины были действительно «центральным злом». А. Потресов не может не знать, — он сам это в той же статье признает, что в нашу эпоху «центральным злом» ни одна из остальных государственных величин не является и быть не может.

Буржуазия (напр., германская, хотя вовсе не одна только она) из корыстных целей подогревает идеологию национальных движений, стараясь перенести ее в эпоху империализма, т.-е. совсем в иную эпоху. За буржуазией плетутся, как и всегда, оппортунисты, пок-

---

*) Между прочим, А. Потресов отказывается решать, Маркс или Лассаль был прав в оценке условий войны 1859 г. Мы думаем, что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом. Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка несколько не оправдывает оппортунизма Лассалья.

дая точку зрения современной демократии, переходя на точку зрения старой (буржуазной) демократии. Именно в этом основной грех всех статей и всей позиции, всей линии А. Потресова и его ликвидаторских единомышленников. Маркс и Энгельс в эпоху старой (буржуазной) демократии решали вопрос о том, успех какой буржуазии желательнее, заботясь о развитии либерально-скромного движения в демократически-бурное. А. Потресов в эпоху современной (не буржуазной) демократии проповедует буржуазный национал-либерализм, когда ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции о буржуазно-прогрессивных движениях, ни либерально-скромных, ни демократически-бурных, не может быть и речи. Маркс и Энгельс от своей эпохи, от эпохи буржуазно-национальных прогрессивных движений шли вперед, толкая эти движения дальше, заботясь, чтобы они развивались «через головы» представителей средневековья.

А. Потресов, как и все социал-шовинисты, от своей эпохи современной демократии пятится назад, перескакивая на давно отжившую, мертвую и потому внутренне-лживую точку зрения старой (буржуазной) демократии.

Поэтому величайшей путаницей и величайшим реакционным призывом является следующий призыв А. Потресова к демократии.

... «Иди не назад, а вперед. Не к индивидуализму, а к международному сознанию во всей его целостности и во всей его силе. Вперед, т.-е. в известном смысле и назад: назад к Энгельсу, Марксу, Ласкалю, к их методу оценки международных конфликтов; к их включению и международного действия государств в общий круг демократического использования».

А. Потресов не в «известном смысле», а во всех смыслах тащит современную демократию назад, к лозунгам и идеологии старой буржуазной демократии, к зависимости масс от буржуазии... «Метод» Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение какого класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке. Тогда, в 1859 году, объективным содержанием исторического процесса в континентальной Европе был не империализм, а были национально-буржуазные освободительные движения. Главной пружиной было движение буржуазии против феодально-абсолютистских сил. А премудрый А. Потресов, 55 лет спустя, когда место реакционных феодалов заняли уподобившиеся им магнаты финансового капитала одряхлевшей буржуазии,

хочет оценивать международные конфликты с точки зрения буржуазии, а не нового класса. *)

А. Потресов не вдумался в значение той истины, которую он произнес в этих словах. Положим, две страны воюют между собой в эпоху буржуазных, национальных и освободительных движений. Какой стране желать успеха с точки зрения современной демократии? Ясно, что той, успех которой сильнее подтолкнет и более бурно разовьет освободительное движение буржуазии, сильнее подорвет феодализм. Положим, далее, что определяющий момент объективной исторической обстановки изменился, и на место национально-освобождающегося капитала встал интернациональный реакционный, финансовый, империалистский капитал. Первая владеет, положим, $\frac{3}{4}$ Африки, а вторая $\frac{1}{4}$. Объективное содержание их войны — передел Африки. Какой стороне желать успеха? Вопрос, в прежней его постановке, нелепый, ибо у нас нет прежних критериев оценки: нет ни многолетнего развития буржуазного освободительного движения, ни многолетнего процесса краха феодализма. Не дело современной демократии ни помогать первой закрепить свое «право» на $\frac{3}{4}$ Африки, ни помогать второй (хотя бы она развивалась экономически быстрее первой) отнять себе эти $\frac{3}{4}$.

Современная демократия останется верна себе лишь в том случае, если не присоединится ни к одной империалистской буржуазии, если скажет, что «обе хуже», если в каждой стране будет желать неуспеха империалистской буржуазии. Всякое иное решение будет на деле национально-либеральным, не имеющим ничего общего с истинной международнойностью.

Пусть только читатель не дает себя обмануть вычурной терминологией А. Потресова, которой он прикрывает свой переход на точку зрения буржуазии. Когда А. Потресов восклицает: «не к индивидуализму, а к международному сознанию во всей его целостности и во всей его силе», то он имеет в виду противопоставлять точке зрения Каутского свою точку зрения. Взгляд Каутского (и подобных ему) он называет «индивидуализмом», имея в виду, что Каутский

---

*) «На самом деле, — пишет А. Потресов, — как раз за этот период будто бы застоя внутри каждой страны протекали огромные молекулярные процессы, да и международная обстановка исподволь перерождалась, ибо в ней определяющим моментом все явственнее становилась политика колониальных приобретений воинствующего империализма».

отказывается учесть, «успех какой стороны желательнее», и оправдывает национал-либерализм рабочих каждой «индивидуальной» страны. А вот, дескать, мы, А. Потресов, Череванин, Маслов, Плеханов и пр., мы апеллируем к «международному сознанию во всей его целостности и силе», ибо мы стоим за национал-либерализм одного определенного цвета вовсе не с индивидуально-государственной (или индивидуально-национальной) точки зрения, а с истинно-международной... Это рассуждение было бы смешно, когда бы не было так... позорно.

И А. Потресов с К^о и Каутский плетутся за буржуазией, изменив точке зрения того класса, который они силятся представлять.

II

А. Потресов озаглавил свою статью: «На рубеже двух эпох». Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т.-е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны.

Вот именно в этой области и лежит коренной софизм А. Потресова и Каутского (его статья напечатана в том же номере «Нашего Дела») или коренная историческая ошибка их обоих, приводящая того и другого к национал-либеральным, а не к марксистским выводам.

Дело в том, что пример, взятый А. Потресовым и представивший для него «специальный интерес», пример итальянской кампании 1859 г. и целый ряд аналогичных исторических примеров, взятых Каутским, — относятся «именно не к тем историческим эпохам», «на рубеже» которых мы живем. Назовем ту эпоху,

в которую мы вступаем (или вступили, но которая находится в своей начальной стадии) современной (или третьей) эпохой. Назовем ту, из которой мы только что вышли, вчерашней (или второй) эпохой. Тогда придется назвать эпоху, из которой берут свои примеры А. Потресов и Каутский, позавчерашней (или первой) эпохой. Возмутительный софизм, непереносная ложь рассуждений и А. Потресова и Каутского состоят как раз в том, что они подменяют условия современной (третьей) эпохи условиями позавчерашней (первой) эпохи.

Объяснимся.

Обычное деление исторических эпох, много раз приводившееся в марксистской литературе, неоднократно повторявшееся Каутским и принимаемое А. Потресовым в его статье, таково: 1) 1789—1871; 2) 1871—1914; 3) 1914—?. Разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны. И мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений. Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. Третья эпоха, только начинающаяся, ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений.

Не кто иной, как сам же Каутский в целом ряде статей и в своей брошюре «Путь к власти» (вышла в 1909 году) с полнейшей определенностью обрисовал основные черты наступающей третьей эпохи, отметил коренное отличие этой эпохи от второй (вчерашней), признал изменение непосредственных задач, а также условий и форм борьбы современной демократии, — изменение, вытекающее из перемены объективных исторических условий. Ныне Каутский сжигает то, чему поклонялся, меняет фронт самым невероятным, самым неприличным, самым бесстыдным образом. В названной брошюре он прямо говорит о признаках приближения войны и притом именно такой войны, которая в 1914 г. стала фактом. Достаточно было бы

простого сопоставления ряда мест из этой брошюры с теперешними писаниями Каутского, чтобы с полной наглядностью показать его измену своим собственным убеждениям и торжественнейшим заявлениям. И Каутский является в этом отношении не единичным случаем (вовсе притом не только немецким), а типичным представителем целого верхнего слоя современной демократии, перекинувшегося в момент кризиса на сторону буржуазии.

Все исторические примеры, которые взяты А. Потресовым и Каутским, относятся к первой эпохе. Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—7 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества. Ни о каком, действительно самостоятельном и соответствующем эпохе перезрелости и упадка буржуазии, действии современной демократии в целом ряде передовых стран не могло быть тогда и речи. Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями и мущих товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, т.-е. нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом. Совершенно естественно, что элементы современной демократии,—и Маркс, как представитель их,—руководствуясь бесспорным принципом поддержки прогрессивной буржуазии (способной на борьбу буржуазии) против феодализма, решали тогда вопрос о том, «успех какой стороны», т.-е. к а к о й буржуазии, желательнее. Народное движение в главных, затрагиваемых войной, странах было тогда общедемократическим, т.-е. буржуазно-демократическим по своему экономическому и классовому содержанию. Совершенно естественно, что и н о г о вопроса тогда нельзя было и ставить, кроме вопроса о том, успех к а к о й буржуазии, при какой комбинации, при неудаче какой из реакционных (феодально-абсолютистских, задерживающих подъем буржуазии) сил обещает больше «простора» для современной демократии.

И притом Маркс, как это вынужден признать даже А. Потресов, руководился при «расценке» международных конфликтов на почве

буржуазных, национальных и освободительных движений, соображениями о том, успех какой стороны больше способен помочь «развитию» (стр. 74 статьи А. Потресова) национальных и вообще народных общедемократических движений. Это значит, что при военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассалля.

Международные конфликты в третью эпоху остались по форме своей такими же международными конфликтами, как и в первую эпоху, но социальное и классовое содержание их коренным образом изменилось. Объективная историческая обстановка стала совсем иной.

На место борьбы поднимающегося вверх национально-освобождающегося капитала против феодализма стала борьба реакционнейшего, отжившего и пережившего себя финансового капитала, идущего вниз, к упадку, — против новых сил. Буржуазно-национальные рамки государств, бывшие в первую эпоху опорой развитию производительных сил человечества, освобождающегося от феодализма, стали теперь, в третью эпоху, помехой дальнейшему развитию производительных сил. Буржуазия из поднимающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным. Поднимающимся — в широком историческом масштабе — стал совсем иной класс.

А. Потресов и Каутский покинули точку зрения этого класса и пошли назад, повторяя буржуазный обман, покоящийся на том, что будто объективным содержанием исторического процесса является и теперь прогрессивное движение буржуазии против феодализма. На самом же деле теперь не может быть речи о том, чтобы современная демократия не плелась в хвосте за реакционной, империалистской буржуазией — все равно, какого «цвета» эта буржуазия ни была бы.

В первую эпоху, объективно, исторической задачей было: как следует прогрессивной буржуазии «использовать», в своей борьбе

с главными представителями отмирающего феодализма, международные конфликты для максимального выигрыша всей всемирной буржуазной демократии вообще. Тогда, в первую эпоху, более полувека тому назад, естественно и неизбежно было, что поработанная феодализмом буржуазия желала неуспеха «своему» феодальному угнетателю, при чем число этих главных, центральных, имевших общеевропейский вес, феодальных твердынь было совсем невелико. И Маркс «расценивал»: в какой стране, при данной конкретной обстановке (ситуации) успех буржуазно-освободительного движения, существеннее для подрыва общеевропейской феодальной твердыни.

Теперь, в третью эпоху, феодальных твердынь общеевропейского значения не осталось вовсе. «Использование», конечно, является задачей современной демократии, но именно международное использование — вопреки А. Потресову и Каутскому — должно направляться не против отдельных национальных финансовых капиталов, а против интернационального финансового капитала. И использовать должен не тот класс, который был поднимающимся 50 — 100 лет тому назад. Тогда речь шла о «международном действии» (выражение А. Потресова) самой передовой буржуазной демократии; теперь исторически выросла и поставлена объективным положением вещей задача подобного рода совсем перед другим классом.

III.

Вторую эпоху или «сорокапятилетнюю полосу» (1870—1914), по выражению А. Потресова, этот последний характеризует очень неполно. Такой же неполнотой страдает характеристика этой эпохи в немецком сочинении Троцкого, хотя последний не соглашается в практических выводах с А. Потресовым (что должно быть отнесено к преимуществу первого над вторым) — при чем обоим названным писателям едва ли не остается неясной причина известной близости их друг к другу.

А. Потресов пишет про эпоху, которую мы назвали второй или вчерашней:

«Детализованная ограниченность работы и борьбы и всепроникающая постепеновщина, эти знамена эпохи, возведенные одними в принцип, для других стали привычным фактом их бытия и, как таковой, вошли элементом в их психику, оттенком в их идеологию» (71). «Ее (этой эпохи) талант планомерно-выдержанной и осторожной

продвижки вперед имел своей оборотной стороной ярко выраженную непригодность к моментам нарушения постепенности и к катастрофическим явлениям всякого рода, во-первых, и, во-вторых, исключительную замкнутость в круге национального действия — национальной среды» (72)... «Ни революции, ни войн» (70)... «Демократия тем успешнее национализировалась, чем больше затягивался период ее «позиционной борьбы», чем дольше не уходила со сцены та полоса европейской истории, которая... была полосой, не знавшей в сердце Европы международных конфликтов, а, стало быть, и не переживавшей волнений, выходящих за пределы национально-государственных территорий, не ощутившей остро интересов обще-европейского или мирового масштаба» (75 — 6).

Основной недостаток этой характеристики, как и соответствующей характеристики той же эпохи у Троцкого, состоит в нежелании видеть и признать глубокие внутренние противоречия в современной демократии, развивавшейся на описываемой почве. Выходит так, как будто современная демократия данной эпохи оставалась единым целым, которое, вообще говоря, проникалось постепенностью, национализировалось, отвыкало от нарушений постепенности и катастроф, мельчало, покрывалось плесенью.

На самом деле так быть не могло, ибо наряду с указанными тенденциями действовали, неоспоримо, иные, противоположные тенденции, «бытие» рабочих масс интернационализировалось, — тяга в города и нивелировка (выравнивание) условий жизни в больших городах всего мира, интернационализация капитала, перемещение на крупнейших фабриках населения городского и сельского, туземного и инонационального и т. д., — классовые противоречия обострялись, союзы предпринимателей тяжелее давили на союзы рабочих, возникали более острые и тяжелые формы борьбы в виде, напр., массовых стачек, росла дороговизна жизни, невыносим становился гнет финансового капитала и пр. и пр.

На самом деле так не было, — это мы знали достоверно. Ни одна, буквально ни единая из крупных капиталистических стран Европы в течение этой эпохи не была пощажена борьбой между двумя противоречивыми течениями внутри современной демократии. Эта борьба в каждой из крупных стран принимала иногда, несмотря на общий «мировой», «застойный», сонный характер эпохи, самые бурные формы, вплоть до расколов. Эти противоречивые течения сказались на всех без исключения многообразных областях жизни и вопросах современной демократии: отношение к буржуазии, союзы

с либералами, голосование за кредиты, отношение к колониальной политике, к реформам, к характеру экономической борьбы, к нейтральности профессиональных союзов и проч.

«Все проникающая постепеновщина» вовсе не была безраздельно господствующим настроением всей современной демократии, как выходит у Потресова и у Троцкого. Нет, эта постепеновщина выкристаллизовалась в определенное направление, нередко создававшее в Европе этого периода отдельные фракции, иногда даже отдельные партии современной демократии. Это направление имело своих вождей, свои органы печати, свою политику, свое особое — и особо организованное — воздействие на массы населения. Мало того. Это направление все более и более опиралось — и, наконец, окончательно, если можно так выразиться, «оперлось» — на интересы известного общественного слоя в н у т р и современной демократии.

«Все проникающая постепеновщина», естественно, привлекла в ряды современной демократии целый ряд мелко-буржуазных попутчиков; затем, мелко-буржуазные особенности существования — а, следовательно, и политической «ориентации» (направления, устремления) — создались у известного слоя парламентариев, журналистов, чиновников союзных организаций; выделялись, с большей или меньшей степенью резкости и отграниченности, своего рода бюрократия и артистократия рабочего класса.

Возьмите, напр., обладание колониями, расширение колониальных владений. Несомненно, это была одна из отличительных черт описываемой эпохи и большинства крупных государств. А что означало это экономически? Сумма известных сверхприбылей и особых привилегий для буржуазии, а затем, несомненно, возможность получать крохи от этих «кусков пирога» и для небольшого меньшинства мелких буржуа; затем наилучше поставленных служащих, чиновников рабочего движения и т. п. Что такое «пользование» крохами выгод от колоний, от привилегий, ничтожным меньшинством рабочего класса, напр., в Англии имело место, — это бесспорный факт, признанный и указанный еще Марксом и Энгельсом. Но то, что было в свое время исключительно английскими явлениями, стало явлениями общими для всех крупных капиталистических стран Европы по мере того, как все эти страны переходили к владению колониями в больших размерах, и вообще по мере того, как развивался и рос империалистский период капитализма.

Одним словом, «всепроникающая постепеновщина» второй (или вчерашней) эпохи создала не только известную «неприспособленность

к нарушениям постепенности», как думает А. Потресов, не только известные «поссибилистские» склонности, как полагает Троцкий: она создала целое оппортунистическое направление, опирающееся на определенный социальный слой внутри современной демократии, связанный с буржуазией своего национального «цвета» многочисленными нитями общих экономических, социальных и политических интересов, — направление, прямо, открыто, вполне сознательно и систематически враждебное всякой идее о «нарушениях постепенности».

Корень целого ряда тактических и организационных ошибок у Троцкого (не говоря уже об А. Потресове) состоит именно в его боязни, или нежелании, или неспособности признать этот факт полной «зрелости» оппортунистического направления, а равно теснейшей, неразрывной связи его с национал-либералами (или социал-национализмом) наших дней. На практике отрицание этого факта «зрелости» и этой неразрывной связи ведет, по меньшей мере, к совершенной растерянности и беспомощности по отношению к царящему социал-националистическому (или национал-либеральному) злу.

Связь оппортунизма и социал-национализма отрицают, вообще говоря, и А. Потресов, и Мартов, и Аксельрод, и Вл. Косовский (договорившийся до защиты немецкого национал-либерального голосования демократов за военные кредиты), и Троцкий.

Главный «довод» их состоит в том, что нет полного совпадения между вчерашним делением демократии «по оппортунизму» и сегодняшним делением ее «по социал-национализму». Этот довод, во-1-х, фактически неверен, как мы сейчас покажем, а, во-2-х, он совершенно односторонен, не полон, марксистски принципиально несостоятелен. Лица и группы могут переходить с одной стороны на другую — это не только возможно, это даже неизбежно при всякой крупной общественной «встряске»; характер известного течения от этого несколько не меняется; не меняется и идейная связь определенных течений, не меняется их классовое значение. Казалось бы, все эти соображения настолько общеизвестны и бесспорны, что как-то даже неловко очень уже напирать на них. А между тем именно эти соображения и забыли названные писатели. Основное классовое значение — или, если хотите, социально-экономическое содержание — оппортунизма состоит в том, что известные элементы современной демократии перешли (на деле, т.-е. хотя бы они и не сознавали этого) на сторону буржуазии по целому ряду отдельных вопросов. Оппортунизм есть либеральная рабочая политика. Кто

боится «фракционной» видимости этих выражений, тому мы советуем взять на себя труд изучить отзывы Маркса, Энгельса и Каутского («авторитет», особенно удобный для противников «фракционности», не правда ли?) хотя бы об английском оппортунизме. Не может подлежать не малейшему сомнению, что результатом такого изучения будет признание коренного и существенного совпадения между оппортунизмом и либеральной рабочей политикой. Основное классовое значение социал-национализма наших дней совершенно то же самое. Основная идея оппортунизма есть союз или сближение (иногда соглашение, блок и т. д.) буржуазии и ее антипода. Основная идея социал-национализма совершенно та же самая. Идеино-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению. А, разумеется, мы должны брать за основу не лица и не группы, а именно анализ классового содержания общественных течений и идеино-политическое исследование их главных, существенных принципов.

Подходя с несколько иной стороны к той же теме, мы поставим вопрос: откуда взялся социал-национализм? Как он рос и вырос? Что дало ему значение и силу? Кто не дал себе ответа на эти вопросы, тот совершенно не понял социал-национализма и, разумеется, тот совершенно неспособен «идейно размежеваться» с ним, хотя бы он клялся и божился, что он готов на «идейное размежеванье» с социал-национализмом.

А ответ на этот вопрос может быть только один: социал-национализм вырос из оппортунизма, и именно этот последний дал ему силу. Как мог «сразу» родиться социал-национализм? Совершенно так же, как «сразу» рождается ребенок, если протекли девять месяцев после зачатия. Каждое из многочисленных проявлений оппортунизма в течение всей второй (или вчерашней) эпохи во всех европейских странах были ручейками, которые все вместе «сразу» слились теперь в большую, хотя и очень мелководную — (а в скобках добавить: мутную и грязную) — социал-националистическую реку. Спустя девять месяцев после зачатия, плод должен отделиться от матери; спустя много десятилетий после зачатия оппортунизма, его зрелый плод — социал-национализм, должен будет — в более или менее короткий (по сравнению с десятилетиями) срок отделиться от современной демократии. Как бы разные добрые люди ни кричали, ни сердились, ни бесновались по поводу мыслей и речей об этом, это неизбежно, ибо это вытекает из всего социального развития современной демократии и из объективной обстановки третьей эпохи.

Но если нет полного соответствия между делением «по оппортунизму» и делением по «социал-национализму», то не доказывает ли это, что между данными явлениями нет существенной связи? Во-первых, не доказывает, как переход отдельных лиц из буржуазии конца XVIII века то на сторону феодалов, то на сторону народа не доказывает, что «нет связи» между ростом буржуазии и французской великой революцией 1789 года. Во-вторых, в общем и целом — а речь идет именно об общем и целом — такое соответствие есть. Возьмите не одну страну, а ряд стран, напр., десять европейских стран: Германию, Англию, Францию, Бельгию, Россию, Италию, Швецию, Швейцарию, Голландию и Болгарию. Некоторым исключением покажутся лишь три подчеркнутые страны; в остальных течения решительных противников оппортунизма породили именно течения, враждебные социал-национализму. Сопоставьте известный «Ежемесячник» и его противников в Германии, «Наше Дело» и его противников в России, партию Биссолати и ее противников в Италии; сторонников Грейлиха и Гримма в Швейцарии, Брантинга и Хеглунда в Швеции, Трульстры и Паннекука с Гортером в Голландии; наконец, «общедельцев» и «тесняков» в Болгарии. Общее соответствие старого и нового деления есть факт, а полного соответствия не бывает даже в простейших явлениях природы, как нет полного соответствия между Волгой после впадения Камы и Волгой до ее впадения, или как нет полного сходства между ребенком и родителями. Англия есть кажущееся исключение; на деле в ней были два главных течения до войны, вокруг двух ежедневных газет — вернейший объективный признак массовидности течения: именно, газеты «Ежедневный Гражданин» у оппортунистов и «Ежедневный Вестник» у противников оппортунизма. Обе газеты захлестнула волна национализма; но оппозицию проявили менее $\frac{1}{10}$ сторонников первой и около $\frac{3}{7}$ сторонников второй. Обычный прием сравнения, когда сопоставляют только «Брит. С. Партию» с «Незав. Р. Партией», неправилен, ибо забывают о фактическом блоке этой последней и с фабианцами, и с «Рабочей Партией». Исключением, значит, остаются только две страны из 10; но и здесь нет полного исключения, ибо направления не переменялись местами, а только волна захлестнула (по причинам настолько понятным, что на них нечего и останавливаться) почти всех противников оппортунизма. Это доказывает силу волны, бесспорно, но это несколько не опровергает общеевропейского соответствия старого и нового деления.

Нам говорят: деление «по оппортунизму» устарело; имеет смысл только деление на сторонников международнойности и сторонников национальной ограниченности. Это в корне неверное мнение. Понятие «сторонник международнойности» лишено всякого содержания и всякого смысла, если вы не разовьете его конкретно, и всякий шаг такого конкретного развития будет перечислением признаков враждебности оппортунизму. На практике это будет еще более верно. Сторонник международнойности, не являющийся самым последовательным и решительным противником оппортунизма, есть мираж, не более того. Может быть, отдельные лица такого типа могут искренне считать себя «международниками», но о людях судят не по тому, что они о себе думают, а по их политическому поведению: политическое поведение таких «международников», которые не являются последовательными и решительными противниками оппортунизма, всегда будет помощью или поддержкой течения националистов. С другой стороны, националисты тоже называют себя «международниками» (Каутский, Ленч, Гэниш, Вандервельд, Гайндман и др.) и не только называют себя так, но вполне признают международное сближение, соглашение, слияние людей, их образ мыслей. Оппортунисты не против «международности», они только за международное одобрение и международное соглашение оппортунистов.

Сборник, изд. „Прилив“,

Москва 1917 г.

Подпись: Н. Константинов

Вопрос о мире ¹²⁵).

Вопрос о мире, как злободневной программе социалистов, а в связи с ним и вопрос об условиях мира, интересует всех. Нельзя не выразить признательности газете «Berger Tagwacht» ¹²⁶) по поводу того, что в ней мы встречаем попытки поставить этот вопрос не с обычной, мелко-буржуазно-национальной, а с действительно пролетарской, интернациональной точки зрения. Превосходно было замечание редакции в № 73 («Friedenssehnsucht») ¹²⁷), что немецкие с.-д., желающие мира, должны порвать (sich lossagen) с политикой юнкерского правительства. Превосходно было выступление тов. А. П. ¹²⁸) (№№ 73 и 75) против «важничанья бессильных краснобаев» (Wichtigtuerei machtloser Schönredner), тщетно пытающихся с мелко-буржуазной точки зрения решить вопрос о мире.

Посмотрим, как должны ставить этот вопрос социалисты.

Лозунг мира можно ставить или в связи с определенными условиями мира, или без всяких условий, как борьбу не за определенный мир, а за мир вообще (Frieden ohne weiters). Ясно, что в последнем случае перед нами не только не социалистический лозунг, но и вообще совершенно бессодержательный, бессмысленный лозунг. За мир вообще стоят безусловно все, вплоть до Китченера, Жоффра, Гинденбурга и Николая Кровавого, ибо каждый из них желает кончить войну: вопрос именно в том, что каждый ставит империалистские (т.-е. грабительские, угнетающие чужие народы) условия мира в пользу «своей» нации. Лозунги надо ставить для того, чтобы в пропаганде и агитации разъяснить массам непримиримое различие между социализмом и капитализмом (империализмом), а не для того, чтобы примирять два враждебных класса и две враждебные политики посредством такого словечка, которое «объединяет» самые различные вещи.

Далее.. Возможно ли объединить социалистов разных стран на известных условиях мира? Если да, то в числе этих условий

Безусловно должно быть признание права на самоопределение за всеми нациями и отказ от всяких «аннексий», т.-е. нарушение этого права. Но если признавать это право только за некоторыми нациями, то это значит защищать привилегии известных наций, т.-е. быть националистом и империалистом, а не социалистом. Если же признавать это право за всеми нациями, то нельзя выделять, напр., одну Бельгию, а надо брать все угнетенные народы в Европе (ирландцев в Англии, итальянцев в Ницце, датчан и т. д. в Германии, 57% населения России и пр.) и вне Европы, т.-е. все колонии. Тов. А. П. весьма кстати напомнил о них. Англия, Франция и Германия вместе имеют около 150 милл. населения, а угнетают они в колониях свыше 400 милл. населения! Сущность империалистской войны, т.-е. войны ради интересов капиталистов (капиталистов в самых передовых, наиболее грабительских странах в эпоху особенно высокого развития капитализма — это сущность), состоит не только в том, что войну ведут ради угнетения новых наций, ради дележа колоний, но и в том, что войну ведут, главным образом, передовые нации, угнетающие ряд других народов, угнетающие большую часть населения земли.

Немецкие с.-д., которые оправдывают захват Бельгии или мирятся с ним, на деле не с.-д., а империалисты и националисты, ибо они защищают «право» немецкой буржуазии (а частью и немецких рабочих) угнетать бельгийцев, эльзасцев, датчан, поляков, негров в Африке и т. д. Это не социалисты, а прислужники немецкой буржуазии, помогающей ей грабить чужие нации. Но (точно так же) и бельгийские социалисты, выставляющие только одно требование: освободить и вознаградить Бельгию, защищают на деле требование бельгийской буржуазии, желающей попрежнему грабить 15 милл. населения в Конго и получать концессии и привилегии в других странах. Бельгийские буржуа вложили за границей около 3 миллиардов франков; охрана прибылей с этих миллиардов путем всяческих обманов и пройдошеств — вот каков на деле «национальный интерес» «героической Бельгии». То же самое относится — и еще в гораздо более сильной степени — к России, Англии, Франции, Японии.

Следовательно, если требование свободы наций не есть лживая фраза, прикрывающая империализм и национализм некоторых отдельных стран, то оно должно быть распространено на все народы и на все колонии. А такое требование явно бессодержательно без ряда революций во всех передовых странах. Мало того. Оно неосуществимо без успешной социалистической революции.

Значит ли это, что социалисты могут равнодушно относиться к требованию мира все более и более широкими массами? Отнюдь нет. Одно дело — лозунги сознательного авангарда рабочих, другое дело стихийные требования масс. Стремление к миру есть один из важнейших симптомов начинающегося разочарования в буржуазной лжи насчет «освободительных» целей войны, насчет «защиты отечества» и прочих обманов «черни» классом капиталистов. К этому симптому социалисты должны относиться с величайшим вниманием. Все усилия надо направить на то, чтобы использовать настроение масс в пользу мира. Но как использовать? Признавать лозунг мира и повторять его было бы поощрением «важничанья бессильных (а чаще еще хуже: лицемерных) краснобаев». Это был бы обман народа иллюзией, будто теперешние правительства, теперешние командующие классы способны без «обучения» (или, вернее, устранения) их рядом революций на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс. Нет ничего вреднее этого обмана. Нет ничего более засоряющего глаза рабочих, внушающего им обманчивую мысль о неглубоком противоречии капитализма и социализма, нет ничего более прикрашивающего капиталистическое рабство. Нет, мы должны использовать настроение в пользу мира для разъяснения массам, что те блага, коих они ждут от мира, невозможны без ряда революций.

Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал, но только буржуазные софисты могут обольщать им массы, отрывая этот идеал от немедленной, прямой проповеди революционных действий. Почва для такой проповеди есть; чтобы вести ее, надо лишь порвать с союзниками буржуазии, оппортунистами, которые и прямо (вплоть даже до доносов) и косвенно мешают революционной работе.

Лозунг самоопределения наций равным образом должен быть ставим в связи с империалистской эпохой капитализма. Мы не за *status quo* ¹²⁹), не за мещанскую утопию отстранения от великих войн. Мы за революционную борьбу против империализма, т.-е. капитализма. Империализм состоит именно в стремлении наций, угнетающих ряд чужих наций, расширить и укрепить это угнетение, переделывать колонии. Поэтому гвоздь вопроса о самоопределении наций состоит в нашу эпоху именно в поведении социалистов угнетающих наций. Тот социалист угнетающей нации (Англии, Франции, Германии, Японии, России, Соед. Штатов и пр.), который не признает и не отстаивает права угнетенных наций на само-

определение (т.-е. на свободное отделение), на деле не социалист, а шовинист.

Только такая точка зрения приводит к нелицемерной, к последовательной борьбе с империализмом, — к пролетарской, а не мещанской постановке (в нашу эпоху) национального вопроса. Только такая точка зрения проводит последовательно принцип борьбы со всяким угнетением наций, устраняет недоверие между пролетариями угнетающих и угнетенных наций, ведет к солидарной, интернациональной борьбе за социалистическую революцию (т.-е. за единственно осуществимый режим полного национального равноправия), а не за мещанскую утопию свободы всех мелких государств вообще при капитализме.

Именно на этой точке зрения стоит наша партия, т.-е. примыкающие к Ц. К. социал-демократы России. Именно на этой точке зрения стоял Маркс, учивший пролетариат тому, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Маркс требовал отделения Ирландии от Англии именно с этой точки зрения, с точки зрения интересов освободительного движения английских (не только ирландских) рабочих.

Если социалисты Англии не признают и не отстаивают права на отделение Ирландии, французы — итальянской Ниццы, немцы — Эльзас-Лотарингии, датского Шлезвига, Польши, русские — Польши, Финляндии, Украины и пр., поляки — Украины, если все социалисты «великих», т.-е. совершающих великие грабежи, держав не отстаивают это же право по отношению к колониям, то это именно потому и только потому, что они на деле империалисты, а не социалисты. И смешно делать себе иллюзии, будто способны на социалистическую политику такие люди, которые не отстаивают «права на самоопределение» угнетенных наций, принадлежа сами к угнетающим нациям.

Вместо того, чтобы предоставлять лицемерным краснобоям обманывать народ фразами и посулами насчет возможности демократического мира, социалисты должны разъяснять массам невозможность сколько-нибудь демократического мира без ряда революций и без революционной борьбы в каждой стране со своим правительством. Вместо того, чтобы позволять буржуазным политикам обманывать народы фразами о свободе наций, — социалисты должны разъяснять массам угнетающих наций безнадежность их освобождения, если они будут помогать угнетению других наций, если не будут признавать и отстаивать права этих наций на самоопределение, т.-е. на свободное отделение. Вот общая для всех стран социалисти-

ческая, а не империалистская политика в вопросе о мире и в национальном вопросе. Эта политика, правда, несовместима большей частью с законами о государственной измене, но с этими законами несовместима и Базельская резолюция, которой так позорно изменили почти все социалисты угнетающих наций.

Надо выбирать: за социализм, или за подчинение законам гг. Жоффра и Гинденбурга, — за революционную борьбу или за лакейство перед империализмом. Середины тут нет. И величайший вред приносят пролетариату лицемерные (или тупые) сочинители политики «средней линии».

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Подпись: Ленин.

Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию¹³⁰).

Кадетский сборник: «Чего ждет Россия от войны?» (Петроград 1915) представляет из себя очень полезное издание для ознакомления с политикой либеральной интеллигенции. Достаточно известно, какими шовинистами стали наши кадеты и либералы; в настоящей книжке нашего журнала этому вопросу посвящена особая статья. Но сводка в указанном сборнике произведений различных кадетов на различные, связанные с войной, темы особенно наглядно показывает роль не только к.-д. партии, но и либеральной интеллигенции вообще в современной империалистской политике.

Специфическая функция такой интеллигенции и данной партии — прикрывать реакцию и империализм всяческими демократическими фразами, заверениями, софизмами, увертками. Главная статья сборника: «Территориальные приобретения России» принадлежит вождю к.-д., г. Милюкову. Здесь нельзя было не изложить с ут и теперешней войны со стороны России: стремление захватить Галицию, отнять у Австрии и Германии часть Польши, у Турции Константинополь, проливы, Армению. Для демократического прикрытия выступают фразы о «славянстве», об интересах «малых народностей», «об угрозе европейскому миру» со стороны Германии. Только совсем мимоходом, почти нечаянно, в одной фразе г. Милюков выбалтывает правду:

«К воссоединению Восточной Галиции давно уже стремилась одна из русских политических партий, находившая себе поддержку в одной из политических партий Галиции — так наз. москвофилах» (49). Вот именно! «Одна из русских партий» есть самая реакционная партия, Пуришкевичи и К^о, партия крепостников, возглавляемая царизмом. Эта «партия» — царизм, Пуришкевичи и т. д. — интриговала давно и в Галиции и в Армении и пр., не жалея миллионов на подкупы «москвофилов», не останавливаясь ни перед каким преступлением ради высокой цели «воссоединения». Война есть «продол-

жение политики» этой партии. Война принесла ту пользу, что отбросила все условности, сорвала все покровы, показала народу воочию полную правду: сохранение царской монархии означает необходимость отдавать миллионы (народа) жизней (и миллиарды народных денег) на порабощение чужих народов. На деле партия к.-д. именно эту политику поддерживала, именно ей служила.

Эта правда неприятна для либерального интеллигента, который считает себя гуманным, свободолюбивым, демократическим и который глубочайше возмущается «клеветой», будто он слуга Пуришкевичей. Но война показала, что эта «клевета» есть самая очевидная истина.

Загляните в другие статьи сборника:

...«Будущее наше может быть счастливым и светлым лишь тогда, когда международная политика будет покоиться на началах справедливости. Вера в жизнь, в ее ценность будет в то же время торжеством мира» (215)... «Русская женщина, а с нею и все мыслящее человечество»... надеется, что «при заключении мира все воюющие государства... подпишут тут же и договор, по которому впредь все международные недоразумения»... (вот самое настоящее слово! это были только «недоразумения» между государствами, не более того!)... «должны быть разрешаемы третейским разбирательством» (216)...

«Русская женщина — народная представительница — понесет в народ идеи христианской любви и братства народов» (216)... (здесь цензура еще выкинула целых полторы строчки, вероятно, особенно экстра-«гуманые», что-нибудь в роде свободы, равенства, братства...) «Кому известно, что пишущего эти строчки менее всего можно заподозрить в национализме, того нет надобности убеждать в полной неприкосновенности развиваемых здесь мыслей к какой бы то ни было национальной исключительности» (83)... «Только теперь мы сознали, почувствовали реально, что при современных войнах нам может грозить не потеря колоний, хотя бы и ценных, или неудача в освобождении других народов, но распад самого государства»... (147).

Читайте и вникайте, как это делается! Учитесь, как ведет политику, т.-е. ведет за собой массы, якобы демократическая партия!

Чтобы служить классу Пуришкевичей, надо в решительные моменты истории (в моменты военного осуществления целей этого класса) помогать ему, или «не противодействовать войне». А в то же время «народ», «массу», «демократию» надо утешать хорошими словами: справедливость, мир, национальное освобождение, третейское разбирательство международных конфликтов, братство народов, свобода, реформы, демократия, всеобщее избирательное

право и пр. И при этом обязательно бить себя в грудь, божиться и клясться, что «нас» «всего менее можно заподозрить в национализме», что «наши» идеи отличаются «полной неприкосновенностью к какой бы то ни было национальной исключительности», что мы только боремся против «распада государства»!

Вот как «это делается».

Вот как ведут политику либеральные интеллигенты.

Совершенно так же по сути дела, только в иной среде и в чуточку измененной форме, ведут себя либеральные рабочие политики, начиная от «Нашей Зари», которая учит народ и пролетариат «не противодействовать войне», продолжая «Нашим Делом», которое солидаризируется с взглядами гг. Потресова и К^о (№ 2, стр. 19) и Плеханова (№ 2, стр. 103), без единой оговорки перепечатывает однородные мысли Аксельрода (№ 2, стр. 107 — 110), продолжая, далее, Семковским, воюющим против «распада» в «Нашем Слове» и в «Известиях О. К.», кончая фракцией Чхеидзе и О. К. с Бундом, которые горой стоят против «раскола» (с группой «Нашего Дела»). И все они за братство рабочих, за мир, за интернационализм, за что угодно, они подпишут все, что хотите, отрекутся миллионы раз от «национализма», — на одном «маленьком» условии: не нарушать «единства» с единственно реальной (из всей этой компании) русской политической группой, которая в журнале и газете учила и учит рабочих оппортунизму, национализму, непротиводействию войне.

Вот как «это делается».

Печатается

*по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Главный труд немецкого оппортунизма о войне ¹³¹⁾.

Книга Эдуарда Давида: «Социал-демократия о всемирной войне» (Берлин, изд. «Vorwärts», 1915) дает хорошую сводку фактов и доводов, относящихся к тактике официальной германской с.-д. партии в теперешней войне. Нового в книге нет ничего для людей, следивших за оппортунистической и вообще немецкой с.-д. литературой. Но, тем не менее, книга очень полезна. И не только как справочник. Кто хочет серьезно вдуматься во всемирно-исторический крах немецкой социал-демократии, кто хочет действительно понять, как и почему из передовой партии социал-демократии «вдруг» (якобы вдруг) получилась партия лакеев немецкой буржуазии и юнкеров, кто хочет внимательно вникнуть в значение ходячих софизмов, служащих для оправдания и прикрытия этого краха, — тому скучная книга Э. Давида не покажется скучной. В сущности, у Давида есть известная цельность взглядов и убежденность либерального рабочего политика, чего нет, напр., ни капли у лицемерного и держащего «нос по ветру» Каутского.

Давид — оппортунист насквозь, давний сотрудник немецкого «Нашего Дела» — «Социалистического Ежемесячника», автор толстой книги по аграрному вопросу, в которой нет ни грана социализма и марксизма. Что подобный субъект, вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения, мог стать одним из многих, столь же оппортунистических вождей партии, депутатом и даже членом правления («форштанда») немецкой с.-д. парламентской фракции, это уже одно наводит на серьезные мысли о том, как давно, глубоко и сильно шел процесс гниения в германской социал-демократии.

Научного значения книга Давида не имеет никакого, ибо даже поставить вопроса автор не может или не хочет, — именно: вопроса о том, как главные классы современного общества подготовляли, выращивали, создавали в течение десятилетий свое теперешнее отно-

шение к войне такой-то политикой, коренящейся в таких-то классовых интересах. Давиду совершенно чужда даже мысль о том, что без такого исследования нечего и толковать о марксистском отношении к войне, и что только такое исследование может служить базой для изучения идеологии разных классов в отношении к войне. Давид — адвокат либеральной рабочей политики, приспособляющий все свое изложение и все свои аргументы к тому, чтобы повлиять на рабочую аудиторию, чтобы скрыть от нее слабые пункты своей позиции, чтобы сделать либеральную тактику приемлемой для рабочих, чтобы придушить пролетарски-революционные инстинкты возможно бóльшим количеством авторитетных примеров «тактики социалистов в западных государствах» (заглавие VII главы книги Давида) и т. д., и т. п.

Поэтому весь идейный интерес, представляемый книгой Давида, сводится к тому, чтобы проанализировать, как должна буржуазия разговаривать с рабочими, дабы влиять на них. Суть идейной позиции Э. Давида с этой (единственно правильной) точки зрения сводится к его положению: «значение нашего голосования» (за военные кредиты) = «не за войну, а против поражения» (стр. 3, оглавление и много отдельных мест книги). Это — лейтмотив всей книги Давида. К этому «подогнаны» и примеры того, как Маркс, Энгельс, Лассаль относились к национальным войнам Германии (гл. II), и данные о «гигантской завоевательной политике держав тройственного согласия» (гл. IV), и дипломатическая история войны (гл. V), сведенная к обелению Германии на основании смехотворно ничтожного и столь же смехотворно несерьезного официального обмена телеграмм накануне войны, и т. д. В особой главе (гл. VI), «Размеры опасности», приводятся соображения и данные о перевесе сил у тройственного согласия, о реакционности царизма и пр. Давид, разумеется, вполне за мир. Предисловие к своей книге, помеченное 1 мая 1915 г., автор кончает лозунгом: «Мир на земле!». Давид, разумеется, интернационалист: немецкая социал-демократия, видите ли, «не изменила духу Интернационала» (8), она «боролась с ядовитым посевом ненависти между народами» (8), «с первого же дня войны она заявляла о принципиальной готовности к миру, по достижении безопасности своей страны» (8).

Книга Давида показывает особенно наглядно, что либеральные буржуа (и их агенты в рабочем движении, т.-е. оппортунисты) готовы, чтобы влиять на рабочих и на массы вообще, расписаться сколько угодно раз в своем интернационализме, в принятии лозунга

мира, в отречении от завоевательных целей войны, в осуждении шовинизма и пр. и т. п. Все, что угодно, кроме революционных действий против своего правительства; все, что угодно, — лишь бы «быть против поражения». И в самом деле, эта идеология, говоря языком математики, как раз необходима и достаточна для одурачения рабочих: меньшего невозможно им предложить, ибо нельзя повести за собой массы, не обещая им справедливого мира, не пугая их опасностью нашествия, не клянясь в верности интернационализму; большего не надо предлагать, ибо большее — т.-е. захват колоний, аннексия чужих земель, грабеж побежденных стран, достижение выгодных торговых договоров и т. д. — будет приводить не либеральная буржуазия непосредственно, а империалистски-милитаристская, военно-правительственная клика после войны.

Роли распределены правильно: правительство и военная клика, опираясь на миллиардеров, на всю «деловую» буржуазию, ведет войну, а либералы утешают и одурачивают массы национально-оборонительной идеологией войны, посулами демократического мира и т. д. Идеология либеральных, гуманных пацифистских буржуа и есть идеология Э. Давида, как и русских оппортунистов из О. К., борющихся против желательности поражения, против распада России, за лозунг мира и т. п.

Принципиально иная, не либеральная тактика начинается только там, где начинается решительный разрыв со всеми видами оправдания участия в войне, где на деле ведется политика пропаганды и подготовки революционных действий, во время войны и используя затруднения войны, против своего правительства. Давид подходит к этой грани, настоящей грани между буржуазной и пролетарской политикой, но подходит только для того, чтобы замаять неприятную тему. Он вспоминает несколько раз Базельский манифест, но заботливо обходит все революционные места его, он вспоминает, как Вальян в Базеле звал «к военной стачке и к социальной революции» (стр. 119), но только для того, чтобы защитить самого себя примером шовиниста Вальяна, а не для того, чтобы процитировать и разобрать революционные указания самой резолюции Базельского конгресса.

Давид перепечатывает довольно большую часть манифеста нашего Ц. К., в том числе его главный лозунг — превращение империалистской войны в гражданскую, но только для того, чтобы объявить эту, «русскую», тактику «безумием» и «грубым искажением решений Интернационала» (169, 172). Это, видите ли, эрвеизм (стр. 176):

в книге Эрва «содержится вся теория Ленина, Люксембург, Радека Паннекука и т. д.». Нет ли «эрвеизма», любезнейший Давид, в революционных местах Базельской резолюции и «Коммунистического Манифеста»? Воспоминание об этом последнем так же неприятно для Давида, как для Семковского напоминающее о нем название нашего журнала. Что «рабочие не имеют отечества», это — положение Коммунистического Манифеста, по убеждению Давида, «давно опровергнутого» (стр. 176 и др.). По вопросу о национальности Давид в целой, заключительной, главе преподносит самый пошлый буржуазный вздор о «биологическом законе дифференцирования»(1) и т. п.

Интернациональное не значит антинациональное, мы за право наций на самоутверждение, мы против насилия над слабыми нациями, — уверяет Давид, не понимая (или, вернее, прикидываясь, будто он не понимает) того, что именно оправдывать участие в империалистской войне, именно ставить в этой войне лозунг «против поражения», значит быть не только антисоциалистическим, но и антинациональным политиком. Ибо современная империалистская война есть война великодержавных (=угнетающих целый ряд других наций) народов ради угнетения новых наций. Нельзя быть «национальным» в империалистской войне иначе, как будучи социалистическим политиком, т.-е. иначе, как признавая право угнетенных наций на освобождение, на отделение от угнетающих их великих держав. В эпоху империализма не может быть иного спасения для большинства наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки национальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию. Без такого свержения останутся великодержавные нации, то-есть останется угнетение девяти десятых наций всего мира. А такое свержение ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных перегородок, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

К оценке лозунга „мир“¹³²).

Венская «Рабочая Газета», центральный орган австрийских социал-демократов, от 27/VI 1915, приводит одно поучительное заявление правительственной газеты Германии (Norddeutsche Allgemeine Zeitung).

Речь идет о статье одного из виднейших (и подлейших) оппортунистов «с.-д.» партии Германии, Кварка, который, между прочим, сказал: «Мы, немецкие с.-д., и наши австрийские товарищи заявляем непрерывно, что мы вполне готовы вступить в сношения (с английскими и французскими с.-д.) для начала переговоров о мире. Немецкое императорское правительство знает об этом и не ставит нам ни малейших препятствий».

По поводу этих слов одна национал-либеральная газета Германии (Nationalliberale Korrespondenz) писала, что они допускают двойное толкование. Первое: что правительство не ставит препятствий «интернациональным политическим действиям» с.-д., поскольку они не выходят из рамок законности и «не опасны для государства». Это вполне понятно с точки зрения «политической свободы».

Второе: что правительство Германии «по меньшей мере молча одобряет социал-демократическую интернациональную пропаганду мира и что оно даже считает ее подходящим средством для создания первоначальной базы для обсуждения возможностей мира».

Разумеется, национально-либеральная газета считает второе толкование невозможным, и правительственная газета официально присоединяется к ней, заявляя вдобавок, что «правительство не имеет ничего общего с интернациональной пропагандой мира и что оно не концессионирует для этой цели ни социал-демократических, ни иных каких-либо посредников».

Поучительная комедия, не правда ли? Кто поверит, что правительство Германии, запретившее «Vorwärts'у» писать о классовой борьбе, правительство, введшее военные строгости против народных

собраний и настоящее «военное рабство» пролетариев, что это правительство из либерализма «не ставит препятствий» господам Кваркам и Зюдекумам? что оно не находится в постоянных сношениях с этими господами?

Не правдоподобнее ли в тысячу раз, что Кварк нечаянно сказал правду (т.-е. что пропаганда мира начата немецкими с.-д. по прямому или косвенному уговору с их правительством) и что его «официально опровергли» именно для сокрытия правды?

Урок тем любителям фразы, которые, подобно Троцкому (см. № 105 «Нашего Слова»), защищают против нас лозунг мира, ссылаясь, между прочим, на то, что «все левые» объединились будто бы «действительно» именно под этим лозунгом!! Правительство юнкеров доказало теперь правильность нашей бернской резолюции (№ 40 «Социал-Демократа»), сказавшей, что пропаганда мира, «не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс», способна лишь «сеять иллюзии» и «делать пролетариат игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран».

Это подтверждается буквально!

Дипломатическая история докажет через несколько лет, что прямой или косвенный уговор между оппортунистами и правительствами о болтовне в пользу мира был и не только в Германии! Такие вещи дипломатия скрывает, но шила в мешке не утаишь.

Когда левые начинали объединяться под лозунгом мира, это можно было поощрять, если в этом выражался первый шаг протеста против шовинистов, — как темный русский рабочий в гапонаде выражал робкий протест против царя. Но поскольку левые ограничиваются и теперь этим лозунгом (лозунги — дело сознательных политиков), постольку они самые плохонькие левые, постольку в их резолюциях нет ни грана именно «действенности», постольку они — игрушка в руках Зюдекумов, Кварков, Самба, Гайндманов, Жоффра и Гинденбурга.

Кто не понимает этого даже теперь, когда лозунг мира («не сопровождающийся призывом к революционным действиям масс») протитуирован венской конференцией, Бернштейном, Каутским и К^о и Шейдеманами (немецкий «форштанд» — Ц. К.), тот — просто бессознательный участник в социал-шовинистском надувательстве народа.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Июль 1915 г.

Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов ¹³⁸).

Незадолго до Циммервальдской конференции вышла в Цюрихе по-немецки брошюра П. Аксельрода: «Кризис и задачи международной с.-д-тии». В Цюрихской газете «Народное Право» появились затем две хвалебные статьи об этой брошюре, принадлежащие Л. Мартову. Мы не знаем, выступают ли оба автора по-русски с этими произведениями. Лучшей иллюстрации того, какими доводами защищают вожди О. К. оппортунизм и социал-шовинизм, не найти.

Красной нитью через всю брошюру проходит борьба против «опасностей, грозящих единству партий». «Раскол» и «смута» — вот чего боятся Аксельрод, вот о чем он говорит с бесконечными повторениями, до назойливости часто. Не подумайте, что смутой и расколом кажется ему теперешнее положение с.-д-тии, союз ее вождей с той или иной национальной буржуазией. Нет! Смутой называет Аксельрод ясное размежевание и разделение с социал-шовинистами. Каутского Аксельрод зачисляет в разряд товарищей, «коих интернациональное чувство и сознание выше всякого сомнения». При этом на протяжении 46 страниц ни тени попытки свести во-едино взгляды Каутского, точно процитировать их, взвесить, не заключается ли шовинизм в признании идеи защиты отечества в данной войне. Ни слова по существу. Ни звука о наших доводах. Зато «донос по начальству»: Ленин на реферате в Цюрихе называл, де, Каутского шовинистом, филистером, изменником (стр. 21)... Это же не литература, любезные Мартов и Аксельрод, а какая-то «письменность» полицейского участка!

«На Западе»... «нет той разновидности сверхчеловеков, которые используют всякий партийный кризис, всякое трудное положение, чтобы выступить в роли единственного спасателя партии от гибели и чтобы с легким сердцем вести внутреннюю партийную политику смуты и дезорганизации» (22). Что это такое? литература?

Но если на «Западе» нет таких сверхчудовищ, которые «самого» Каутского и Аксельрода считают шовинистами и оппортунистами и при мысли о которых любезный Аксельрод трепещет от злобы и изливает потоки такой изящной и благоуханной... «лирики», то как же мог Аксельрод двумя страницами раньше написать:

«Если принять во внимание растущее возмущение во все более широких партийных кругах, особенно в Германии и Франции, против той политики «держаться до конца», которую ведут наши ответственные партийные учреждения, то представляется отнюдь не невозможным, что практические тенденции ленинской пропаганды в состоянии проникнуть различными каналами и в ряды западной с.-д-тии».

Значит, дело не в истинно-русских сверхчудовищах, обижающих любезного Аксельрода! Значит, и н т е р н а ц и о н а л ь н ы й шовинизм официальных партий — и в Германии и во Франции, как признал сам Аксельрод, это заметьте! — вызывает возмущение и отпор и н т е р н а ц и о н а л ь н ы х революционных с.-д. Перед нами, следовательно, два течения. Оба интернациональны. Аксельрод сердится и бранится потому, что не понимает неизбежности обоих течений, неизбежности решительной борьбы между ними, а затем потому, что ему совестно, неловко и невыгодно открыто признать его собственную позицию, состоящую в стремлении к а з а т ь с я интернационалистом, а б ы т ь шовинистом.

«Проблема интернационализации рабочего движения не тождественна с вопросом о революционизировании наших форм и методов борьбы»... это, видите ли, «идеологическое объяснение» сводить все к оппортунизму и игнорировать «громадную силу» «патриотических идей», «являющихся продуктами тысячелетнего исторического процесса»... «надо стремиться создать в рамках этого, буржуазного, общества реальную действительность (курсив Аксельрода), объективные жизненные условия, по крайней мере для борющихся рабочих масс, каковые условия могли бы ослаблять указанную зависимость», именно: «зависимость масс от исторически сложившихся национальных и территориальных общественных образований». «Например, — поясняет свою глубокую мысль Аксельрод, — законодательство об охране труда и о страховании, а также различные другие важные политические требования, наконец, и культурно-просветительные потребности и стремления рабочих должны стать объектом и н т е р н а ц и о н а л ь н ы х (курсив Аксельрода) действий и организаций» пролетариев отдельных стран. Все дело

в «интернационализации именно «будничной» борьбы за требования сегодняшнего дня»...

Ну, вот и прекрасно! А то какие-то сверхчудовища придумали там борьбу с оппортунизмом! Истинный интернационализм — курсивом — и настоящий «марксизм», не удовлетворяющийся «идеологическими» объяснениями, состоит в заботе об интернационализации страхового законодательства!! Какая гениальная мысль... без всякой «борьбы, расколов, смуты» все интернациональные оппортунисты, все интернациональные либералы, от Ллойда-Джорджа до Фр. Наумана и от Леруа-Болье до Милюкова, Струве и Гучкова, обеими руками подпишут этот научный, глубокий, объективный «интернационализм» Аксельрода, Мартова и Каутского.

Перлы «интернационализма»: Каутский — если я защищаю свое отечество в империалистской войне, т. - е. в войне из-за грабежа и порабощения чужих стран, и признаю за рабочими других воюющих стран право на защиту их отечества, то это и есть истинный интернационализм. Аксельрод — не увлекаясь «идеологическими» нападениями на оппортунизм, надо реально бороться с тысячелетним национализмом посредством (тоже тысячелетнего) интернационализования будничной работы в области страховых законов. Мартов согласен с Аксельродом.

Фразы Аксельрода о тысячелетних корнях национализма и т. п. имеют совершенно такое же политическое значение, как речи русских крепостников перед 1861-м годом о тысячелетних корнях крепостного права. Эти фразы — вода на мельницу реакционеров и буржуазии, ибо Аксельрод умалчивает — скромно умалчивает — о том, что десятилетия капиталистического развития, особенно после 1871-го года, создали именно те объективные интернациональные связи между пролетариями всех стран, которые как раз теперь, как раз в данный момент надо реализовать в интернационально-революционных действиях. Аксельрод против таких действий. Он за напоминание о тысячелетних корнях кнута и против действий, направленных к уничтожению кнута!

Ну, а как же быть с пролетарской революцией? Базельский манифест 1912 года говорил о ней в связи с этой, грядущей, — и через два года вспыхнувшей — войной. Аксельрод считает, должно быть, этот манифест легкомысленной «идеологией» — выраженьице совсем в духе «марксизма» à la Струве и Кунов! — и не говорит о нем ни словечка. От революции же он отделяется следующим образом:

«Тенденция видеть рычаг к преодолению национализма единственно и исключительно в бурных революционных массовых действиях или восстаниях имела бы еще известное оправдание, если бы мы стояли непосредственно накануне социальной революции, подобно тому, например, как дело было в России со времени студенческих демонстраций 1901-го года, бывших предвестниками приближения решающих битв против абсолютизма. Но даже те товарищи, которые строят все свои надежды на быстром наступлении бурного революционного периода, не рискуют утверждать наверное, что решающее столкновение пролетариата с буржуазией предстоит непосредственно. Напротив, они тоже рассчитывают на период, длящийся десятилетия» (стр. 41). И дальше, разумеется, громы против «утопий» и «бакунистов» в русской эмиграции.

Но пример, взятый Аксельродом, разоблачает нашего оппортуниста бесподобно. Мог ли кто-нибудь, не сойдя с ума, «утверждать наверное «в 1901 году, что решающая борьба с абсолютизмом в России» предстоит непосредственно»? Никто не мог, никто не утверждал. Никто не мог тогда знать, что через 4 года предстоит одна из решающих битв (декабрь 1905 г.); а следующая «решающая» битва с абсолютизмом «предстоит», может быть, в 1915 — 1916 г.г., а может быть и позже.

Если никто не утверждал, не только наверное, а и вообще не утверждал в 1901 году, что решающая битва предстоит «непосредственно», если мы утверждали тогда, что «истерические» крики Кричевского, Мартынова и К^о о «непосредственной» битве несерьезны, то мы, революционные с.-д., утверждали тогда наверное иную вещь: мы утверждали тогда, что только безнадежные оппортунисты могли в 1901 году не понимать задачи непосредственной поддержки революционных демонстраций 1901-го года, поощрения, развития их, пропаганды самых решительных революционных лозунгов для них. И история оправдала нас, только нас, осудив оппортунистов и выкинув их надолго вон из рабочего движения, хотя «непосредственно» решающей битвы не предстояло, хотя первая решающая битва произошла только через 4 года и все же оказалась не последней, значит, нерешающей.

Совершенно то же самое, буквально то же самое переживает Европа теперь. Ни тени сомнения не может быть, что в Европе 1915-го года есть налицо революционная ситуация, как была в России 1901-го года. Мы не можем знать, произойдет ли первая «решающая» битва пролетариата с буржуазией через 4 года или через 2

или через 10 и более лет, — последует ли «вторая» «решающая» битва еще через десятилетие. Но мы твердо знаем и «наверное» утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые уже начались. В Германии толпа освистывала Шейдемана, во многих странах толпа демонстрировала против дороговизны. От этой прямой и безусловной обязанности с.-д. Аксельрод увертывается и отговаривает рабочих. Если брать политический смысл и итог рассуждения Аксельрода, то вывод может быть только один: Аксельрод вместе с вождями социал-патриотизма и социал-шовинизма против немедленной пропаганды и подготовки революционных действий. В этом суть. Все остальное слова.

Мы стоим, несомненно, накануне социалистической революции. Это признавали и «осторожнейшие» теоретики вроде Каутского еще в 1909 году («Путь к власти»), это признал и единогласно принятый Базельский манифест 1912 года. Как в 1901 г. мы не знали, продолжится ли с этого времени «канун» первой русской революции 4 года, так мы не знаем этого и теперь. Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками контр-революционных судорог буржуазного строя. Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, использовать ли революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием революционных движений. Да или нет. По этому вопросу делятся сейчас, политически, социал-шовинисты и революционные интернационалисты. И в этом вопросе Каутский, Аксельрод и Мартов на стороне социал-шовинистов, несмотря на революционные фразы всех их, как и пяти заграничных секретарей О. К.

Свою защиту социал-шовинизма Аксельрод прикрывает необыкновенно щедрой фразеологией. Его брошюра годится в образец — для иллюстрации того, как прикрывают свои воззрения, как пользуются языком и печатным словом для сокрытия своих мыслей. Аксельрод бесчисленное количество раз склоняет слово интернационализм, он порицает и социал-патриотов и их друзей за нежелание подвинуться влево, он намекает, что он «левее» Каутского, он говорит и о необходимости III-го Интернационала, который должен быть так силен, чтобы на попытки буржуазии зажечь мировой пожар войны ответить «не угрозами, а воспламенением революционного штурма» (14) и т. д. и т. п. без конца. На словах Аксельрод готов признать все, что угодно, вплоть до революционного штурма, а на деле он хочет

единства с Каутским и, следовательно, с Шейдеманом в Германии, с шовинистским и контр-революционным «Нашим Делом» и фракцией Чхеидзе в России, на деле он против того, чтобы сейчас поддерживать и развивать начинающееся революционное движение. На словах все, на деле ничто. Клятва и божба, что мы «интернационалисты» и революционеры, а на деле поддержка социал-шовинистов и оппортунистов всего мира в их борьбе против революционных интернационалистов.

*Печатается
по рукописи, хранящейся
в архиве Института Ленина.*

Оппортунизм и крах II Интернационала ¹³⁴).

Поучительно сопоставить отношение разных классов и партий к краху Интернационала, обнаруженному войной 1914—1915 г.г. Буржуазия, с одной стороны, расхваливает, превозносит до небес тех социалистов, которые высказываются за «защиту отечества», т.-е. за войну и за помощь буржуазии. С другой стороны, более откровенные или менее дипломатичные представители буржуазии злорадствуют по поводу краха Интернационала, краха «иллюзий» социализма. Среди социалистов, «защищающих отечество», те же два оттенка: «крайние», вроде немцев В. Кольба и В. Гейне, признают крах Интернационала, обвиняя в этом крахе «революционные иллюзии» и стремясь к воссозданию еще более оппортунистического Интернационала. Но на практике они сходятся с «умеренными» и осторожными социалистическими «защитниками отечества» типа Каутский, Ренодель, Вандервельде, которые упорно отрицают крах Интернационала, считают его лишь временно приостановленным, защищают жизнеспособность и право на существование именно II-го Интернационала. Революционные с.-д. разных стран признают крах II-го Интернационала и необходимость строить третий.

Чтобы решить, кто прав, возьмем исторический документ, который относится как раз к настоящей войне и подписан единогласно, притом официально всеми социалистическими партиями мира. Документ этот — Базельский манифест 1912 года. Замечательно, что в теории ни один социалист не решится отрицать необходимости конкретно-исторической оценки каждой войны в отдельности. Но теперь никто, кроме малочисленных «левых» с.-д., не решается ни прямо, открыто, определенно отречься от Базельского манифеста, объявить его ошибочным, ни проанализировать его добросовестно, сравнивая его положения с поведением социалистов после войны.

Почему это? Потому, что Базельский манифест беспощадно разоблачает всю фальшь рассуждений и поведения большинства офи-

циальных социалистов. Ни единого словечка этот манифест не говорит ни о «защите отечества», ни о различии наступательной и оборонительной войны!! Ни звука о том, о чем больше всего говорят, кричат и вопиют официальные вожди с.-д. как Германии, так и четверного согласия. Базельский манифест совершенно точно, ясно, определенно оценивает именно те конкретные конфликты интересов, которые вели к войне в 1912 г. и привели к ней в 1914 году. Манифест говорит, что это — конфликты на почве «капиталистического империализма», конфликты Австрии и России из-за «преобладания на Балканах», Англии, Франции и Германии из-за их (их всех!) «завоевательной политики в Малой Азии», Австрии и Италии из-за стремлений «втянуть Албанию в сферу их влияния», подчинить ее своему «господству», Англии и Германии из-за их общего «антагонизма», далее из-за «покушений царизма на Армению, Константинополь и т. п.». Всякий видит, что это относится целиком именно к теперешней войне. Чисто завоевательный, империалистский, реакционный, рабовладельческий характер этой войны признан яснее ясного в манифесте, который сделал и неизбежный вывод: война не может быть «оправдана ни самым малейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса», война готовится «ради прибылей капиталистов и честолюбия династий»; будет со стороны рабочих «преступлением стрелять друг в друга».

В этих положениях содержится все существенное, что необходимо для понимания коренной разницы двух великих исторических эпох. Одна эпоха 1789—1871 г.г., когда войны в Европе большей частью были связаны, несомненно, с важнейшим «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы, буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета. На этой почве и только на ней выросло понятие «защиты отечества», защиты освобождающейся буржуазной нации против средневековья. Только в этом смысле признавали социалисты «защиту отечества». И теперь в этом смысле нельзя не признать ее, например, защиту Персии или Китая от России или от Англии, Турции от Германии или России, Албании от Австрии и Италии и т. п.

Война 1914—1915 г.г., как это ясно сказано в Базельском манифесте, принадлежит совершенно иной исторической эпохе, носит совершенно иной характер. Война между хищниками из-за раздела добычи, из-за порабощения чужих стран. Победа России, Англии, Франции несет удушение Армении, Малой Азии и т. д. — это с ка-

зано в Базельском манифесте. Победа Германии — удушение Малой Азии, Сербии, Албании и пр. Это сказано там же, это признали все социалисты! Лживы, бессмысленны и лицемерны всякие фразы об оборонительной войне или защите отечества со стороны великих держав (читай: великих хищников), воюющих из-за господства над миром, из-за рынков и «сфер влияния», из-за порабощения народов! Неудивительно, что «социалисты», признающие защиту отечества, боятся вспомнить и точно процитировать Базельский манифест, ибо он изобличает их лицемерие. Базельский манифест доказывает, что социалисты, способные признавать «защиту отечества» в войне 1914—1915 г.г. — социалисты на словах лишь, а на деле шовинисты. Они — социалисты-шовинисты.

Из признания войны, связанной с интересами национального освобождения, вытекает одна тактика социалистов. Из признания войны империалистической, завоевательной, хищнической — другая. И Базельский манифест ясно очертил эту другую тактику. Война вызовет «экономический и политический кризис», — говорит он. Этот кризис надо «использовать» для «ускорения падения господства капитала»: в этих словах признано, что социальная революция назрела, что она возможна, что она грядет в связи с войной. «Господствующие классы» боятся «пролетарской революции», гласит манифест, ссылаясь прямо на пример Коммуны и 1905-го года, т.-е. на примеры революций, стачек, гражданской войны. Лгут те, кто говорит, что социалисты «не обсуждали», «не решили» вопроса об отношении к войне. Базельский манифест решил эту тактику: тактику пролетарски-революционных действий и гражданской войны.

Ошибкой было бы думать, что Базельский манифест — пустая декламация, казенная фраза, несерьезная угроза. Так готовы заявить те, кого этот манифест изобличает! Но это неправда! Базельский манифест есть сводка гигантского, пропагандистского и агитационного материала за всю эпоху II Интернационала, 1889—1914 г.г. Этот манифест резюмирует десятки миллионов, без преувеличения миллионы и миллионы прокламаций, газетных статей, книг, речей социалистов всех стран. Объявить ошибкой этот манифест значит объявить ошибкой весь II Интернационал, всю работу десятилетий и десятилетий с.-д. партий. Отмахнуться от Базельского манифеста значит отмахнуться от всей истории социализма. Базельский манифест не говорит ничего особенного, ничего экстраординарного. Он дает то и только то, чем социалисты вели

за собой массы: признание «мирной» работы подготовкой к пролетарской революции. Базельский манифест повторил то, что говорил на конгрессе Гэд в 1899 г., высмеивая министерализм социалистов на случай войны из-за рынков, «brigandages capitalistes» *) («En Garde», р. 175—6), или Каутский в 1909 г. в «Пути к власти», указывая на конец «мирной эпохи», на наступление эпохи войн и революций, борьбы пролетариата за власть.

Базельский манифест доказывает неопровержимо полную и измену социализму со стороны социалистов, голосовавших за кредиты, вступавших в министерство, признававших защиту отечества в 1914—1915 г.г. Факт измены неоспорим. Отрицать его могут лишь лицемеры. Вопрос лишь в том, как объяснить ее.

Было бы нелепо, ненаучно, смешно сводить дело к личностям, ссылаться на Каутского, Гэда, Плеханова («даже» такие люди!). Это — жалкая уловка. Серьезное объяснение требует разбора экономического значения данной политики, затем анализа ее основных идей, наконец, изучения истории направлений в социализме.

В чем экономическая сущность «защиты отечества» в войне 1914—1915 г.г.? Ответ дан уже в Базельском манифесте. Войну ведут все великие державы из-за грабежа, раздела мира, из-за рынков, из-за порабощения народов. Буржуазии это несет увеличение прибылей. Маленькому слою рабочей бюрократии и аристократии, затем мелкой буржуазии (интеллигенция и т. п.), «прикнувшей» к рабочему движению, это обещает крохи этих прибылей. Экономическая основа «социал-шовинизма» (этот термин точнее, чем социал-патриотизм, последний прикрашивает зло) и оппортунизма одна и та же: союз ничтожного слоя «верхов» рабочего движения со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата. Союз слуг буржуазии с буржуазией против класса, эксплуатируемого буржуазией. Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм.

Политическое содержание социал-шовинизма и оппортунизма одно и то же: сотрудничество классов, отречение от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, преклонение перед буржуазной легальностью, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии. Те же политические идеи. То же политическое содержание тактики. Социал-шовинизм — прямое продолжение и завершение

---

*) Капиталистический разбой. *Ред.*

миллеранизма, бернштейнианства, английской либеральной рабочей политики, их сумма, их итог, их результат.

Два основных направления в социализме, оппортунистическое и революционное, мы видим за всю эпоху 1889—1914 г.г. Два направления по вопросу об отношении к социализму есть и теперь. Отбросьте манеру буржуазных и оппортунистических лгунов, ссылающихся на лиц; возьмите направления в целом ряде стран. Берем 10 европейских стран: Германию, Англию, Россию, Италию, Голландию, Швецию, Болгарию, Швейцарию, Бельгию, Францию. В 8 первых странах деление на оппортунистическое и революционное направления соответствует делению на социал-шовинистов и революционных интернационалистов. Основные ядра социал-шовинизма в социальном, политическом смысле — «Sozialistische Monatshefte» и К^о в Германии, фабианцы и Рабочая Партия в Англии (Независимая Рабочая Партия шла в блоке с ними, и в этом блоке гораздо больше влияния социал-шовинизма, чем в Британской Социалистической Партии, в коей около $\frac{3}{7}$ интернационалистов: 66 и 84), «Наша Заря» и Организационный Комитет (и «Наше Дело») в России, партия Биссолати в Италии, партия Трульстры в Голландии, Брантинг и К^о в Швеции, «широкие» в Болгарии, Грейлих и «его» люди в Швейцарии. Именно среди революционных с.-д. во всех этих странах уже раздался более или менее резкий протест против социал-шовинизма. Исключение: 2 страны из 10, но и в этих странах интернационалисты слабы, а не отсутствуют, факты скорее неизвестны (Вальян признавал, что получает письма интернационалистов, но не печатал их), чем не существуют.

Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм. Союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым. Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами. Лгут те, кто говорят (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы не были опрошены нигде (за исключением, может быть, Италии — 9 месяцев споров до объявления войны! — и в Италии массы были против партии Биссолати). Массы были оглушены, забиты, разъединены, задавлены военным положением. Свободно голосовали только вожди — голосовали за буржуазию против пролетариата! Смешно и дико считать оппортунизм явлением внутри-партийным! Все марксисты, и в Германии и во Франции и т. д., всегда говорили и доказывали, что оппортунизм есть проявление влияния буржуазии на пролетариат, есть буржуазная рабочая политика, есть союз ничтожной части

около-пролетарских элементов с буржуазией. И оппортунизм, созревая десятки лет в условиях «мирного» капитализма, созрел к 1914—1915 г.г. до того, что стал открытым союзником с буржуазией. Единство с оппортунизмом есть единство пролетариата со своей национальной буржуазией, т.-е. подчинение ей, есть раскол интернационального революционного рабочего класса. Это не значит, чтобы был желателен или хотя бы лишь возможен немедленный раскол с оппортунистами во всех странах: это значит, что он исторически назрел, стал неизбежен и прогрессивен, необходим для революционной борьбы пролетариата, что история, повернув от «мирного» капитализма к империализму, повернула к такому расколу. *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt*^{*)}).

Буржуазия всех стран, и воюющих в первую голову, вполне объединилась с начала войны на расхваливании социалистов, признающих «защиту отечества», т.-е. защиту грабительских интересов буржуазии в империалистской войне против пролетариата. Посмотрите же, как этот основной и самый существенный интерес международной буржуазии пролагает себе дорогу, находит себе выражение в н у т р и социалистических партий, в н у т р и рабочего движения. Пример Германии здесь особенно поучителен, ибо в этой стране эпоха II Интернационала создала самую сильную партию, но в других странах мы видим вполне и целиком то же самое, что в Германии, лишь с ничтожными различиями формы, обличья, внешности.

В апреле 1915 г. консервативный германский журнал «*Preussische Jahrbücher*» поместил статью социал-демократа, члена с.-д. партии, который скрылся под псевдонимом *Monitor*'а. И этот оппортунист выболтал правду, открыто сказал то, в чем состоит суть политики в с е й всемирной буржуазии по отношению к рабочему движению XX века. Ни отмахнуться от этого движения, ни подавить его грубой силой уже нельзя. Его надо развратить изнутри, к у п и в верхний слой его. Именно так поступала уже десятилетия англо-французская буржуазия, покупая трэд-юнионистских вождей, Мильеранов, Брианов и К^о. Именно так поступает теперь и немецкая с.-д. партия, — говорит *Monitor* перед лицом буржуазии (и по сути дела, от и м е н и буржуазии), — ведет себя «безукоризненно» во время войны (т.-е. безукоризненно с л у ж и т буржуазии против пролетариата). «Процесс перерождения» с.-д. партии в национал-либеральную рабочую партию идет вперед великолепно. Но

^{*)} Дословно: Судьба ведет покорного и тащит сопротивляющегося. (Латинская поговорка.) *Ред.*

опасно было бы для буржуазии, если бы эта партия поправила: «характер рабочей партии с социалистическими идеалами она должна сохранить. Ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу, от которой старая прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку» (Preussische Jahrbücher 1915 г., № 4, 50—1).

В этих словах открыто выражено то, что всегда и повсюду прикрито делала буржуазия. Массам нужны «радикальные» слова, чтобы массы верили в них. Оппортунисты готовы повторять их лицемерно. Им полезны, нужны такие партии, каковы были с.-д. партии II Интернационала, ибо они породили защиту буржуазии социалистами в кризис 1914—1915 г.г.! Совершенно ту же политику, как немец Monitor, ведут фабианцы и либеральные вожди трэд-юнионов в Англии, оппортунисты и жоресисты во Франции. Monitor — оппортунист откровенный или циничный. Посмотрите на другой оттенок, на оппортуниста прикрываемого или «честного». (Энгельс справедливо сказал однажды, что «честные» оппортунисты самые опасные для рабочего движения). Образчик таковых — Каутский.

В № 9 «Neue Zeit», 26/XI-1915 г., он пишет, что большинство официальной партии нарушает ее программу (сам Каутский защищал политику этого большинства целый год после войны и оправдывал ложь «защиты отечества»!). «Оппозиция против большинства растет» (272) («Die Opposition gegen die Mehrheit im Wachsen ist»). Массы «оппозиционны» («oppositionell»). «Nach dem Kriege»... (nur nach dem Kriege?) ... «werden die Klassengegensätze sich so verschärfen, dass der Radikalismus in den Massen die Oberhand gewinnt»... (272). Es «droht uns nach dem Kriege» (nur nach dem Kriege?) «die Flucht der radikalen Elemente aus der Partei und ihr Zuström zu einer Richtung antiparlamentarischen» (?? soll heissen: ausserparlamentarischen) «Massenaktionen»... «So zerfällt unsere Partei in zwei Extreme, die nichts Gemeinsames haben» *).

Каутский хочет представлять «золотую середину», примирять эти «две крайности», «не имеющие между собой ничего общего»!! Он признает теперь (16 месяцев после начала войны), что

---

*) «После войны»... (только после войны?) классовые противоречия настолько обострятся, что в массах перевес окажется на стороне радикализма»... (272) «Нам угрожает после войны (только после войны?) бегство из партии радикальных элементов и присоединение их к анти-парламентскому (не означает ли это: внепарламентскому??) движению масс»... «Так распадается наша партия на две крайности, не имеющие между собой ничего общего»... Ред.

массы революционны. И осуждая тут же революционные действия, называя их «Abenteuer» «in den Strassen» (S. 272)*), Каутский хочет «примирить» революционные массы с «не имеющими с ними ничего общего» оппортунистами - вожаками. — примирять на чем? На словах! На «левых» словах «левого» меньшинства в рейхстаге!! Пускай меньшинство осуждает, как Каутский, революционные действия, называет их авантюрой, но кормит массы левыми словами — и тогда в партии будет единство и мир... с Зюдекумами, Легинами, Давидами, Monitor'ами!!

Да ведь это целиком та же программа Monitor'a, программа буржуазии, лишь выраженная «добрым голосом», «сладенькими фразами»!! И эту программу проводил также Wurm, когда в заседании с.-д. фракции рейхстага 8/III-1915 г. «er warnte die Fraktion den Bogen zu überspannen; in den Arbeitermassen wachse die Opposition gegen die Fraktionstaktik; es gelte, beim marxistischen Zentrum zu verharren» (S. 67). «Klassenkampf gegen den Krieg» Material zum «Fall Liebknecht». Als Manuskript gedruckt **).

Заметьте, что здесь от имени всего «марксистского центра» (Каутский в том числе) признается, что массы революционны! И это 8/III-1915 г.!!! Через 8½ месяцев, 26/XI-1915 г. Каутский опять предлагает успокоить революционные массы левыми речами!!

Оппортунизм Каутского отличается от оппортунизма Monitor'a только словами, только оттенками, только способами достижения одной цели: сохранения влияния оппортунистов (т.-е. буржуазии) на массы, сохранить подчинение оппортунистам (т.-е. буржуазии) пролетариата!! Очень метко называли Паннекук и Гортер позицию Каутского «пассивным радикализмом» (verbiage, как говорят французы, прекрасно изучившие эту разновидность революционности на своих «родных» образцах!!). Но я бы предпочел назвать это прикровенным, робким, лицемерным, слащавым оппортунизмом.

По сути дела два направления в с.-д-тии отличаются теперь вовсе не словами и не фразами. По части соединения «защиты отечества» (т.-е. защиты грабежей буржуазии) с фразами о социализме, интернационализме, свободе народов и т. п. Вандервельд, Ренодель, Самба, Гайндман, Хендерсон, Ллойд-Джордж не уступят Легину, Зюдекуму

*) «Авантюрами» «на улицах» (стр. 272). *Ред.*

***) он «предупреждал партию от чрезмерного натягивания вожжей; в рабочих массах растет оппозиция против фракционной тактики; следует придерживаться марксистского центра» (стр. 67). «Классовая борьба против войны». — Материал к «Делу Либкнехта», напечатанный на правах рукописи. *Ред.*

и Каутскому с Гаазе! Действительное различие начинается именно с полного отрицания защиты отечества в данной войне, с признания революционных действий в связи с ней, во время нее и после нее. И в этом, единственном серьезном вопросе, единственно деловом, Каутский и Кольб с Гейне едино суть.

Сравните фабианцев в Англии и каутскианцев в Германии. Первые почти либералы, никогда не признававшие марксизма. Энгельс писал о фабианцах 18 января 1893 г.: ...«шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполнинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип — страх перед революцией»... И 11 ноября 1893 г.: «высокомерные буржуа, милостиво снисходящие к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая, необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сантиментальных баб»... Как далеки от них каутскианцы по своей «теории»! А на практике, в их отношении к войне, те и другие вполне совпадают! Наглядное доказательство того, как выветрился весь марксизм у каутскианцев, как превратился он в мертвую букву, в лицемерную фразу.

Какими явными софизмами опровергали каутскианцы после войны тактику революционных пролетарских действий, единогласно принятую социалистами в Базеле, можно видеть из следующих примеров. Каутский выдвинул теорию «ультра-империализма». Он разумел под этим замену «борьбы национальных финансовых капиталов между собой общей эксплуатацией мира интернационально-объединенным финансовым капиталом». («Neue Zeit» № 5, 30/IV-1915 г., S. 144.) При этом сам Каутский добавлял: «Осуществима ли подобная новая фаза капитализма, для решения этого нет еще достаточных предпосылок!!». На основании того, что «мыслима» новая фаза, которую сам же ее сочинитель не решается даже объявить «осуществимой», отрицаются революционные задачи пролетариата теперь, во время заведомо наступившей фазы кризиса и войны! И отрицает революционные действия тот самый авторитет II Интернационала, который в 1909 г. писал целую книгу «Путь к власти», переведенную почти на все главные европейские языки и доказывавшую связь грядущей войны с революцией, доказывавшую, что «революция не может быть преждевременной»!!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ „Mir nichts, dir nichts“ — буквально: мне ничего, и тебе ничего, в переносном смысле — попустому, впустую.

²⁾ Конфекционная индустрия — крупное производство готовой одежды.

³⁾ Gesindeordnungen — законоположения, устанавливающие взаимные отношения землевладельцев и крепостных крестьян.

⁴⁾ Колоны — особый вид зависимых, крепостных крестьян в древнем Риме.

⁵⁾ Vollbauer — крестьянин, обладающий полным (не разделенным) участком земли.

⁶⁾ Первые 2 номера «Рабочей Газеты» вышли в 1897 году в Киеве и Екатеринославе. 1-й съезд Партии (1898 г.) объявил «Рабочую Газету» центральным органом. Попытка издания № 3 не осуществилась; поэтому статьи Ленина остались ненапечатанными.

⁷⁾ Впервые опубликовано в «Ленинском Сборнике» № 3, 1925 г.

⁸⁾ «Пролетарская Борьба» — сборник, изданный «Уральской социал-демократической группой», напечатан зимой 1898—1899 г.г. Вышел один номер. О сборнике см. «Что делать?» Ленина (Собр. соч. т. V, стр. 204).

⁹⁾ Впервые опубликовано в «Ленинском Сборнике» № 3, 1925 г.

¹⁰⁾ Впервые опубликовано в «Ленинском Сборнике» № 3, 1925 г.

¹¹⁾ Впервые опубликовано в «Ленинском Сборнике» № 3, 1925 г.

¹²⁾ Принятое на Готском съезде германской социал-демократии в 1875 году положение, что «по отношению к рабочему классу все другие классы составляют лишь одну реакционную массу», было исключено из программы на Эрфуртском съезде в 1891 году.

¹³⁾ Впервые опубликовано в «Пролетарской Революции» № 8—9, 1924 г.

¹⁴⁾ Речь идет о брошюре Ю. О. Мартова «Красное Знамя в России» (Очерк истории русского рабочего движения). Женева, 1900 г.

¹⁵⁾ См. Предисловие П. Б. Акс льрода к брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г. и вышедшей в Женеве в 1898 году (Собр. сочин. т. I).

¹⁶⁾ Впервые опубликовано в «Пролетарской Революции» № 8—9, 1924 г.

¹⁷⁾ Впервые опубликовано в «Пролетарской Революции» № 8—9, 1924 г.

¹⁸⁾ См. Введение Ф. Энгельса к книге К. Маркса «Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.г.».

¹⁹⁾ «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков» были изданы 29 июля 1899 года (см. № 8414 «Нового Времени» от 1 августа 1899 г.).

²⁰⁾ Впервые опубликовано в книге П. Н. Лепешинского «На повороте», 1924 г., стр. 127—128.

²¹⁾ О «третьем периоде» в истории русской социал-демократии, см. заключение к брошюре Ленина «Что делать?». (Собр. соч., том V, стр. 268).

²²⁾ Социал-демократическая группа «Борьбы», возникшая в конце 1901 г., состояла из Д. Рязанова, Ю. Стеклова (Ю. Невзорова) и В. Даневича (Е. Смирнова, Э. Гуревича). Группа выпустила несколько брошюр и «Летучий Листок» № 1 (июнь 1902 г.). После 2 съезда партии группа прекратила свое существование.

²³⁾ Впервые опубликовано в «Прожекторе» № 14, 31 августа 1923 г.

²⁴⁾ Впервые опубликовано в «Молодой Гвардии» № 2—3, 1924 г.

²⁵⁾ «Свобода» — «социал-демократическая и социально-революционная» группа, во главе которой стоял Л. Надеждин-Зеленский, бывший, в сущности, единственным членом группы и автором всех ее изданий. Издания группы: журнал «Свобода» (1901—1903 г.г.), журнал для рабочих «Отклики», брошюра «Канун революции». О группе «Свобода» см. Ленина «Что делать?» (Собр. соч., т. V, стр. 180—182).

²⁶⁾ «Речи нижегородских рабочих на суде» вышли первоначально в 1902 г. литографированным листком в издании Нижегородского Комитета Р.С.-Д.Р.П., перепечатаны в № 29 «Искра» от 1 дек. 1902 г. (Женева. 1903).

²⁷⁾ Речь идет, повидимому, о брошюре: Амвросий «Правда о Ростовских событиях», с приложением статьи Г. Плеханова: «Значение Ростовских событий». Изд. «Зари». 1903 г.

²⁸⁾ Ленин имеет в виду брошюру «Самодержавие и стачки». Записка министерства финансов о разрешении стачек (с приложением статьи Л. Мартова «Новая победа русских рабочих»). Женева. 1902.

²⁹⁾ Брошюра С. Дикштейна «Кто чем живет», вышла в Женеве в 1885 г.; 2-ое изд. вышло в 1898 и 3-ье — в 1901 г.

³⁰⁾ Кто в шифрованной переписке подписывался условным обозначением «7ц 6 ф» — не выяснено.

³¹⁾ «Вперед» — социал-демократическая газета, издававшаяся «Киевским союзом борьбы за освобождение рабочего класса». № 1, помеченный 8 декабря 1896 г., фактически вышел 6 января 1897 года. Всего вышло 9 номеров, из них последний в 1900 году.

³²⁾ «Красное Знамя» — издание «Союза русских социал-демократов». С ноября 1902 по январь 1903 г. вышло 3 номера. «Красное Знамя» явилось продолжением «Рабочего Дела».

³³⁾ «Народное Дело» — популярная эс-эровская газета-журнал. № 1 вышел в августе 1902 г. Всего вышло 5 номеров.

³⁴⁾ «Отклики» — популярная газета-журнал, издававшаяся группой «Свобода». № 1 вышел в декабре 1902 г. Всего вышло 2 номера.

³⁵⁾ «Лучина» — сборник для крестьян, изд. группы «Свобода».

³⁶⁾ О записке Витте «Самодержавие и Земство». Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте с предисловием и примечаниями РНС (П. Струве). Штутгарт. 1903. См. статью Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (Собр. соч., т. V).

³⁷⁾ Впервые опубликовано в «Пролетарской Революции» № 1 (24), 1924 г. Печатается здесь в копии, хранящейся в архиве Истпарта. В тексте копии имеется ряд неясностей.

³⁸⁾ In pleno — в полном составе.

³⁹⁾ «Жизнь» — журнал, издававшийся под ред. В. А. Поссе, сначала легально в России (с 1899 по 1901 г.г.), а затем в Лондоне (с апреля по декабрь 1902 г.). За границей вышло всего 6 номеров журнала, 12 номеров «Листков Жизни» и ряд брошюр того же издательства.

⁴⁰⁾ Одно слово в копии, с которой печатается настоящий текст, не разобрано.

⁴¹⁾ «Рабочая партия политического освобождения России» — близкая по своему направлению к эс-эрам организация, возникшая в Минске в 1897 г. На образование ее имели влияние Г. А. Гершуни и Е. Брешко-Брешковская. В 1900 г. «Раб. партия полит. осв. России» официально присоединилась к партии социалистов-революционеров, приняв программу последней, но окончательное слияние произошло лишь в июле 1902 г.

⁴²⁾ «Махаевщина», возникшая в 1902 г., названа так по имени Махайского (А. Вольского), изложившего свои взгляды в книге «Умственный рабочий». Махайский пытался доказать, что интеллигенция («умственные рабочие») представляет собой самостоятельный класс и притом класс эксплуататорский, и призывал рабочих к борьбе с интеллигенцией, в том числе и с теми элементами ее, которые примкнули к рабочему движению и стали на точку зрения социализма.

⁴³⁾ Заголовок напечатанному здесь письму Ленина дан редакцией настоящего тома. Ленин вышел из редакции 1 ноября (н. ст. 1903 г.). Об обстоятельствах ухода Ленина из «Искры» см. его письмо «Почему я вышел из редакции «Искры»? (Собр. соч., т. IV).

⁴⁴⁾ Речь идет о брошюре Л. Мартова «Борьба с «осадным положением» в Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии». Женева. 1904.

⁴⁵⁾ В—у, т.-е. Васильеву (псевдоним Ф. В. Ленгника, который был в это время членом ЦК).

⁴⁶⁾ Вот — поданный голос, решение путем голосования.

⁴⁷⁾ Впервые опубликовано в «Пролетарской Революции» № 2 (25). 1924 г. Настоящее письмо является ответом на письмо Глебова от 9 сент. 1904 г. (См. сборник «Как рождалась партия большевиков», изд. Истпарта, 1925 г., стр. 344—345). Глебов был в это время членом ЦК.

⁴⁸⁾ Текст июльской декларации см. примечание 119 в Собр. соч., т. V.

⁴⁹⁾ Осипов—псевдоним Р. С. Землячки, представителя Одесского Комитета.

⁵⁰⁾ Травинский — псевдоним Г. М. Кржижановского.

⁵¹⁾ Брукэр — псевдоним Лидии Махновец, представителя Петербургской рабочей организации.

⁵²⁾ Статья Плеханова «Чего не делать» была напечатана в № 52 «Искры» от 7 ноября 1903 г.

⁵³⁾ См. Собрание сочинений, т. V, стр. 211—213.

⁵⁴⁾ «Форвертс» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии.

⁵⁵⁾ Речь идет о брошюре Акимова «К вопросу о работах второго съезда Росс. соц.-дем. рабочей партии». Женева. 1904 г.

⁵⁶⁾ В постановлении от 8 марта 1905 г. (см. «Искра» № 89) Совет Р.С.-Д.Р.П. высказался против созываемого Бюро Комитетов большинства съезда (третьего) и объявил этот съезд не партийным. Текст разбираемого Лениным в настоящей статье постановления Совета от 10 марта напечатан в № 91 «Искры».

⁵⁷⁾ Ленин имеет в виду заметку «Кого они хотят обмануть?» («Вперед» № 10, отдел «Из партии»).

⁵⁸⁾ См. брошюру: Н. Ленин. Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией. Женева. 1905 г. (Собр. соч., т. V).

⁵⁹⁾ Махов — псевдоним Калафати, представителя Николаевского Комитета на II съезде.

⁶⁰⁾ Егоров — псевдоним Е. Левина, представителя группы «Южный Рабочий» на II съезде.

⁶¹⁾ В письме от 29 мая 1905 г. Г. В. Плеханов заявил о сложении с себя звания редактора Ц. О. и члена Совета и о своем согласии остаться представителем Р.С.-Д.Р.П. в Международном Социалистическом Бюро только в том случае, если этого пожелают обе фракции.

⁶²⁾ Псевдонимы: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон принадлежат, по всей вероятности, следующим членам Ц.К.: Б. Н. Носкову (Глебову), М. В. Сильвину, Карпову, Дубровинскому, А. А. Квятковскому, А. Е. Гальперину. Не выяснено, кому именно какой псевдоним принадлежал, кроме Иннокентия-Дубровинского.

⁶³⁾ 6 (19) августа 1905 г. опубликован закон об учреждении Государственной Думы и положение о выборах.

⁶⁴⁾ Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма» № 2, 1924 г.

⁶⁵⁾ Дрезденский съезд германской социал-демократической партии происходил 13 — 20 сентября 1903 г.

⁶⁶⁾ Амстердамский международный социалистический конгресс состоялся 14 — 20 августа 1904 г. Текст Амстердамской (Дрезденской) резолюции см. Собр. соч. том VIII, примечание 66.

⁶⁷⁾ Кельнский съезд профессиональных союзов происходил в конце мая 1905 г. Работам съезда посвящена статья В. Воровского в «Пролетарии» № 5.

⁶⁸⁾ Г. И. — Г. Б. Иоллос, кадет, депутат I Госуд. Думы, убит черносотенцами в Москве в 1907 г.

⁶⁹⁾ См. выше, примеч. 65 и 66.

⁷⁰⁾ Настоящая статья была написана для польского журнала «Социал-демократическое Обозрение» (Пшеглонд социал-демократычны). В русском переводе она впервые опубликована в сборнике «Воинствующий материализм», № 1, 1924 г. С русского на польский статья была переведена неудовлетворительно, обратный перевод с польского на русский точно также был выполнен неудовлетворительно. Поэтому в тексте имеется ряд неточностей и неясностей.

⁷¹⁾ Ленин имеет в виду свою книгу «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов», напечатанную отдельным изданием только в 1917 г. (См. Собр. соч., т. IX).

⁷²⁾ Джон — псевдоним П. Маслова на объединительном съезде в Стокгольме (1906 г.).

⁷³⁾ Костров — псевдоним Ноя Жордания на 2 съезде.

⁷⁴⁾ Бруссисты или POSSИБИЛИСТЫ — последователи французского социалиста Поля Брусса (1845 — 1912), одна из реформистских фракций во французском рабочем движении.

⁷⁵⁾ По причинам, указанным в примечании 70, в статье имеется ряд неясностей и неточностей. В русском переводе статья впервые появилась в сборнике «Воинствующий материализм», № 1, 1924 г.

⁷⁶⁾ «Гетто» — еврейские кварталы в городах средневековой Европы, единственное место, где евреям разрешалось жить, нечто в роде «черты оседлости» при царском режиме.

⁷⁷⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 4 (27), 1924 г. «Объяснительная записка» написана Лениным для руководства с.-д. фракцией III Думы при выработке законопроекта о 8-часовом рабочем дне.

⁷⁸⁾ Жюль Гэд. «Проблема и решение; восемь часов в комнате».

⁷⁹⁾ М. Шиппель. «Социал-демократический справочник рейхстага». Берлин, 1902 г.

⁸⁰⁾ Парвус. «Торговый кризис и цехи». С приложением законопроекта о 8-часовом рабочем дне. Мюнхен, 1901 г.

⁸¹⁾ Дезавуировать — подрывать доверие, осуждать, отрицать.

⁸²⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 5 (28), 1924 г.

⁸³⁾ Речь идет о 2-м издании книги Ленина — Владимира Ильина: «Развитие капитализма в России». С.-Петербург, 1908 г.

⁸⁴⁾ Ad 1) — т. е. к пункту первому.

⁸⁵⁾ En masse — в массе.

⁸⁶⁾ Меншевицкий сборник «Общественное движение в России в начале XX века» выходил в Петербурге в 1909 — 1912 г.г. под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Всего вышло 4 тома.

⁸⁷⁾ Закон 3 июня 1907 г. — имеется в виду: 1) Указ о роспуске II Госуд. Думы, о назначении новых выборов с 1 сентября 1907 г. и созыве III Думы 1 ноября 1907 г.; 2) Положение о выборах в Государственную Думу, расширяющее избирательные права помещиков и крупной буржуазии, вводящее куриальную систему и лишаящее избирательных прав окраины России (Опубл. в «Новом Времени» № 11216 от 4 (17) июня 1907 г.).

⁸⁸⁾ Ленин, возможно, имеет здесь в виду обсуждение «закона 9 ноября» (см. примечание 90) в Госуд. Совете.

⁸⁹⁾ «Theorien über Mehrwert» — «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса.

⁹⁰⁾ Закон 9 ноября 1906 г., т.-е. «Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату 9 ноября 1906 г. о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Этот закон, изданный Столыпиным помимо Госуд. Думы, ставил своей целью разрушение общины и создание слоя крепкого, зажиточного крестьянства, сельско-хозяйственной буржуазии, которая служила бы опорой самодержавию.

⁹¹⁾ Nebenbei — между прочим.

⁹²⁾ Sic Rhodus, hic salta — латинская поговорка: «Здесь Родос (остров), здесь прыгай».

⁹³⁾ Аггрегат — механическое соединение разнородных частей в одно целое.

⁹⁴⁾ Polemica Витте и Гучкова была вызвана речью Гучкова в сентябре 1911 г. на заседании Ц. К. «Союза 17 октября», в которой Гучков коснулся разногласий, возникших после манифеста 17 октября 1905 г. при попытке составить кабинет из общественных деятелей. Борьба шла главным образом вокруг кандидатуры на пост министра внутренних дел (Подробнее об этой полемике см. «Новое Время» № 12755 от 15 (28) сентября, № 12765 от 25 сент. (8 окт.) и № 12767 от 27 сент. (10 окт.) 1911 г.).

⁹⁴⁾ Летом 1909 г. Милюков с группой депутатов Г. Думы ездил в Лондон, где в одной из своих речей провозгласил следующий лозунг: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству». Подробнее см. Собр. соч. т. XI, ч. 1, статья «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию».

⁹⁵⁾ Впервые опубликовано в журнале «Жизнь» № 1, 1924 г.

⁹⁷⁾ Имеется в виду известный роман В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный» (1909 г.), проникнутый настроениями упадочничества и «разочарования» в революционном движении.

⁹⁸⁾ Ф. Л—ко—Ф. Лейко — один из псевдонимов, которым подписывал В. И. Ленин свои статьи «Звезда».

⁹⁹⁾ Впервые опубликовано в журнале «Красная Новь» № 3, 1925 г.

¹⁰⁰⁾ Статья представляет собой проект речи для произнесения в IV Гос. Думе. Опубликована впервые в журн. «Пролетарская Революция» № 3 (26) 1924 г.

¹⁰¹⁾ Польское коло — фракция депутатов II Думы от Царства Польского, состоявшая из представителей польских буржуазных партий (главным образом «национал-демократической» и отчасти «прогрессивно-демократической»).

¹⁰²⁾ Речь идет о статье Н. Ленина «Заметки публициста». Дискуссионный листок. Приложение к № 2 «Социал-демократа», от 24 (7) июня 1910 г. (См. Собр. соч. т. XI, ч. 2, раздел 6. — «О группе независимцев-легалистов»).

¹⁰³⁾ Речь идет о статье Ленина «О новой фракции примиренцев или добродетельных», напечатанной в «Социал-Демократе» № 24 от 18 (31) окт. 1911 г. (См. Собр. соч. т. XI, ч. 2).

¹⁰⁴⁾ Впервые опубликовано в журнале «Красная Новь», книга 1, М. 1925 г.

¹⁰⁵⁾ Ф. Д. — лидер меньшевиков Ф. Дан. Л. С. — Л. Седов (Д. Кольцов — Гинзбург) меньшевик, сотрудник ликвидаторских газет «Луч» и «Новая Рабочая Газета».

¹⁰⁶⁾ Впервые опубликовано в «Ленинском Сборнике» № 2, 1925 г.

¹⁰⁷⁾ Впервые опубликовано в журнале «Красная Летопись» № 2 — 3, 1922 г.

¹⁰⁸⁾ Кениглих преиссишер социализм — королевско-прусский социализм.

¹⁰⁹⁾ Прецизировать — определять, уточнять.

¹¹⁰⁾ Начало неоконченной статьи, написанной в 1913 или в начале 1914 г. Рукопись пока не найдена.

¹¹¹⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 1, 1924 г.

¹¹²⁾ О. К. — Организационный Комитет, центральная организация ликвидаторов, образованная на Августовской конференции 1912 г. и заменявшая для ликвидаторов Ц. К.

¹¹³⁾ Статья представляет собой проект речи для произнесения в IV Гос. Думе. Опубликована впервые в журнале «Пролетарская Революция» № 3 (26) 1924 г.

¹¹⁴⁾ Антоний Волынский (А. П. Храповицкий) — епископ, ярый черносотенец.

¹¹⁵⁾ Воинов — псевдоним А. В. Луначарского.

¹¹⁶⁾ Марк Зоммер — псевдоним Любимова, бывшего в 1904 — 1905 г.г. членом ЦК, а в 1911 г. — один из лидеров «примиренцев». Во время войны старостным плехановцем-оборонцем.

¹¹⁷⁾ Ан — псевдоним Ноя Жордания.

¹¹⁸⁾ Рукопись тезисов пока не найдена.

¹¹⁹⁾ В XII томе эта статья воспроизведена по неполному тексту Энциклопедического словаря Граната, где она впервые увидела свет. Здесь дается полный текст статьи по рукописи Ленина.

¹²⁰⁾ Библиография марксизма печатается по рукописи Владимира Ильича, дополненной согласно исправлений, сделанных рукой Владимира Ильича на его личном экземпляре Энциклопедического Словаря Граната.

¹²¹⁾ Статьи, объединенные общим заглавием «Революция и контр-революция в Германии», принадлежат, как это недавно установлено, перу Энгельса.

¹²²⁾ Впервые опубликовано в «Правде» № 169, от 27 июля 1924 г.

¹²³⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28), 1924 г.

¹²⁴⁾ Статья написана для задуманного в 1915 году группой большевиков легального марксистского сборника. По цензурным соображениям полученную из-за границы от Владимира Ильича статью пришлось «перекроить», устранить наиболее резкие места, приспособить к требованиям цензуры: вместо «социал-демократии» всюду поставлено «демократия» и т. д. Цензура задержала сборник (в нем были статьи: В. П. Милютина, В. П. Ногина, М. С. Ольминского, А. Ломова, И. И. Скворцова-Степанова, Ленина-Константинова и др.) и возбудила судебное преследование против ответственного за издание лица — Б. И. Соловьева. Вскоре, однако, разразилась февральская революция, и спустя несколько дней после революции сборник удалось выпустить — в том виде, какой он имел после цензурных операций над ним.

¹²⁵⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28), 1924 г.

¹²⁶⁾ *Berner Tagwacht* — газета циммервальдистов, издававшаяся в Берне под редакцией Р. Гримма и стоявшая на позиции центра.

¹²⁷⁾ «Friedenssehnsucht» — «Жажда мира», название статьи, напечатанной в № 73 газеты «*Berner Tagwacht*» от 29 марта 1915 г.

¹²⁸⁾ А. П. — Антон Паннекук — голландский с.-д. левый в эпоху империалистической войны. Речь идет о его статье «*Sozialistische Friedensbedingungen*» («Социалистические условия мира»).

¹²⁹⁾ *Status quo* — латинское выражение, которое можно перевести так: положение, которое было до наступления известного события.

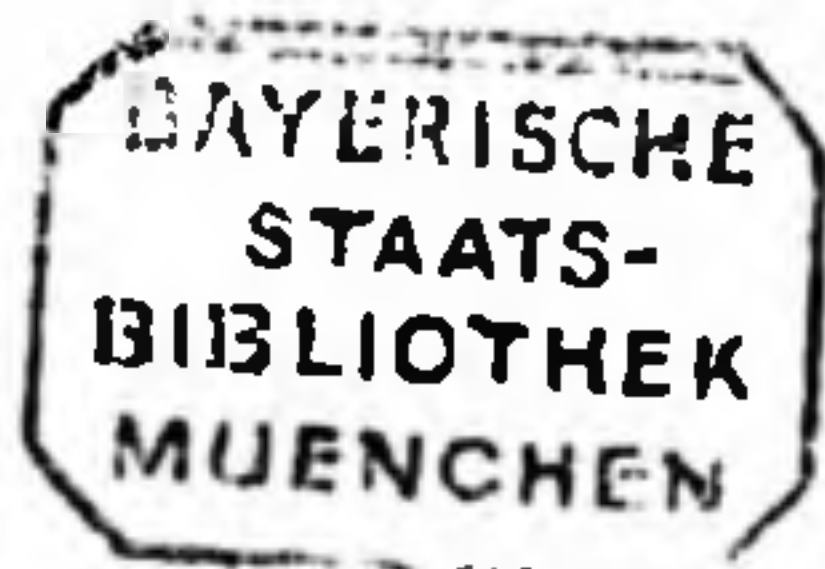
¹³⁰⁾ Впервые опубликовано в специальном номере журнала «Спутник коммуниста», посвященном годовщине смерти В. И. Ленина и вышедшем под заглавием «На Ленинском пути». Январь 1925 г.

¹³¹⁾ Впервые опубликовано в «Правде» № 169, 27 июля 1924 г.

¹³²⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28), 1924 г.

¹³³⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 3 (26), 1924 г.

¹³⁴⁾ Впервые опубликовано в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28) 1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Предисловие.	III—IV
1895 год.	
Фридрих Энгельс.	3
Гимназические хозяйства и исправительные гимназии.	11
1898 год.	
Рецензия на книгу А. Богданова (А. Богданов. Краткий курс экономической науки. Москва, 1898. Изд. книжн. скл. А. Муриновой) . .	21
1899 год.	
Статьи для № 3 «Рабочей Газеты».	31—46
1) Письмо к редакторской группе.	31
2) Наша программа	33
3) Наша ближайшая задача	37
4) Насущный вопрос	42
Понятное направление в русской соц.-демократии.	47
О промышленных судах	73
О стачках.	84
1900 год.	
Предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове» (Изд. «Искра». Январь 1901 г.)	95
1901 год.	
Новое побоище	104
Начало демонстраций	108
1902 год.	
Признаки банкротства	113
Письмо Московскому Комитету.	119
Почему социал-демократия должна объявить решительную войну социалистам-революционерам?	121

1903 год.	СТР.
Московские зубатовцы в Петербурге	127
Несколько мыслей по поводу полученного из России письма	132
К вопросу о докладах комитетов и групп Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии общепартийному съезду	138—146
1904 год.	
Об обстоятельствах ухода из ред. «Искры»	147
Письмо Глебову (Б. Н. Носкову)	155
Услужливый либерал	162
1905 год.	
Петербургская стачка	167
«Царь-батюшка» и баррикады	170
От редакции к «Извещению о созыве третьего партийного съезда» . . .	173
Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты	176
Первый шаг	178
От редакции к статье «Об уличной борьбе» (Советы генерала Коммуны).	183
Французско-русские обычаи «подмазывать»	185
Конституционный базар	187
Политические софизмы	191
Советы консервативной буржуазии	199
Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с бур- жуазией	202
Письмо в Международное Социалистическое Бюро от 24 июля	204
Теория самопроизвольного зарождения	208
От обороны к нападению	213
Земский съезд	216
Иенский съезд германской социал-демократической рабочей партии . . .	221
Сердитый ответ	225
Буржуазия сытая и буржуазия алчущая	226
Помещики о бойкоте Думы	232
Новая меньшевистская конференция	235
Представительство Р. С.-Д. Р. П. в Международном Социалистическом Бюро	237
Обострение положения в России	240
Истерика потерпевших поражение	243
Николай Эрнестович Бауман	244
1906 год.	
Накануне	249
1907 год.	
Выборы по рабочей курии в Петербурге	253
Тезисы доклада, прочитанного Лениным на Петербургской общегородской конференции 8-го июля по вопросу об отношении социал-демокра- тической рабочей партии в третьей Думе	260
Международный социалистический конгресс в Штутгарте	262

1908 год.	СТР.
Аграрная программа социал-демократии в русской революции.	273
Несколько соображений по поводу «Ответа» П. Маслова	294
Объяснительная записка к проекту главных оснований закона о 8-часо- вом рабочем дне.	304
1909 год.	
Письмо к И. И. Скворцову-Степанову.	313
1910 год.	
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.	321
1911 год.	
Марксизм и «Наша Заря»	327
Итог.	332
1912 год.	
По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из С.-Д. думской фракции. .	339
Демократия и народничество в Китае.	344
Газета трудовиков.	350
Депутат Петербургских рабочих	352
Балканские народы и европейская дипломатия	354
Позорная резолюция	355
Две утопии	357
1913 год.	
Итоги выборов	363—384
1. «Делание» выборов.	363
2. Новая Дума	365
3. Изменения внутри третьейиюньской системы	367
4. Из-за чего шла борьба на выборах.	370
5. Проверка жизнью избирательных лозунгов.	373
6. Конец иллюзиям насчет партии к.-д.	377
7. Об одной опасности для дворянского землевладения	379
8. Прикрытие поражения	380
Откровенно	385
Кабинет Бриана	387
В мире Азефов.	388
Русские и негры	389
Наши успехи.	391
Свободная наличность	393
«Кому выгодно»?	395
К вопросу о национальной политике.	397
Об одной неправде.	404
Рабочий класс и неомальтузианство	405
О призывах либералов к поддержке IV Думы	408
Поучительные речи.	411

	стр.
Тезисы по национальному вопросу	414
Замечательное дело	422
Землеустройство и деревенская беднота	424
Гоже — трудовик	427
Сценки с натуры	431
Письмо С. Г. Шаумяну	433
Переписка Маркса с Энгельсом (Энгельс, как один из основателей коммунизма)	436—441

1914 год.

Доклад Исполнительной Комиссии Международного Социалистического Бюро	445
Из прошлого рабочей печати в России	450
К вопросу о смете министерства земледелия	457
Об авантюризме	461
Тезисы по поводу настоящей войны	465
Карл Маркс	468—505
Учение Маркса	471
Философский материализм	472
Диалектика	474
Материалистическое понимание истории	475
Классовая борьба	478
Экономическое учение Маркса	479
Стоимость	480
Прибавочная стоимость	481
Социализм	490
Тактика классовой борьбы пролетариата	493
Библиография марксизма. Литература	496
Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории	506

1915 год.

О германском и негерманском шовинизме	513
Под чужим флагом	516
Вопрос о мире	534
Как соединяют прислужничество реакции с игрой в демократию	539
Главный труд немецкого оппортунизма о войне	542
К оценке лозунга «мир»	546
Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов	548
Оппортунизм и крах II Интернационала	554
Примечания	563

5 28 24 ✓

